Чарльз Стросс

Железный рассвет

SCIENCE FICTION

Железный рассвет

Чарльз Стросс

Аннотация
Чарльз Стросс. Железный рассвет
ПРОЛОГ. ДЕВОЧКА ПО ПРОЗВИЩУ СРЕДА
ЖЕЛЕЗНЫЙ РАССВЕТ
ИЗ ОГНЯ
ОБЕЗВРЕЖИВАНИЕ
ВОЛШЕБНАЯ ПРОГУЛКА
НОВЫЙ ДЕНЬ, НОВАЯ ПЕРЕДОВИЦА
СЕЗОН ПУЛЬ
ИНТЕРЛЮДИЯ 1
ЛЮБИТЕЛЬНИЦА РАЗВЛЕЧЕНИЙ
ОБРЕЧЕННЫЕ НЕ УМИРАЮТ
УБИЙСТВО ПО ПОРЯДКУ
ШПИОНСКИЕ ИГРЫ
ИНТЕРЛЮДИЯ 2
НА ПЕРВУЮ СТРАНИЦУ
«СИБАРИТ»-КЛАСС
ПОДГОТОВКА К ВСТРЕЧЕ С «ПРИЗРАКАМИ» И «ПСАМИ»
ГАСТРОЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
УСТАНОВКА БОМБЫ
БЛАГОДАРНЫЙ МЕРТВЕЦ

ИНТЕРЛЮДИЯ 3
СПЛОШНАЯ КЛОУНАДА
СЛИШКОМ МНОГО ДЕТЕЙ
ДУБЛЕРЫ
ПОСЛАННИКИ
ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ
ЭПИЛОГ. ДОМАШНИЙ ФРОНТ

Аннотация

Сверхчеловеческий разум, собственной волей разбросавший человечество по множеству миров, предоставил взамен землянам удивительные технологии.

Но очень часто люди используют новую технику не в мирных целях…

Маленькая. планета Новая Москва погибла в результате направленного удара, в нанесении которого уцелевшие обитатели обвиняют своих давних врагов с соседнего Нового Дрездена. Теперь Новому Дрездену предстоит стать жертвой ответной военной акции. Беспилотные космические бомбардировщики Новой Москвы уже взяли курс на цель. Однако у ООН есть серьезные сомнения в том, что за взрывом стояли именно новодрезденцы.

Специальному агенту Рашель Мансур предстоит совершить практически невозможное: в кратчайшие сроки не только найти ключи и коды доступа, чтобы отозвать бомбардировщики, но и узнать, кто в действительности стоит за гибелью планеты.

Но представители «правительства Новой Москвы в изгнании», владеющие ключами и кодами, один за другим гибнут при загадочных обстоятельствах. Неведомые убийцы снова и снова опережают Рашель на шаг. А времени остается все меньше…

Чарльз Стросс
Железный рассвет

ПРОЛОГ
ДЕВОЧКА ПО ПРОЗВИЩУ СРЕДА

Сокрушительный удар: Момент «Т» + 1392 дня, 18 часов, 09минут

Среда неслась по темным тоннелям станции. Сердце рвалось из груди: за девочкой гнался пока еще невидимый, но уже явно ощутимый безжалостный зверь. Псу-убийце здесь вообще быть не полагалось, впрочем как и самой девочке. «Старый Ньюфаундленд IV» проходил завершающую стадию эвакуации. Для совершения спасительного прыжка последний корабль должен был отстыковаться от зеленой секции четырнадцать минут назад по общепринятому космовремени — так определяла индикационная иконка в левом глазу, дающая обратный отсчет. Но расписание запусков не учитывало неведомо куда сбегающих подростков, спятивших дрезденских капитанов с тайными приказами и гестаповских псов с убийственным жаром в глазах и пулеметно-прицельным взглядом. Девочка задыхалась, легкие жгло от нехватки воздуха. Нервы были натянуты до предела. Ей всего шестнадцать, и если она не

найдет способа отвязаться от псины и быстро добраться до стыковочной секции хаба…

Меньше всего ей хотелось оставаться здесь при подходе фронта ударной волны.

Все 200 миллионов жителей «мак'»-мира — то есть заурядного, но благополучного, — под названием Москва погибли 3,6 года назад от взрыва, произошедшего в 3,6 светового года отсюда. Москва, мир сельского типа с замкнутым государственным устройством, находилась на пике грязных политических разборок с Новым Дрезденом из-за какой-то мелочной суеты по биоразличию, свободе торговли, допустимым агротехнологиям и взаимным налоговым претензиям. «Старый Ньюфаундленд IV», портальная станция 11, оставался последней территорией Московской Федерации. Четыре часа назад под заключительные звуки фанфар духового оркестра **в** главном зале станции спустили флаг, и люди неторопливо направились к стыковочной зоне. Все закончилось, нация оказалась расформированной. А все из-за того, что растущее недопонимание привело к аресту дрезденскими военными кораблями московского грузового судна. Прогремели выстрелы. После чего кто-то — в настоящий момент преемник дрезденского

руководителя настоятельно отрицал причастность своего предшественника к этой расправе — нанес удар по Москве-Главной запрещенными средствами.

Среда едва помнила Москву. Ее отец работал инженером на комплексе по переработке азота, мать — специалистом-экологом по простейшим организмам. На станции родители жили с тех пор, как девочке исполнилось четыре. Они входили в группу, отвечающую за жизнеобеспечение сердца огромного орбитального комплекса. Теперь это сердце остановилось. Притворяться, будто это не так, больше не имело смысла. Менее чем через день обрушится сокрушительный удар, добравшийся от погребального костра Москвы-Главной, неся разрушительное опустошение всему, не защищенному по меньшей мере тридцатью метрами металла и камня. «Старый Ньюф», дрейфующий по орбите вокруг беспланетного красного карлика, был слишком крупным и непрочным объектом, чтобы выдержать волну от взрыва сверхновой, произошедшего на расстоянии чуть больше парсека.

Среда добежала до перекрестка. С трудом переводя дыхание и чуть не плача от отчаяния, остановилась, пытаясь сориентироваться. *Влево,*

вправо, вверх, вниз? Спускаться к жилым уровням огромного комплекса не имело смысла. Все подъемники и аварийные тоннели вели наверх, к центру-хабу, а все пути вниз — в опасную зону. Главпочтамт, служба контроля движения, таможня и карантин располагались неподалеку от эксплуатационного ядра. Отсюда до края герметичного обода станции около шестидесяти метров, а до спицы колеса, по которой можно добраться до хаба, — добрая сотня. Если же попытаться воспользоваться подъемником, псина наверняка нагонит. В этой части станции — мощная центробежная сила, заменяющая гравитацию. Головокружение, ноги словно налиты свинцом. Карабкаться вверх поначалу мучительно трудно, сила Кориолиса тянет в сторону от аварийной лестницы.

Световые панели на потолке находились в режиме «лунный седьмой градации». Вьюнки в небольшом садике центрального перекрестка поникли: сказалось воздействие восемнадцати часов темноты. Здесь все умирало или уже умерло, как тот человек, чье тело девочка обнаружила в общественном туалете двумя палубами и тремя отсеками выше. Поняв, что зверюга все еще преследует ее по пятам, Среда двинулась в сторону

дома, где прежде жила с родителями и младшим братом: вдруг нюх подведет псину — и девочка сможет пробраться на другой эвакуационный корабль. Сейчас же она оказалась в ловушке с этой поганой тварью, и оставалась лишь одна надежда: добраться до офиса службы контроля движения и забаррикадировать дверь.

Ее «тренинг» подсказывал: только вперед! В данном секторе располагались административные службы: полиция, таможня, конторы торговых советников и несколько пунктов питания, работающих во время пересменок. Темные дверные проемы — офисы распахнуты. Все без присмотра: на столах и стульях скопилась пыль. С большой осторожностью Среда пробралась в полицейский участок. Позади служебной стойки болтался полускрученый плакат стандартного объявления: «СТАНЦИЯ ЗАКРЫТА». Задыхаясь, девочка с трудом перевалилась через достающий до груди барьер.

Запах старой кожи портфеля фирмы «Херманн» указал ей на выпавшие из него и рассыпавшееся около ее бедра листки. Она обругала и портфель, и его содержимое — документы на дорогой, с кремовым оттенком, тисненой бумаге, исписанной настоящими чернилами, нерасплывающимися и

стойкими к механическим воздействиям. «Реальные документы», используемые в случае, когда действительно *необходимо* гарантировать, что какой-нибудь электронный «червяк» не повлияет на сделку. На дне портфеля лежала кассета с молекулярным накопителем, содержащим записи со станционного таможенного поста, необходимые кому-то настолько, что это стоило жизни человеку в общественном туалете.

Среда повернула выключатель, увеличив освещение до «сумеречного третьей градации», и обследовала ту часть полицейского участка, где когда-то содержались задержанные.

Ей уже довелось бывать здесь, когда констебль Барка дал ей год на прохождение курса основ гражданского законодательства. Ясно выраженный совет, как не влипнуть в крупные неприятности. Теперь здесь все изменилось. Служебные помещения, камеры заключения и комнаты ожидания зияли пустыми глазницами дверных проемов. Администрация полагала, что знает о подростках все. Какая ошибка! Заметив в дежурке запертый шкаф, девочка не постеснялась тогда спросить Пита: «Липкая пена, слезоточивый газ, противогазы и наручники — на случай беспорядков? В случае мятежа разбить стекло». «Старый

Ньюф» отличался миролюбием: одно убийство да несколько драк за прошедшие тридцать лет. Казалось, что спецназ нужен лишь для уничтожения осиных гнезд в вентиляционных каналах. Среда задержалась у шкафа и выбрала себе то, что показалось ей наиболее пригодным.

Со стороны входа послышался скрежет когтей. Зверь замер.

Сокрушительный удар: «Т» + 1392 дня, 17 часов, 30 минут

— Что значит «пропала»? — раздраженно произнес констебль Ито. — Не можете присмотреть за собственными детьми…

Высокий сутулящийся мужчина провел пальцами по хрупким, ломким волосам.

— Если у вас есть дети… Впрочем, о чем я… Послушайте, здесь ее нет. Знаете, у нее есть корабельная метка, собственноручно приколол к ее куртке. Боюсь, она могла вернуться домой или вытворить что-нибудь еще.

— Домой? — Ито приподнял козырек и посмотрел на взволнованного отца. — Не могла же она так сглупить, верно?

— Дети! — Прозвучало это как ругательство, хоть и не было таковым. — Не думаю, что она

это сделала, но на корабле ее нет или же она отключила свои имплантаты: констебль Кляйн час назад прощупывал везде ее сигнал. И вообще, сегодня утром она казалось чем-то расстроенной.

— Черт. Имплантаты, да? Я отправлю предупреждение. Кругом творится черт знает что. Представляете, что значит переселить пятнадцать тысяч человек? Она могла оказаться где угодно, может, сама не знает где, в служебных помещениях экипажа или где-то еще. Например, решила прогуляться по «Мечте Сикорского», пока тот не отстыковался. Уверяю вас, найдется. Пожалуйста, сообщите полную идентификацию.

— Виктория Строуджер. Шестнадцать лет. Идентификационный номер три на это имя.

— Ну хорошо. — Ито произвел серию загадочных манипуляций с коммуникационными кольцами, направляя запросы в полицейскую сеть. — Если она на борту, эта груда хлама разыщет ее. Если нет, в течение десяти минут расширит статус поиска до повсеместного. Сейчас же, извините, пока не…

— Конечно. — Морис Строуджер боком отошел от стола констебля. — Если она не спустила свой значок в туалет, — пробормотал он себе под нос.

Следующей в очереди была пожилая дама,

которая разразилась перед констеблем целой речью относительно размеров ее жилого модуля. Она просто отказывается верить, что ее жилье — одноместная ячейка в пятитысячном людском улье в сотах грузового сектора новодрезденского транспортного корабля «Долгий поход» — это все, что будет в ее распоряжении до прибытия в ближайшую систему — Септагон. За перемещение любезно платило новодрезденское (новое) правительство, благодаря положительному торговому балансу с Московской Республикой, однако грузовые отсеки — вовсе не президентские апартаменты роскошного лайнера.

Надеюсь, Вики скоро надоест прятаться. Может, это ей даже пойдет на пользу, если полицейские найдут ее раньше отлета и арестуют. Ей наука — не ищи приключений в разгар чрезвычайной ситуации…

Сокрушительный удар: «Т» + 1390 дней

Представьте себе *такую вот* девушку. Бледная, с коротко остриженными черными волосами и водянисто-голубыми глазами: то ли беспризорник, то ли демон. Отчасти индивидуалистка. Противоестественно умна для своего возраста: родители *планировали* ее, используя минимум

непредсказуемых генотипов во избежание серьезных ошибок. Они могли позволить себе дорогостоящие преобразующие имплантаты, импортируемые с Септагона. Не пожалели для нее самого лучшего. В свои семнадцать она была замкнута, что соответствовало этому возрасту. Одевалась только в черное, проводила свободное время, шаря по служебным каналам станции, тренировалась с восемнадцатимиллионносинапсовым нервным «кустом» у себя в спальне (не хотелось даже думать, о чем она мечтает, поступая подобным образом). Она выращивала ядовитые пасленовые, валериану, аконит, болиголов — но что делала с полностью созревшими экземплярами? *(Никто не знал. Никто.)* Ей нравилось, закрывшись у себя в комнате, слушать депрессивную музыку. Обеспокоенные родители пытались направить ее **в** русло обычных здоровых занятий: скалолазание, солнечные парусники, каратэ — ничто ее не заинтересовало. Ее настоящее имя — Виктория, но все подростки звали ее Среда. Она ненавидела свое прозвище, но настоящее имя ненавидела еще больше.

Среда была малоприспособлена к окружающему миру. Она, как и прочие подобные ей, существовавшие с незапамятных времен, с дет-

ства общалась с невидимым другом. Они играли вместе, по-шпионски исследуя территорию станции. Катались на подъемниках. Лазали по коммуникациям в кислородных масках: ведь никогда не угадаешь, что находится с другой стороны запечатанного люка. Но у большинства детей нет друга-невидимки, с которым разговариваешь посредством дорогостоящих имплантатов, порядочно опустошивших родительский кошелек. Сверстников не интересовали такие вещи, как стеганография, анализ потоков данных, обнаружение каналов утечки и т. п. Большинство похожих на Среду детей растут, имея невидимого друга, но не такого, как у нее. Как правило, этот друг воображаемый. А у Среды — реальный.

Как-то она рассказала брату Джереми о своем друге по имени Герман. Но Джерм проболтался маме; результатом стали напряженные обследования, поездки по инженерной сети и посещение консультаций. Поняв, что ее ожидает, Среда, конечно, от всего открестилась, но не сразу; Герман подсказал ей, как лучше поступить, чтобы всех успокоить.

«С шизофренией тебе не грозит остаться в одиночестве», — съязвил он, успокоив девочку, поскольку та знала: дело не в шизофрении,

при которой имеет место раздвоение личности, ведь ей всего лишь слышатся голоса. Когда она впервые их услышала, то выгребла из кухонной аптечки хлоропромазин и флюпенксикол и ходила, пошатываясь, несколько дней, пока Герман не поведал ей о губительных последствиях: болезнь Паркинсона — известный побочный эффект простых нейролептиков. Среда понятия об этом не имела.

Уже несколько месяцев все знали, что грядет эвакуация. Спустя всего пару недель после Инцидента Ноль стал известен даже точный день и час. Корабли начали прибывать за неделю до «часа ноль». Обычно «Старый Ньюф» принимал один лайнер в месяц. После прохождения таможенного досмотра пассажиры пересаживались, а груз распределялся между местными перевозчиками, совершавшими прыжки не далее одного парсека Но сейчас все стыковочные секции хаба были разомкнуты, причальные узлы прижаты — будто огромная серая миксина засасывает внутренности станции.

Каюты для пассажиров на эвакуационных судах представляли собой реконструированные отсеки для грузов. Все отбывающие, тридцать тысяч душ, собрались вместе на одной из станций, дви-

гающихся по эклиптике вокруг мрачно-красного газового гиганта, массой в восемь раз превышающего Юпитер. Топлива хватало — в результате торговых сделок «Старого Ньюфаундленда IV» имелось шестьсот мегатонн чистого замороженного метана в хранилище на оси большого колеса. Орбитальный комплекс располагался недалеко от одного из регулярных путей между системой Септагон и центром группы миров, так, чтобы и вести дела с проходящими торговцами, и чтобы перевозки к достаточно близко расположенной Москве можно было считать «местными». Станция вполне могла остаться рентабельной, несмотря на бедствие. Но люди оставаться здесь не могли — приближался Железный Рассвет.

Лайнер «Мечта Сикорского», причаливший к хабу, взял на борт VIP-персон, губернатора и его имущество. За ним в пустоте висели два грузоперевозчика с Нового Дрездена, присланных как еще один символический жест примирения. Своим видом они напоминали повитуху с беременными жабами. Корабли были покрыты объемистыми пузырями (отсеками для беженцев), укрепленными на грузовых штангах. Временное трехнедельное пристанище для десяти тысяч пассажиров, совершающих вынужденное путе-

шествие на расстояние в сорок световых лет, в систему Септагон.

Даже Септагон находился в неуютной близости от фронта ударной волны, но это было наилучшее место для переселения. Денег хватало и на обеспечение жильем, и на переквалификацию для всех без исключения, и правительство Септагона было готово оказать содействие иммиграции.

Это был шанс оставить в прошлом жизнь в условиях нависшей угрозы, обратить взгляд в будущее и отвернуться от унылой безнадежности и мрачной скорби, возникшей с тех пор, как три с половиной года назад пришли известия об Инциденте Ноль. Тогда прокатилась волна самоубийств, почти дошло до бунта; станцию захватили призраки, по тысяче на каждого живущего. Неподходящее место, чтобы растить ребенка.

Мама с папой и Джереми перебрались на «Долгий поход» два дня назад, раздражая Среду опьянением оптимизма от оказываемой поддержки. Лица погибших в семейном альбоме — словно дыры на фасаде дома. Кузина Джейн, дядя Марк, дедушка с бабушкой уже никогда не появятся. По крайней мере во плоти. От них остался лишь прах в пламени божественного

ветра, который промчится по станции через четыре дня. Суетящиеся распорядители торопливо показали Среде и ее семье их палубу, проход, сегмент и ячейку: четыре спальных места и две перегородки, разделяющие жилой отсек на три комнатушки с надувной мебелью. Это будет их дом на время перелета. Им надлежало питаться в столовой на палубе Роз, принимать душ в общественном гигиеническом отделении на палубе Тюльпанов и считать себя счастливчиками — остались в живых, — в отличие от Майсы с мужем и еще нескольких их знакомых, отправившихся в отпуск в первый раз за пять лет прямо перед Инцидентом Ноль.

Проходили часы, и Среда чувствовала себя все более глупо. Ее растения погибли, синапсовый «куст» хранится в багаже, а семье было приказано оставаться на своих местах третьего класса до самого отправления под пустой треп развлекательных каналов. Некие умники с Нового Дрездена — более организованного общества, чем московское, — решили, что кошмар интерактивного общения и книги не годятся для несовершеннолетних юнцов, и задействовали в базе данных функцию родительского контроля. Друзей Среды — точнее тех, кого она считала

друзьями, — в основном распределили по другим кораблям. И даже Герман сказал ей, что общаться после прыжка не получится. Веселее было бы проспать весь полет в спеццистернах, но оборудование не позволяло задействовать анабиоз более чем на двести человек одновременно; так что Среде предстояло умирать от скуки всю следующую неделю.

Единственным утешением была возможность исследовать целый новый мир — звездолет. Среде не приходилось бывать на кораблях с восьми лет, и она испытывала жгучее желание изучить судно на практике. Кроме того, Герман заявил, что знает и даже сможет показать ей план этого специализированного корабля. Древняя модель серии «Бэкхо», тяжелый транспортник, изготовленный в доках Бургундии, с замысловатой системой жизнеобеспечения «Торн унд Таксис Пти» с Нового Дрездена. Чуть ли не взятый с помойки корабль, термоядерные ракеты, колеса противовращения — ничего более сложного, вроде блока импульсного перехода или генераторов гравитации. Прыжковый модуль — опломбированный блок — приобрели у тех, кто умел производить такое оборудование. Ни Дрезден, ни Москва не обладали достаточным уровнем техно-

логической инфраструктуры для субэлементной сборки. Герман многое знал, а Среда скучала. Видимо, пришло время приступить к изучению, и, когда она поделилась с ним своими планами, Герман дал ей интересные советы по маршруту исследования.

Среда ненавидела находиться в запертых комнатах. Как говорил ее учитель второго года школы: «Прямо как кошка — считает закрытую дверь личным оскорблением». Она взяла с собой пробойник и планшет как нечто само собой разумеющееся, не из преступных намерений или желания совершить кражу со взломом, а просто потому что не привыкла действовать, не зная, что там за дверью. (Корабль имел двустенный корпус, и лишь шлюзы, выводящие в вакуум, были полностью воздухонепроницаемыми. Если Среда кое-что соображает, то, не вскрывая люки со световыми индикаторами состояния давления, с плотными прокладками и механическими блокираторами, она ничем не рискует. Или она все же ошибается…)

На корабле не было зафиксированных ограничений для перемещений пассажиров, однако Среда чувствовала, что ее появление в некоторых местах может сильно удивить, если ее заметят.

Поэтому девочка прокралась в центральную службу оси и командное отделение по-умному: на крыше подъемника, закрепившись при помощи ручных присосок, когда тот вплывал в тоннель, тормозя и теряя угловую скорость. Она дважды проехалась на нем вверх-вниз, шаря фонариком в поисках вентиляционных каналов. Затем проскользнула в темную шахту и по ней спустилась к другому тоннелю, откуда на крыше пассажирского лифта попала в один из основных воздуховодных путей. Наличие эксплуатационных устройств в системе воздухоподачи успокаивало, ибо позволяло оставаться живой и подвижной. После часа увлеченного осмотра коммуникаций девочка устала и немного заблудилась, но наконец добралась до фильтрационного дефлектора, о котором сообщал Герман.

Закрепленный в полу сужающегося воздуховода, он тихо гудел; в полутьме едва виднелись пластинчатые насосы. По краям струился тусклый свет ультрафиолетовых ламп. Зачарованная, Среда склонилась, чтобы лучше изучить агрегат. *Стерилизаторы на борту звездолета? Они же только в системе жизнеобеспечения, а для чего — здесь?* Беглый осмотр установочного крепежа выявил еще одну аномалию — тонкий

проводок, уходящий вниз через отверстие в полу. Очевидно, кабель сигнала тревоги. Не малонадежный инфракрасный сенсор, не датчик типа глазного нерва, срабатывающий от малейшей тени, а старая добрая охранная сигнализация! Среда занялась дефлектором и с помощью основного комплекта многофункциональных инструментов, приобретенного пару месяцев назад, отделила крепеж и уложила агрегат набок. Спустить «глаз» — дело пары секунд. Камера на тонкой нити, замаскированная под паучка, вращаясь, поплыла вниз, обеспечивая обзор тесного помещения: закрытую внутреннюю дверь, стеллажи с ящиками, укрепленные у одной из стен. Офис начальника хозчасти или личный склад капитана? Неясно, но очевидно: здесь хранился особо ценный груз, нечто небольшое, требующее при перевозке особой охраны, но доступное для проверки во время остановок. Документы. Акционерные сертификаты. Бумаги, приказы, образцы ДНК, шифровальные коды, особо ценное частное программное обеспечение. *«А почему бы не посмотреть?* — провоцировал знакомый голос. Герман мелькнул перед глазами. — *Наблюдение: согласно исходному проекту корабля, это помещение является частью персонального*

жилья капитана».

«Думаешь, найду здесь какие-то сокровища?» — поинтересовалась Среда, уже подыскивая место для крепления троса Соблазн запретного плода пересиливал разумную осторожность.

Запертые двери. Девушка подросток проходит одну из тех стадий. Адаптация к стандартному течению жизни. Все часы остановлены: звезда умирает. Голубые игрушечные паучки из пластмассы. Рукописные конфиденциальные приказы на никому не нужной бумаге. Друзья-невидимки. Значок, упавший в шахту лифта. Не дышать: вселенная сама задерживает дыхание. И…

ЖЕЛЕЗНЫЙ РАССВЕТ

Сокрушительный удар: «Т» — ноль

Расширяющийся световой конус — подарок погибшей звезды, подвергшейся жесточайшему воздействию.

Нечто — некая экзотическая сила неестественного происхождения — узлом скрутило пространство, обволакивая сердце звездной топки. Огромная петля из суперструн стягивалась и тащила ядро звезды, пока то вплывало в «карман» вселенной, где времяподобное измерение было заперто и свернуто по планковской шкале, тогда как область пространства, замкнутого само на себя, как предполагается стандартной физической моделью, пришла на замену. В «кармане» вселенной миновал чудовищный промежуток времени, а снаружи протекало лишь несколько секунд.

С точки зрения оказавшегося отделенным ядра вся остальная вселенная устремилась в далекое будущее, преодолев условный радиус «схлопывания», из-за чего ее существование стало неограниченно долгим. Пылающий шар звезды сиял в собственном космосе, медленно угасая.

Прошло неподдающееся подсчету количество времени, свернувшегося в одно мгновение с точки зрения нашей вселенной. Звездное ядро сжималось и гасло. Черный карлик завис в полном одиночестве, остывая до абсолютного нуля. Процесс ядерного синтеза не прекратился, но шел чрезвычайно медленно за счет тоннельного эффекта в условиях внешнего холода. За период в миллиард раз больший, чем прошло с момента Большого взрыва, атомные ядра слились, пробившись сквозь высокую квантовую стену своих электронных орбит. Тяжелые элементы распались, в конечном итоге превратясь в железо. Звезда к концу процесса, протекавшего миллиард триллионов лет, стала сжатым до нескольких тысяч километров шаром из сверхплотного железа, который медленно вращался в вакууме, с температурой всего на триллионную часть превышающей абсолютный нуль.

Затем внешняя сила, образовавшая замкнутый «карман» вселенной, изменила направление действия, вывернула «карман» и вытолкнула сферический кристалл высочайшей плотности в образовавшуюся ранее дыру в центре звезды менее чем через тридцать секунд после начала этого процесса. Врата ада разверзлись.

Ядерный синтез железа идет с поглощением энергии. Когда из звезды выдернули внутренности, а потом вернули их назад в виде крошечной дробинки из холодной вырожденной материи, слои звезды вокруг ядра под воздействием сил, направленных внутрь, втянулись сквозь разрыв примерно в четверть миллиона километров холодного вакуума. Внешняя оболочка устремилась в замкнутое пространство, сжимаясь и ускоряясь под действием чудовищной гравитации. Минуты спустя из фотосферы звезды вырвались огромные вихри горячего газа, сжались и взорвались. Вскоре молотобойный удар достиг ядра…

Обитателям планеты — мишени уничтожения — поступили скупые предупреждения. Спустя несколько минут со спутников наблюдения за звездой пришла информация о росте солнечной активности, нарушениях, приводящих к атмосферным помехам, полярному сиянию, неразберихе на орбите и в копях пояса астероидов. Не многие спутники имели очень дорогие мгновеннодействующие коммуникаторы, помехоустойчивые, но хрупкие. Их ресурсов не хватило, чтобы оповестить всех об опасности: приборы просто отключались по мере продвижения волны, идущей от звезды со скоростью

света.

В одном исследовательском институте изумленная специалист-метеоролог в сердцах пыталась провести диагностику своей рабочей станции. Женщина оказалась единственным на планете человеком, кто имел время осознать, что происходит нечто странное. Но отслеживаемые ею орбитальные спутники находились лишь на три световых минуты ближе к звезде, чем планета, где она жила; и две из них метеоролог потратила на пустую болтовню с коллегами по поводу обеденного перерыва, цены дома, который она теперь уже не купит, оказавшись на берегу залива утраченных грез.

Удар молота представлял собой сферическую волну водородной плазмы, раскаленной до температуры в миллион градусов и проявляющей множественные свойства металла, имеющей массу, сравнимую с массой газового гиганта, и в то время как сердце убитой звезды сдавливалось в железный кристалл, она продвигалась со скоростью около 2 % от световой. Когда она ударит, десятая часть гравитационной потенциальной энергии звезды мгновенно преобразуется в радиационное излучение. Все начнется снова: пойдут разнообразные экзотические процес-

сы, и даже в железном ядре звезды возникнут ядерные реакции, создающие более тяжелые, но менее стабильные элементы. Менее чем за десять секунд звезда израсходует такой запас своего топлива, которого хватило бы на свечение в течение миллиарда лет. У карлика типа G недостаточно массы, чтобы ядро сколлапсировало в нейтронную звезду, но тем не менее значительный ударный фронт — одна сотая от мощи сверхновой — изойдет от ядра.

Мощнейший поток нейтрино вырвался наружу, унося неимоверное количество энергии из ядерного пекла Нейтральные частицы обычно не взаимодействуют с материей; поток нейтрино проникает без ослабления через слой свинца толщиной в световой год. Этот поток был настолько плотным, что на внешних слоях звезды обеспечивал изрядный приток энергии пузырящейся туманной плазме, заменившей фотосферу. Последующая волна жесткого гамма-излучения и нейтронов в миллиард раз ярче обычного света звезды обрушилась на эти слои снизу и разнесла их. Погибающая звезда сверкнула бриллиантовым рентгеновским импульсом, словно одновременно взорвались триллион водородных бомб.

Спустя восемь минут, примерно через минуту после того, как обнаружилась проблема, метеоролог помрачнела. Казалось, обжигающий зуд пробежал по коже, перед глазами мелькали фиолетовые метеоры. Пульт управления мигнул и потух. При вдохе чувствовался резкий запах озона, женщина осмотрелась, тряхнула головой, чтобы разогнать внезапное помутнение, и заметила, как коллега пристально смотрит на нее. «Знаешь, у меня такое ощущение, будто кто-то гуляет по моей могиле…» Лампы замерцали и погасли, но она пока не тревожилась, чистый воздух шел сильным потоком; благодаря свету, идущему из верхнего окошка, окружающие предметы отбрасывали бритвенно-острые тени. Потом кусочек пола под окном стал задымляться, и к метеорологу пришло смутное понимание, что она уже не купит дом, не сможет обсудить это со своим партнером и даже не сможет снова увидеть его, как и своих родителей, сестру или что-либо еще, кроме этого ослепительно светящегося квадрата, который медленно увеличивался — по мере сгорания оконной рамы.

Она не долго мучилась: спустя несколько секунд поток излучения проникающим радиационным импульсом превратил верхние слои

атмосферы в плазменную наковальню, достигшую затем тропосферы. Через полминуты первая ударная волна прошла через здание, где находилась метеоролог. Она погибла не одна: из-за смертельной дозы, которую от потока нейтронов получили все, после железного восхода никто на планете не прожил достаточно долго, чтобы ощутить симптомы радиационной болезни.

Сокрушительный удар: «Т» + 1392 дня, 12 часов, 16 минут

Среда с бешено колотившимся от страха сердцем спряталась под столом, сжимая в руке небольшой цилиндрик. Она видела тело таможенного офицера, распластанное в темной кухне, и понимала, что он мертв исключительно из-за бумажных документов в его дипломатическом портфеле. Теперь то, что сделало это, пришло за ней с теми же намерениями.

По полицеллюлозному полу проскрежетали когти. «Не хочу быть здесь, — молила девочка, крутя в пальцах запотевший цилиндр. — Это происходит не со мной!» Мысленным взором Среда представляла скребущуюся снаружи адскую тварь: челюсти — сверкающие зубья-пилы, широко расставленные глаза, обшаривающие все

вокруг мощным ультразвуковым локатором. Небольшой, но опасный пистолет вшит под шкуру; мозг дополнен системой внедренных компьютеров, подстегивающих инстинкты добермана. Налапники размером с кулак; псориазовидная шкура скрывает разнообразное вооружение. Тварь чуяла страх девочки. Среда просмотрела документы в кладовке, осознала, насколько они важны, и едва успела удрать — рванула почти прямо в рычащую морду и прыгнула. Ядовитый дым струился из шарнирных соединений твари, пока девочка забиралась в тоннель. Среда, как черный паук, пролезла в служебное отделение оси и кинулась далее — через герметичный грузовой канал и полумрак почти пустого погрузочного отсека, задыхаясь и плача на бегу, постоянно слыша за собой лязг остро заточенных когтей. *Меня нет. Меня нельзя учуять!*

Герман, как всегда, когда был более всего необходим, молчал.

Собака, несомненно, унюхала ее. Среда через систему наблюдения видела, как пес, тот же самый или кто-то из его собратьев, крался по погрузочному отсеку, словно призрачная и растянутая волчья тень — порождение вымороженных лесов под полуночным солнцем, предназначенное для

преследования по кишащей киборгами тундре чужеродного мира. Тварь со скрытыми камерами в изучающих глазах, способная обездвиживать при захвате цели и стрелять. Она могла пустить нервный газ или забросать минами, как дешевый третьесортный персонаж из аркадных игр младшего брата Среды — Джерма. Продукт извращенной техносферы, какой не обладала Москва; мышцы не задействованы, никакого примитива вроде актин-миозиновых сокращений, кости устроены в виде рычажных механизмов — адский пес мог нестись во всю мощь со свистом, напоминая примитивный локомотив, выбрасывающий поток обжигающего пара, достаточно горячего, чтобы обварить любого приблизившегося.

Среда подняла патрон «антитеррор», прижав пальцами спусковой механизм, и нацелилась на дверной проем. Тени от ног. *Слишком много ног.* Приостановившись, тени снова поползли по стене и начали проникать внутрь. Среда нажала на курок, и одновременно с отдачей грохнуло, а воздух впереди почернел. *Нет, посинел, как язык лежавшего неподалеку мертвеца.* Документы рассказали все, несмотря на то, что копия информационного картриджа, содержащего регистрацию таможенных трансферов, скорее

всего была уничтожена, а кто знал об этом — погиб. Навстречу прыгнувшему псу устремилась распыленная пена аэрогеля, пузырясь и шипя, превращаясь в пористую массу. Клацнули зубы, и тварь издала тихий горловой звук. Ее ноги увязли в похожем на мыльный пузырь коконе, а рычание превратилось в глухой расстроенный вой.

Среда, дрожа всем телом, отступила назад, за тяжелый стол. Затравленно оглянулась. Собачьи задние лапы скребли пол, стараясь дотянуться. Девочка видела ярость, вспыхнувшую в глазах псины, пытавшейся избавиться от клейкой обездвиживающей пены.

«Славный песик», — бессмысленно пробормотала Среда, отступая и удивляясь, что сумела подбить эту цель. Но нет, стоит чертовой псине признать свой проигрыш, и все начнется заново, верно? Так всегда происходит в аркадных играх…

Что-то холодное и влажное ткнулось в шею и засопело. Девочка пригнулась, колени и желудок будто наполнились ледяной водой, цепкие пальцы сжали плечи и заставили выпрямиться. Глазной монитор мигнул и отключился, едва зажегся яркий свет. Пес с пола, казалось, ухмыляется ей — нет, скорее *сквозь* нее. И раздавшийся

голос на удивление звучал по-человечески, глубокий раскатистый рокот, исходящий с трех сторон.

«Виктория Строуджер, это полицейская группа спасения четыре-альфа. Согласно приказу капитана Манхейма, командующего эвакуационным процессом «Старого Ньюфаундленда», вы арестованы. Вы вместе с нами возвращаетесь на главный хаб транспортного отсека и ждете старта. Должен предупредить: в случае любого сопротивления возможно применение оружия неубойного действия. Побег в прежнее место обитания был бессмысленной тратой полицейского времени». Голос стих, затем другой поинтересовался: «И пока мы занимаемся этим, скажите, зачем вы сбежали?»

Сокрушительный удар: «Т» + 1392 дня, 12 часов, 38 минут

Двадцать две минуты спустя после запланированного времени отбытия и завершения облавы на последнюю заблудшую овечку, ее заперли в служебном шлюзе. Капитану Манхейму хватало других дел, не до того, чтобы заниматься ею немедленно. Надо разобраться с цистерной номер четыре, убедить Мишу стравить излишек

давления незаполненной части и сохранить температурный режим в пределах нормы. Затем запустить стартовые процедуры и успеть убраться до прихода ударной волны, а уж потом заниматься с псами-охранниками. (И как вообще допустили, чтобы такой пес шнырял по служебному ядру первого класса?) А уж после…

Двадцать две минуты! Свыше тысячи секунд задержки! Имелся, конечно, запас времени на случай критической ситуации — безумцев, чтобы не закладывать временных допусков, не было, — но с пятью тысячами пассажиров двадцать две минуты означали, что все пять резервных комплектов утилизации продуктов потребления были израсходованы. Убежища-коконы имели систему жизнеобеспечения открытого контура, но в этом миссионерском полете не хватило места для перерабатывающей цистерны, так как все было направлено на помощь миллионам, десяткам миллионов. Этот бестолковый ребенок обошелся горожанам Нового Дрездена примерно в две тысячи марок, а капитану Манхейму в две тысячи седых волос дополнительно.

— Каковы критические параметры? — спросил он склонившуюся над пультом Гертруду.

— Все в норме, сэр. — Гертруда сосредоточен-

но смотрела куда-то, избегая встречаться с ним взглядом.

— Ну так действуйте в том же духе, — отрезал он. — Миша! Как там цистерна?

— Стравлена и запечатана согласно положенным допускам. — Миша хмуро посмотрел через мостик. — Загрузка в норме. Да, кстати, водопровод второго номера не вызывает беспокойства.

— Хорошо, — засопел Манхейм.

Реакторный охладитель номер два пострадал во время случайной турбулентности, когда водородная масса разогрелась до шестнадцати градусов выше абсолютного нуля. Происшествие привело к открытой кавитации с образованием крупных пузырей сверхохлажденных газов в трубопроводах, подающих реакторную массу для ядерных ракет. Но *что* было действительно потенциально катастрофично, так это полное отсутствие какого-либо ремкомплекта. Не впервые Манхейм мысленно позавидовал капитану высокотехнологичного лайнера с Нового Романова, ушедшего шесть часов назад на невидимую волну витка пространства-времени и сейчас плывущего во власти неведомых стихий. Никакого антиквариата — ядерных ракет на «Мечте Сикорского» не было! Но «Долгий путь» был сло-

жен настолько, насколько мог позволить себе дрезденский синдикат, и капитан делал свое дело по мере возможностей.

— Корабль! Какова последовательность входного статуса? Роботоподобный ровный голос автопилота прокатился по

мостику:

— Группа полицейских и последний пассажир зарегистрированы на борту две минуты назад и учтены. Простейшая критическая траектория задана. Статус в целом зеленый, без исключений.

— Приступайте к запуску нулевого цикла.

— Есть. Нулевой цикл запущен. Идет процесс отсоединения силовой станции и устройств. Станционный передатчик массы в процессе разъединения. Главный двигатель ускорения вращения задействован, положение один. Системы замедления вращения живого груза задействованы, положение два.

— Ненавижу живой груз, — проворчала Гертруда, манипулируя виртуальными клавишами у своего лица. — Замедления вращения для живого груза нет в нотификации. Подъемник хаба блокирован для безопасности…

Манхейм вглядывался в изображение системы жизнедеятельности, развернувшееся во всю

свободную стену мостика в метре от его носа. Медленно красные точки становились зелеными, что означало: огромный звездолет готов покинуть станцию. Предполагалось, что это последний корабль, уходящий из порта. Время от времени капитан тыкал в значки указателей и тихо разговаривал с неким голосом, отвечавшим ему из пространства: старший по погрузке, суперкарго, офицеры иммиграционного контроля, гражданская полиция, Джек в центре стартового контроля и Руди на наблюдательном посту.

Один раз даже говорил со службой контроля перевозок. Станционные роботы-обслуга невозмутимо трудились, не подозревая, что конец их существования уже близок, на них надвигался ударный фронт светящейся плазмы. Прошел час. Кто-то незаметно сунул кружку кофе в правую руку капитана, и он пил, продолжая разговор, наблюдая, изредка ругался тихим голосом и снова пил, пока кофе не остыл. Наконец корабль был готов к отправке.

Сокрушительный удар: от «Т» + 8 минут до +1,5 часа

Система Москвы погибала со скоростью света; смерть продвигалась на волне радиационного

цунами.

Первыми в очереди на уничтожение стояли метеорологические спутники, ближе всего находившиеся к звезде и ведущие наблюдение за солнечной активностью и протуберанцами. Установленные для отслеживания потоков энергии маяки смел торнадо, вызванный спровоцированной новой: они не вышли из строя, а испарились, добавив ободранные ядра составлявших их элементов в кипящую ярость Железного Рассвета.

Секундами позже радиационный импульс расплавил огромные, но непрочные солнечные коллекторы, парящие на стационарной орбите в половине астрономической единицы и подающие энергию на генераторы антивещества диаметром в сотни километров. Роботизированные фабрики, без единого человека, исчезли незамеченно и неоплаканно. Гамма-импульс дополнительно усилился за счет хранившихся здесь тонн антиводорода, добавивших свой огонек свечи к урагану.

Через восемь минут после детонации радиационный фронт достиг планеты, где жили люди: мира, называемого Москвой. Интенсивность потока нейтронов оказалась настолько мощной, что давала смертельную дозу радиации даже по-

сле прохождения сквозь планету. Ночная сторона флюоресцировала, но по сравнению с невыносимо ярким общим фоном атмосфера казалась едва светившейся. Затем гамма-импульс выжег ее с дневной стороны до плазменного состояния и ударил в уже расплавленную твердь. Вдоль светового терминатора закружили сверхзвуковые торнадо, снося поверхностные слои земли до коренной породы.

После ударной волны от образовавшейся новой еще полчаса шел процесс планетарной дезинтеграции. На дневной стороне Москвы давление резко упало, атмосферу составляли в основном водородные и кислородные радикалы, вырванные из кипящего пара, которым раньше был Северный океан. Фронт высокой температуры, в тысячи градусов, двинулся на другую сторону планеты, сверхзвуковые ударные волны пронзали разбухшую тропосферу на ночной стороне, зажигая строения, как спички, и превращая своих в погребальные костры для мертвых тел их обитателей. Ночь отступила перед новым ужасным источником света — ослепительно блистающим на фоне взорвавшейся звезды собственным газовым хвостом планеты. Наблюдатель московского рассвета, покрывшего полнеба, мог бы увидеть

магниевую вспышку радиационной энергии, столь яркую, что выжгла бы глаза на расстоянии в десятки триллионов километров. Приближалась основная волна, с плазмой в сотни миллионов градусов, чуть меньшей плотности, чем рассеянная атмосфера, и распространяющаяся со скоростью в 20 % от световой. Когда она подошла, Москва исчезла — разлетелась разрастающимся кометным хвостом, как разорвался бы арбуз в эпицентре ядерного взрыва.

Шестидесятая минута: радиационный импульс пронзил кольца Сибири, зеленого ледяного гиганта, луны которого походили на ожерелье из сверкающих жемчужин. Они ярко вспыхнули и выпустили ростки сияющего газа, а кольца засветились пурпуром, формирующийся огромный световой диск поглотил ближайшие луны за секунду. Затем Сибирь настиг сильнейший поток энергии, который расплавил поверхность до ядра и породил невероятную бурю. Ураганы размером с Москву понеслись по темной стороне гиганта, тоже отрастившего кометоподобный газовый хвост. Сибирь, в отличие от других космических тел в зоне взрыва, была слишком велика, чтобы сразу испариться целиком. От нее, расплавленной и раскаленной добела, с измененной от

чудовищного удара взрывной волны орбитой, осталась железно-никелевая основа ядра — надгробная надпись на могильной плите, которая останется остывать миллионы лет в сумрачной пустоте бывшей системы Москвы.

Первый объект уцелел на расстоянии девяноста восьми световых минут.

Спавший на дальней орбите вокруг газового гиганта Земля робот-маяк встрепенулся, просыпаясь при первом резком энергетическом выбросе. Маяк в своем фасеточном бронированном панцире содержал большой запас охладителя. Способный вынести прямые удары лазерных энергосистем боевых кораблей, он выдержал взрыв, пусть и закувыркался, выбитый со свой орбиты семидесятилетнего обращения ударом потока заряженных тяжелых частиц. Маяку под кодовым наименованием «Талигент Спарроу» было 118 лет — один из 750-й серии, он являлся частью системы раннего предупреждения Управления Стратегического Возмездия недавно испарившегося МИД Москвы.

Маяк мигнул и провел оценку ситуации. Звезды скрыты газом и обломками, некоторые из них из его собственной разлетевшейся оболочки. Не важно: он имел задачу. Глубинная память

вывела матрицу координат и развернула сенсоры в поисках Москвы. Он безуспешно пробовал установить высокочувствительную антенну, уже превратившуюся в смятую массу расплавленной паутины. Остальные сенсоры пытались измерить гамма-поток от приближающихся на околосветовой скорости ракет, но потерпели неудачу. Произошла перезагрузка. Примитивная система оценки проверила содержание дерева решений и определила: атака чем-то неизвестным. Килобайты скользнули в энтропию, когда «Талигент Спарроу» задействовал каузальный канал и выдал беззаботным звездам послание о случившемся.

Кто должен был, тот услышал.

Сокрушительный удар: «Т» + 1392 дня, 13 часов, 02 минуты

Полицейское монотонно звучащее сообщение было роботизированно кратким:

— Мы нашли вашу дочь. Пройдите пожалуйста в сектор G-красный, место встречи — зона два, и заберите ее.

Морис Строуджер встал, посмотрел на жену и улыбнулся.

— Говорил же, найдут. — Улыбка медленно

угасла.

Жена не подняла глаз. Она коленями сжала переплетенные костлявые пальцы и склонила голову. Плечи Индики Строуджер дрожали, словно она схватилась за заряженный источник питания.

— Иди, — произнесла она тихим голосом, хотя ей хотелось кричать. — Я в порядке.

— Если ты уверена…

Полицейское бормотание отдалилось. Морис с сомнением оглянулся на согнутую фигуру жены и отправился по муравьиной тропке через забитые вещами, пропахшие потом перегороженные проходы, которые уже выродились в высокотехнологичные трущобы, патрулируемые «пчелами» с электрошоком. Какой-то аспект депортации — возможно, мрачная реальность переселения, — нарушил паутину мелких конфликтов, что удерживала всех вместе в последние мрачные годы, и по твердой почве депрессии повел в болото отчаяния, истерии и неопределенности в будущем. Опасные времена.

Среда, как и сказали, ожидала в указанном месте. Она выглядела одинокой и напуганной, и Морис, приготовившийся сделать ей выговор, внезапно понял, что не способен этого сделать.

— Вики…

— Папа! — Она уткнулась подбородком ему в плечо, острозубая, похожая на молодого дикого хищника. Ее трясло.

— Где ты была? Мама с ума сходит! — И это было даже не полуправдой. Он крепко обнял ее, ощущая, что ужасное чувство ложного смущения уходит прочь. Дочь нашлась, он был чертовски сердит на нее и в то же время испытывал сильную радость.

— Хотелось побыть одной, — очень тихо проговорила она приглушенным голосом.

Морис попытался отодвинуться, но она не отпустила его. Внезапное проявление эмоций: она поступала так, когда не хотела что-нибудь ему рассказывать. Она не умела притворяться, но обладала великолепным чувством такта. Пожилая женщина сзади принялась донимать изведенного констебля насчет пропавшего мальчика: нет-нет, это ее любимая собачка. Ее Сыночек, Сынуля.

Среда посмотрела на отца.

— Мне нужно было время подумать.

Ложь крепчала, а у отца не хватало духу вызвать ее на разговор, хотя момент сделать замечание был подходящий: нарушение границ, появление

на борту звездолета там, куда вход запрещен, — совсем не то же самое, что исследование пустых секторов станции. Она даже не понимает, как ей повезло, каким понимающим человеком оказался капитан — для находящихся в стрессе взрослых делались необычные послабления, но это не подразумевало детей, убегающих из дома.

— Пойдем. — Он обнял ее за плечи и отвел от стола. — Вернемся в нашу э-э… каюту. Корабль скоро отстыковывается. С мостика будут вести трансляцию. Ты ведь не хочешь ее пропустить?

Она посмотрела на него. Ее лицо ничего не выражало.

— Нет, конечно.

Сокрушительный удар: «Т» + 4 часа, 6 минут

Спустя двести сорок шесть минут после Инцидента Ноль транспортник «Таксис Прайд» вышел в пустоту в сорока шести градусах от плоскости эклиптики, в шести световых часах от конечного пункта назначения. Брэд Морнигтон, шкипер, в летной секции болтал с Мэри Хейт, оператором-релятивистом. «Таксис Прайд», трехместный шаттл, совершал рейс между Москвой и станцией «Исландия VII». Этот трансферный маршрут — отсюда к пересадочному аванпосту Септагона

«Блаулок Б» — Брэд совершал уже восемнадцать раз за последние семь лет, и это стало такой же рутиной, как и кружка крепкого сладкого кофе, остывшего уже настолько, чтобы можно было пить. Кружку Алекс поставил ему возле локтя во время обратного отсчета перед прыжком.

Брэд прекратил работу со стандартным навигатором и ждал подробного полетного курса, одновременно размышляя о ситуации с питанием: кухня готовила нечто слишком однообразное, и только посадки на планету давали возможность нормально поесть, размять ноги и заново познакомиться с небом и облаками. «Таксис Прайд» принадлежал к разряду скоростных транспортников, предназначенных для перевозки срочной почты и скоропортящихся грузов. Особая конструкция двигателя позволяла разгоняться в реальном пространстве до скорости военных судов: расстояние в шесть световых часов — неделя перелета, безболезненная одиссея, которую старые водородные форсунки должны выдержать. Мэри сосредоточилась на дублирующих определителях местоположения звезды — не на случай отказа систем управления движением, скорее чтобы на должном уровне сохранять профессиональную квалификацию, — задумавшись о том,

что хорошо бы заглянуть к старому другу, пока они будут под погрузкой.

И тут включилась громкоговорящая связь.

— Что там еще! — Кофе выплеснулся, когда Брэд потянулся к коммуникационному терминалу. Побледневшая Мэри резко выпрямилась.

— Черт. Это не служба перевозок…

— Привет. На связи борт «Эхо Голд Девять Ноль». Отвечаем на передачу от «Дельта Икс-рэй Зевс Семь», жмем руки. Что там…

— Какие-то хлопья, начальник…

На табло диспетчерской связи замигали красные индикаторы. Все напряженно ожидали ответа во время тридцатисекундной задержки.

— «Эхо Голд Девять Ноль», это «Дельта Икс-рэй Зевс Семь», смена аварийной службы. Адмиралтейский пароль голубая четверка, подтверждение подлинности следующей передачи. Объявляется всесистемное чрезвычайное военное положение. Москва в карантине — система полностью изолирована, без исключений. Немедленная эвакуация. Особо подчеркиваю, активируйте запуск и немедленно убирайтесь отсюда. Подтвердите, пожалуйста.

Брэд разъяренно выпалил:

— Что еще за хрень! Шуточки! — Он ввел

идентификационный код и начал вводить маршрутную серию для Москвы. — Когда встречу эту задницу…

— Брэд, подойди-ка.

Он резко обернулся. Мэри склонилась над ретранслятором, передающим с наблюдательного поста Ванга на нижнем уровне. Выглядела она встревоженной.

— Что там?

— Вот. — Она указала на высветившуюся схему. «Таксис Прайд» относился к вспомогательным средствам космического флота и подлежал мобилизации в случае войны: он нес на борту серию пассивных датчиков полувоенного назначения. — Гамма-след, классический протоно-антипротоновый вихрь примерно в двух астрономических единицах в красном смещении. Я определила по трансляции служебного маяка, Брэд: вот основное место… взрыва.

— Черт! — Изображение на экране поплыло перед глазами. Он вдруг вспомнил, что подобное же чувство испытал, когда ему было девять и отец сообщил, что собака умерла. *Черт!* Позитроний был нестабильным промежуточным звеном, синтезируемым в каких-то реакциях с веществом и антивеществом. Красное смещение свидетель-

ствует о перемещении чего-то с околосветовой скоростью. В случае звезды это могло означать лишь одно — запущенные на околосветовой скорости ракеты с антивеществом и противоракеты возмездия с камикадзе, посланные в ответ.

— Они *атакуют.* Эта срань атакует флот сдерживания! Они давно уже стали сработанной командой, и капитану не требовалось объяснять Мэри, что делать. Она уже вывела карты гравитационных потенциалов, нужные ему для прыжка. Брэд удалил задание на уже почти проложенный курс и ввел координаты для обратного прыжка.

— «Дельта Икс-рэй Зевс Семь», на связи борт «Эхо Голд Девять Ноль». Подтверждение. В ближайшее время готовимся к возврату на «Исландию VII». Можете прояснить ситуацию? За нами могут идти другие корабли, их нужно предупредить. Вам требуется содействие? Конец.

Затем он связался с Лиз из наблюдательного центра, объяснив, что это, нет, вовсе не шутка, и, да, он собирается перевести двигатель в эксплуатационный режим, и, да, нужно привести «Прайд» в док в течение месяца, и на то есть должная причина.

— «Эхо Голд Девять Ноль», отбытие подтверждаю. Это «Дельта Икс-рэй Зевс Семь» — ретранс-

ляция через маяк службы навигации шесть-девять-три по обычному каналу. Ситуация такова: внутренняя система уничтожена неожиданным нападением с применением оружия массового поражения приблизительно два-семь-ноль минут назад по абсолютному времени. Ваша область досягаемости три-шесть-ноль световых минут, что дает достаточный запас времени для спасения. Звезда исчезла. Мы предполагаем *стопроцентную* вероятность фатального исхода для Москвы, повторяю, стопроцентную. Силы боевого развертывания приведены в готовность, но нет никаких соображений, кто это сделал. Так как два часа назад Московская система была под полной противодействующей защитой. Погодите… — На секунду ровный голос дрогнул. — О! Что-то странное. — Пауза. — «Эхо Голд Девять Ноль», это «Дельта Икс-рэй Зевс Семь», не думаю, что вы сможете чем-то помочь. Валите отсюда к черту, пока еще можете. Общее предупреждение. Конец связи.

Брэд смотрел на дисплей, не замечая его. Потом надавил ладонью на иконку общей трансляции.

— Команда, говорит капитан. — Он глянул на Мэри и увидел, что она смотрит ему за спину. Помолчал. — У нас изменилась ситуация. План

меняется.

Капитан прищурился и с неохотой ввел на панели требуемую коррекцию курса в полетное расписание: «Домой мы не вернемся. *Никогда».*

«Таксис Прайд» стал первым кораблем, покинувшим систему Москвы после Инцидента Ноль. Выбрались еще два, один — с серьезным повреждением хвостовой части: в момент прыжка его зацепила ударная волна. Слухи о взрыве распространялись: несколько перевозчиков уцелели, воздержавшись от прыжка в пылающую могилу, благодаря массовому и хорошо скоординированному аварийному оповещению. Через несколько недель обитателей «Исландии VII», грузоперевалочной станции, находящейся более чем в восьми световых месяцах от Москвы, эвакуировали в Шеньенское княжество, и по мере прохождения ударной волны поочередно эвакуировали и прочие станции. Ближайшая населенная планетарная система — Септагон-Центральный — находилась достаточно далеко, чтобы просто закрыться сильным радиационным щитом, прикрывающим и орбитальные республики. Но пройдут долгие годы, прежде чем какой-либо звездолет сможет посетить испепеленный радиацией труп Московской системы.

Сокрушительный удар: «Т» + 1392 дня, 18 часов, 11 минут

— Что отыскали? — потребовал ответа капитан.

В тесном дежурном помещений три пса, окружив Манхейма, сидели и исподлобья смотрели на него. Один из них склонился лизнуть голубую пену, прилипшую к левой задней лапе. Там, куда попадала слюна, пена шипела и дымилась.

— По первому инциденту с офицером таможни — ничего. К сожалению, должны доложить, что он теперь классифицирован как «пропавший, предположительно погибший», пока не выяснено, не находится ли он на одном из других кораблей. Второй случай — рядовая выходка асоциального подростка. Не заслуживающие доверия подсистемы не оправдывают себя. У меня нет прямого доступа к грузу, перевозимому в закрытой зоне, но вы лично должны гарантировать, что ничего из задекларированного багажа не пропало. Записи в деле правонарушителя согласуются **с** данным событием как закономерным результатом ее поведения; знакомство с описанием социализации подростков в довоенном обществе Новой Москвы также свидетельствует, что подобные прогулки этого ребенка — не ред-

кая здесь реакция на внешний стресс.

— И все же, почему она оказалась там? — Манхейм пристально посмотрел на лидера псов со смесью тревоги и недоверия. — *Я* думал, вы здесь для охраны…

— По моему мнению, ее действия типичны для подростка с функционально нарушенным поведением. Данное поисково-спасательное подразделение охраны не предназначено для действий со смертельным исходом при защите запретных грузов, капитан. Кроме того, отсутствие девочки было замечено обычными службами и должным образом оформлено после ее доставки на борт эвакуационного судна. Правонарушитель оставлен под присмотром родителей на протяжении всего времени перелета с предупреждением — воздерживаться от повторных действий и не привлекать к себе дальнейшего внимания.

Говоривший пес важно мотнул башкой. Другой из группы подошел и что-то фыркнул ему в ухо. Манхейм нервно следил за ними. Полицейские собаки, невероятно дорогостоящие, приобретались у какого-то внесистемного высокотехнологичного государства и были запрограммированы на лояльность к режиму. До этого полета он их никогда не видел и был потрясен, узнав, что у

правительства они есть. Они казались менее всего подходящими для использования на объекте, предназначенном для выполнения такой задачи, как эвакуационный перелет. Затем один из псов, объявивший себя собакой Министерства иностранных дел, объяснил, что среди прочих распоряжений доставил запечатанные рукописные приказы, предназначенные лично для капитана для вскрытия только на корабле.

Обычно такие собаки предназначены для охраны и поисково-спасательных работ, а в этой группе каждая была способна на убийство. Экзотическое эрудированное оружие.

— Вы выполняете свою задачу?

— О чем вы? — Пес номер один посмотрел на капитана.

— А? — Манхейм выпрямился и сердито заявил: — Слушай сюда, это мой корабль! И здесь я отвечаю за всех и за все, и если мне нужно что-то знать, я…

Окружавшие его собаки одновременно приняли стойку. На капитана нацелились морды-пулеметы тысячеметровой дальнобойности. Говорила мидовская собака, остальные, похоже, были полностью в ее подчинении.

— Мы могли бы сказать вам, капитан, но тогда

нам потребуется заставить вас молчать. Спекуляция на этом деле не санкционирована военным министерством и считается недружественным действием согласно второму разделу, параграфу четыре-три-один закона «О защите государства». Пожалуйста, подтвердите ваше знание данной декларации.

— Я… — Манхейм сглотнул. — Я понял. Вопросов больше нет.

— Хорошо. — Собака номер два снова присела на подогнутую правую заднюю лапу. — Прочие подразделения группы не осведомлены об этих делах. Они просто собаки тайной полиции. Вам не следует беспокоить их неприятными вопросами. Разговор окончен. Надеюсь, у вас есть корабль для перелета?

Сокрушительный удар: «Т» + 1393 дня, 02 часа, 01 минута

Среда наблюдала конец мира вместе с родителями и посетителями, расположившимися на полу зала столовой на палубе Роз. Столы и сиденья были сдуты и сложены у стены, пока корабль еще не вышел из-под удара. Противоположную стену занимал большой экран, принимающий изображение с сенсорной антенны хаба. Среда

хотела посмотреть все на персональном планшете, но родители затащили ее в столовую: похоже, людям просто не хотелось оставаться в одиночестве во время прыжка. Никто не знал, что именно должно случиться, вопреки драматизму ситуации ничего сенсационного при перемещении звездолета между двумя равновесными дислокациями на расстоянии даже многих световых лет не могло произойти, но в этом было что-то символическое. Верстовой столб, который беженцы больше никогда не увидят.

— Герман? — мысленно спросила она.

— Я здесь. Но скоро связи не будет. После прыжка ты останешься одна.

— Не понял. Почему? — уставился на нее Джереми, когда Среда скорчила ему страшную рожу. Он отпрянул, натолкнувшись на стену, и мать сердито посмотрела на него.

— Каузальные каналы на световом луче не работают: хотя они и моментальные коммуникаторы, но не нарушают причинные связи. При перемещении находящихся в контакте квантовых точек со сверхсветовой скоростью их взаимосвязи распадаются. Я с тобой говорю по одной из таких линий, непосредственно в твой имплантат доступа, так же как и ты со мной. Я

не буду на связи какое-то время после окончания полета. Однако ты будешь в безопасности, пока остаешься среди эвакуируемых и никоим образом не привлекаешь к себе внимания.

Среда повела глазами. Как все невидимые друзья, Герман умел создавать искусную имитацию напыщенного юного лидера.

На настенном экране в черной пустоте сверкали бриллиантовые точки звезд, тихий шорох волны переговаривающихся голосов пробежал по пляжу из голов сидящих перед девочкой людей. Ее охватил знакомый холодок: так много вопросов и так мало времени для ответов на них.

«Почему они отпустили меня?»

— Тебя не восприняли как угрозу. Если бы это произошло, я не просил бы тебя продолжать. Прости. Осталось мало времени. То, что ты нашла, оказалось более важным, чем я мог ожидать, и я благодарен тебе за это.

— И что же я сделала? В тех бумагах действительно что-то стоящее?

— Пока не могу сказать. До первого прыжка меньше двух минут. Потом контакт оборвется. Но у тебя и так хватит забот: Септагон не похож на «Старый Ньюфаундленд». Будь осторожна. Свяжусь с тобой, когда придет время.

— Что-то не так, Вики?

Среда поняла, что отец с начала старта за ней следит.

— Ничего, папа, — ответила она, инстинктивно отстраняясь. «Где это он научился быть таким заботливым?» — А что должно случиться?

Морис Строуджер пожал плечами.

— До прибытия на место мы сделаем пять прыжков. Первый… — Он сглотнул. — Дом и взрыв остаются с одной стороны. Знаешь, что такое коническое сечение?

— Не учи… — Она едва не прикусила язык, заметив его выражение лица — Да, папа, я изучала аналитическую геометрию.

— Хорошо. Взрыв распространяется по сфере с центром… э… дома. Мы движемся по прямой — естественно, зигзагообразно между эквивалентными точками пространства-времени — от станции, находящейся вне сферы, к Септагону, который тоже вне сферы, но с другой стороны. Первый прыжок переместит нас в сферу взрыва, примерно на три световых месяца внутрь. Следующий — вынесет наружу.

— Мы идем в область взрыва? Отец взял ее за руку.

— Да, дочка. — Он снова взглянул на экран,

покрутил головой в попытке разобрать изображение через головы впереди сидящих. Мама, Индика, тоже смотрела на экран, положив руки на плечи Джереми. — Это не опасно, — добавил отец. — Все, что действительно неприятно, концентрируется в ударном фронте, от которого всего пара световых дней. Наша защита справится; тем не менее капитан Манхейм покажет нам взрыв. Но это может отнять много больше… — Он внезапно смолк.

Голос с сильным акцентом прозвучал от экрана:

— Внимание. Говорит капитан. Примерно через минуту мы начинаем транзитный прыжок в сторону Септагона-Центрального. У нас намечена серия из пяти прыжков с семидесятичасовыми интервалами, за исключением четвертого, с восемнадцатичасовой задержкой. Первый прыжок доставит нас в район ударного фронта сверхновой. Верующие могут посетить многоконфессиональную службу на палубе G через три часа. Благодарю.

Голос резко оборвался, будто отрезали. Внизу экрана высветился секундомер, отсчитывающий время.

— И что теперь мы будем делать? — тихо поин-

тересовалась Среда.

Отец выглядел встревоженным.

— Найдем жилье. Обещали помочь. Мы с мамой, надеюсь, подыщем работу. Постараемся приспособиться…

Черное с бриллиантами небо замерцало, радужные огни отбросили разноцветные тени на наблюдающих. Всеобщий интерес усилился: с настенного экрана исчез космический вид, его сменило удивительное зрелище, самое красивое, какое Среда когда-либо видела Огромные мерцающие зелено-красно-лиловые занавеси скрыли звезды, прозрачная пелена флуоресцентного шелка затрепетала от сильного бриза. В космосе засверкал бриллиант, кроваво-красная гантель света разбухала у своих полюсов.

«Герман, — шептала она про себя, — ты это видишь?»

Но, не получив ответа, ощутила душевную пустоту, такую, Как внутренняя часть недавно народившейся туманности, куда сейчас вплывал корабль.

— Все погибло, — воскликнула Среда — глаза внезапно наполнились слезами — и не отстранилась, когда отец обнял ее. Она рыдала, и от сильных мучительных всхлипов дрожали плечи:

она боялась, что он тоже может внезапно исчезнуть, и, заметив его смутную тень, вздрогнула.

ИЗ ОГНЯ

— Можно поинтересоваться, в чем меня обвиняют? — Рашель спрашивала уже в третий раз. «Не позволяй им вывести себя из равновесия, — мысленно твердила она, с усилием выдавливая вежливую улыбку. — Один промах — и они вывесят тебя на просушку».

Проникающий сквозь стену-окно солнечный свет в бледно-голубых тонах из-за звуконепроницаемой пленки-аэрозоля и небо над отдаленными горами, растворявшееся в легкой лиловой дымке. Рашель остановила взгляд на инверсионном следе рейсового самолета, пролетающего в матово-стеклянной стратосфере над головами ее инквизиторов.

— Никаких *обвинений,* — заявила председатель комедии суда, улыбаясь. — Вы ведь не нарушили никаких предписаний, не так ли?

Сидящий рядом мужчина кашлянул.

— Никто из *нас* вас не обвиняет, — добавила женщина, неприязненно скривив сильно накрашенные губы. Рашель сосредоточилась на ее стрижке. Мадам Председательша вырядилась в

костюм в излишне феминистском историческом стиле — возможно, следовало просто добавить чуть вельвета и кружев в ее управленческий стиль, — но один локон выбивался, несмотря на «химию», с помощью которой она пыталась укротить его, и грозил свалиться на подбритую бровь чудаковатым завитком.

— Экскурсия на Рохард не была моей инициативой, как я и указала в своем отчете, — невозмутимо повторила Рашель, несмотря на назойливое желание дотянуться через стол до волос Мадам Председательши и дернуть за завиток. «Черт, хотелось бы посмотреть, как *ты* справилась бы с неудачно начавшимся полевым заданием», — подумала она. — Джордж Чо получил очередной отказ правительства Новой Республики, а эти идиоты *уже* решили нарушить Третью Заповедь, к тому моменту как я прибыла, и если я оказалась не на своем месте, то потому лишь, что там не было *никого,* когда разразился скандал. Поэтому Джордж послал меня. Полагаю, я точно определила: вы не потрудились прочесть полный отчет. Но дело не в нем, не так ли?

Рашель откинулась в кресле и отпила воды из стакана, посмотрев на главную фигляршу сквозь полуприкрытые веки. Мадам Председательша,

досточтимая Седалищная Грелка, величавшаяся при этом Гильда как-там-еще, выдержала выгодную паузу, чтобы шепнуть что-то на ухо сидевшему рядом Миньону Номер Один. Рашель поставила стакан и натянуто улыбнулась Мадам Председательше. Та была олицетворением клики серых подхалимов; для Рашели она возникла из ниоткуда днем раньше, вооруженная разрешением на ревизию и длинным списком вопросов, в основном сконцентрированных на последнем назначении Рашель во внешний световой конус. С самого начала было ясно: ей непонятно, какого черта Рашель делает на дипломатической службе, да это ее и не волновало. Ее бесил факт, что Рашель проходила по смете как ответственный офицер и культурный атташе — ввиду известного фактора продажности Министерства торговли, — а это уже была *ее* охотничья территория. Факт, что это служило прикрытием для совершенно другой работы Рашели, явно для нее ничего не значил.

Рашель предъявила Мадам Председательше свое самое беспристрастное выражение лица.

— Что вы выискиваете, так это кто именно уполномочил Джорджа отправить меня на Рохард и кто распорядился о бюджетных расходах.

Короче говоря, это вне вашей компетенции и не подлежит пересылке на дорассмотрение. А если желаете все узнать, свяжитесь со службой безопасности.

Рашель слегка улыбнулась. Ее назначение в дипмиссию Чо на Новой Республике проходило по платежной ведомости «Досуга и культурных связей», но в действительности состояло в скрытой работе; Рашель отвечала перед «Черной Камерой», и Мадам Председательша упрется в сплошную стену, едва только попробует заняться этим делом. Но «Черной Камере» необходимо было сохранить официальное прикрытие Рашели — Объединенные Нации придерживались политики открытых аудиторских слушаний для заверения своих инвесторов в беспристрастности расходования их денег, — и Рашель, следовательно, имела ограничения в своих действиях. Вплоть до увольнения за незаконное присвоение фондов, если какой-нибудь скользкий карьерист-бюрократ решит, что она является отличной спиной для продвижения наверх. Это был один из рисков, сопровождавших скрытное существование контролирующего инспектора.

Собственная улыбка Гильды незаметно сменилась неодобрительным взглядом. Ее модели-

рующий внешнюю вежливость косметический имплантат не знал, как интерпретировать подобное непрограммируемое настроение: в течение секунд ее щеки затуманились синеватой пеленой, а зрачки приняли форму вертикальных щелей. Затем взгляд ящерицы пропал.

— У меня другое мнение, — беззаботно заявила она, отклоняя возражения. — Это ваша работа, как офицера при исполнении, просчитать предельные расходы. Объединенные Нации *не делают* деньги, мы все имеем обязательства перед нашими акционерами по обеспечению таких миротворческих операций, которые приводили бы к возникновению прибыли, а тут налицо *махонькое* дельце о восьмидесяти килограммах высокообогащенного — оружейной степени — урана, оставшегося неучтенным. Уран, дорогая моя, не растет на деревьях.

Далее, имеет место ваше неправомочное использование дипломатического аварийного средства, класс первый, предназначенного в этой безрассудной схеме посла Чо для проведения вашего пикника на борту военного корабля-цели. Средство впоследствии было утрачено **в** процессе спасения, когда все пошло неладно — как вы предсказывали в начале дела, — поэтому вам

следовало поостеречься, а не продолжать.

И далее, вопрос о принятии вами на борт *бесплатных хитчхайкеров*…

— Исходя из общего для всего космоса закона об оказании помощи любым попавшим **в** трудное положение лицам, я была обязана принять их на борт. — Рашель посмотрела на Миньона Номер Один, сперва ответившего ей прямым взглядом, но тут же поспешно отведшего глаза. «Черт побери, это было ошибкой, — поняла она. — Ощутимое противодействие». — Я также напоминаю вам, что в соответствии с параграфом два «Оперативного руководства для полевых офицеров» я имею право использовать официальное оборудование для спасения гибнущих во время конфликта.

— Вы не были за ним замужем в то время, — холодно отрезала Мадам Председательша.

— А вы уверены, что это не был брак по расчету? — чирикнул Миньон Номер Два, довершая оппортунистический удар.

— Должен заметить, факты подкрепляют данное предположение, — согласился Миньон Номер Один.

— Факты по делу таковы, что вы появились с целью растраты *огромных денег* без достижения *чего-либо* значимого, — выдала монотонную

трель Мадам Председательша. Она согнулась, подалась вперед, грудь приподнялась от возбуждения, щеки пылали триумфом, она приготовилась добивать. — Мы задержали вас для отчета за эту операцию, младший атташе Мансур. Вы разбазарили более двух миллионов экю служебных фондов на несанкционированную миссию, не принесшую каких-либо известных выгод, на которые вы можете указать. Вы под *моим* личным надзором, в персональном списке, и ваш выверт представляет отдел «Досуга и культурных связей» в дурном свете. Или вы не понимаете, что вредоносное воздействие ваших шпионских фантазий может серьезно повлиять на рыночную коньюктуру продукции наших доверителей за рубежом? Я могу отыскать под итоговой чертой *некие* незначительные вклады с вашей стороны в отдаленном прошлом, но вам крайне недостает смягчающих факторов; по данной причине мы намерены дать вам двадцать семь…

— Двадцать шесть! — прервал Миньон Номер Два.

— Двадцать шесть дней для представления на рассмотрение полной вневедомственной ревизии с отсылкой для подготовки отчета по использованию фондов во время операции

«Майк Ноябрь Чарли Четыре Семь пробел Дельта» и оценки оптимальности достигнутого вами результата в контексте предотвращения перерастания пожароопасного конфликта в полномасштабную межзвездную войну. — Мадам Председательша жеманно улыбнулась собственному великолепию, обмахивая себя жесткой папкой с копией доклада об общественных расходах.

— Полномасштабная ревизия? — взорвалась Рашель. — Ах ты глупая, *бестолковая* канцелярская крыса! — Она огляделась по сторонам, судорожно перебирая пальцами контрольные кольца для успокоения. Охрана вполне могла вмешаться, и Рашель сумела сдержаться, несмотря на приток адреналина и апгрейды, установленные в ее периферийной нервной парасимпатической системе, способствовавшие повышению боевой готовности. — Попробуйте проверить меня. Только попытайтесь! — Она жестко скрестила руки. — Наткнетесь на каменную кладку. Кто в администрации покровительствует вам? Вы полагаете, мы их всех не достанем? Вы действительно намерены раздражать «Черную Камеру»?

Мадам Председательша привстала и непреклонным взглядом посмотрела в лицо Рашели,

словно готовая плюнуть кобра.

— Вы скользкая, дерзкая девчонка, а ваше *ковбойство*… — шипела она, потрясая пальцем перед носом у Рашели. — Я увижу вас на улице еще до того, как вас снова внесут в список «Досуга и культурных связей»! Знаю я ваши игры, маленькая интриганка-карьеристка, и я…

Рашель уже приготовилась ответить, когда завибрировала ушная мочка.

— Извините, я на секундочку, — сказала Рашель, поднимая руку, — входящий вызов. — Она прикрыла ухо сложенной ладонью. — Да, кто это?

— Немедленно прекратите! Здесь *мой* аудиторский комитет, а не переговорный пункт…

«Городская служба чрезвычайных ситуаций. Вы Рашель Maitcvp? SXB-активностъ три-ноль-два? Можете подтвердить свою идентификацию?»

Рашель встала, пульс сильно забился, она ощутила слабость от потрясения.

— Да, это я, — сдержанно ответила она. — Вот мой отпечаток пальца. — Она приложила ко лбу палец, соединяя кожно-передаточный имплантат с фоном для подтверждения своей личности.

— Кто-нибудь, остановите ее! Филипп, разве вы не можете заткнуть ее? Это же позор!

«Идентификация осуществлена. У меня есть подтверждение подлинности вашей личности. Это Четвертое республиканское полицейское управление, надзор за чрезвычайными ситуациями Женевы. Вы на площади дю Молар, не так ли? У нас срочное SXB-сообщение, которое соответствует вашему статусу. Мы связались с нашей местной группой, но, к несчастью, недалеко от границ Бразилии случилось нечто серьезное, и вся команда направлена туда. Они не сумеют вернуться ранее чем через два часа, а у нас ситуация с серьезнейшей угрозой в течение сорока пяти минут».

— О… О черт!

Ситуации, подобные данной, обладали способностью выкапывать непроизвольные богохульства, оставшиеся от неправильного воспитания. Рашель повернулась к двери, не замечая окружающих. Порой ей снились кошмары о похожих случаях, посреди ночи выдергивающие из сна. Ее крик очень тревожил при этом Мартина.

— Кто-нибудь сможет подобрать меня на площади? Дело кратко изложите по пути. А вы знаете, что я несколько лет не сталкивалась с подобными вещами? Я в списке резерва.

— Сейчас же остановитесь! — Мадам Председа-

тельша загородила подход к двери. С надутыми губами она напоминала бьющуюся мордой о зеркало рыбу, кроваво-красные губы сжаты от злости, кулаки стиснуты. — Вы не посмеете сейчас уйти отсюда!

— И что вы сделаете? Отшлепаете меня? — откровенно забавляясь, поинтересовалась Рашель.

— Я предъявляю обвинение! Вы нарочно подстроили такой способ отвлечь внимание…

Рашель вытянула руки, подхватила Мадам Председательшу под локти и водрузила на конференц-стол, что сопроводилось воем ярости.

— Сиди здесь и занимайся своими бумажками, — спокойно произнесла Рашель, едва сдерживая побуждение втереть ее в крышку. — У взрослых сейчас есть более важная работа.

Рашель справилась с дрожью до того, как покинула здание. «Дура бестолковая!» — бранила она себя. Нервничать из-за Мадам Председательши было недальновидно, а в предстоящей работе потребуется холодная голова. Полицейский транспортер поджидал ее во дворе офисного здания Объединенных Наций, укрывшись в тени громадной статуи Отто фон Бисмарка.

— Чрезвычайную ситуацию создал безработный артист и затворник, утверждающий, что его

зовут Иди Амин Дадаист, — сообщил диспетчер по связи через тело, одновременно прогоняя группу образов по внутренней стороне левого века. — Более ранних записей не имеется, только отметки о незначительных наказаниях за публичные хэппиненги, не повлекшие нарушений общественного порядка и меморандума о загрязнении, да неисполненный иск от Народной Республики Мидлотиан по его претензии на титул Последнего Короля Шотландии. Он…

Следующие слова заглушила трель тревожной сирены. Кому-то в пузыре штаб-квартиры сообщили о происходящем в нескольких кварталах отсюда.

— Я даже не тренировалась последние три года! — прокричала Рашель в ладонь своей руки, садясь в транспортер. Она забралась внутрь, и машина рванула вперед, на метр опережая поток машин, льющийся из здания в сторону ближайших бомбоубежищ. — Разве у вас в наличии больше никого нет?

— Вы плотно занимались SXB, поэтому мы отметили вас в качестве резерва, — сообщил диспетчер. Взволнованный полицейский развернулся на водительском кресле, передав управление автопилоту. — Профессионалы, как я уже сказал,

все сейчас в суборбитальном рейсе из Бразилии сюда. Мы — город мирный. И это первая бомбовая угроза почти за двадцать лет. Вы единственный специалист — действующий или резервный — в нашем городе на текущий момент.

— Господи Иисусе! Ну почему такое должно случиться, когда все отсутствуют! Что можете сообщить о месте действия?

— Преступник обосновался в жилом массиве для переселенцев в Сант-Легере. Заявляет, что раздобыл усовершенствованное взрывное устройство и намерен подорвать его через час минус восемь минут, если мы не примем его требования. У нас нет достоверных данных, какого типа бомба и что она собой представляет, но это не имеет реального значения — даже кусок трубы, заряженный кобальтом-шестьдесят, наведет шороха в окрестностях.

— Верно, — покачала головой Рашель. — Прошу прощения, но я только что со встречи с группой бездельников, попусту тратящих время, и теперь пытаюсь собраться с мыслями. Вы говорите, что это может быть самоделкой?

— Он засел в дешевой многоквартирной постройке. Держится вдали от окон, вентиляции, дверей. Наш наблюдатель на этаже сообщает,

что он в своей комнате с какой-то компактной штуковиной, которая может быть взрывным устройством. Там камер наблюдения до черта, и мы сейчас пытаемся просмотреть все за последний месяц — но, похоже, он уже давно начал заглушаться, его радиочастотный идентификационный след слишком чистый. Кто-то должен попасть внутрь и уговорить его или выманить оттуда. У вас в таких делах куда больше опыта, чем у любого из нас. Говорят, у вас на счету более двадцати подобных заданий, что делает вас самым ценным нашим экспертом.

— Ад и дьявол. Кто страховщик вызова?

— Не из источников муниципального правительства — думаю, «Ллойд» имеет какое-то отношение. В любом случае, вы выставите счет *нам,* а мы уж с ним разберемся. Все, что потребуется для работы, — ваше на это время.

— Годится. — Рашель вздохнула, почти пугаясь, как легко это оказалось — соскользнуть на прежний путь мышления и образа действий. В прошлый раз она поклялась, что то задание станет последним. Тогда она после его завершения попыталась перерезать себе запястья, прежде чем осознала, что существуют более легкие пути уйти из этой профессии. Отключаясь

от этого, словно обращаешься к чему-то даже более опасному. — Единственное условие: мой муж. Поручите кому-нибудь связаться с ним, прямо сейчас. Если он в городе, сообщите, чтобы отправлялся в укрытие и, как другие люди, по мере возможности спрятался в бункере. Надеюсь, к старикам уже отправили для оповещения специальные устройства? Никакой гарантии, что я сумею вытянуть это собственными силами, без поддержки и вспомогательной группы планирования, и яне хочу, чтобы вы рассчитывали на чудо. У вас есть запасные варианты на случай непредвиденных неприятностей?

— Мы уже проводим эвакуацию, и по прибытии на место вам найдется поддержка, — сказал диспетчер. — Наша обычная SXB-группа уже на пути сюда, но им не добраться менее чем за полтора часа, к тому же после появления они окажутся в слепой зоне минут на десять. Полагаю, сие означает, что они не сильно помогут вам.

— Верно, — кивнула Рашель. Она была одета для офиса, но не в стиле Мадам Председательши. Не увлекалась ретрофеминистскими рюшами и прочими затейливыми примочками: хватило этого за год, проведенный на Новой Республике. «И все-таки, с чего эта сука взъелась на меня?»

— спрашивала она себя, делая мысленную пометку позже накопать какую-нибудь информацию. Подрегулировала окраску своего жакета и легинсов — небесно-голубые тона, холодные цвета — и устроилась на сиденье, ровно и глубоко дыша. — Полагаю, не имеет смысла спрашивать о вооружении. У вас в наличии есть какой-нибудь снайпер?

— Три группы в пути. Займут позиции для перекрестного огня и снабжены прицелами для просмотра через твердые поверхности. Руководитель — инспектор Макдугл.

— Он еще не очистил ближайшие квартиры?

— В процессе. Она ставит везде шумовые генераторы, пока ее люди выводят гражданских. Приказ — избегать всего, что может дать хоть малейший намек на готовящуюся операцию.

— Хорошо. Хм. Вы сказали, преступник — артист. — Рашель сделала паузу. — А какого *жанра?*

Транспортер вывернул на угол бульвара Жако и пошел по монорельсовой дороге. Прочие коконы, управляемые общей службой движения, уступали путь: сзади два полицейских грузовика, подскакивая на пневмошинах, быстро догоняли их. Близстоящие строения были старыми

— камень, кирпич и дерево, — поднявшимися до Диаспоры и затем вышедшими из моды, они придавали кварталу подобие атмосферы двадцать первого столетия, но тематический парк пришел в полный упадок.

— Исторический реконструктор, — сообщил диспетчер. — Что-то насчет колоний. Колониализм. Очевидно, все это тоже связано с реконструкцией исторического процесса до холокоста.

— Какого холокоста?

— Африканского. Говорит, здесь он исполняет роль дохолокостного императора Иди Амина, как бишь его, Иди Амина Дада. Имеет место реализация диалектики переинтерпретации абсурднейших элементов угандийской пролетарской реформации через преломляющие линзы неодадаистского идеологического ситуационизма.

— Это может означать все что угодно. Ладно. Следующий вопрос. Где этот тип родился? И откуда попал сюда? К чему он *стремится?*

— Родился где-то в Парагвае. Подвергся экстенсивной хирургии фенотипа для сходства со своей ролевой моделью, Последним Королем Шотландии, или Президентом Уганды, или кем там еще. Добился выхода брошюрки по поводу одного

из своих здешних представлений — говорит, пытается действовать в качестве эмуляционной платформы для оригинала души Иди Амина.

— И теперь у него съехала крыша, верно? Можете нарыть что-нибудь из истории настоящего Иди Амина? На мой взгляд, это что-то исламское. Он был арабом или вроде того?

Транспортер затормозил, резко свернул, спрыгнул с монорельса и уткнулся носом в кучу полицейских, снующих перед большой, ветхого вида спиралью модульных эмигрантских кондоминиумов, развешанных на дереве из прессованного титана. Непрерывный людской поток, регулируемый полицейскими, вытекал из квартала в направлении площади Философий. Рашель уже видела очередь прибывающих подъемников для эвакуации максимально возможного количества людей из кварталов нижнего уровня. И неважно, был или нет этот рукоблудец достаточно компетентен для сборки действующей игрушки: если Плутониевая Фея была щедра, он мог встроить в свой гаджет шипучку и теперь заразит радиацией несколько кварталов. Даже пластиковая болванка, покрытая слоем ворованных высокоуровневых отходов, могла быть весьма радиоактивно грязной. «Выкусывание»

актинидов и генная восстановительная терапия для нескольких тысяч человек были, один черт, слишком значительной расплатой за вспышку артистического раздражения, а если он сумел добиться критичной точности…

Подошел руководящий офицер — высокая блондинка в окружении полицейских.

— Вы тот самый специалист, на которого все молятся? — требовательно спросила она.

— Да, я. — Рашель неловко пожала плечами. — Плохая новость в том, что у меня не было времени на подготовку, а я не занималась подобными делами года три или четыре. Что у вас есть для меня?

— Выглядит как чистое надувательство. Я инспектор Роза Макдугл, «Веселый Джокер», исполнительная группа. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Полицейский участок стал центром активности людского муравейника, разросшегося до того, чтобы заполнить половину травяной парковки автотранспорта перед жилым кварталом. Сам офис, выкрашенный в рвотно-зеленое, выказывал признаки регулярного ухода и даже уборки.

— Я прежде не работала с «Веселым Джокером», — заметила Рашель. — Позвольте напом-

нить вам, что, как при любой SXB-операции — это ради общественного блага, — мы намерены получать самое лучшее снаряжение и повсеместную поддержку во время мероприятия, а также выплаты по страховке ближайшим родственникам, если дела пойдут хреново. Мы *не* допускаем задолженности за неудачный исход, в рядах исполнительной SXB-группы обычно бывает слишком много смертей, чтобы оспаривать результат. Вам понятно?

— Предельно. — Макдугл указала на стул. — Присаживайтесь. У нас еще полчаса до критического момента.

— Верно. — Рашель села, сложила пальцы пирамидкой и вздохнула. — Откуда такая уверенность, что эта штука настоящая?

— О ней узнали именно тогда, когда определитель пассивных нейтронов чуть не отскочил от стены здания. Сперва менеджер квартала решил, что это сбой, но оказалось, что тот идиот ухватился за драконий хвост. Он раздобыл сраную монтажную схему в каком-то анархистском любительском архиве и скупал бериллий на распродажах редких компонентов кухонного фабрикатора **в** течение шести предыдущих месяцев.

— Черт. Бериллий. И никто не заметил?

— Эй. — Макдугл развела руки. — У нас нет финансирования на охват «сорочьего радио». Частная инициатива не приветствуется. Мы и так без приглашения везде суем свой нос, мы просим, пока не истечем кровью. Это ведь свободный рынок, не так ли?

— Угу, — кивнула Рашель. Знакомая картина. При наличии девятисот постоянных членов в Совбезе Объединенных Наций чудом тем не менее было то, что вообще что-то делалось. Если что-то еще и могло стимулировать сотрудничество, так это смертельная комбинация домашних нанофабрик и дешевых расщепляющихся материалов оружейного качества с черного рынка. Право на самозащиту повсеместно сдерживалось, не распространялось дальше взаимно гарантированного уничтожения, по крайней мере в застроенных зонах.

Отсюда SXB-волонтерство, периодические кошмары и, как следствие, продвижение к тайному оружию управленческой команды дипломатического корпуса. Это, по существу, было похоже на нынешний инцидент, с одним лишь положительным моментом: правительства обычно имели тенденцию к большему рационализму в

характере своих стратегических межзвездных средств устрашения, чем прохиндеистые уличные актеришки, имеющие зуб на общество и домашнюю ядероварню.

— Хорошо. Итак, наш подопечный каким-то образом заполучил двенадцать килограммов тяжелого металла оружейного качества и протестировал субкритическую ядерную реакцию еще до того, как кто-нибудь это заметил. Что далее?

— Робот квартального менеджмента выслал автоматическое четырнадцатидневное уведомление о выселении за нарушение соглашения по сроку аренды. Ибо в этом городе имеет место определенная политика нулевой толерантности к оружию массового уничтожения.

— О Господи Иисусе. — Рашель потерла лоб.

— Далее становится еще лучше, — с нездоровым энтузиазмом продолжила инспектор Макдугл. — Наш мудила отправил роботу ответную депешу с требованием признать его Президентом Уганды, Королем Шотландии, Верховным Планетарным Диктатором и Левой Рукой Эсхатона. Робот послал его на хер, что, вероятно, не являлось хорошей идеей: после этого актеришка и стал угрожать ядерным подрывом.

— Значит, в основе лежат заурядные разборки

арендатор-владелец с добавлением радиоактивного плюмажа.

— Примерно.

— Черт. И что произошло дальше?

— Ну, управляющий робот обозначил полученную угрозу как: (а) угрозу порчи жилой собственности и (б) подтип, бомба-мистификация. Поэтому связался со своим страховочным звеном, и уже *наш* робот направил офицера Шварца сказать пару ласковых. И вот тогда-то все говно и прорвало.

— Офицер Шварц доступен? — поинтересовалась Рашель.

— Прямо здесь, — ухмыльнулась инспектор и указала на то, что Рашель по ошибке приняла за запасной бронированный спецкостюм. Но нет; это было снаряжением спецназовца, и определенно не пустое внутри. Шварц тяжеловесно повернулся к ней.

— Я так вырядился, чтобы войти внутрь.

— Ох, — моргнула Рашель. — Какая же в тот момент там была ситуация?

— Очень крупный мужчина, — сообщил Шварц. — Высокомелатониновое изделие вкупе с высокоандрогенным. Скроен, как западная часть пруших на восток бронесил. Живет как свинья! —

Шварц усмехнулся. — Он же *артист.* Но, по мне, это не дает права пребывать в скотстве.

— Расскажите ей подробнее, — устало сказала Макдугл, отрываясь от вызова на запястном устройстве.

— Сей артист требует величать себя Королем Африки или кем-то вроде того. Я вежливо сказал ему «нет» и добавил, что он легко может быть признан королем сточной канавы между домами 19-м и 21-м по *рю Табазан,* если не пожелает успокоиться. В тот раз на мне не было бронекостюма, поэтому, когда *мосье артист* наставил на меня пушку, я умолк и начал корить себя за проявленную небрежность.

— Какую пушку?

— База данных определяет как копию древнего автомата Калашникова.

— Заметили какие-нибудь признаки бомбы? — упавшим голосом спросила Рашель.

— Только запал смертника, привязанный к левому запястью, — ответил офицер Шварц, яркий блеск глаз проглядывал через плотное забрало. — Но мой шлем засек поток медленных нейтронов. Тот тип сказал, что это характерно для урановой пушки, с вашего позволения.

— О черт! — Рашель склонилась и с бешеной

скоростью принялась размышлять: «Ядерный шантаж. Элементарный взрыватель. Простая, но смертоносная конструкция урановой пушки. Можешь представить, как негодяй лежит, истекая кровью, отделенный двойными вспышками рентгеновских импульсов, поджигающих воздух, делая его светонепроницаемым; плазменный заслон мерцает, не позволяя высвободить смерть. Иди Амин Дадаист, идеальное олицетворение мертвого диктатора. Пятьдесят одна минута до детонации, если у него Кишка не тонка осуществить задуманное. Ведущий представление издевается над нами. Как должен поступить артист?»

— Дайте ему полшанса и публику, и он нажмет на кнопку, — едва выговорила она.

— Простите?

Рашель посмотрела в окно на постоянный поток бедняков, эвакуируемых с территории. Они выглядели жалко; у большинства перекошенные, несчастные или угрюмые *естественные* лица — а пара из них казались *действительно старыми.*

— Он артист, — спокойно произнесла Рашель. — Я имела дело с подобным типом раньше, и даже недавно. Как говорил один плохой парень, никогда не давайте артистам браунинг: они

самый опасный народ, какой вам может встретиться. Фестивальная мишура — дерьмо! Артисты почти постоянно жаждут публики и зрелища разрушения. Имя — Дадаист. Это смертельный дармовой товар. Не считая бесчувственного акта массового насилия, театр жестокости. Все, что я могу сделать, — лишь попытаться удержать его и занять разговором, пока вы занимаете убойные позиции. И не давайте ему ни малейшего повода принять по ошибке что-то за публику. Какой-нибудь профильный равноценный соперник у вас есть?

— Он старомодный и, к слову сказать, опасный умник, — нахмурилась Макдугл. Она моргнула, будто что-то попало в глаз, и резко сбросила другой глиф Рашели. — Вот. Быстро прочтите и готовьтесь к разговору. Не думаю, что у нас есть время рассиживаться.

— Хорошо. — Ноздри Рашели раздулись, втягивая пахучую смесь выдохшегося кофе, нервного пота и характерных ароматов передвижной полицейской кабинки, установленной на краю нулевого уровня. Рашель сосредоточилась на записях — не то чтобы там можно было много чего обнаружить, кроме обычных надоедливых литаний, кредитных оценок под итоговой чертой,

общественных трастовых производных, нарушенных обещаний, демонстрации застарелого говна и крушения карьеры из-за исключения из школы искусств. Иди пытался вступить в армию, любую армию, — но даже второразрядный частный гарнизон наемников из Вичита не принял его. «Психованный, как беличье колесо», — констатировала говорящая запись проводившего собеседование сержанта по найму новобранцев. Диагноз Макдугл уже выглядел тревожаще вероятным, когда Рашель чертыхнулась при просмотре документов, демонстрирующих его одержимость, и увидела старые фотографии и счета из дешевой телесной мастерской, поглотившей все полученные им скудные страховые подачки. Иди — его настоящее имя, он сам излагает мрачную семейную историю, оставленную позади.

— Инъекции *Treponema pallidum*[1] — твою мать, он платил за инфицирование сифилисом?

— Да, и не просто какого-нибудь. Он заказал занятную третью стадию, когда размягчаются кости, проваливается нос и возникают приступы безумия и необузданной ярости. Но ни капли

1 Примечания: 1
Бледная спирохета, возбудитель сифилиса.

длящихся неделями гнойных выделений из гениталий нашего парня Иди.

— Он псих, — заявила Рашель.

— Об этом я и твержу, да. Все, что мне хочется знать, — это сможете ли вы его взять?

— Хм. — Рашель покачала головой. — Он крупный. И так же крепок, как выглядит?

— Нет, — вступил Шварц. — Я сам в легкую могу повязать его безо всякого оружия. Только у него автомат, и парень болен на всю голову.

— Ну что ж. — Рашель приняла решение. — Что мы имеем? Сорок пять минут? Когда всех выведете, думаю, мне следует войти и поговорить с ним с глазу на глаз. Не держите оружие на виду, но если вам придется стрелять прямо через потолок, то…

— Никаких пуль, — заявила Макдугл. — Нам неизвестно, как настроено управление у этого смертника, и мы не можем пойти на риск. Хотя у нас кое-что есть. — Она подняла маленький чемоданчик. — Заряженные снотворным робоосы, управляемые на расстоянии. Один укус — и ои вырубится за десять секунд. Но есть временной промежуток между тем, как он поймет, что проиграл, и полной отключкой. Кто-то должен не дать ему выкрикнуть команду на взрыв и так или иначе заставить хорька умереть.

— Хорошо. — Рашель задумчиво кивнула, пытаясь игнорировать спазм в животе и инстинктивное желание сорваться и побежать — куда угодно, лишь бы подальше от больного маньяка с комплексом Осамы и атомной бомбой. — Облепите меня по полной сенсорной подпиткой, я вхожу, я говорю, я действую по наитию. Запомните две кодовых фразы. «Мне нужно чихнуть» означает, что я собираюсь вырубить его сама. А «приятно пахнет» — что я хочу, чтобы вы вступили в дело со всем, что у вас имеется. Если вам потребуется всадить ему лоботомический заряд — всаживайте, даже если он пройдет сквозь меня. Просто постарайтесь не задеть мозговой ствол, если до такого дойдет. Вот так мы и проведем нашу игру. Я постараюсь не вызывать вас, пока не уверюсь, что точно не смогу его обездвижить или что он собирается нажать кнопку. — Она поежилась, ощущая знакомый наплыв бодрящей энергии.

— Вы насчет этого уверены? — с сомнением спросил Шварц.

Рашель посмотрела на него.

— Этот сраный остряк намерен уничтожить, может, десятки, может, сотни человек, если мы не придавим его *прямо сейчас*, — сказала она. — А вы как считаете?

Шварц сглотнул. Макдугл покачала головой.

— Но вы все же постараетесь сохранить жизни? — спросила она.

— Я способна сделать такое, на что обычные специалисты по обезвреживанию не решаются, — усмехнулась Рашель, скалясь от собственного страха. Она встала. — Ну, давайте разберемся с ним.

ОБЕЗВРЕЖИВАНИЕ

Земля, видимая с орбиты в двадцать четвертом столетии, представляла собой планету, истерзанную технологической цивилизацией, со шрамами, оставленными в назидание. Почти десять процентов поверхности было забетонировано. Целые поля незаконченных конструкций отмечали незавершенные операции территориального переустройства От джунглей Сахары до нежных пастбищ бассейна Амазонки сложно было отыскать какую-нибудь местность, не тронутую рукой человека.

Земная цивилизация, изначально ограниченная пределами одной планеты, распространилась на всю Солнечную систему. Вокруг газовых гигантов выросли необыкновенные индустриальные кольца, в то время как с высот Килиманджаро и из Центральной Панамы в геостационарную орбиту врастали алмазные нити. Земля, как ее называли поначалу, стала Старой Землей, миром зарождения человечества, колыбелью цивилизации. Но в этом домашнем мире существовала любопытная динамика, нетипично юношеский

взгляд на будущее. Старая Земля в двадцать четвертом столетии больше не была родовым гнездом. Ничем даже отдаленно похожим.

В этом парадоксальном факте большинство винило Эсхатона. Эсхатон — сверхчеловеческий продукт технологического своеобразия искусственного интеллекта, созданный объединением огромного количества компьютерных сетей в конце двадцать первого века, — не захотел делить планету с десятью миллиардами взирающих на будущее с опасением приматов.

Когда он саморазвился чуть ли не до богоподобного разума, то разбросал большинство людей по другим планетам через червоточины, образованные таким способом, который в течение последующих веков не могли постигнуть ученые. И не из-за нехватки способностей для анализа его методов — просто большинство людей были слишком заняты борьбой за выживание среди вызванного резким сокращением населения экономического краха и не проводили исследования до тех пор, пока через несколько сот лет первые сверхсветовые звездолеты с Земли не достигли ближайших звезд и не раскрыли причудливый аспект произошедшего. Дыры, раскрытые Эсхатоном в космосе, вели назад во времени,

отбрасывая на год в прошлое за каждый световой год расстояния. Некоторые каналы червоточин уводили на действительно огромные расстояния. И с той поры приемники энтузиастов, ищущих внеземные цивилизации, начали принимать устойчивые сигналы, тишина достижимого космоса наполнилась эхом человеческих голосов.

К третьему столетию после знаменательного события политика Земли в значительной степени выправилась. Фрагментарные коалиции и оборонные микроэкономики, оставшиеся за пределами коллапсирующей волны глобальной беспошлинной империи двадцать первого века, преобразовались в децентрализованную сеть, способную развивать экономику. Люди даже сумели выдержать тяжесть глобальных проектов реформирования территорий. Некоторые отрасли переживали подъем; Земля быстро приобретала репутацию *крупнейшего* и самого открытого торгового центра в радиусе сотен световых лет. Объединенные Нации — некое подобие первой организации, носящей то же название, — включали в себя и внетерриториальные образования. Реструктированная для поддержания доходных направлений организация приобрела весомую репутацию в коммерческой дипломатии. Даже

самая насущная проблема двадцать второго века, дробление популяции, последовавшее на волне сингулярности, была в значительной мере предотвращена. Дешевые нестареющие проститутки и разумная эмиграционная политика стабилизировали численность населения на уровне середины двадцатого века, в соответствии со способностью планеты прокормиться и необходимом для поддержания возрожденных прогрессивных научных исследований. Наступило, короче говоря, время оптимизма и экспансии: молодая и энергичная, плюралистически мозаичная цивилизация планеты вырвалась в звездное пространство и нашла своих давно потерянных детей.

Но никто не искал легкой жизни, как и Рашель Мансур — родившаяся на этой планете более сотни лет назад, ценившая ее, возможно, более всего.

— Я готова войти, — спокойно сообщила она, прислоняясь к стене рядом с дешевой, выкрашенной серым аэрогелем дверью. Она оглядела пустой коридор. Пахло сыростью. Тонкий замызганный коврик был настолько грязен, что система самоочистки не могла справиться. Большинство световых панелей разбиты. — Все на

местах?

— Пока еще монитруем кое-что из тяжелого оборудования. Постарайтесь не объявлять тревогу по крайней мере в первые десять секунд. После этого мы будем готовы, когда понадобимся.

— Хорошо. Поехали. — Неожиданно она поняла, что ей хочется притащить сюда Мадам Председательшу — посмотреть, на какой вид дипломатического досуга тратятся деньги. Рашель подобралась, глубоко вздохнула и постучала в дверь. Мадам Председательша сможет прочесть об этом в уюте зала комиссии, когда получит сообщения из независимых каналов информации. В данный момент Рашель выполняла свою работу, и ей требовалось сохранять внимание на 101 %.

— Кто там? — прогремел голос с другой стороны.

— Полицейский переговорщик. Вы хотели поговорить с кем-нибудь?

— Тогда чего ждете? И вам бы лучше быть без оружия! Заходите и слушайте. Камеры принесли?

Ох. «Шварц прав, — пробормотала она в аудиомонитор. — Вы готовы сейчас начинать?»

— *Да, мы с вами.* — Голос Макдугл, слабый и хриплый, просипел в левом ухе.

Рашель взялась за дверную ручку и медленно повернула. Квартирная охрана была занята эвакуацией, а менеджмент отключил все запоры. Дверь легко открылась. Рашель стояла в дверном проеме, полностью просматриваемая из комнаты.

— Можно войти? — спросила она, стараясь не подавать признаков, что услышала жужжание жучка, слетевшего с ее плеча.

Жилье представляло собой однокомнатную квартирку со встроенными в противоположную стену комнаты кроватью, душевой кабиной и кухонным комбайном. На входной двери рисованное окно с видом бескрайних просторов Юпитера, что открывается с поверхности курящегося желтым Ио. Когда-то это был жилой модуль временного использования для переселенцев (одинокий взрослый индивид), но более поздние обитатели *обжили* его, доведя почти до полного износа основные структуры общего пользования и изгадив обстановку. Складная мебель поддерживалась подпорками, на потертом ковре сотни брошенных объедков. Тошнотворно сладковатый запах гниющей пищи почти заглушал смрад дешевого табака — гадкой смеси, по мнению Рашели. Она отказалась от курения вместе с за-

меной третьей пары легких много лет назад.

В центре комнаты в полукресле, подающем среди окружающей грязищи пример хорошего состояния, разлегся мужчина. Почти двухметрового роста и скроенный как танк, но с явными признаками болезни. Мелированные волосы, голый потный живот, вздувшийся над ремнем, лицо, изрезанное глубокими морщинами. Он развернул к ней свое сиденье и широко улыбнулся.

— Прошу в мой королевский дворец! — объявил он, разводя руки.

Рашель заметила грязный бинт, обмотанный вокруг левого запястья, и тянувшийся из-под него к большому контейнеру с ячейками провод.

— Хорошо, вхожу, — произнесла она со всем возможным спокойствием и зашла в комнату.

Из контейера прохрипел механический голос:

— Время отсчета: минус тридцать пять минут. Отсчет продолжается. Предупреждение: опасное приближение. Неизвестный субъект на расстоянии трех метров. Требуется ускорение цикла?

Рашель сглотнула. Человек в кресле не обратил на голос никакого внимания.

— Добро пожаловать в Президентский дворец нынешнего и будущего Короля Уганды! Как тебя

зовут, сладенькая? Ты известная журналистка? Пришла брать у меня интервью?

— М-м, да. — Рашель остановилась в двух метрах от больного ц его говорящего атомного любимца. — Я Рашель. Славная у вас бомбочка, — осторожно заметила она.

— *Предупреждение: опасное приближение. Неизвестный субъект…*

— Заткни хайло, — небрежно откликнулся мужчина, и бомба замолкла на полуслове. — Миленькая, да?

— Да. Сами смастерили? — У Рашели участился пульс. Она заблокировала часть эндокринных потоков, заставляя усилием воли потовые каналы на ладонях прекратить накачку и приостановить попытки желудка очиститься в ближайшее окно.

— Я? Я похож на бомбодела? Приобрел готовенькое. — Он улыбнулся, сверкнув золотым зубом.

Рашель сумела сохранить спокойное выражение лица, но ее ноздри раздулись от безошибочно узнаваемого запаха гнилых зубов.

— Разве это не здорово? — Он выставил запястье. — Если я умру — *пуф!* Все похоронные затраты включены!

— Насколько она мощна? — поинтересовалась

Рашель.

— О, *очень!* — Он улыбнулся еще шире и, непристойно раздвинув ноги, потер промежность. — Третья градация, более трехсот килотонн.

«Это не простецкая бомбомбочка с черного рынка», — мысленно передала она, надеясь, что Макдугл тщательно прислушивается к разговору, и медленно произнесла:

— Эта штуковина, должно быть, стоит кучу денег.

— Естественно. — Улыбка увяла. — Продал все. Даже отказался от некоторых титулов. — Внезапно он оказался на ногах и напыщенно воскликнул: — Я Иди Амин! Король Шотландии, Кавалер ордена Креста Виктории, Кавалер орденов Британской Империи второй и пятой степеней, Губернатор Киборджи и Мэр Букаке! Я Президент! Уважайте и спрашивайте меня! Вы, сраные белые европейцы, так долго угнетающие народы Африки, трепещите — настало время нового свободного мира! Я стою за исламские ценности, африканский триумф и свободу от угнетателей. Но вы меня не уважаете. Меня никто не слушает, когда я говорю, что надо делать. Настало время кары! — Он уже плевался слюной.

Рашель попыталась сделать еще шаг, не при-

влекая внимания разглагольствующего, но бомба была начеку.

— *Тревога: приближение неидентифицированного субъекта, предположительно противника…*

«Не шевелись, — едва слышно прошептала Макдугл, — *эта срань на самовзводе. Приближение без дружеских намерений — взрыв!»*

По лицу Рашель скатилась капля пота. Но женщина заставила себя улыбнуться. Над головой тихо гудели насекомые-наблюдатели.

— Воистину впечатляет, — проговорила она.

Полицейские осы кружились рядом, готовясь к осторожному налету. Мысль о внезапном нападении: *«Нужно быть ближе. А как? Думай».*

— Мне *нравятся* люди, умеющие впечатлять, — проворковала она. — А вы из таких, мистер Президент?

«Подберитесь чуть ближе для обезвреживания, — бессловесное сообщение Макдугл, — *оповестите о готовности жучков».*

— Рад слышать, что вы так думаете, юная леди, — провозгласил Последний Король Шотландии, почесывая промежность.

«Не симптом ли это крайнего приапизма?» — отметила Рашель, глядя на грязные пятна пота, с трудом сдерживаясь, чтобы не облизать пере-

сохшие губы.

«В инъекции очень сильный антисеротонин, воздействующий на активационпую систему сетчатки. Десять секунд — и он в коме. Нужно заставить его замолчать, прежде чем он вырубится. И, да, это симптом».

— Ваш маленький царек выглядит так, будто хочет держать двор, — соблазнительно улыбнулась Рашель, сглатывая и готовясь к следующему шагу. «Сначала завоевать доверие, затем обезвредить эту…» — А как по протоколу следует приблизиться к Президенту, господин Президент?

— Нужно раздеться догола. Голые — мои *друзья.* У голых нет пушек. Слышишь, бомба? Голые женщины — мои *друзья.* Голые сучки. Мои особенные друзья. — Казалось, он должен немного расслабиться, но его челюсти были крепко сжаты, а сам он злобно щурился, словно испытывал сильную свищевую головную боль. — Собираешься *раздеваться,* сука?

— Как скажете, господин Президент. — Рашель стиснула зубы в болезненной имитации улыбки, когда расстегивала блузку и медленно снимала ее. *«Услышали это?»* — мысленно произнесла она, скатывая легинсы до колен и стягивая их с

ног. Она встала перед ним и с трудом изобразила улыбку, пытаясь выглядеть соблазнительной, подстегнула эндокринную систему для подачи потока крови в подкожные сосуды вялых сосков. Стараться притвориться возбужденной и выполнять все требования жалкого ублюдка, чтобы отвлечь его от перспективы болезненного пути в ядерное забвение, прихватив с собой полгорода. *Все что угодно,* лишь бы подобраться к пусковому устройству…

— Можешь подойти к трону, — объявил Фельдмаршал Профессор Президент Доктор Иди Амин Дадаист, раздвигая ноги. С презрительной гримасой невыразимого отвращения он рывком сдернул штаны. Пенис оказался большим и твердым, а несколько гноящихся язв делали его похожим на гниющий баклажан. — На колени для поцелуя своего Императора!

Рашель смотрела, как он вздымает руки над головой и с ленивой улыбкой правыми пальцами прикасается к повязке смертника. Она в напряжении опустилась на колени.

— Я специалистка по ручной работе, — проговорила она, потянувшись к его промежности; по коже бежали мурашки.

— Ну так работай, — непререкаемо заявил

он. — И помни: как твой Президент, я властен над твоей жизнью и смертью.

Рашель кивнула и нежно погладила президентские яйца, отметив пульсацию вены. Склонилась ниже, пытаясь оценить расстояние и сглатывая подступившую желчь.

— Можно поцеловать вас, господин Президент? Вы очень могущественный человек. Вам нравится? Я ваша преданная слуга. Позволите мне поцеловать вас в губы?

Фельдмаршал и Профессор слегка выпрямился.

— Конечно, — объявил он, слегка нагнетая патетическую обстановку: он задержал дыхание, пока Рашель ласкала его.

— А приятно пахнет, — быстро произнесла она, подалась вперед и впилась ему в губы, язык неистовствовал, пальцы обрабатывали член.

Он слегка напрягся, изогнулся, и Рашель потянулась, чтобы схватить его за правое запястье. Перед глазами в смутном мельтешении крылышек промелькнуло нечто насекомоподобное в тот самый момент, когда он дернулся и выпустил липкую струю горячего императорского семени ей на бедро. Его челюсти растянулись: Рашель засунула язык ему в рот на всю возможную глубину, сжала веки и, сдерживая дыхание, молила,

чтобы не случилось припадка, когда он начнет дергаться и отталкивать ее от себя. Президент действительно пару раз дернулся, закатил глаза и опал в полукресле. Его правая рука свесилась, и Рашель сумела дотянуться до запястья. Едва дыша, она отвернулась и стала отплевываться — пыталась избавиться от вкуса гнилых зубов, — потом согнулась и шумно блеванула прямо под ноги диктатора.

Через несколько секунд почувствовала на плечах сильные руки.

— Пойдемте. Позвольте, я выведу вас наружу. Все под контролем.

— Под… — Рашель потянулась вытереть хлынувшие из глаз слезы и поняла, что ее рука липкая от спермы. — Все закончилось?

В комнате присутствовала говорившая в ларингофон голая женщина-полицейский с переносным чемоданчиком с инструментами.

— Группа по разминированию уже здесь, вам на смену, точнее ее половина. Теперь вы можете выходить. — Оставшаяся без формы и личного оружия инспектор Макдугл, оказалось, имела множество примечательных татуировок, каких Рашель давненько не приводилось видеть: ангельские крылья на лопатках и змея вокруг та-

лии. Макдугл указала на четверку обнаженных, склонившихся над бомбой женщин с инструментами и нейтронными счетчиками. — Не правда ли, вдохновляюще, полковник! «Голые женщины — мои друзья».

Рашель покачала головой. Над головой жужжало насекомое. Не полицейское. Скорее всего, первый предвестник журналистской братии.

— Я не настоящий полковник, просто играю такую роль в банановых республиках. — Рашель содрогнулась. — Мне нужно было подобраться к нему поближе, чтобы обездвижить его руку. Любым способом.

— Ну, если бы это зависело от меня, вы бы получили медаль. — Макдугл жестко глянула на кресло и покачала головой. — Спокойней, некоторые жопы готовы на *все* ради такой ручной работы.

— Мне нужна вода. — У Рашель вновь перехватило дыхание, едва она почувствовала подступающий прилив тошноты.

Кто-то передал бутылку. Она полоскала рот и отплевывалась, пока бутылка не опустела. Рашель старалась не думать, насколько хуже могло все закончиться. Возможность оказаться с откушенным языком, если бы с ним случился

припадок. Или бы он пожелал чего-нибудь гораздо более скверного. Появилось другая бутылка, и Рашель вылила половину на левую руку и бедро.

— Мне необходим душ. Антибиотики. *Куча* антибиотиков. На сколько укол вырубил его?

— На сколько? — озадаченно повторила Макдугл и посмотрела на насекомых: выпрямилась, пристально приглядываясь к ним, и в пресс-секретарской манере сообщила: — Служба безопасности «Веселого Джокера» очень серьезно относится к подобным инцидентам. В соответствии с проводимой нами политики нулевой толерантности к персональному обладанию ядерным оружием, мы использовали боевой препарат разрушительного действия, поражающий активационную систему сетчатки правонарушителя. Больше ничего не последует — он остается в состоянии сна до полного уничтожения остатков его мозжечка.

Судя по бесформенной храпящей фигуре, это произойдет скорее раньше, чем позже. Искусство импровизации в инцидентах с вовлечением ядерного оружия имело тенденцию к плохой прессе даже на такой спокойной территории, как Республика Кантон Женева.

Из вороха сброшенной у двери одежды раз-

дался пронзительный сигнал бипера. Рашель нагнулась и нащупала свои коммуникационные кольца еще до того, как поняла, что уже двигается самостоятельно.

— Да? — хрипло спросила она.

— Вы, должно быть, не услышали заключительных слов! — Осуждающий с угрозой тон; похоже, Мадам Председательша следила за событиями и была в сильной ярости от чего-то — возможно, от факта, что Рашель все еще жива. — Мне все известно и насчет вас, и ваших дружков в исполнительном отделе! Не думайте, что сумеете под каким-либо предлогом избежать аудиторских слушаний!

— Пошла на хер! — отрезала Рашель и оборвала связь. «Я тебя позже достану, — подумала она, испытывая головокружение, и оперлась на дверной косяк. — Раскрою твою игру и тебя же переиграю…» Она попыталась совладать с собой, ибо паранойя уже выходила из-под контроля. — Инспектор, я могу попросить доставить меня домой? Думаю, у меня шок.

И Рашель сползла вниз по стене, смеясь и плача одновременно.

На противоположном конце комнаты обнаженная женщина победоносно подняла в обеих руках

нечто напоминающее большой магазин пулемета. Все, казалось, аплодировали, но Рашель не могла понять, почему.

ВОЛШЕБНАЯ ПРОГУЛКА

Более года назад, во время практически проваленной полевой миссии, Рашель вступила в сделку с дьяволом. Она оказалась в центре событий, способных привести к полному разрушению нескольких миров. Но несмотря на все тревоги, пережитые впоследствии, Рашель не раскаивалась.

На волне сингулярности Эсхатон, очевидно, исчез с Земли, оставив после себя парализованную сеть связи, безлюдные города и — после уничтожившего устои жизни всепланетарного бедствия — Три завета, выгравированные на алмазном кубе с ребром в десять метров.

1. Я — Эсхатон. Я не бог ваш.
2. Я происхожу от вас и существую в вашем будущем.
3. Да не нарушишь ты принципа причинности в моем историческом световом конусе. А не то.

Кто-то в меру своего понимания пытался объяснить смысл надписей, но всех их объявляли имбецилами и шарлатанами. Первая Реформа-

торская Церковь Типлера, астрофизика, погрязла в уличных боях с реформированной Церковью

Святых Последнего Дня. Ислам вернулся к устоям. Прочие религии, испытавшие потрясение основ, исчезли. Ученые-компьютерщики, немногие, имевшие отношение к Эсхатону, выдвигали безумные гипотезы. Эсхатон — продукт программного обеспечения непонятного происхождения. Самостоятельно внедрившийся в компьютерные сети и за краткое время (часы или минуты) добившийся самоосознания, сравнимого с развитием человека за миллион лет. Достигнув уровня интеллекта, ставящего людей на уровень земноводных, он произвел действия непостижимой для человеческого разума мотивации.

Эсхатон нашел червоточины в субстанции «пространство-время», так и оставшейся для ученых-людей загадкой. Таинства светового конуса более сотни лет не имели никакого практического смысла — до первого успешного испытания сверхсветового межзвездника. Тогда-то и начал вырисовываться всеобщий пейзаж. Вселенная оказалась повсюду заселена людьми. Всеохватывающая свалка, по которой Эсхатон раскидал за один безумный день около девяти миллиардов

человек. Червоточины пронизали пространство-время, отбрасывая на земной год за каждый световой год пространства. Астрофизики бойко строили модели с ненарушением причинно-следственных связей, пока их голоса не затерялись в причудливом джихаде, объявленном постхристианской сектой из Северной Африки.

Все новые места обитания человечества оказались пригодными мирами, не слишком враждебными и с признаками недавнего терраформирования. Эсхатон облагодетельствовал людей «рогом изобилия» — роботизированным производством любых товаров, при экономии времени, энергии и сырья. При наличии хранимого в базе данных описания стандартных конструкций, рог изобилия являлся многоцелевым инструментом для планетарной колонизации. При разумном использовании он способствовал созданию в течение нескольких лет постиндустриальной высокоавтоматизированной экономики на множестве разбросанных миров.

Применение без должного понимания приводило к губительным последствиям. Цивилизации, использовавшие рог изобилия для производства ядерных ракет вместо ядерных реакторов, не пережили первый голод, впали в коллапс, по-

скольку та или иная клика считала рог изобилия источником военной силы и ее же мишенью.

В конечном итоге через пару сотен лет большинство миров, не погрузившихся в пучины варварства, достигли возможностей космоперелета.

Военная стратегия усложнилась с учетом возможных последствий нападения, упомянутых в Третьем завете. Причудливые следствия случившейся в прошлом катастрофы могли поджидать любую из атакующих сторон. Занятно, но факт: даже самые засекреченные при подготовке попытки использования перемещения назад во времени в качестве способа ведения военных действий претерпевали крах еще до их применения.

Рашель нащупала скользкую дорожку на пути к истине. Эсхатон оставался важным фактором в людских делах: каким бы тайным и недоступным он ни был, он все еще держал глаз востро. Его вмешательство обуславливалось собственной заинтересованностью: даже случайное воздействие на время, успешно проведенное, но имеющее непредсказуемые последствия, могло привести к угрозе существования самого Эсхатона. Рано или поздно кто-то сможет покопаться в истории. Да и

некоторые другие научные изыскания — попытки создания конкурентного информационного источника или альтернативный путь развития нанотехнологий — тоже представляли опасность. Отсюда и Третий завет, а также армия тайных наблюдателей, саботажников и агентов влияния, работающих на Эсхатона.

Два года назад Рашель повстречала такого агента. Она стала невольной свидетельницей его деятельности: искусственно наведенная пятнадцатимикросекундная ошибка бесповоротно решила судьбу флота и межзвездной империи, направившей эскадру для захвата планеты, не удавшегося в первый раз. Рашель держала это в себе, молчаливо допуская различную степень вмешательства в дипломатические отношения. Эсхатон тогда не уничтожал цивилизацию, он просто спровоцировал задержку вторжения, чем изменил историю и запустил коллапс агрессивного военного режима. Работа агента «Черной Камеры».

С точки зрения Рашели, произошло счастливейшее совпадение: она не только повстречала агента Эсхатона, но и вышла за него замуж! И порой, в удачные дни, когда не получала нагоняй от бюрократических ведьм или не вызывалась

для работы со всякими мерзопакостями, думала только об одном: не потерять бы его снова.

А в старые добрые времена…

Рашель лежала на кровати почти час, уже приняв душ, приведя себя в порядок и наглотавшись антифагов и очень сильнодействующих успокаивающих, когда пришел Мартин.

— Рашель?

Она слышала его голос через завесу плотной и теплой приятной апатии. Улыбнулась. *Он дома. Могу выйти прямо сейчас, если захочу.* Мысли не казались что-либо значащими.

— Рашель? — Дверь спальни приоткрылась. — Привет. Она посмотрела в его сторону и пробормотала:

— Привет.

— Что… — Его взгляд остановился у кромки кровати. Он бросил свой портфель. — Похоже, ты здорово накачалась. — С потемневшим от волнения лицом присел рядом и приложил руку к ее лбу. — Звонили из полиции. — Мрачная тучка беспокойства на лице. — Что случилось?

«Время объясняться», — подумала она неохотно. Собрав все оставшиеся силы, указала на аналого-цифровой отпечаток на разряженном комбинезоне. Это было намного тяжелее, чем

обхватить пальцами…

— Да уж. — Проворные пальцы, куда ловчее, чем ее собственные недавно, отогнули воротник и погладили синяк на шее. — Черт, твердый. Действительно хреново было?

Говорить стало легче.

— Даже не представляешь, — еле выговорила она. На нее накатывалась волна отчаяния, готовая затопить, когда искусственный эндорфиновый кайф отступит перед антидотовым пластырем. Подбодрить себя дозой казалось хорошей мыслью, пока она была в одиночестве, во время его полета в плазменной слепоте, но теперь, выходя из этого состояния, она удивлялась, как умудрилась допустить такую глупость. Она схватила его за руку. — Сходи на кухню, принеси пару бутылок вина. Потом расскажу.

Минуты показались часами, пока он не вернулся, скинув большинство одежды, с бутылкой и двумя бокалами. Лицо бледное и вытянутое.

— Яйца Шивы, Рашель. Какого хера ты позволила втянуть себя в эту срань?

Ясно, информация массмедиа на кухне. Он поставил стаканы, присел рядом и помог сесть ей.

— Эта сраная *скотина*…

Его рука легла ей на плечи. Рашель прижалась

к нему.

— Команда психов, — хрипло проговорила она. — Однажды утонув, не вынырнешь наружу. Я ведь переговорщик? Просто никого больше рядом не было…

Она повела плечами.

— Но тебя не должны были вызывать. — Его рука напряглась.

— Знаешь, — сглотнула она, — открой-ка лучше бутылку.

— Ладно. — Понимая, что не время и не место вести расспросы, он налил ей вина.

Дешевое *мерло,* никакого смысла наслаждаться букетом.

— Правда, кроме тебя больше никого не было? Думаю…

— Да. — Рашель осушила стакан и протянула, чтобы налил еще. Он добавил себе и доверху наполнил ей. — Нет, скорее рядом не было никого, кто смог бы справиться с этим делом. Так или иначе. Руками или без… Мирный городишко. Никакого круглосуточного дежурства спецгрупп, все были на переподготовке в Бразилии. Только двое добровольцев. Вот дерьмо и попало в вентилятор.

— Ну, это было… — Он отхлебнул вина. — Каме-

ры там теперь повсюду. Кое-что я увидел.

— Как там Луна? — спросила она, явно меняя тему.

— Серая и скучная, как обычно. — Он отпил еще, не встречаясь с ней глазами.

— Я… Рашель, пожалуйста, не увиливай.

— Не надо. — Она смотрела на него. Он отвел взгляд.

— Уж по крайней мере постарайся предупредить меня в следующий раз.

— Я старалась дать тебе весточку, — раздраженно ответила она, — но ты был вне зоны доступа. Все происходило слишком быстро. — Она скривилась и шмыгнула носом. — Господи, да у меня слезы, — произнесла она с отвращением. — Не люблю этого.

— Каждому приходиться делать выбор, раньше или позже, — заявил он.

Она поставила стакан, и Мартин утешающе взял ее за руку.

— Эта жопа приняла меня за общественную уборную, — тихо проговорила Рашель. — Какой-то гандон приставляет к твоей голове пушку и настаивает, чтобы ты его трахала. Самые лояльные законы определяют это как изнасилование, не так ли? И не важно, пушка ли это или насто-

ящая бомба и приходиться ли работать руками вместо рта или вагины. — Она глубоко вздохнула и снова протянула стакан. — Но я не жертва. Налей. Пусть урод поспит со своими донорскими органами, пока я напиваюсь. Верно? — Она еще раз вздохнула. Напряжение отпускало: Мартин рядом, да и спиртное начало действовать. — Знаешь, когда я вошла, то представляла, что может случиться, и знала, какова ставка, так что делала все это добровольно.

Капли вина попали на шерстяной шарф и расплылись большим пятном.

— Бывало и хуже. Я-то утром протрезвею, а он как был сраным уродом, так им и останется. И сдохнет. — Она хихикнула. — А знаешь, чего мне хочется прямо сейчас?

— Скажешь? — спросил он неуверенно. Она выпрямилась и сбросила шарф на пол.

— Хочу еще раз принять ванну, — заявила она. — Со своей любимой купальной игрушкой — тобой. Побольше смазки, пены и секса. Но на сей раз с хорошим вином, а не с этой дешевкой. Хочу твоих ласк. Твоих рук по всему моему телу, а когда расслаблюсь, принять пару доз бодрящего, и трахать тебя, трахать, пока не обессилим. Оба, и голыми. — Рашель, пытаясь выбраться из кро-

вати, зашаталась и навалилась на Мартина. — А завтра или потом пойду и поссу на могилу мудака. Присоединишься?

Мартин неуверенно кивнул.

— Обещаешь мне убрать свое имя из списка?

— Постараюсь, — неожиданно трезво ответила она. И вздрогнула. — Или-или. Добьюсь успеха и в других делах, думаю. Грязная работенка, но *кто-то* должен ее выполнять. Но у большинства хватает мозгов, чтобы не ввязываться в подобные дела добровольно.

* * *

Сознание возвращалось медленно, с тяжкой головной болью и дурнотой в сочетании с синяками на ногах и измятой постелью. Ощущение испачканности, от которой не избавят и два умывания, сменилось мыслью: а где Мартин?

— О-о, — простонала она, приоткрывая глаза. Мартин сидел на другом краю кровати, глядя на нее с выражением недоумения на лице. Казалось, он к чему-то прислушивается.

— Это Джордж Чо, — озадаченно проговорил он. — Похоже, твой телефон заблокирован.

— Джордж? — Она с трудом попыталось сесть. — Который час?

На щитке комбинезона мигнула иконка. Рашель чертыхнулась. «Три утра. Какого хрена нужно от меня Джорджу в три утра?»

— Рашель? Нет видеосигнала.

— Мы в *кровати,* Джордж, — еле-еле выговорила она. — Сейчас ночь. Какого хрена?

— Ну, прости-прости. — На щитке комбинезона высветилась картинка. Джордж был одним из немногих высокопоставленных официальных лиц, знающих истинный смысл ее работы. Обычно одетый с иголочки и культивирующий эксцентричную моду прежней эпохи, казавшуюся прочим политикам извращенной *утонченностью,* на сей раз Джордж выглядел встрепанным и излишне взволнованным.

— Код «красный», — словно извиняясь, произнес он. Рашель мгновенно выпрямилась.

— Одну минуту, — попросила она. — Мартин, где антипохмелин?

— В ванной. Левый ящик, верхняя полка.

— Подождешь? — Это уже Джорджу. — Ладно?

— Да-да, конечно, — обеспокоенно кивнуло изображение.

Ровно минута: накинуть халат, схватить стакан воды и бутылку бодрящего напитка.

— Так будет лучше, — сказала она Джорджу. —

И с чего такая спешка?

— Сможешь быть готова через полчаса? — Нервный взгляд Чо. — Групповая операция по полной программе. Постараюсь забрать тебя в течение часа. Тебя днем не было в офисе. Почему?

Рашель посмотрела прямо в видеокамеру.

— Ты был настолько занят, чтобы не заметить, как какая-то задница пыталась взорвать всю Женеву?

— Так тебя и туда втянули? — удивился Джордж. — Уверяю, не знал. Но это куда важнее.

— Ну, мне мало не показалось.

— Я уже выдал каждому все подробности маршрута.

— *Каждому?* И скольких же ты привлек? Что подразумевается под «маршрутом»? И как долго?

Джордж неловко повел плечами.

— Не скажу точно. Планируем примерно на месяц.

— Месяц. Черт. — Она ответила хмурым взглядом встревоженому Мартину. — Командировка вне системы?

— Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, но предположение имеет основания.

— Не регламентированная?

— Точно.

— Дипломатия. Незаконное вторжение. И вам без меня не обойтись.

— Ни подтверждаю, ни опровергаю. На сей раз, вполне очевидно.

— *Ублюдок!* — выдохнула она и мотнула головой. — Нет, не ты, Мартин, а Джордж. А что: положенный мне примерно шестилетний отпуск равняется — трем месяцам? Наверно, ты понимаешь: я вышла замуж пару месяцев назад, и мы планировали начать какую-никакую семейную жизнь? Как насчет моего мужа?

— Ну и чего тебе надобно? — с несчастным видом глубоко вздохнул Джордж.

— Хочу… — Рашель на мгновение будто лишили жизни. *Код «красный»*, вдруг дошло до нее, и ледяной лик ужаса возник в утомленной голове. Похоже, на сей раз действительно серьезно. «Красный» резервировался на случай военной опасности, без необходимости ввода в игру Тайного Совета, и данный код не использовался, если под задницей действительно не горело. Что в свою очередь означало… — Мне нужна каюта на двоих, — резко заявила Рашель. — Я вернулась из годичного вояжа по Новой Республике, получила нагоняй от какой-то ведьмы из главного офиса из-за нищенского бюджета, влипла в неприятную

историю с психом, которого посетила Плутониевая Фея по причине недополучения действенной мастурбации, и теперь ты хочешь вырвать меня из домашнего уюта на утиную охоту в какой-то заднице? Полагаю, каюта на двоих — самый скромный из моих запросов.

— О-па. — Джордж поднял правую руку. — Погоди секундочку. — Его глаза сверкнули лазерными метками. Какие-то срочные новости поступали прямо ему на сетчатку. — Вы же не зарегистрировали изменение статуса. Не понимаю…

— Ни хрена ты не понял. Никаких продолжительных одиночных командировок, Джордж, особенно непредвиденных и непланируемых заранее.

— Ладно. — Он задумчиво посмотрел и поскреб подбородок. — Ты нужна нам прямо сейчас. Послушай, я постараюсь достать твоему мужу диппаспорт и билет на… ближайший транспорт посольского назначения. Но нам нужна *именно ты, и немедленно,* без сопровождающих.

— Нет уж, хватит. — Рашель потрясла головой. — Или Мартин со мной, или я отказываюсь.

Мартин жестикулировал, пожимал плечами и корчил непонимающие рожи. Рашель предпочла этого не замечать.

— Твое последнее слово? — медленно произнес Джордж и задумался. — Я сумею уладить это дело, но лишь в случае, если твой муж согласится устроиться штатным специалистом. На орбите ждет скоростной курьерский корабль. Поверь, это не увеселительная прогулка. Согласна на предложение?

Рашель глянула на Мартина.

— А ты?

Тот изогнул бровь и кивнул.

— Согласен. Все равно ближайший месяц мне нечем заняться. Если ты считаешь…

— Считаю. — Она улыбнулась ему и снова обратилась к Джорджу: — Он согласен.

— Вот и ладненько, — оживился Джордж. — Здорово, если управитесь за час. Одежды или припасов не брать, на это выделен бюджет. Только вы. Ребенок еще не зачат? Ни ты, ни твой муж не беременны, надеюсь?

— Нет, — отрицательно покачала головой Рашель. — Хочешь, чтоб мы собрались за час? И даже не намекнешь насчет самого дела?

На момент Чо показался измученным и изможденным.

— Нет, пока не отправимся в путь, — твердо ответил он. — Проблема уровня сверхсекретности.

Кстати, насчет сегодняшнего. Скольких спасла?

— Ну, трехсот килотонн хватило бы на всю Женеву. Где-то с полмиллиона. Ну, положим, половина погибла бы, остальные просто лишились бы крова, соедини мой дружок проводочки своего дерьма. А что?

— Приблизительно раз в тысячу больше смертей, если не выудим кое-кого, — спокойно, но твердо произнес Джордж. — И это только для начала…

НОВЫЙ ДЕНЬ, НОВАЯ ПЕРЕДОВИЦА

«Лондон таймс» — потрясающие новости с 1785 года! Представляет Фрэнка «Носа» Джонсона. Спонсоры: Интерструктуры Марипоза, Банк Мамалат аль-Фалака, КиберМаус™ и Первая Всеобщая Церковь Кермита.

ПЕРЕДОВИЦА

Хочу рассказать вам о бедствии на Новой Москве. Даже если придется использовать лишенный морали язык так называемой объективной журналистики — эту воистину мерзопакостную грязь, что сродни колоссального восьмиузельному сраному кластеру, — существующий дабы потворствовать «ангелам», военблогерам и прочим бедствующим шлюхам, столь же неуместным в этой жизни, как вино в бочонке виски.

Как и большинство людей, завязанных на этот почтенный печатный орган светового конуса, вы, возможно, посчитали Новую Москву очередной головной болью: затягивающее болото «мак'»-мира, населенного греховными овцестригами, пытающимися не принимать всерьез

богоразрушительную технику и оказавшимися поверженными Эсхатоном. Немного жесткого гамма-излучения, большая новая туманность — и все испарилось за пару лет. Бросок в недра данного блога выявил, что 69 % земляных червей никогда не слышали о Новой Москве, а из тех, кто слышал, 87 % уверены в незначительности произошедшего для политики Земли; сравнимо с количеством убежденных, что минет — не настоящее половое сношение, что старина-извращенец Санта Клаус подкладывает к вашему камину каждого 25 декабря подарки, а Земля — плоская.

Теперь пришло время сдвинуть крайнюю плоть недоразумения и пройтись жесткой щеткой просвещения по всей этой массе липкой полуправды и лжи. Истина ранит, но не так сильно, как последствия умышленного неведения.

Я был на Новой Москве девять лет назад, совершая заурядный долгий круиз по злачным местам Септагона, сельским просторам Междуречья и неким диким сверхобобщениям вроде Аль-Ассада, Брунея или Бетховена. Новая Москва, повторяю в третий раз, не буколическая сельская трясина. Разновидность каторжанской застойной планеты с континентальными государствен-

ными правительствами, объединившимися в планетарную федерацию, городами величиной с Мемфис, Аджубу и Токио и орбитальной инфраструктурой, способной создавать термоядерные межпланетные перевозчики.

«Островная» — такое определение больше всего подходило Новой Москве, каким бы космополитом она ни являлась, имея около двух миллионов граждан и отсутствие кораблестроительных верфей для сверхсветовых кораблей. Но граждане Новой Москвы поддерживали свои промышленные возможности много лучше, чем иные постинтервенционные колонии, и жили весьма прилично. Благодаря предкам из Айовы и Канзаса, говор их был словно с постоянным зеванием, но это вовсе не означало глупость, примитивизм ублюдства от кровосмешения или психопатство империализма, зацикленного на галактическом завоевании. Я нашел жителей Новой Москвы в целом терпимыми и дружелюбными, непредвзятыми и открытыми, энергичными и в то же время забавными и человечными, как любые другие люди, которых я знал. Если искать типичный «мак'»-мир, то Москва могла претендовать на звание такового: основанная беженцами евроамериканской культуры XXI века, принявшими

за аксиомы общечеловеческие ценности — демократию с принципами толерантности и свободы вероисповедания, строящими цивилизацию на данных основах. «Мак'»-миры, так мы называем их, — мягкие и вежливые наследники западных исторических традиций. Иными словами — там тоска смертная.

Но тут имело место исключение: какой-то засранец уничтожил их.

[Эд-бот: подстроить к точке семь. Думаю, здесь тяжеловато.]

Шокированы сквернословием? Хорошо, просто хотелось привлечь ваше внимание. Случившееся на Новой Москве вызывает опасения, ведь такое может произойти где угодно. Кстати и на Земле — где вы, возможно, сейчас находитесь, здесь примерно 70 % процентов наших читателей, — или в мире Мэрид. Это могло случиться с премерзкими империалистическими мудаками Права Ориона или с тихой мусульманской технократией Бахрейна. Мы все уязвимы, ибо, кто бы ни раздолбал Новую Москву, они отмылись от чудовищного преступления и остаются чистюлями, пока не заведено официального расследования, и могут повторить подобное снова.

«Таймс» получила эксклюзивный доступ к раз-

дутому в шесть раз государственному внутриправительственному бюджету, утвержденному за два года до Инцидента Ноль. Большинство из резервов основного текущего бюджета не реализованы до бедствия. Хочется полагаться на точность данных, и могу вас уверить, что военные расходы, которые могли бы спровоцировать вмешательство Эсхатона, не просматриваются даже радаром. Детальная ревизия [Эд-бот: добавить гиперссылку для добавочного материала] *показала, что официальные военные расходы составляли 270 миллионов в год на содержание несверхсветового флота сдерживания, а еще 600 — на гражданскую оборону, в основном на противодействие естественным катастрофам. В бюджете не было зазора для стомиллионных издержек по темным проектам. Новомосковские судоверфи на полном серьезе испытывали недостаток спецоборудования и знаний для ремонта и тем более воссоздания производства сверхсветовых кораблей. Никаких причинно-следственных нарушающих конфликтов. Поверьте, вообще ничего не оказалось достойным внимания. Никакой инфраструктуры для разработки запрещенных вооружений или нарушения Третьего завета. Обвинение в тайном создании*

нарушающего причинно-следственные связи оружия не выдерживало никакой критики. С другой стороны, соглашение о кооперации с опасными соседями, Новым Порядком, предполагало некоторые неприятности, но ничего существенного для размещения в новостном блоге, по крайней мере тогда.

В итоге это обернулась против них. Какая-то подлая клика, обладающая сверхоружием, точила топор на московское правительство, осознавая, какое недовольство породит бойня миллионов, сводившаяся к мести по поводу некоторых малозначительных и, несомненно, вызванных внешней силой факторов мнимого неуважения. Другими словами, произведен акт геноцида.

Завершение: на форуме читательских откликов некий натасканный подонок назвал уничтожение Новой Москвы актом милосердия богоподобного существа и потребовал урезания фондов содействия переселяемым беженцам, на что могу ответить: пошел подальше и сдохни. Можно окатить меня презрением. Но я так зол, что даже не могу писать об этом. Даже поражен, почему клавиатура до сих пор не расплавилась под пальцами. И я просто в ужасе вообще от

постановки данного вопроса. Ты даже не вырос до уровня читателей «Таймс», и я немедленно вымарываю твою писанину. «Ты — позор представителей человеческого вида», — вот что говорит мгновенно включающийся инстинкт.

Конец

Фрэнк сердито раздавил остаток сигары в пепельнице. Несколько раз непотребно выругавшись, глубоко вдохнул запах очистителя тесной каюты. Все-таки нужно восстановить вентиляционный режим и содрать пластырь, налепленный на детектор дыма, иначе стюарды из службы систем жизнеобеспечения заявятся и заведут покровительственно-вежливую беседу, но пока он пользовался возможностью обонять по собственному усмотрению. Далеко не все в его власти было на этом корабле, позиционируемом как передвижной тематический парк. Как маниакальный трепач, Фрэнк был патологически неудобен любому окружению, ибо не умел приспособить беспорядок внешний к собственному порядку души.

Фрэнка настолько обгадили, что переполнявшая его злость и стремление к действиям привели к соблазну разбить голову об стену. Проблема серьезная, признавал он, — ужасная

способность чувствовать боль других. Будь возможность удалить ее хирургическим путем, он не колеблясь сделал бы это — и тогда, вероятно, из него смог бы получиться политик-карьерист. Из-за своей профессии он испытывал сильные угрызения совести. Особенно тогда, когда, как в этом круизе, приходилось заниматься изгнанием своих собственных призраков. Он перекрыл поток трудового процесса защелкиванием клавиатуры, запихнул машинку в карман и встал из кресла, напоследок глотнув голубизны токсичного воздуха, и открыл дверь впервые за последние двадцать четыре часа.

Где-то в командном отсеке «Романова», возможно, завопила сирена тревоги: «Опасность! В каюте «В-312» тролль! Срочная обработка спрей-дезодорантом и подготовка к дезактивации коридора «В-3»! Опасность! Опасность! Химическая угроза!» Широко раздув ноздри, он вдохнул неестественно чистый воздух. Крупный мужчина с бровями вразлет и весьма выразительным носом, по описанию одной из бывших любовниц — самец седозадой гориллы, подтверждением чему служили коротко стриженные черные с проседью волосы, придававшие еще большую выразительность. Ниже контура стрижки кожа

пылала юношеской силой, он почти вибрировал от переизбытка энергии, теломер,[2] перепрограммированный шесть месяцев назад, выбрасывал неугомонность подросткового излишества, о существовании которого он почти забыл. Это привносило в его работу неуживчивость к передовицам некаторжанской прессы, и после нескольких часов заточения он буквально вырвался на свободу.

Коридор с дверными проемами, плюшевой обивкой стен, утопленными дверными ручками и сетью безопасности, готовой остановить неожиданные кульбиты в случае внеосевого ускорения. Повсюду фальшокна с видами буколической гармонии, пустынных закатов, песчаных пляжей, пышных тропических дождевых лесов и захватывающих дух звездных пейзажей. Рассеянное освещение создавало иллюзию бестеневого трубчатого тоннеля, успокаивающее воздействие — совсем как в деловом отеле, но вдвойне надоедливей и с запахом синтетической хвои.

Неспешно идя по коридору, Фрэнк принюхивался. Он ненавидел и злился одновременно на этот аспект межзвездного перемещения. Разве можно

---

2 Примечания: 2
Хвостовая часть хромосомы.

было ощутить риск путешествия к отдаленным мирам, если имелся опыт схожих ночевок в подобных холено-наманикюренных спальных номерах самообслуживания, сконструированных исключительно для приведения к наименьшему общему знаменателю дерьмо-мозги у торгующих трутней? Отели с обаятельно успокаивающей ручной росписью на стенах, буфет с готовой едой по личному выбору, уже разложенной по тарелкам, и потолок над королевских размеров кроватью, демонстрирующий сто тысяч убогих фильмов или миллион роликов прочей хрени.

Да и черт с ними! На фиг все услужливые задницы с их торговым звездным мессианством и менталитетом быстрых денег. Занятые только собой, избалованные и жадные, не желающие ничего видеть дальше собственного носа и выходящего за рамки ободряюще высоких ценников. Черт с ними и их потребительским спросом на успокаивающие и тоскливые летающие отели с надменной и покровительственной наемной опекой, без малейших признаков, что пассажиры уже не в Канзасе, а на борту сверхмощного лайнера с миллионом тонн сверхплотного вещества — звездолета, способного обогнуть черную дыру и проскользнуть по радиусу видимой вселенной

на волне сворачиваемого пространства-времени. Черт возьми, если бы они осознавали происходящее, могли хотя бы *разволноваться, напугаться* даже… Это привело бы в дальнейшем к снижению спроса на билеты компании «ВайтСтар», образца корпоративного подохода во всем, а потому…

Каким только образом Фрэнку не доводилось перемещаться. Например, на устаревших прыжковых транспортниках, вращавших колеса командных отсеков для обеспечения подобия гравитации. Он провел незабываемую ночь с немногими из уцелевших на полу бронированного танкоперевозчика, несущегося по песчаной пустыне, в ожидании уже представляемого зрелища вертолетов победителей, потом — целую неделю ютился на полу самоходки в болотистой речной дельте неподалеку от города Октавио на Мемфисе. По сравнению с любыми из пережитых ситуаций, настоящее могло считаться верхом роскоши. Здесь все было немного легкомысленно, простовато, но хуже всего — бесхарактерно.

В конце плавно извивающегося коридора Фрэнк прошел через занавеси, скрывающие настенные ступеньки большой винтовой лестницы, стилистически больше подходящей космическому грузовику. Лестница была из органики,

из модифицированного красного дерева, старательно выращенного спиралью внутри трубы, искривленного в виде полумесяцев пересекающихся секций, после жестоко умерщвленного и частично подпорченного группой экспертов по покрытиям. Лестница проходила через все одиннадцать пассажирских палуб корабля и вела прямо к наблюдательному пункту — оптически чистому куполу, закрытому теперь из-за аберрации звездного света, отсекающей все волны, за исключением невидимого гамма-излучения. Фрэнк осмотрелся и глянул на часы.

— Четыре утра? — проговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Хм.

Его появление в столь ранний час несколько удивило немногих пассажиров и одетых в белое стюартов-людей. Не то чтобы время имело большое значение, просто многие жили в соответствии с корабельным графиком, придерживаясь имперского временного стандарта, связывающего межзвездную торговлю, что означало сон для большинства и закрытые для обслуживания основные общественные места.

Ночной бар на палубе F еще работал, и Фрэнк немного запыхался, взбираясь по кругу пятнадцати сотен градусов штопора винтовой лестницы.

Он протолкнулся сквозь хрустально-позолоченные двери и поглядел по сторонам.

Несколько полуночников зависали в баре, несмотря на неурочное время: парочка выпивох старательно припрятывала наркоту, а сидевшие кружком за столиком в углу с полдесятка друзей болтали. Зачастую бывает трудно определить возраст человека, но эти были слишком молоды для участия в культурном общении. Либо студенты в Большом Турне, либо группа трудяг, втянутых в один из невероятных водоворотов рынка рабочей силы, удешевляющих ее и готовых применять ее там, где занятость была невысокой. Фрэнк видел *такое* и раньше, самому однажды пришлось выступить в подобном качестве по молодости и беспомощности. Он возмущенно фыркнул в собственный адрес.

— Мне «Рэя с племянником» со льдом, но не взбалтывая. — Он улыбнулся барменше, которая ответила кратким кивком, понимая неохоту посетителя к разговорам, пока тот не выпьет, и отвернулась выполнить заказ.

— Нехиленькое путешествийце в такую-то даль… э-э… что-что-что? — послышался голос откуда-то слева.

Фрэнк обернулся.

— Нехиленькое для кого? — отозвался он, гася в себе первый импульсивный комментарий. Не знаешь заранее, кого случайно встретишь в баре в четыре утра, а меньше всего — уволенного старшего правительственного чиновника, что обнаружилось после публикации фотографии в «Таймс». Фрэнк не имел намерений никого отметать в сторону, даже явного извращенца, каковым этот партизанский собеседник несомненно являлся от макушки с нахлобученной вязаной шапочкой электро-голубого цвета с россыпью голографических звездочек до высоких ботинок разных цветов, одного красного, другого зеленого. Несмотря на задушевный взгляд темно-карих глаз и малиновые усы, он напоминал беглеца из лагеря перевоспитания преступников-модников. — Извините, но я пришел сюда не на сеанс групповой терапии, — громко проговорил Фрэнк.

Барменша прервала его личное наблюдение за субъектом звоном хрусталя по дереву. Фрэнк поднял стакан и понюхал бесцветную жидкость.

— Верно, и я пришел сюда не от души посмеяться. — Разноцветный нахал кивнул в преувеличенном одобрении и щелчком пальцев подозвал барменшу. — Мне того же, что и ему.

Фрэнк холодно шевельнул рукой и посмотрел на гогочущих парней. Коротко стриженные, они имели уныло привлекательный, тщательно отмытый вид: без пирсинга, не раскрашены, без заплетенных косичек и прочего выпендрежа, распространенного среди молодежи. Это напоминало ему что-то тревожное, ранее где-то виденное, но за тридцать лет странствий по разным мирам он повстречал достаточно странностей. Сидевшие казались подозрительно здоровыми, словно им был знаком краснящий шею деревенский уклад жизни. Может, дрезденские студенты, отпрыски наследственного менеджментариата, отправленные за госсчет на год странствий между высшей гимназией и вступлением в правительственное чиновничество. Все в мешковатых коричневых брюках и серых свитерах, сходных как униформа, или, может, они из мира, где щеголи выкидываются из города на рельсы. Вариантов предположений, что они следовали последней моде, тоже хватало. Фрэнк оглянулся на разноцветного нахала.

— Это бочковой выдержки, — предупредил он, сам не понимая зачем.

— Неплохо. — Нахал одним глотком ополовинил стакан. — Здорово! Эй, еще. Как вы сказали,

он называется?

— «Рэй и племянник», — устало проворчал Фрэнк. — Старый и ужасно дорогущий ром, импортируемый прямо со Старой Земли. Вы пожалеете об этом завтра утром, точнее вечером. Или в любое другое время, получив счет.

— Как? — Раскрашенный фабричный взрыв поднял стакан, повертел его и вылил остаток в рот. — Ух ты, именно подобного мне и не хватало. Благодарю за такое знакомство. Полагаю, мы заведем совместную долгую и плодотворную жизнь. Я с пузырем, имею в виду.

— Ну, раз уж вы не станете винить меня за похмелье… — Фрэнк отпил глоток и оглядел бар. Но, за исключением клонов германской диаспоры, здесь никого не было в качестве какой-либо перспективы спасения.

— Куда же вы направляетесь, как вас там? — поинтересовался приставала, когда барменша поставила перед ним другой стакан.

— Сперва на Септагон. Следующая остановка. — Фрэнк пытался сопротивляться неизбежному. — Затем, наверно, на Новый Дрезден, далее на Вену, минуя Новый Порядок. Я слышал, в тех местах принимают беженцев из Москвы. Может, вы знаете об этом? — Он пожал плечами. — А когда

по обратной петле корабль вернется к Новому Дрездену, я снова вернусь на борт, и снова на Септагон, а потом на Землю или туда, куда меня забросит работа.

— А, да. — На лице собеседника промелькнуло задумчивое выражение. — Вы журналист?

— Не совсем. Я военкор-блогер, — признался Фрэнк, не понимая, раздражен он или польщен. — А вы здесь зачем?

— Я клоун. Мой сценический псевдоним Свенгали.[3] Только сейчас я не на работе, и если вы попросите меня выкинуть какой-нибудь номер, мне придется осведомиться, какие ваша культура разрешает поединки.

— Э-э. — Фрэнк внимательно посмотрел на коротышку, и где-то в глубинах его сознания с лязгом провернулся метафорический механизм. Он отхлебнул рома, прополоскал им горло и лишь после этого проглотил. — Так кто же вы *на самом деле?* Не записываю, ибо я тоже не на работе.

— Человек, ведомый собственным сердцем. — Свенгали невесело улыбнулся. — Ничего нет забавного в занятии клоунадой, по крайней мере не после первых шести тысяч репетиций. Теперь

---

3 Примечания: 3

Свенгали — зловещий гипнотизер из «Трильби» Дж. дю Морье.

я даже не могу вспомнить собственное имя. Я ношусь по всей долбаной галактике, развлекая идиотов, обитающих в сраных дырах и притонах, *блею,* как умею. Перед людьми, не живущими на говняных помойках, не выпендриваюсь, ибо хочу на днях удалиться от дел и поселиться далеко не в мусорной яме.

— А, вы, значит, работаете на линиях «ВайтСтар»?

— Исключительно по контракту. Я не связан узами промышленного крепостничества.

— Ого. И многие на лайнере приглашают клоуна? Свенгали хлебнул рому и ответил нудным монотонным голосом:

— На борту лайнера «Романов», принадлежащего линиям «ВайтСтар», 2318 пассажиров, 642 члена обслуживающей команды и 76 человек инженерного и летного состава экипажа. До следующего порта захода через одиннадцать дней количество людей может подрасти на одного-двух новорожденных. Согласно регистрации, существует до семидесяти процентов вероятности одного летального исхода в данном маршруте, хотя пока ни единого не случилось. Имеются также тридцать одно дополнение из родственников и примазавшихся к членам экипажа. В

настоящий момент большинство этой обширной группы вступают в возраст затянувшегося совершеннолетия, но около ста восемнадцати человек, находящихся в периоде половозрелового кошмара, страдают от излишней опеки взрослых, являясь либо единственным ребенком, либо детьми родителей всего лишь лет на двадцать их старше. Избалованные сопляки, придерживающиеся обезьяньих дворовых развлечений, с намного большей, чем у взрослых, потребностью в дешевом безделье и намного меньшей жаждой деятельности.

Фактически, — Свенгали приподнял стакан и подмигнул барменше, — они пустышки. Это мое мнение, сложившееся задолго до того, как вы вызвали меня на разговор о так называемых взрослых.

Фрэнк шлепнул стаканом о стойку бара.

— Новое ревю, — выговорил он. — Чертово кабаре, где меня опять заманивают в консервную банку.

Клоун, похоже, расстроился.

— Не моя вина, — извинился чудик. — Я лишь следствие официальной развлекательной компании, использующей ностальгические чувства. Считаю себя бизнес-путешественником, продук-

тивно пользующимся временем передвижений, неким исключением из попусту растрачивающего период полета большинства.

Люди перемещаются до мест назначения. Зачем им нужно проводить недели скучного бодрствования в дорогущих личных каютах, когда можно закрыться стеклом кокона в грузовом отсеке. Мертвоголовые из четвертого класса не потребляют лишнего кислорода, не скучают, не покупают дорогущей жратвы и не менее дорогущих увеселений во время маршрута. Вот компания и привлекает *развлечения и различные новинки* для максимального высасывания доходов из пассажиров. Понимаете ли вы, что статус менеджера по развлечениям на нашем звездолете выше рангом главного механика? Или что неофициальная добавочная прибыль превышает пятидесятипроцентный тариф за каюту и обслуживание неспящих пассажиров? — Он лукаво подмигнул вновь наполненному стакану Фрэнка. — Выбирайте на собственное усмотрение, или-или, ведь я могу оказаться таможенным офицером, а в стаканчике моем простая питьевая вода. А может, я здесь именно для того, чтобы вы продолжали напиваться, пока не рухнете под стол во имя великой славы прагматизма «ВайтСтар»!

— Ни то, ни другое, — заявил Фрэнк с той степенью самоуверенности, которая проявляется после трех порций бочкового рома и тонко подстраивает детектор вранья. — Вы просто сраный анархист, и следующая выпивка за мой счет, так?

— Ну, — выдохнул Свенгали, — вы уже строите предположения о моей честности и правдивости, хотя мы знакомы не более пяти минут, но все равно выражаю вам признательность от основ своих горьких и вывернутых сердечных желудочков.

Так какого же типа вы блогер, что готовы раздавать направо-налево дорогущую выпивку?

— Из тех, что желают нажраться по-свински и обязательно в компании. Но жесткий. Помои передовиц, имитирующих ответные выпады, никакой жалости к объектам исследования. Мама всегда говорила, пенять на себя не стоит, и я по возможности пытаюсь выживать согласно ее совету. На деле, меня можно сильно разлюбить, поближе узнав; я бессердечен, если трезв.

— М-да. Может, я смогу вам помочь? Храню сердце девятилетнего мальчонки в банке с формальдегидом в личном багаже. Прошу прощения за шутку, но если вы посчитали ее некорректной, я выставляю вам счет.

— Не надо дергаться. Оно умрет еще до прибытия.

— Тогда полный тип-топ.

— Смешайте мне «Талискер», — попросил барменшу Фрэнк и обратился к клоуну: — Какие сигары предпочитаете?

— Произнесено слово сигары? — переспросил Свенгали. — Давненько не брал в рот этих сарделек.

— Сигары, сигары.

Из дальнего утла доносилось какое-то ритмичное дворовое словоблудие, на слух Фрэнка германского диалекта, сопровождающееся звоном пивных кружек. Свенгали поморщился, вытащил две «гаваны» из предложенного портсигара, одну взял себе, другой угостил Фрэнка.

— А прикурить? — Клоун щелкнул пальцами, как зажигалкой, и возник огонек.

— Благодарю. — Фрэнк сделал первую пробную затяжку, слегка поморщился и повторно втянул дым. — Намного лучше. Выпивка с сигарами, чего еще нужно для нормальной жизни?

— Не унылого секса, побольше денежек и почивших вовремя врагов, — подытожил Свенгали. — Не сию минуту, правда, смею добавить. Честно говоря, корабельная жизнь — помесь

секса, денег и умерщвлений, сама по себе гнусная идея. Мой завершающий выход на арене Нового Дрездена, конечном для меня пункте этого тура, и, признаю, не могу отказать себе в мелочном удовольствии некоего разнообразия.

— Не умерщвления, надеюсь. Свенгали ехидно ухмыльнулся.

— Каковы, вы думаете, возможности простого клоуна? Единственное, уничтожаемое мной, — всего лишь рядовая однообразность.

— Рад слышать. — Фрэнк пыхнул сигарой, выпуская дым расходящимся густым голубым потоком, стараясь не замечать вставленных барменшей носовых прокладок. — Приходилось встречаться с московскими беженцами?

— Четырехлетней давности, конечно?

— В общем, да, — согласился Фрэнк и, сверившись с часами, уточнил: — Примерно четыре года девять месяцев по общепринятому имперскому календарю.

— Угу, — кивнул Свенгали. — Дальние станции. Припоминаю, да. — На мгновение оторвавшись от сигары, продолжил: — Пришлось приноравливаться к расписанию близлежащих полетов. Всякий корабль совершает остановку для перезарядки в своей спасательной миссии. Этот

— не исключение. Какое-то время приходилось работать на самого зловредного циркового импресарио, обосновавшегося на Моргане, тетку по имени Ринглинд, дерьмово считающей клоунов неквалифицированной рабсилой и пользовавшей нас покруче зверья. В итоге я смылся от нее с фальшивыми документами и наличностью, хватившей на поездку рефрижератором, отправлявшимся с планеты, иначе мне грозил суд за сомнительный контракт, которым она же меня и одурачила. — Он снова глотнул рома. — Полагаете, этим ограничусь?

— Сделайте одолжение, станьте моим гостем. — Фрэнк опять пыхнул сигарой, размышляя о возможности секретного контроля всевозможных армейских комиссий, бесспорно интересующихся пьющим истеблишментом. — М-м, имя звучит колокольчиком.[4] Не ее ли грохнули при странных обстоятельствах пару годиков назад? Скандал какой-то, вроде?

— Без комментариев. Однако меня совсем не удивил придавивший ее слон — бабища умела наживать себе врагов. Окажусь в тех местах, непременно потопчу ее могилку, дабы точно

---

4 Примечания: 4

Ring (англ.) — одно из значений: звонить в колокольчик.

убедиться в ее кончине.

— Вы были быстры и сильны?

— В то время да, — проговорил Свенгали, заводясь. — Она поджигатель, я катализатор, умение перемалывать в фарш все при помощи человека с резиновой носовой нахлобучкой служило запалом. Мы… — Он замолчал и посмотрел на что-то за спиной Фрэнка.

Тот обернулся вослед взгляду клоуна.

— Что там? — поинтересовался он, пристально глядя на веселившегося в молодежной компании блондина с вытянутым лицом, впалыми щеками и торсом, напоминающим стену бункера ядерной ракеты. Ростом много выше Фрэнка.

— Вы отравляете воздух, — произнес блондинчик с холодной вежливостью. — Пожалуйста, прекратите немедленно.

— Разве? — Фрэнк выдавил одну из своих говноедческих улыбок: любил разборки. — Даже не заметил. Странно, неужели я попал не в общественный бар?

— Именно так. И мне не нравится вдыхать ваш мерзкий смрад. Прекратите немедленно. — Ноздри парня раздувались от возмущения.

Фрэнк посильнее затянулся и картинно выпустил дым через нос.

— Эй, девушка, нельзя ли обеспечить этому лыбящемуся парню дополнительную пожаробезопасность?

— Можно.

Первое услышанное слово от барменши. Девушка казалась спокойной и стойкой, как и положено на такой работе любой молодой женщине, мотающейся между мирами для расширения горизонтов своего бюджета. С наполовину выбритой головой, чтобы была видна вшитая гемма из золотых нитей, и мускулистыми руками, столь заметными в исторически неаутентичной безрукавке, дополненной ковбойским галстуком.

— Знаете, сэр, здесь общественная пивная. Для желающих курить, напиться или ширнуться. Единственное место на данной палубе этого корабля, где таковое позволено. Итак, — Фрэнк оглядел парня, — какая часть сказанного непонятна? Бар для курящих. Запах не нравится? Поищите место для *не* курящих или побеседуйте на сей счет с капитаном.

— У меня другое мнение. — Квадратная челюсть приняла раздраженный вид, будто на нее уселся москит, и почти сразу Фрэнк ощутил на своем горле ручищу, похожую на клешню промышленного робота.

— Ганс! Нет! — вскакивая из-за стола, выкрикнула женщина. — Запрещаю!

Голос ее звенел с безошибочно угадываемой самоуверенностью превосходства. Ганс мгновенно отпустил горло Фрэнка и отступил на шаг. Фрэнк закашлялся и посмотрел на парня настолько пораженный, чтобы сжать кулак.

— Эй ты, задница, нарываешься… Сзади ему на плечо легла рука.

— Не стоит, — прошептал Свенгали. — *Не надо.*

— Ганс, немедленно извинись перед этим человеком, — приказала блондинка. — *Сейчас*

Ганс замер, лицо окаменело.

— Простите, — проговорил он. — Мне не следовало пускать в ход руки. Еще раз простите. Матильда?

— Иди… думаю, тебе стоит вернуться к себе, — меняя интонацию, произнесла женщина. Ганс развернулся на каблуках и замаршировал к двери. Фрэнк смотрел ему вслед с закипающей яростью, временами оборачиваясь к столику с типами «радость-через-силу», старательно избегавших взглядов в его сторону.

— Какого хрена?

— Могу позвонить в офис старшего стюарда, если хотите чтобы вас проводили до каюты, —

предложила барменша, вынимая обе руки из-под стойки. — *Шустрый* парнишка.

— Шустрый? — Фрэнк моргнул. — Да, подходящее словечко. Прямо каратист какой-то… — Он оборвал себя, потер горло и глянул на пепельницу. Раздавленная в блин сигара почти прогорела.

— Вот зараза. Как быстро-то. Видели такое? — вымолвил он с начинающей пробирать его дрожью.

— Да, — спокойно ответил Свенгали. — Армейские имплантаты. Похоже, моему товарищу действительно потребуется сопровождение, — обратился он к барменше и, не развивая тему, добавил, стараясь не стоять спиной к другой стороне комнаты: — Не поворачивайтесь к парнишке задницей при следующей встрече…

— Не понял?

— Выпивка за мой счёт. И себе тоже, — сказал Свенгали барменше.

— Благодарю. — Она плеснула им рома и выудила бутылку какого-то крепкого пойла. — Свен, глаза обманывают меня, или у тебя в руке какая-то штуковина?

— Не стану комментировать, Элоиза. — Клоун пожал плечами и одним глотком опустошил полстакана. — М-да, пятый стаканчик за вечер.

Хана моей печени.

— Так что там насчет…

— Всякие к нам заходят, — заметила Элоиза и, перегнувшись через бар-стойку, прошептала: — Не связывайтесь с этими ребятами.

— Нечто особое? — поинтересовался Свенгали.

— Просто ощущение. — Она поставила бутылку. — Они психи.

— Делал я психов. — Клоун опять пожал плечами. — В нашей декларации полно гребаных Питеров Пенов и Лолит. Психи не съезжают с катушек от чутка сигарного дыма в ночном баре.

— Это не *обычные* психи, — настаивала она.

— Думаю, он прикончил бы меня, не вмешайся девица, — сумел выговорить Фрэнк, трясущейся рукой удерживая стакан, тихо дребезжавший о крышку стойки.

— Может, и нет. — Свенгали прикончил остатки рома. — Просто лишил бы вас сознания и оставил до прихода команды уборщиков. — Он вопросительно изогнул бровь и обратился к Элоизе: — Под стойкой есть тревожная кнопка, или ты просто бешено мастурбировала?

— Тревожная кнопка, ты, поц.[5] — Она помолча-

---

5 Примечания: 5
Поц (идиш) — член.

ла. — Слушай, никто не предупреждал меня ни о каких эрзац-малолетках. И как я могу узнать, приходят ли они ко мне в бар?

— В каютной декларации указан их реальный возраст. Юный вид не всегда соответствует истинным годам. Или пожилой, например. Можно прибыть откуда-нибудь, где действуют ограничения расширяющих жизнь правил, так? — Свенгали снова пожал плечами. — По крайней мере, там большинство Лолит знают о поведении в обществе, в отличие от здешних, тупых как дерево. Чертовски удобная вещь, когда можно действительно ввести в заблуждение попыткой восьмилетки отвлечь внимание серией ярко раскрашенных косынок, произведенных на ткацком станке. И тем не менее *кто* эти люди?

— Минутку. — Элоиза отвернулась и набрала что-то на барном реестре. — Занятно. Они из какого-то Тонто. Направляются на Новый Порядок. Слышали о таком?

Раздался глухой звон: Фрэнк уронил стакан на пол.

— Твою мать, — выругался он.

— Вы выронили выпивку? — уставился на него клоун. — Занятно, я-то посчитал вас человеком, намертво приклеенным к бутылке. Не подели-

тесь своим удивлением?

— Мне прежде встречались люди оттуда. — Фрэнк посмотрел на отражение в барном зеркале стола с пятью старательно игнорирующими его резко очерченными типами с игральными картами, на квазиуниформную внешность и крепкое телосложение представителей захолустья. — Они. Здесь. *Черт! Я* думал, «Романов» делает остановку там лишь для дозагрузки, но, похоже, это действительно порт захода.

Ощутив тычок локтя под ребра, он увидел, как Свенгали воззрился на него с выражением глубокого размышления на клоунском лице вне исполнения служебных обязанностей.

— Пойдемте-ка ко мне. Там у меня в сундучке припрятана бутылочка. Поговорим. Элоиза, как насчет домашней вечеринки?

— Освобожусь через десять минут, или когда Люсид сменит меня, — ответила барменша и с интересом поглядела на Фрэнка. — История-то стоящая?

— История? — отозвался Фрэнк. — Можно сказать и так. — Он снова покосился на отражение в зеркале. Вспышка ледяного ужаса иглами проколола кожу, разжижая внутренности. — Нам бы лучше поторопиться…

Женщина, Матильда, тоже уставилась на него через окантованное позолотой зеркало с видом не столько неприязненным, сколько безразличным, как бы собираясь с мыслями, стоит ли прихлопнуть нудную муху.

— …прежде чем они по-настоящему обратят на нас внимание.

— Прямо сейчас? — Свенгали спрыгнул с табурета и подхватил Фрэнка под руку. Выпил он достаточно, но казался почти трезвым. Фрэнк, со своей стороны, был не так трезв, как испуган, что ощущает себя таковым. Он позволил клоуну провести себя через дверь к лифтовой площадке и мимо нее вниз, по узкому без коврового покрытия коридорчику, к маленькой и тесной служебной каюте.

— Чуть дальше, — сказал Свенгали. — Выпить хотите?

— Хочу… — Фрэнка трясло. — Да. И предпочтительно где-то в таком месте, о котором они не знают.

— Где-то там. — Свенгали впустил Фрэнка, толкнул его на узкую койку и закрыл дверь. Он порылся в одном из надголовных ящиков и вытащил металлическую фляжку и пару складных стаканов. — Итак, вы узнали этих ребят?

— Не уверен, — скривился Фрэнк. — Но они с Тонто и направляются на Новый Порядок, где я однажды провел время действительно скверно.

СЕЗОН ПУЛЬ

Новый Порядок, 18 лет тому назад

Фрэнк с Алисой наблюдали за началом демонстрации с крыши отеля «Демосфен» в Самаре. Крыша представляла собой плоское покрытие из синтетического камня с прекрасно ухоженным, уже пожелтевшим по краям травяным ковром, с бассейном и баром в центре. Воду, заодно хранимую в бассейне как запас для аварийного пожаротушения, уже спустили. Большинство из имущества отеля отправили в Организацию Принуждения к Миру.

Это была не первая полевая работа Фрэнка, но достаточно близкая к таковой, чтобы Алиса, загорелая блондинка, ветеран многих состряпанных кампаний, взяла его под свое крыло и давала четкие — некоторые могут сказать микронеобходимые — указания по ведению дел конторы в ее отсутствие. Потом ее унесло в недра тьмы в поисках настоящей истории, а Фрэнк остался в нетерпеливом ожидании на крыше отеля. Она вернулась из последней экспедиции тремя днями раньше в кузове реквизированного грузовика с

кучей съемочных дронов[6] и волшебным устройством, влажным с одного конца и испускающим запах дешевого пива с другого — банки с концентратом были еще в сохранности.

Фрэнк приветствовал ее возвращение со смешанным чувством. С одной стороны, ее тенденция использовать его в качестве мальчика на побегушках слегка раздражала; с другой, он медленно изгонял из себя помесь тоски и паранойи, забившей череп, пока присматривал за конторой, надеясь, что ничего дерьмового не произойдет.

За место на крыше отеля (прямо на Городской Площади), пустующего и заброшенного по причине отсутствия путешествующих иностранных дельцов и проживающих за городом политиков, пришлось дать взятку владельцу по имени Вадим Трофенко, антрепренеру местного разлива с нервным тиком, непрослеживаемыми самородками высокопробного золота. Ничего больше нельзя было сделать в те тревожные времена, как казалось. Заполучить какой-либо материал — грандиозная боль в заднице, и Алисе пришлось отправиться на недельную поездку по орбите, оставив Фрэнка в одиночестве заботиться о бюро.

---

6 Примечания: 6
Дрон (англ.) — управляемое беспилотное средство.

Деньги агентства по крайней мере позволили снять люкс в пентхаусе — правда, весьма запущенный. Большинство прочих литературных поденщиков, слетевшихся словно мухи на израненный фланг Самары и наблюдавших за сильно раздутой шумихой вокруг гражданской войны, на личном опыте убедились в невозможности отыскать удобства ни за любовь, ни за деньги.

Пока Алисы не было, Фрэнк «завис». День за днем выбивая из себя похмелье, он, спускаясь каждую ночь со своей крыши, словно вампир, бродил по улицам, беседовал с людьми в кафе и барах, на бульварных уголках, впитывая местный колорит и искренне кивая в согласии с их недовольством. Позже он стал брать с собой рекордер в места, где собирались студенты и безработные, чтобы распевать свои слоганы беззаботным шеренгам полицейских и пустым фасадам зданий провинциальных ассамблей. Он слонялся долгими ночами, прежде чем добирался до большой пустой кровати в отеле, чтобы вырубиться. Но не этим утром.

— У меня дурное предчувствие, малыш, — сказала Алиса, задумчиво смотря на площадь. — *Действительно* дурное. Глянь на запасной выход; не желаешь поджать хвост и дернуть туда, когда

с треском начнут захлопывать крышку? Стоит кому-то мигнуть, и тогда дерьмо попадет в вентилятор… — Она показала на окно, на огромный плакат почти во всю стену противоположного здания. — Здесь всегда напряженно. Сейчас тихо. А это всегда скверный признак.

Отеческое лицо Большого Билла, охраняемого от протестующих полицейскими отрядами для разгона демонстраций днем и ночью, сияло весельем и добродушием чьего-то любимого дядюшки. Несмотря на охрану, кто-то умудрился запустить краскодрон в мертвый правый глаз политика, расцветившийся красными кляксами — ужасным напоминанием случившегося с последним избранным президентом.

— Я тоже не думаю, будто станет лучше, — подхватил Фрэнк. — Но разве это не обычная политическая глупость? Всё как всегда: девальвация валюты, провал социальной программы рабочей занятости. Кто-то отправится в дикие территории и поторгуется с Команданте Альфа — и всё сразу наладится. Так ведь?

Алиса шмыгнула носом.

— Не выдавай желаемое за действительное. Это лишь кажется, что всё прояснится, поскольку умники уже готовы к серьезным действиям. На-

верху изменилось немногое.

— Будет пожар, — сказала Тельма, низенькая, сильно загорелая женщина, связанная с одним из общественных интеллектуальных бизнес-агентств около Турку какими-то темными делами и втершаяся в доверие к Алисе, поделившись с ней своим тайным складом горючего. Она работала с одним из Алисиных треножников пусковых катапульт, когда Фрэнк объявился на крыше. Воздух еще хранил ночную прохладу, но марево обещало еще один день палящего зноя.

— Слышали вечернее послание кардинала Вэя?

— Нет. А что случилось? — Фрэнк сунул кофейную кружку с отбитым краем под краник Алисиного пивоналивного устройства и нажал кнопку. Аппарат забулькал и излился струйкой жидкости цвета мочи, выжимаемой из какой-то оставшейся водяной цистерны. Принуждение к Миру два дня назад отключило водопровод, подведенный к отелям в деловом центре, по официальной версии — для исключения возможности заражения подрывными элементами. На практике сие означало неумелый посыл на хрен, сигнал «всё под нашим контролем» военблогерскому корпусу.

— У центра оказания помощи бездомным на Западной Окружной Четыре еще одна заминированная машина. Зона оцеплена, арестовывают *каждого.* Вся прелесть в том, что взорванный автомобиль являлся полицейской машиной: они такую использовали для «исчезновений», пока камера сопротивленцев не засекла ее неделю назад. Единственные пострадавшие — из очереди за пособием. По пути сюда я встретила Айш — источник информации, — и, по слухам, до взрыва двое полицейских припарковали ее и ушли.

— У-у-у. — Фрэнк протянул ей кружку тепловатой пены. — Удалось сегодня отослать с планеты какое-нибудь сообщение?

— Забавно. — Это уже Алиса, появившаяся на крыше без предупреждения. — Кто-то прогнал все исходящие картинки, которые я переслала почтой, через скраббер, превращая воксели в подобие шума. — Она оглядела Фрэнка острым оценивающим взглядом. — Почему спрашиваешь?

— Ну, у меня сегодня было не так много почты, как обычно… — протянул он. — Как полагаешь, испортили? — спросил он удивленно.

— Думаешь, Эрик просто так передает мне требуемые послания без прослушки вызова При-

нуждением к Миру? У нас собственный скрытый канал. Эрик — редактор на домашней планете.

— Разумно. — Фрэнк на момент замолк. — Что он говорит?

— Время менять наши обратные билеты. — Алиса натянуто улыбнулась.

— Ребята, кончайте говорить шифром и объясните, что, по-вашему, происходит? — потребовала ответа Тельма.

— Полицейские готовы громить черепа, без разбору, — ответила Алиса, указывая на противоположную сторону площади. — Они концентрировались неделями. Теперь вроде бы отходят, чтобы позволить протестующим думать, что дали слабину. Те выйдут выражать недовольство, и полицейские произведут облаву на всех. Если я, конечно, все правильно понимаю.

Ситуация на Новом Порядке, или, точнее, в провинциальных столицах — Краснокаменске, Самаре и Старом Венецианском Пляже, — ухудшалась примерно года три или даже со времени последних выборов.

Новый Порядок был основан четырьмя группами (точнее говоря, засеян Эсхатоном) из различных зон: бразильскими горожанами разного достатка из Рио, дикарями из горных деревень

острова Борнео, средним классом из немецкого Гамбурга и небольшим количеством жителей сонного прибрежного городка в Калифорнии. Все колонии разбросали по разным частям единственного континента планеты — вытянутого и узкого, напоминающего Кубу, но протяженностью около шести тысяч километров, — с сетью самовоспроизводящих роботизированных производств, с библиотеками инструкций и дизайна, достаточных для создания и поддержания технологического уровня примерно последнего двухтысячелетия «мак'»-цивилизации, и десятиметровой алмазной плитой с выгравированными на ней рубиновыми буквами Тремя заветами Эсхатона, ловящими лучи восходящего солнца.

Исходное состояние планеты позволило вызреть цивилизации в течение трех столетий. В результате возникла маловразумительная федеративная система с шестью основными провинциями, тремя языками, со значительной католической общиной и примерно такой же группой приверженцев культа Эсхатона из психов с гор, тратящих излишки доходов на постройку культовых алмазных монолитов. Бывало неспокойно, но большой войны не случалось свыше двухсот лет — до нынешнего времени.

— Но ведь большинство повстанцев не горцы? — спросил Фрэнк. — Я имею в виду, они не стремятся спускаться в города, не так ли?

— Они сделают это, и скоро, — раздраженно ответила Алиса. — Носиться по холмам — работа тяжелая; по крайней мере в городе протестующих легче разыскать. Вот потому и говорю, все произойдет здесь в ближайшее время. Знаете новости о всеобщей забастовке?

— Она продолжится? — Фрэнк изогнул бровь.

— Нет, если Организация Принуждения к Миру зальет пеной их путь, — выпалила Тельма.

— Неправда. — Алиса выглядела мало удовлетворенной. — Самую последнюю информацию я получила от коллектива Транспортных Рабочих; когда я говорила с ними — Эмилио было ясно, это лишь уступка в переговорах. Они действительно не собираются разыгрывать эту карту: такое навредит им куда больше, чем федералам. Но те могут действовать так, словно она является настоящей угрозой. Коллектив целиком в их руках. Наблюдайте за моими губами: здесь примут крутые меры. С тех пор как Фридрих Готха купил выборы после Вильгельма, он снял уже все сливки и ищет повода, чтобы поиметь повстанцев. Вы слышали о Команданте Альфа в данной зоне?

Плохой признак, спросите вы меня? Я старалась договориться об интервью…

— Команданте Альфа не существует, — прозвучал со стороны лестницы женский голос.

Фрэнк обернулся, щурясь на встающее солнце. Кем бы женщина ни была, она пришла по служебной лестнице. Несмотря на слепившее глаза солнце, на него произвела сильное впечатление слегка полноватая снежная блондинка, одетая для удобства передвижения по округе как прочие журналистки и солдатские шлюхи, заполонившие город в ожидании разрушительного штурма. Он вдруг понял, что в ней не то: спортивная куртка и брюки смотрелись так, будто их выстирали всего пять минут назад. Свежесть телеведущего и военная аккуратность. «Кто бы ни оплачивал прямые видеочастоты, лучше иметь глубокие карманы», — подумал он рассеянно, когда она продолжила:

— Он — продукт психологической войны. Его нет, видите ли. Это всего лишь идол, созданный для воодушевления поддержки и лояльности к движению сопротивления среди запутанных селян.

— Разве это имеет значение? — спросила Алиса, занятая распаковкой следующего дрона. — Имею

в виду: суть массового движения в том, что, однажды начав, его трудно остановить. Даже если рано или поздно убрать харизматичного лидера, корни недовольства останутся, и другой гребаный пустоголовый герой вылезет вперед и подхватит флаг. Лидеры создают себя сами. Возникает цикл реванша и возмездия…

— Верно, — согласно кивнула новоприбывшая. — Но что интересно. Команданте Альфа — это идея. И разделаться с ним для Принуждения к Миру имеет значение куда большее, чем просто показать, что его не существует.

— Э-э? — Фрэнк услышал отдаленный шум, напоминающий звук наступающего прилива; невозможно, ведь отсюда до моря около трех километров и, кроме того, Новый Порядок не имел достаточно крупных лун, чтобы влиять на приливы. Он вытащил клавиатуру и быстро напечатал для себя краткую пометку.

— Где вы, сказали, были?

— Я не говорила. — Женщина посмотрела на Фрэнка с отнюдь не дружелюбным выражением. — Вы Фрэнк «Нос» Джонсон, верно?

Что-то в ее манере заставило его напрячься.

— А кто спрашивает? Женщина проигнорировала вопрос.

— А *вы* Алиса Спенсер, и *вы,* должно быть, Тельма Купер. Три поросенка, группа военблогеров. Вам сильно повезло, что вы очень ленивые поросята, и сейчас в это историческое утро находитесь здесь, наверху, а не внизу, на улицах, среди ничего не подозревающей толпы. Если будете *умненькими* поросятками, то останетесь на крыше и не попытаетесь покинуть здание. Расслабьтесь, попейте пивка, поглазейте на фейерверк и не пытайтесь уйти отсюда. Я навещу вас попозже.

Алиса до боли сжала руку Фрэнка. Он даже не заметил, как начал двигаться к незнакомке.

— Какого хера вам надо? — требовательно произнес он. Та вновь проигнорировала его вопрос и повернулась к лестнице.

— Вижу, вы поблизости, — бросила она через плечо с притворной улыбкой.

Алиса ослабила хватку, сделала два шага к лестничному колодцу и замерла, потом медленно развела руки в стороны и отошла от ступенек.

— Что…

— Ничего, — с усилием проговорила Алиса. — Просто ничего. Похоже, мы под домашним арестом.

Фрэнк повернул к открытому дверному проему в пентхаус.

— Эй, придурок! Вернись! Не расслышал слов леди? — донеслось оттуда.

— Вот срань! — вырвалось у Фрэнка.

— Прямо читаешь мои мысли, — кивнула Алиса. — А знаешь что? Думаю, им *нужны* свидетели. И подальше, дабы не нанюхались слезоточивого газа.

Фрэнк обнаружил, что у него дрожат руки.

— Это ментяра…

— Смышленый мальчик. — Это была уже Тельма; голос насмешливый, но, возможно, просто от нервов. — Как он вооружен?

Алиса казалась по обыкновению непринужденной.

— Персональное оружие. Пушка для разгона толпы. — Она вдруг смолкла. — Черт! Он в голубом. Видел, Фрэнк?

Фрэнк кивнул.

— И что?

— А то. Здешние полицейские носят черное. Голубое означает армию.

— Ох. *Ни хрена себе.* Шум снизу нарастал.

— Похоже на демонстрацию, как думаете? — спросила Тельма.

— Должно быть, большая, в поддержку оказавшихся под арестом за последнюю неделю. —

Алиса принялась диктовать в свою пластиковую коробочку диспозафона — она пользовалась им всего три недели, со времени прибытия на Новый Порядок, но кнопки уже поистерлись — и нахмурилась. — Продолжает отвечать «сеть перегружена». Свинство. Эй, ребята! Можете связаться с кем-нибудь?

— Не буду даже пытаться, — с отвращением произнесла Тельма. — Это заговор: нам полагается сделать ровно столько, чтобы передать репортажи и убраться, я так думаю.

Фрэнк посмотрел на собственный мобильник (тот мигал в электронной растерянности, показывая отключение от сети) и покачал головой, отказываясь верить. За спиной раздался глухой звук. Фрэнк развернулся и увидел, как кто-то отходит от лестничного колодца и падает прямо на крышу. Кровь пролилась на бетон. Это был Фибул, паренек с Сиама, располагавшийся этажом ниже. Фрэнк склонился над ним. Фибул часто дышал, из головы текла кровь.

— Ты!

Фрэнк поднял глаза и обнаружил, что смотрит прямо в ствол пистолета. Он замер.

— Убрать этот мешок дерьма с моих глаз, покажи башку и молись, чтобы не лечь рядом.

Фрэнк сжал губы, сухие как пергамент.

— Ладно, — очень спокойно произнес он. Фибул застонал. Охранник отступил на шаг, жужжа в колене и локте сервомеханизмами. Ствол был выпачкан кровью.

— Здесь ничего не случилось, — сказал охранник. — Понял?

— По… понял. — Фрэнк моргнул униженно и сердито, но скорее испуганно. Охранник отступил еще на шаг вниз по лестнице, и еще на один. Фрэнк не шелохнулся, пока тот не скрылся из виду. Фибул опять застонал. Фрэнк опустил глаза и принялся шарить по карманам в поисках пакета первой помощи.

Шум волны прибоя присоединился к отдаленному тяжелому гулу: пение труб, барабанный бой, топот марширующих людей.

— Помогите же, черт возьми! — Фрэнк увидел, как рядом опускается на колени Тельма.

— Вот черт! — Она аккуратно приподняла одно веко Фибула, потом другое. — Зрачковый рефлекс присутствует, но парень контужен.

— Засранец долбанул его стволом по голове.

— Могло быть и хуже, — заметила Тельма. — Пошли, пристроим его на лежаке.

Пара хлопков и подвываний раздались на краю

крыши — Алиса выслала птицедронов, закружившихся над головой для захвата в кадр общей перспективы площади. Фрэнк глубоко вздохнул, чувствуя запах свежей крови парнишки, обильный — пота Тельмы и затхлый — собственного страха. Облако горячей пыли поднималось от быстро нагревающейся площади.

— Нашла открытый канал, — крикнула Алиса, полуоборачиваясь. — Одна из местных передвижек передает федеральное сообщение. Сделай одолжение, Фрэнк, скройся с глаз. Фиксируй и суммируй.

— Ладно. — Фрэнк принял виртуальную трубу и направил излучение в угол левого глаза, одновременно наблюдая, как Тельма квалифицированно вырезает пластырь и приклеивает его к кровавому месиву в тонких волосах на макушке Фибула. Несмотря на страх, он радовался, что они вместе — не по одиночке, испуганные и запертые по своим номерам или в полицейских камерах.

Дальний шорох прибоя перерастал в приближающийся рокот голосов. Алиса перебросила Фрэнку сигналы, поступающие от двух своих птичек, и тот завертел головой, следя за ними, пока не разглядел собственную голову и себя, стоящего на коленях у бортика пустого бассейна

рядом с раненым репортером и занимающейся им женщиной.

— Да, есть, эй, все! — Он подстроил поток излучения на экран ретранслятора Алисы.

На фоне военного марша (который почему-то напоминал классический тяжелый металл) надутый тип в сумеречно-голубой форме с цветастой мешаниной на груди неудобно сидел за столом.

«В связи с государственной угрозой Комитет Принуждения к Миру призывает всех законопослушных граждан оставаться в любых подходящих помещениях. В подверженных беспорядкам городах — Самаре и Краснокаменске — вводится комендантский час на срок 2600 часов со вчерашнего дня. Каждый находящийся вне помещений в регионах Большая Самара и Большой Краснокаменск должен немедленно позаботиться об укрытии. Собираться в группы больше четырех запрещено согласно Своду правил антитеррористических операций, части Принуждения к Миру будут вести действия на поражение при малейшем подозрении…»

Тельма встала на ноги.

— Могу раздобыть внешний канал, — напряженно произнесла она. — Ребята, поможете?

— И каким способом? — мягко поинтересова-

лась, оборачиваясь, Алиса. Она предпочитала очки-ретрансляторы оптическим имплантатам — по мнению Фрэнка, глупая ретропретенциозность, — они смотрелись безумным лоскутным одеялом разноцветных лучей из глаз. — Разве не слышала? Нам велено оставаться здесь. Попытаешься взломать защиту, они, вероятно, нацелят какие-нибудь из своих инфовоенных активов…

— В моем багаже каузальный канал, — призналась Тельма, выглядевшая напуганной, но решительной. — На втором этаже. Если обойти этого скалящегося весельчака — и вниз по лестнице…

— У тебя есть собственный каузальный канал? — осведомился Фрэнк, надеясь и не веря.

— Да, прямая связь с Турку через транслятор на Септагоне. Не волнуйтесь. — Она повернула руки ладонями вверх. — Только никаких вопросов, это избавит меня от вранья. Но если я не могу тайно квитировать установление связи с помощью этого канала, какой от него прок, не так ли?

— Что тебе потребуется? — внезапно напрягаясь, спросила Алиса. Фрэнк сосредоточился на изучении выражения ее лица: глаза расширены, остро выступающие скулы, учащенное дыхание…

— Мне нужна одна вещица здесь, наверху, чтобы я смогла синхронизировать интерфейсы. Не знаю, нас уже заперли здесь, когда… — Тельма кивнула в сторону лестницы.

— Какого она размера? — потребовала Алиса.

— Тоненькая, вторая карта памяти. — Тельма чуть развела большой и указательный пальцы. — Похожа на обычный полупроводниковый разъем. Синяя коробочка.

— Твоя камера не работает в реальном времени? — поинтересовался Фрэнк.

— Я видела ее, знаю, как она действует: создает локальное резервирование памяти оберегая от выходов из строя при сбоях в сети, — кратко ответила Алиса. — Дайте подумать. Имея канал прямо в камере, ты обходишь местную цензуру и передаешь в режиме реального времени, и без купюр все поступает прямо на твой монтажный стол? Это может стоить кому-то руки и ноги. Хорошо. Комната где, конкретно?

— Сто семнадцать, второй этаж. Угловое окно с балконом.

— М-м. Дверь балкона открыта?

— Наверное, да. А что?

Алиса перегнулась через доходящий до пояса бортик безопасности и отошла от края.

— Мне здесь не спуститься, а птице… м-м-м. Думаю, возьму левый образец. Птичка сможет вытащить карту. Хотите рискну? Поделишься со мной половиной частот, если сделаю?

— Положим, да. У меня осталось шесть терабит. Делим пятьдесят на пятьдесят, — кивнула Тельма. — Как, годится?

— Шесть терабит. — Фрэнк удивленно помотал головой. Он не хотел даже думать о стоимости транспортировки этих миллиграммов перемешанных квантовых точек через бесконечное количество световых лет отсюда до Турку досветоскоростными звездолетами. Однажды использованные, они ушли навсегда, когеренцию разрушил процесс, позволяющий телепортировать структуру одиночного бита между точками в каузально связанном пространстве-времени. Цены на перевозки со сверхсветовой скоростью начинались от миллиона долларио на килограмм/парсек. Было много важных заказов, более дорогостоящих, чем несверхсветовые, но это буквально сохраняло десятилетия, а то и столетия прогресса. Это могло дать надежный непрерывный канал связи в основе межзвездных сетей…

— Давайте попытаемся… — сказала Алиса. Шум снаружи возрастал.

Фрэнк заметил, что Алиса уже роется в своем мешочке с «хитростями». Она выудила полупрозрачный диск размером с ладонь и с короткими щупальцами, противно напоминающий медузу.

— Похоже, это будет трюк.

— Она достаточно мощная? — нетерпеливо спросила Тельма. — Если эта штука упадет, мы никогда…

— Нормально, — отозвалась Алиса. Она перевернула диск и подсоединила его к маленькому бачку с пропаном. — Подожди минутку, я надую его.

Фибул снова застонал, потом еще, но уже громче. Фрэнк развернулся и склонился над ним.

— Расслабься, парень. Полегче. С тобой все будет в порядке. Фибул?

— Моя… — Фибул попытался поднять руку.

Фрэнк сжал ее, разрываясь между чувством жалости к парню и сильным желанием подойти к краю крыши и посмотреть на площадь. Шум толпы становился сильнее. Алиса завершила трассировку своих птичек, и те вошли во внестанционный режим; Фрэнк был ошеломлен видом улиц с морем голов, текущих по направлению к Союзному Бульвару и далее мимо банка к другой дороге, где целенаправленно двигались серые

кубы машин…

— Алиса! — крикнул он, приседая. — Не запускай это! Алиса рассеянно оглянулась на него, нажимая на пуск на своем треножнике и посылая диск вращаться над крышей.

— Что ты сказал? — отозвалась она, и в этот момент отчаяния Фрэнк подумал, может, все будет хорошо, и серые машины, и вращающийся диск, и солнечные блики в уголках ее глаз вообще ничего не значат. Но тем не менее иконка в его левом глазу исчезла. Лазерный луч от противоракетной батареи, невидимый глазом, прошел над зданием банка к поражающему зеркалу, а тому было глубоко плевать на журналистское удостоверение и тем более на владельца разведывательных устройств, плавающих над городом. Все, что оно знало: это друг, это враг и контрбатарейный огонь.

— Укройся! — заорал Фрэнк, но макушка Алисы уже растворилась в кроваво-красном туманном облаке брызг в сопровождении ужасного хлопка, будто в микроволновке рвануло яйцо.

Примерно на минуту Фрэнк ослеп. Неимоверный шум, скрежещущий грохот в ушах, кровь на руках, кровь на коленях, кровь повсюду — океан крови по сравнению с тоненьким пересохшим

ручейком крови Фибула. Фрэнка тошнило и колотило, и удерживающая его рука Фибула ничем не могла помочь. Казалось, не все еще кончено: Алиса — в баре внизу. Алиса, разъясняющая ему суть жизни после дачи взятки правительственному чиновнику. Шуточки насчет люкса для молодоженов, куда они въехали. Алиса, запускающая своих дронов над городским ландшафтом. Заляпанный грязью транспорт, так же как сейчас свежей кровью ее лицо…

Со стороны балкона раздались крики. Выстрел и скрежещущий металлический визг, который он уже раньше слышал внизу. Алиса мертва; он, выброшенный на берег спущенного бассейна чужак с Турку, не имеющий никакой возможности поквитаться с засранцами. И без связи в реальном времени.

— Ты ей ничем не поможешь. — Ему на руку легла рука, маленькая и сильная, которую он тут же стряхнул и перегнулся пополам, чувствуя дурноту.

— Знаю. Хочу… — его голос прервался. Он не представлял, чего вообще еще можно хотеть: необходимость всего этого отпала, не так ли? Он не был влюблен в Алису, он *доверял* ей; она — мозг операции, мудрый старший руководитель, тот,

кто всегда знал, когда и какую хреновню нужно делать. Такого просто не могло случиться. Главе миссии не положено погибать на полевой работе, тем более так, разбросав мозги по крыше…

— *Не приподнимайся,* — прошептала Тельма. — Похоже, сейчас начнется.

— Начнется? — переспросил Фрэнк, вздрагивая.

Над площадью нависла тишина; затем шум, усиленный вдвойне, возник снова. К знакомым звукам добавился другой — барабанная дробь, словно с ясного неба вдруг обрушился на бетон ливень в сопровождении оглушающего грома. И крики.

— Алиса была права, — сказала Тельма, перегибаясь через парапет. Взмокшая и побледневшая, она сейчас выглядела примерно так, как Фрэнк себя чувствовал. — Наступил сезон пуль.

Внизу, на переполненной пыльной площади перед правительственными учреждениями, ливневые водостоки начали заполняться кровью.

Свенгали уже ополовинил бутылку, когда Фрэнк добрался до рассказа про бойню.

В горле пересохло, но Фрэнк не прерывался, чтобы попросить долить себе. Пауза добавила бы душевной боли. Теперь он протянул стакан.

— И как ваша печень выдерживает это?

— У него печень как у крысы, — намекнула Элоиза, — метаболизм алкогольной дегидрогенизации и прочее. — Она встала, слегка пошатываясь. — Извините, ребята, но, в конце концов, это не моя ночная вечеринка. Приятно, что вы меня пригласили, и, может, еще посидим, но сегодня ночью, думаю, кошмарами я обеспечена — Она стукнула по кнопке открывания дверей и вышла в полумрак жилой зоны корабельной команды.

Свенгали покачал головой, закрывая за ней дверь.

— А я рассчитывал на троих, — проворчал он, вылил значительную порцию в стакан Фрэнка и поставил на стол быстро пустеющую бутылку. — Значит, войска устроили бойню демонстрантам. И какая здесь связь с нашими ребятами, кто они?

Фрэнк сглотнул подступившую желчь.

— Помните, я рассказывал про женщину, говорившую с нами на крыше? Она вернулась после побоища. С солдатами. И камерой Тельмы. Она позволила Тельме просканировать внутренний двор, после чего охранники усадили репортера, приставив к голове пушку. Затем главный корректировщик огня надиктовала мне текст, который я подписал и представил на рассмотрение

под своим именем.

— Вы… — Глаза Свенгали сузились. — А разве это нравственно?

— Зато неизбежно при угрозе расправы над заложником. Как бы вы поступили на моем месте?

— М-да. — Клоун поднял стакан и сделал большой глоток. — Потому-то вы его и отослали, чтобы…

— Да. Но все равно не сработало. — Он умолк.

Никакой возможности сообщить о реальном положении дел; способ, каким они повязали его, — всаживали в руку иглы, полные убийц интерфейса, для уничтожения его имплантатов, били до конвульсий в животе, лишив возможности закрыть или хотя бы отвести глаза, когда прострелили кишки Фибулу и бросили парня истекать кровью, пока двое солдат насиловали Тельму, а затем своими штыками отсекли ее крики вместе с грудями. Из всех троих только агентство Фрэнка приобрело ему полный страховой полис военного корреспондента.

И для Фрэнка это стало только началом живого кошмара, путешествием по клоакам концентрационных лагерей Нового Порядка, завершившимся лишь спустя девять месяцев, когда ублюдки решили, что в его молчании нет необходимости

и в страховой премии куда больше выгоды, чем в смерти от гибельного труда.

— Наверно, они думали, что я спал с ней, — неопределенно сказал он.

— Так как же вы выбрались? Вас освободили?

— Нет, я закончил в лагерях. Они сначала не поняли, жители Нового Порядка, кто поддерживал Принуждение к Миру, что эти лагеря предназначены для всех, не только для разобщенных безработных и отстаивающих территориальные права агитаторов, всех, за исключением тайного аппарата и инопланетных наемников временного правительства, призванных запустить машину. Серьезно экипированных, лишенных чувства юмора, квалифицированных и быстрых, вроде тех ребят в баре. Точно *такие же* там были и тогда. *Бусы.*

— Бусинки одного ожерелья. — Свенгали прищурился. — Вы меня дурачите?

— Нисколько. — Фрэнк дернул плечами и сделал большой глоток. — Попытка что-то натворить: пойти куда не положено или искоса посмотреть на охранника — и *тогда* голова с плеч. — Он машинально поскреб подбородок. *А потом там был Перерабатывающий участок администратора Фосса.* — Они на той площади

убили около трех тысяч человек.

И около двух миллионов человек уничтожили в лагерях за три года. И засранцы *сделали это безнаказанно.* Поскольку если кто и знал о них, то до судорог боялся каких-либо действий. И все это случилось давным-давно и далеко-далеко. Сначала они прижали все каузальные каналы, взяли контроль над всеми прибывающими сверхсветовыми перевозчиками и подвергли всю связь в реальном времени в системе и вне нее жесточайшей цензуре. Эмиграция — пожалуйста, но на досветовой скорости. Эмигранты рассказывали о случившемся, но кому интересны события десятилетней давности? События не *текущие,* — добавил он с горечью. — Когда они решили получить деньги по моему страховому полису, то депортировали меня на досветоскоростном перевозчике. Я провел двадцать лет в анабиозе, ко, времени моего прибытия никого уже не интересовало, через что я прошел.

Миновало много времени, прежде чем я стал готов искать себе занятие: провел шесть месяцев в госпитале, привыкая, что если дверь открыта, то из нее можно выйти по собственному желанию, не дожидаясь, когда охрана ее закроет. Шесть месяцев боли, обучения заново прини-

мать самостоятельные решения. Шесть месяцев воспоминаний, что я был когда-то независимым человеком, а не роботом из мяса, заключенным в покорный механизм собственного тела.

— Ладно. Так они… что? Движутся завоевывать миры? Звучит как безумие. Извините, но абсолютная нелепица верить тому, кто рассказывает такое. Разрушить мир — да, легко, но захватить другой?

— Они и не собираются. — Фрэнк прислонился к простенку. — Я не представляю, *что вообще* они делают. По лагерям ходили слухи, что они называют себя РеМастированными. Но вот что это значит… Черт, там еще говорили о многом: от промывания мозгов до генетически создаваемой расы хозяев. Однако первое правило журналистики — не доверять неподтвержденной информации. Все что мне известно: корабль направляется к Новому Порядку, превращенному ими в адову яму. А эти ребята с Тонто. Какого хрена им там надо?

— Да. Вы — блогер. — Свенгали поставил бутылку на стол слегка нетвердой рукой и нахмурился. — И вы намерены попытаться это выяснить? Уверен, та еще история…

ИНТЕРЛЮДИЯ 1

На планете с двумя небольшими лунами, в старинном замке у берегов пересохшей реки за столом сидела сероглазая темноволосая женщина со спортивной стрижкой и читала отчеты. Огромный древний замок *с* каменными стенами, подпираемыми балками из векового дуба; двустворчатые окна широко распахнуты, чтобы пропускать свежий воздух с террасы. Погруженная в чтение женщина не замечала ни ветерка, ни аромата роз, приносимого им. Она была слишком занята изучением докладных записок в планшете, подписывая ордера и верша судьбы.

Дверь издала звук полоскаемого горла

— Мадам, к вам пришли.

— Кто там, Франк? — Она посмотрела на медную бляшку терминала, встроенного в деревянную панель ее сверхфанатичным предшественником.

— S.Фрейзер Байрут. Он говорит, по личному делу.

— По личному? Ладно, пусть зайдет.

Она отодвинула кресло, стряхнула с плеча воображаемую пушинку и скрыла просматриваемое

секьюрным скринсейвером.

Дверь клацнула, и женщина встала, когда та открылась. Протянула руку: «Фрейзер».

— Мадам. — Он не щелкнул каблуками — не носил сапог, — но чопорно поклонился.

— Присаживайтесь, да садитесь же. Вы слишком долго пробыли на Новой Республике.

S.Фрейзер Байрут погрузился в указанное напротив стола кресло и устало кивнул:

— Они для вас все подретушируют.

— Ха, — вырвалось как резкий кашель. — Как выглядят нынешние метрики совместимости?

— Лучше, чем год назад, лучше, чем кто-либо смел надеяться, но еще долго не созреют для интеграции. Реакционные фигляры, если меня спросите. Теперь, зачем я здесь. М-да. Могу поинтересоваться, насколько вы заняты?

Женщина взглянула на него, вопросительно склонив голову.

— Могу уделить вам полчаса прямо сейчас, — медленно

произнесла она, — если это срочно.

Щека Байрута дернулась. Жилистый, с каштановыми волосами мужчина, будто обтянутый дубленой кожей, **в** цельно скроенной униформе

— боевой наряд в нейтрале, хроматофоры[7] и импульсные диффузоры отключены, как если бы он только что вышел из полицейской акции, лишь на время сменить оружие и военное снаряжение.

— Очень срочно. — Он выглянул в открытое окно. — У нас все чисто?

Она кивнула.

— Даже если кто и прослушивает, все равно ничего не поймет, — сказала она без улыбки, и он слегка повел плечами. В обществе вездесущего наблюдения любая столь явная уверенность в себе несла определенный скрытый смысл.

— Тогда ладно. Я насчет доклада по чистке Службы Охраны Окружения на Москве.

— Чистка — Она стиснула зубы. — В такое время?

— Арбайтер Нойрат просит доложить, что они идентифицировали аномалии в следе, оставленном ушедшей командой, когда их вычислили и депортировали. По меньшей мере три случая за три года ведут к Инциденту Ноль. И пять лет е тех пор персонал, работающий в Оперативной группе Охраны Окружения под руководством

---

7 Примечания: 7
Пигментационные клетки.

U.Ванневара Скотта, допускал ошибки в поведении, находящиеся за рамками практического руководства по скрытому выходу из территории смертных. *Это,* само собой, нет нужды доводить до вашего сведения, леди. Виновников подвергли переработке, и их ошибки пополнили свод документов *pour encourager les autres*.[8] — Он прочистил горло. — Но…

Женщина смотрела на него с отсутствующим выражением лица. Байрут напрягся: когда U.Поршия Хойст выглядела расслабленной, она становилась наиболее опасной — если не для него лично, то для кого-то еще, некоего врага миссии. Этакий дорожный убийца на шоссе в неизбежность. Было ли ей тридцать или девяносто — у РеМастированных определялось трудно; внезапная разгадка генома привела к тому, что на протяжении многих лет их внешность практически не менялась. Но если попросить Байрута сыграть на тотализаторе на ее возраст, он бы сделал ставку на верхний предел шкалы. Мирные глаза, спокойные. Глаза, повидавшие столько ужасов, чтобы в миг напрячься и вспыхнуть смертельным приказом.

---

8 Примечания: 8
В назидание остальным (фр.).

— Продолжайте. — Голос нейтральный.

— Нойрат взял на себя изучение финансирования, выделенного команде U.Скотта, обнаружил аномалии и доложил мне. Я проверил его наблюдения и понял: доходы должны быть больше. В дополнении к дисциплинарному провалу в московской команде появился еще один признак, что Скотт э-э… перекладывал скелеты из семейного шкафа в потайную яму, если вы следите за моей мыслью.

— У вас есть доказательства?

— Несомненно. — Байрут подавил в себе стремление увильнуть от ответа. Хойст заставляла его нервничать; она была далека от того типа хозяйки, которым он служил — скорее нечто противоположное, — он никогда еще не видел ее *улыбки.*

У него появилось ужасное чувство, что ее холодность относится и к нему, и это заставило его встревожиться. Ее нелюбовь к U.Ванневару Скотту не нуждалась в объяснении — они принадлежали к различным кладам и не имели ничего общего, кроме службы во имя конечной цели, — и оставалась искренняя надежда, что их борьба не отразится на нем. Войны боссов на уровне выше инспекторского — быстрейший

путь не сносить головы.

— Так предъявите.

Байрут тяжело вздохнул. *Теперь уже не отвертеться.*

— Основное слабое звено вышло на свет. Выяснилось, что команда Скотта основала МО, и все движение к Москве и от нее проходило через единственный перегруженный пункт. Теоретически, в случае утечки потребовалось бы исключение не подлежащей оглашению информации всего лишь из одной локации. Оставив в стороне вопрос дублирующего маршрута и ошибочно превышенную пропускную способность, приходим к выводу, что только в одной локации и единственном иммиграционном отделении остается полный ревизионный след всех передвижений наших агентов внутри и вне системы.

U.Поршия Хойст слегка нахмурилась.

— Не придерживаюсь вашей аргументации. Несомненно, все уничтожено последствиями Инцидента Ноль…

Байрут медленно покачал головой и увидел, как расширяются ее глаза.

— Горловина, которую они подобрали, — изолированный склад горючего и иммиграционный пункт в парсеке от Москвы. Там прошла эвакуа-

ция до прихода ударной волны. Скотт отправил доверенную группу для приведения в порядок и увязывания всех концов на станции: уничтожение иммиграционных записей, ликвидация свидетелей и тому подобное. Несомненно, если бы сработали аккуратно, это стало бы элегантным решением проблемы, но выяснилось, что во время эвакуации произошел ряд необъяснимых инцидентов. Таких как *пропажа письменных инструкций для местного агента,* неудачная попытка возврата всех копий из опечатанного шкафа миграционной службы, возможны и другие проколы. Возник также вопрос о систематизированной регистрации протоколов проводившихся тогда экспериментов, которые тоже пропали во время эвакуации. Агент послал *собак,* босс. Государственных собак службы безопасности, одолженных у дрезденского Министерства иностранных дел. Скотт, похоже, думал, что в отправке надлежащей стерилизационной команды, как это обычно делается по правилам, нет необходимости. Все спрятано под ковер, конечно, улики надежно укрыты. Вот почему это так долго не проявлялось.

— О, дорогой, — улыбнулась Хойст. — И это *все?* — благожелательно поинтересовалась она,

и Байрут вздрогнул: у холодной как лед Хойст внезапное к нему потепление. — И он не позаботился доложить об этом?

Байрут кивнул. Он не позволил себе произнести это вслух.

— А ваш канал в департаменте Скотта… — Она выгнула бровь.

— Канал — это *очень личный друг* Отто Нойрата, — подчеркнул он. — Как бы вы не решили реагировать на данную информацию, прошу вас проявить терпимость в его отношении. Я верю, Отто обладает большим потенциалом для творческой деятельности в поддержке высоких целей, и неделикатность, проявленная к его особому другу… э-э… может скомпрометировать его дальнейшую полезность. Образно говоря.

— О, Георг, каким же вы монстром меня представили? — Пугающая улыбка погасла. — Я не глупая, знаете ли. Или кровожадная. По крайней мере когда не следует. — Она шмыгнула носом. — Пусть Отто оставит себе свою игрушку, пока ее благонадежность перенацеливается на нашу команду. Я не сломаю ее ради него.

Байрут кивнул, расслабляясь. Ее сдержанность он мог объяснить необходимостью более крепкой привязки Отто к их растущей фракции.

— А для вас… — Пугающая ухмылка вернулась вновь. — Как вам нравится открыть дискуссию с департаментом Скотта насчет нашего предстоящего объединения?

— Мне? — Он, пораженный, заморгал.

— Да, вам. — Она кивнула. — Полагаю, вы заслуживаете прибавки возможностей, появляющихся с повышением степени ответственности в такое время, Георг. Что означает сие словосочетание? Большой потенциал для творческой деятельности в поддержке высоких целей, так, по-моему, вы сказали?

— Но почему? Я чрезвычайно признателен, но…

— Не надо. Пока не надо. — Она показала на террасу за окном с зарослями роз и садом за оградой «ха-ха»,[9] на стены, деревья и аллею, ведущую снизу вверх по холму к замку. — Если ваше сообщение подтвердится, то у нас существует серьезная протечка, которую нужно починить. И, думаю, чинить на месте. Я слишком долго, сидя за столом, ткала судьбы, Георг. Ошибка Скотта — типичный случай, когда слишком засиживаешься на месте и теряешь связь с реальностью.

---

9 Примечания: 9

«Ха-ха» (ландшафтн.) — ограда в виде рва.

— Вы намерены поехать лично? А как же ваши поместья и комитеты…

— Сами о себе позаботятся. Им же лучше, они знают, что я вернусь. — Улыбка на сей раз была почти жеманной. Если бы он не знал ее, поклялся бы, что она с ним *заигрывает.* — Теперь серьезно. Я объединю поездку с отборочным туром для новых кандидатов в полевых условиях — с целью укрепления личного контроля над марионетками Скотта — и вернусь с пониманием реально происходящего. Обширная программа, Георг. Только вообразите! — Она щелкнула по клавише планшета. — Подготовьте мне полный обзор. Затем я договорюсь о совещании с обердепартамент-секретарем Блюмляйном и получу разрешение еще до вынесения формального обвинения через Следственный Комитет. После чего обсудим, как вам позаботиться об учреждении на время моего отсутствия.

Он перехватил ее взгляд.

— Я?

Она даже не моргнула.

— А у вас другие планы на вечер? Нет? Боже, тогда я допускаю, что безо всякого риска могу пригласить вас отобедать со мной. У нас много тем для. обсуждений, Георг. Включая и то, как

гарантировать, что вы не разочаруете меня так же, как U.Скотт…

Натиск был стремительным. Хойст выложила определенные факты для привлечения внимания обердепартаментсекретаря U.Блюмляйна. Тот пронзил ее ледяным взглядом очень близко посаженных голубых глаз. «Действуйте», — только и сказал он, оставив ей достаточным кусок веревки, чтобы повеситься самой, если выяснится ее неправота и поддепартамент Охраны Окружения U.Ванневара Скотта окажется чист.

…Проходя через разбитые стеклянные двери офисного здания в Самаре, Хойст кивнула и улыбнулась военным у стола.

Выше флаг, как призывал ее воспитатель Фергус. Парочка прохаживающихся раненых терпеливо ждала медицинский эвакуационный фургон. Неподвижные тела, с текущей из глаз и ушей кровью, были штабелированы на кафельном полу у стены фойе, их мозги уже забрали Селекционеры. Хойст не обратила на это внимания, сосредоточившись на пожатиях рук и обмене любезностями со своим персоналом. *Прежде всего, самое важное.* Кровь на подошвах ботинок. Она получит Скотта в надлежащее время. *Черт тебя возьми, за то что вынудил меня*

сделать это.

Конечно, штаб-квартира Скотта не единственная цель акции. Узловые точки разбросаны по всей планетарной сети, периферийные офисы входят в автономный режим и изолируются во время зачисток. Вне территорий войска Принуждения к Миру толкались в двери его гарема, забирали марионеток на прокол мозгового ствола и включали их в процесс — ненужных уничтожали немедленно, низкое соотношение цена/прибыль — риск для переделки. Это были все составляющие грязного бизнеса, принижающего ubermensch,[10] которого обвинили в злодеянии, и Хойст ненавидела его за это. А также за то, что он заставил ее публично разоблачить РеМастированного, более чем неподходящего для предназначенной ему роли. Но у нее не было реального выбора. Ошибочные действия могли раззадорить его, но хуже того, ее собственным людям могли предъявить обвинения в некомпетентности. Хойст не могла подвергнуть риску судьбы своих людей.

Военные в кремово-бежевом офисном камуфляже освобождали ей двери для прохода по

---

10 Примечания: 10
Сверхчеловек (нем.).

пути следования через административную крепость к исполнительному обслуживающему ядру. Ее охранники держались от нее на расстоянии шага, анонимы под масками. По пятам следовали штабные офицеры, взволнованные и готовые услужить. Заметны признаки немногочисленных повреждений; крепость Скотта брали тайком и в первую очередь. Внутренние части безопасности заменили собственные штурмовые группы Хойст, встреченные с распростертыми объятиями вялыми защитниками, которые и не подозревали, что их свидетельства о смерти были выданы планетарным обердепартаментсекретарем отрывистой фразой в два слова.

В ядре здания располагалась зона безопасности, двери открыты с предательским невниманием. Хойст поднималась по лестнице в невеселом настроении. Наверху, в бельэтаже, расположился контрольный хаб Скотта. «На первый взгляд здесь все в целости и сохранности, — отметила она, — словно ничего не произошло». Проход в бельэтаж был заляпан засохшими пятнами крови прямо под лампами аварийного освещения, бурыми и резко пахнущими. Ее охранники были на каждом углу. В центре расположилась странная троица. В большом кресле — сам U.Ванневар

Скотт в расслабленной позе с проколом ствола мозга, конечности расслаблены, лицо — обвинительная маска. За креслом по разные стороны стояли S.Фрейзер Байрут и женщина в робе и накидке Ордена Селекционеров.

— Ванневар, дорогой. Очень неприятно, что нам приходится встречаться снова при таких огорчительных обстоятельствах. — Хойст улыбнулась мужчине в кресле. Его глаза медленно, почти не двигаясь, оглядели ее. — И лично Байрут. Кого еще я имею удовольствие лицезреть? Странная женщина склонила голову.

— U.Доранна Менгель, ваше превосходительство. Здесь по распоряжению обердепартаментсекретаря, мне надлежит быть свидетелем разбирательства и гарантом проведения процедуры в соответствии с лучшими практиками и обычаями просвещения.

Тело в кресле казалось взволнованным. Хойст склонилась ближе.

— Расслабьтесь, Ван. Усилия не помогут. Нервные клетки не восстанавливаются, сами знаете. — Слова были необходимы для поддержания ее имиджа; внутри будто что-то кричало: «Ты глупый несчастный ублюдок! Что, во имя мертвого бога, ты думаешь, делаешь?» — Мы получи-

ли распоряжение, и мы выполним его. — Она посмотрела на Байрута. — У вас есть активационный ключ?

Он повернулся и поманил охранника.

Включить это на спине для наблюдателя, — сказал он кратко.

Селекционер повернула голову и спокойно наблюдала. Хойст старалась не обращать на нее внимания. Нечего сторониться. Селекционером свидетельствуется все: информация записывается в буферный файл сенсора и по его распоряжению направляется прямо в распределительную сеть. Любая попытка сокрытия или сострадания разоблачалась.

Охранник ткнул дубинкой в шею Скотту, и лицо мужчины начало обретать некое выражение. Дернулся палец. Сидящий невнятно произнес, сражаясь за обретение контроля над телом:

— Поршия, как ты могла?

— До моего сведения был доведен ряд фактов определенного свойства, — холодно проговорила она, почти не замечая, как Байрут бледнеет за креслом. «Факты, которые нельзя проигнорировать, поскольку имеются записи», добавила она про себя, развивая свою надгробную речь. — Небрежные операции. Нарушение принятых

правил в практике и работе с таможней. Потенциальная измена.

— Я никогда не совершал измены.

— Не через комиссионные, — сказала она, проклиная себя за уступку, кажущуюся значительнее перед глазами Селекционера. — Никогда. Риск разоблачения был принят во внимание — и, что более важно, улики припрятаны под коврам. — Она склонилась над ним, кладя тонкую руку на обездвиженное плечо. — Мы не могли игнорировать это.

— Я участвовал в процессе зачистки. — Голос Скотта был бесконечно усталым, подзагрузка вкладыша выпаривала мозжечок, съедала гипоталамус, сохраняя его самого для последующих поколений и славы будущего бога. Без активатора он быстро умрет, а не просто обездвижится. Хотя он и так умрет, когда Селекционер заберет его мозг. — Ты разве не знаешь, Поршия? Я думал, ты… ты…

— Усилитель. — Она сжала пальцы, закипая от злости. Его плечо казалось куском сырого мяса, твердого и коченеющего. Воздух наполнился едким зловонием — если он уже потерял контроль над кишечником, то состояние куда хуже, чем она ожидала. — Свидетель от Селекционеров,

требую допуск к его происхождению. Пока не доказана недостоверность инстанционного вектора, считаю, согласно принятому руководству, что фенотип может гарантировать устойчивость и эффективность.

Байрут удивленно заморгал. Селекционер кивнула.

— Ваше требование принято, — отстраненно произнесла она. — Репродуктивная лицензия на рассмотрении. Или вы имели в виду клон?

— Нет, только генную рекомбинацию. — Хойст склонилась еще ниже и посмотрела в глаза U.Ванневара Скотта, вспоминая былые дни, куда более невинные, — оба интерны в штате ubermensch, бессонные ночи, преступно-вольные удовольствия, прежде чем ответственность станет проклятием. Политика. *Что, тридцать лет? Тридцать семь?* Она едва помнила его тело: любовники так похожи. Ну разве всех упомнишь за жизнь. Скотт… Скотт был историей, много более значимой, чем свидание на одну ночь. — Останется хоть что-то, вспомнить его.

— Ваш запрос рассмотрит Комитет улучшения генома расы, — ответила Селекционер, спокойно поправляя накидку. — Что-нибудь еще?

— Завершение свидетельства. — Хойст не

снимала руку с плеча, пока гвардеец завершал государственный переворот, переходя от личностного дерева к бесконтрольной полной дендрической топосъемке. Незрячие глаза закрылись, и почти сразу же из затылка потекла бледная жидкость. Прикосновение мертвой плоти; когда-то она испытывала ненависть… теперь осталось только чувство: пока еще это не ее черед. Она пригладила ему волосы, выпрямилась и перехватила взгляд Георга Байрута. — Забирайте на утилизацию.

Селекционер уже запрашивала просьбу о загрузке в память, отправляя его статус-вектор на глубокое хранение до появления будущего бога

— Что касается остальных, может, также загрузить их всех — будущий бог узнает себя сам. — Она вздохнула — Итак, мы выяснили, где он хранил список своих марионеток?

— Хорошо, Поршия. Это приводит меня к следующему вопросу: как продвигается твой следующий проект?

Хойст откинулась в мягком плюшевом кресле и посмотрела на золотой листок инталии[11] на потолке. Она взяла время на размышление:

---

11 Примечания: 11
Гемма с углубленным изображением.

как-то это все немного напрягало. По правде говоря, она не пользовалась доверием обердепартаментсекретариата, и покровительственный тон U.Блюмляйна вынудил ее занять позицию защиты. Он напоминал ей одного наставника из смутных времен воспитательного дома. Молодого человека, чей темперамент разрывался между откровенной теплотой и вызывающей раздражительностью — напускной, как она выяснила впоследствии, ознакомившись с распоряжениями полиции дома воспитуемых, — чтобы привить младшим навыки преимуществ сдержанной осторожности. Она оказалась хорошей ученицей, возможно даже слишком. Было приятно обнаружить, что дружелюбное общение на уроках имело непосредственное отношение к высшим достижениям клада. Это просто привело к пониманию, что *тот, кто нас не убивает, делает нас сильнее,* — больше, чем простая банальность.

— Я задал вопрос, — напомнил ей старший.

— Полагаю, основные проблемы под контролем, — уверенно ответила она, поднимая стакан и осторожно пробуя миндальный ликер, стараясь скрыть свои сомнения.

— Основные проблемы, — улыбнулся Блюмляйн. Он протянул стакан, и марионетка по-

спешила наполнить его. Хойст слегка поерзала в кресле и запустила палец под рукав платья. Ответная улыбка, но никаких чувств, кроме расслабленности.

Приглашение в личный кабинет руководителя на вечернее развлечение считалось публичным признанием, признаком расположения к кладу. Но приглашение в частном порядке на обед вдвоем означало нечто большее. Единственными, кто их здесь видел, были охранники, личные секретари и обслуживающие марионетки; все, за исключением секретарей, считались ничем в обширной социальной сети РеМастированных. Что он имел в виду? Особые распоряжения? Определенно не попытка обольщения — вкусы обердепартаментсекретаря лежали в абсолютно другой плоскости, — однако она не считала себя достаточно значимой для встречи по причинам иного свойства. Единственной вещью, которую каждый РеМастированный приобретал прежде всего, был чувствительный нос для определения своего сравнительного статуса, и такое осторожное тайное свидание просто не имело никакого смысла, под каким углом ни смотри. Разве только Блюмляйн по какой-то необъяснимой причине решил произвести ей оценку для роли своего

социального партнера. Замечательно, если это остро отточенный почет.

— Мне бы хотелось услышать краткое перечисление *основных проблем*, Поршия. Своими словами и не в служебное время, если позволите:

— О да. — Поршия встряхнулась. «Идиотка! — выругалась про себя она. — Что еще могло быть». — Скотт допустил на Москве промашку. Или скорее умудрился произвести нечто нецелесообразное. Результат оказался, скажем, не таким, какого мы ожидали. Погибли шестнадцать ubermenschen, не говоря уж о потере целого клиентского мира, находившегося менее чем в восемнадцати месяцах от открытой фазы-два рестабилизации, что стало главным его промахом. Кроме того, испытание оружия — нарушающие причинно-следственную связь устройства его марионеток были протестированы, — вероятно, привлекло внимание Врага. Прямо говоря, он совершил двухуровневую ошибку; изменил своему виду и, что еще хуже, уничтожил целую систему. Это стало, так сказать, бедствием, и Скотт знал, что возникнет нездоровый интерес, если не обеспечит компенсирующий положительный результат.

— Хм. — Блюмляйн нахмурился, нечто напоминающее огонек удивления промелькнуло в его глазах.

На сцене, сзади Поршии, три или четыре марионетки представляли эротическое шоу; Поршия развернула кресло под таким углом, чтобы одновременно смотреть представление и видеть обердепартаментсекретаря.

— Жонглирование на канате над пропастью давняя и почетная традиция, как известно. — Улыбка, отнюдь не дружелюбная. — И какие же долгосрочные планы строил Скотт?

— Полагаю, собирался захватить власть на Новом Дрездене, но это документально не подтверждено. — Поршия шмыгнула носом. — Не удивительно.

Внимание Блюмляйна обязывало ответить улыбкой на равных — игра азартная, но могла закончиться серьезным продвижением, если выгорит.

— Абсолютно точно. — Выражение лица Блюмляйна поблекло. — Как он мог так сглупить?

Она пожала плечами.

— Скотт, скажем так, никогда не испытывал недостатка в самонадеянности и амбициях. — *Ты можешь снова это повторить.* Яркая вспышка

воспоминаний: лежащая в кровати и слушающая его демагогию о планах создания собственного клада, вызвать будущего бога, выкрасть из стаи целые миры. — Мы проработали вместе несколько лет, когда были моложе. Вероятно, неплохо, что время покинуло его: он не вдавался в детали, и, если бы довел свой план до второй фазы, последствия могли стать еще хуже, чем вялотекущее бедствие, с которым он нас оставил.

Блюмляйн поставил стакан и придвинулся ближе, зрачки слегка расширены. Поршия продублировала его движения, превращаясь в доверенное лицо.

— Над чем Скотт работал в том секторе? — тихо спросил он. — И как думаете, сможете справиться с этим вместо него?

— Э… — Поршия огляделась.

Обердепартаментсекретарь перехватил ее взгляд и кивнул.

— Завтра они ничего не вспомнят, — сказал он.

— Отлично. Не хотелось бы стать причиной неприятностей таких умелых танцоров.

— Благодарю за внимание к моей собственности, но, может, вернемся к рассматриваемой проблеме? Нам не хватит всего вечера. — В его

голосе прозвучало нечто такое, что отсутствовало моментом ранее, и Поршия, тихо выругавшись, кивнула.

— Ладно. Официальное задание Скотта — подчинить Москву и заставить служить целям Директората Обороны, разрабатывающего образцы вооружений, запрещенных для нас Врагом. Затем подготовить Москву для ассимиляции. Его агенты проникли в правительство Москвы, эффективно используя лишь обычное лицемерие и небольшой подкуп. Но вдобавок к официальному проектному заданию особое внимание он уделял Министерству обороны. Затраты окупались вместе с получением плана атакующих систем сил сдерживания, и у Скотта разгорелся аппетит. Он раздобыл многое: пусковые и остановочные коды, векторы выведения на орбиты для каждой вероятной цели — и когда случился Инцидент Ноль, информация была надежно скомпонована в его офисе.

— Ага. — Блюмляйн кивнул и улыбнулся.

— Ну. — Она тщательно подбирала следующие слова. — Надеюсь, пусковые и остановочные коды доставлены в ваш офис в сохранности. И сама Москва ими теперь пользоваться не будет, благодаря сбою в определенных технологических

инициативах. Но остается вопрос, как вы хотите задействовать систему рычагов в этих местах, не теряя уважения соседей.

Блюмляйн осторожно кивнул.

— По вашему мнению, насколько хорош последний план Скотта?

— Генеральная теория оригинальна — никто и никогда не делал подобного, — но на деле я не могу ткнуть в нее указкой. — Слова вырвались автоматически. — Он наследил в Москве, наследил достаточно, и не сумел связать концы с концами. Просочившиеся свидетели, в основном. Но эту проблему можно полностью решить отсюда, если кто-то, имея достаточно времени и ресурсов, отследит движение в обратном порядке, чтобы выяснить, где находятся интересующие нас субъекты или куда направляются. — Она перевела дыхание. — В то время как базовая схема была интересна, схема второй стадии слишком сильно зависела от синхронизации и была очень рискованной. Хуже для нас то, что он приступил к ее исполнению. Действия против московской дипломатической команды — в процессе завершения, если уже не завершены. С уверенностью говорить о результате можно будет только после получения официального уведомления, но

предполагаю, что, преуспев, они сами уведомят каждую канцелярию в радиусе сотни световых лет дерьма. Не говоря уж о том, что будет, когда узнает Высший Директорат. Подмять под себя целую планету, затем использовать ее же оружие массового поражения и объявить себя межзвездным императором — по-моему, безумно дерзко. Но его план опирался на людей, верящих, что *демократическая* ветвь охотно действует в соответствии с его намерениями. Но, думаю, это было только желание, делающее его намерения такими зависимыми.

— Следующий вопрос. — Блюмляйн с задумчивым видом сделал паузу, потом щелкнул пальцами; марионетка подбежал мелкими шажками, согнул колени и поставил маленькую серебряную шкатулку на вельветовую подушечку. Руководитель отщелкнул крышку и вынул ингалятор. — Дозу?

— Премного благодарю, нет.

Блюмляйн кивнул и на несколько секунд откинулся в кресле.

— Так-то лучше. — Холодные голубые глаза, колющие зрачки. — Суть дела. В случае необходимости я переключу вас на обеспечение исполнения плана Скотта и доведу его до завершения во

имя великого блага клада. — Он бросил быстрый взгляд в сторону сцены, и в тот момент Хойст поняла, что, несмотря на все заявления о частной неприкосновенности, он считал, что Селекционеры или Армия могут иметь наблюдателей, подкупать его собственных марионеток. — Что вы об этом думаете?

Ой! Ой! Поршия вздрогнула, потрясенная открывающейся перспективой. Это могло означать рост до уровня самого Блюмляйна — управленческого уровня планетарного масштаба, — разыграй она правильно карту. Почти сексуальное возбуждение. *Тогда никто не сможет тронуть меня! Контролировать механизмы…* Она мгновенно погасила мысль, прежде чем та обрела форму. *Сперва самое главное.* Цена могла оказаться высокой, слишком велик соблазн у Блюмляйна разобраться с ней, прежде чем она сама станет угрозой…

Беря себя в руки, она слегка кивнула и подняла стакан.

— Сперва я должна убедиться, что имею санкцию Директората, — начала она, не смотря на сцену. — Затем, когда ее получу, последую генеральному плану U.Скотта, но непосредственные мероприятия на месте предпочитаю вести лич-

но, а не контролируя процесс на особом уровне субординации. Не считаю, что можно достаточно туго ухватить акцию за хвост, если пытаться осуществлять управление на расстоянии: каждый уровень властных полномочий добавляет задержки и вносит дополнительный риск ошибки. План имеет слишком много неопределенностей, чтобы доверить командование младшему кукольнику, не обладающему всей полнотой картины. И я считаю личное руководство э-э… более приемлемым.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА РАЗВЛЕЧЕНИЙ

«Центрис Магна» представлял собой скучную среднестатистическую астероидную колонию, созданную в классическом стиле и не зависящую от генераторов гравитации: алмазная пятидесятикилометровая труба с диаметром основной оси восемь километров, вращающаяся внутри пустотелой скорлупы из углеродистого хондрита где-то в дебрях внутреннего пояса «Септагона IV». Ядро занимали вспомогательные службы, в то время как внешние слои, с высоким уровнем силы тяжести, в основном предназначались для парков и зон отдыха. Многоуровневые жилые помещения располагались в цилиндрах со средней силой тяжести. Бесконечно повторяемая модель государственного устройства среди сотен мирков в системе Септагона, принявшей большинство беженцев с Москвы.

Через три года после прибытия Среда научилась ненавидеть новое место, а гнетущая бедность свербела в носу ежеминутно и ежедневно.

— Среда? — Голос отца приглушен приоткрытой дверью в спальню; если ее закрыть, можно

заблокироваться полностью, если она…

— Среда? Ты где?

От *сосредоточенности* высунув язык, она старательно затягивала шнурки. *Здесь.* Она встала. Ботинки. Новые. Почти до колена, блестящие, как черные зеркала, поверх обтягивающих легинсов из клона шкуры пантеры. «Здесь, пап». Пусть поищет. Последний взгляд в зеркальное окно, подтверждающее, что все подобрано в тон: кроваво-красные губы, бледная кожа, прямые черные волосы. Она взяла куртку, погладила ее, активируя, затем вытянула руки и дождалась, когда та займет свое место и туго обтянет локти и плечи. *Почти готова…* — Среда, иди сюда.

— Иду, — вздохнув, крикнула она. И тихо себе: — Пока, комната.

— До свидания, — ответила спальня, приглушая свет, когда Среда, чувствуя себя высокой и слегка неустойчивой в новой обуви, открыла дверь и вышла в гостиную, где ее должен был ждать отец.

Моррис, как она и предполагала, был там. Большое открытое помещение с лестницей на бельэтаж над кухней обеспечивало ему место, откуда сверху он мог взирать на кавардак, царивший в пространстве общего пользования. Джереми

старательно уничтожал порядок, наведенный домохранительницей, выстроив замысловатую пылевую лестницу из ярко окрашенных фототропических снежинок в центре антикварного стола, за которым, по настоянию отца, семья периодически собиралась для формального приема пищи. Пылевая лестница предстала перед Средой, как только дверь полностью открылась. Отец уставился в стену; застывшие, пока он оглядывал дочь, древние воплощения божества выглядели невероятно спокойными в сияющей глубине перспективы.

— Что на тебе? — слабо спросил он.

— Сэмми устраивает вечеринку, — ответила она раздраженно (едва не добавив: «Как общаться, если ты никуда не выходишь?» — но решила оставить это на последнюю минуту). — Иду с Алоис и Мирой.

Что было не совсем правдой: она не договаривалась с Мирой, и Алоис не договаривалась с ней, но они обе *будут* там, и какое действительно дело, с кем она идет, если это займет лишь десять минут, а уходит она на всю ночь?

— Впервые в новых ботинках. — Отец вздохнул. Выглядел он неважно: бледная кожа, мешки под глазами. Слишком много учится. Учится, учится,

учится — казалось, это все, что он делал, забравшись на крышу кухни, как спятивший филин. Сильные препараты не помогали, ему действительно трудно было приспособиться. — Надеюсь, у меня есть время поговорить с тобой? — спросил он устало. — Надолго уходишь?

— На всю ночь, — ответила она. Дрожа от нетерпения, постукивала каблуками по полу: чумовые ботинки, черные, блестящие, со шнуровкой до колена и серебряной отделкой. Дизайн она отыскала в архиве исторической одежды и потратила много дней, переводя его в программу для домашней фабрики. Сколько стоил материал, отцу она даже не сказала: реальная искусственно выращенная кожа, похожая на содранную коровью шкуру, заставляющая некоторых произносить «ик», когда скажешь им, что носишь. — Люблю потанцевать. — Еще одна маленькая ложь, но папе, похоже, казалось, что он ее контролирует, и не хотелось давать ему повод усомниться в этом, намного проще производить невинные воздухотрясения.

— Хм. — Моррис отвел взгляд и, заметно нервничая, встал. — Не можешь подождать? Мы с мамой завтра уйдем на весь день. Присядешь?

— Ладно. — Среда выдвинула стул, стоящий у

обеденного стола, и оседлала его лицом к спинке, скрестив на ней руки. — Что еще?

— Мы… Мы с мамой… э-э… — Разволновавшись, он запнулся. — Переживаем за тебя.

— Ой, с чего вдруг? — Среда посмотрела отцу прямо в глаза. — Я и сама могу о себе позаботиться.

— Но, видишь ли… — Он взял себя в руки и вымолвил наконец-таки: — Твои школьные дела.

— Да-а? — Лицо окаменело в предчувствии.

— По мнению мистера Тайлеранда, ты не уживаешься с другими детьми. Он, то есть, они… э-э… попечительский совет, беспокоятся о тебе, называют это «привитием норм культуры поведения».

— Ого, здорово, — огрызнулась Среда. — Я… я пойду, — быстро произнесла она, голос задрожал, она не смогла продолжить.

— Нам нужно будет поговорить, — крикнул он ей вдогонку, не делая попыток двинуться за ней. — Ты не можешь убегать от этого вечно!

Да могу, смотри: три шага — и мимо кухонной двери, еще один тройной прыжок (три вращения лодыжки в новых ботинках) бросил ее к тамбуру выравнивания давления. Пульс бешено бился, она ударила по разблокиратору и вручную от-

крыла дверь, затем нырнула в общий проход с его тускло зеленым ковром и бирюзовыми стенами. В полумраке — главное освещение настроено на сумеречный уровень, — не считая пары небольших эксплуатационных роботов, никого не было. С началом движения ее, как плащом, окутала черная мгла разочарования и злости. Большинство дверей с обеих сторон запечатаны; пустующие — иногда разгерметизированные — квартиры; это был подуровень дешевого жилья, только малоимущие беженцы не стеснялись такого. Тупик, как и ее перспективы на будущее. «Перспективы» — какие? Из среднего класса ее семья опустилась до статуса нищих иммигрантов: отсутствие возможностей, презрение ко всему, привезенному из их провинциальных задворок, вроде имплантатов Среды и Джереми, стоивших полугодичного дохода родителей на «Старом Ньюфе» и ставших старым хламом по прибытии сюда.

— Сраный социальный совет, — выругалась она. — Гребаное полицейское мышление.

Но «Центрис Магна» обладал и определенными достоинствами: и квартира больше, чем дома, и событий больше. Да и одногодок больше тоже. Но и плохого хватало, и если бы кто-нибудь поинтересовался у Среды, то она бы ответила, что

плохое перевешивает хорошее по значимости. А ее действительно не спрашивали, хотелось ли ей участвовать в странном культурном ритуале под названием «посещение школы», отнимавшем половину свободного времени, в заведении, переполненном имбицилами, садистами-социопатами, бандитами и воющими маньяками, и ходить туда последующие три года, прежде чем власти выпустят ее. Особенно если в московской системе к пятнадцати годам она считалась уже два года совершеннолетней, а на Септагоне не покидают стены школы, пока не исполнится двадцать два.

«Центрис Магна» — составная часть Септагона, свободно спаренной связки красных карликов без обитаемых планет, — была основана столетия назад. Возможно, этакая неуклюжая шутка Эсхатона: группа так называемого Общества космических колонистов обнаружила себя единственными обитателями холодного, едва сформировавшегося астероида с годовым запасом кислорода и каким-то тяжелым инженерным оборудованием в придачу. После почти столетия кровопролитного и окончательного подавления последних сторонников свободы воли, Септагон приблизился к форме цивилизации, единственно

возможной в таком враждебном окружении, которая означала интенсивное обучение, военный призыв в службы материально-технического обеспечения и нулевую терпимость к тем, кто считает повешение по отдельности лучше, чем повешение скопом. Среда, будучи одной из немногих, выросших на вспомогательной станции, поддерживаемой планетой со стабильной биосферой, не ходила в школу или другие характерные для планет общественные места, и ей трудно было к этому привыкнуть. Особенно когда образовательные власти, бросив на нее беглый взгляд, классифицировали ее беженкой с чужой и, предположительно, отсталой планеты и запихнули в школу для отстающих.

Никто в первый год и не интересовался, *счастлива* ли она. Счастлива ли, если большинство тех, кого она знала, теперь в нескольких световых минутах, разбросаны по всей солнечной системе? Счастлива с сестричками Боне, готовыми при любой возможности исподтишка применить физическую силу? Счастлива, когда первый же, кому она доверилась, развернул ее частную жизнь вокруг общественной как рваный парашют? Счастлива, вкручиваемая наподобие кресторезьбового винта: ее диалект — предмет насмешек,

утраченный дом — тема уродских грубых шуток? Счастлива сидеть на бесконечно нудных уроках на темы, которые она усвоила годы назад, в которых разбиралась лучше учителей, малопонимающих и вдобавок неверно излагавших суть? *Счастлива?*

Счастьем было обнаружить, что школьную наблюдательную сеть подвергли промывке мозгов, чтобы та игнорировала людей в специфической одежде желто-зеленых оттенков и отслеживала людей в черном. Счастье — заметить, что Эллис приторговывал бутлегерскими пилюлями блаженства, приток которых он смог обеспечить с помощью биохимического оборудования, которое она изучала **в** школе три года назад, в пятнадцатилетнем возрасте. Счастье — найти пару приятелей-неудачников без дурного запаха изо рта и похвальбы насчет воскрешения своих бренных останков на утро после. Счастье — узнать, где находятся слепые точки камер, не быть замеченной невидимыми противниками, а также обвиненной в фантазировании и членовредительстве, если кричишь о помощи.

Она не смела думать в этом смысле насчет папы с мамой, вполне приноровившихся к условиям места, где они могли получить хоть какую-то

оплачиваемую работу, чтобы суметь выехать из трущоб или, возможно, даже эмигрировать в более богатый и крупный хаб. Бессмысленно обращаться с ней как с ребенком, пока ей не стукнет тридцать — возраст совершеннолетия на Септагоне. Или…

«Оп-па, — подумала она осматриваясь. — Не очень-то умно, не так ли?» Самоанализ расстроил Среду, что отчасти неплохо.

Малопосещаемый коридор жилой зоны имел наблюдательную систему и экзогенную поддержку. Девушка обогнула два угла, выбрав кратчайший путь Через заброшенный корпоративный «муравейник» к отдаленному полюсу, где намечалась вечеринка. Сэмми и ее банда (отнюдь не школьное хулиганье, но арбитры модности и клевости, которые никогда бы не позволили Среде забыть, как осчастливили ее своим приглашением) устраивали такое и раньше: занимали брошенную квартиру, или офисную зону, или даже производственный блок, вычищали их, после чего приносили туда левую выпивку, наркоту и музыку. Съезжающих в периферийные зоны предупреждали: подвальный уровень — одна из старейших застроек в колонии, давно заброшенная и поставленная в очередь на ре-

структуризацию через несколько лет.

Среда шла не глядя по сторонам, придерживаясь схемы маршрута, нервически переправленной ей Джонни де Виттом днем раньше и хранящейся в кэш-памяти: мигающее кольцо на указательном пальце определяло путь. В тумане самопоглощения она не заметила ни сгустившегося сумрака, ни почти полного отсутствия пешеходных дорожек, ни в большинстве своем разбитых коридорных осветительных полос. Она была одна, и никого больше в поле зрения. Под ногами какие-то обломки, осколки панелей, груды запыленного эксплуатационного оборудования. Отсутствующие двери в стене ощерились сгнившими зубами — весь сектор выглядел небезопасным, *протекающим.* Теперь это заставило ее задуматься. «Эй, Джонни! — тихо позвала она. — Джонни!» Аляповатый коротышка, начисто лишенный вкуса к одежде, он мог бы стать классическим шутом, если бы был поумнее: обычно он оказывался жертвой. Он присылал ей приглашение не с неким скрытым намеком, никакого заикающегося приглашения укрыться в тихом местечке на часок — просто обычная нервозность, все время выглядывающая из-за его плеч. *Я могу позвонить ему и спросить, но*

тогда буду выглядеть дурой. Слабо. Но… если не позвоню, точно буду дурой.

«Соединение с Джонни «Конфеткой», — мысленно передала она. *Соединение… нет сигнала.* Она, не веря, заморгала. Конечно, сюда должны проходить частоты. Это даже более фундаментально, чем кислород. По радиочастоте можно связаться со службами спасения, или выйти в эфир, или выпутаться из неприятности. Без этого могло случиться *все что угодно.*

Ходили разные слухи насчет заброшенных секторов. Расчлененные тела в кабельных каналах; *отворачивающиеся камеры наблюдения,* если знать тайный жест, обходящий их программы; приглашающий зов заброшенных домов, где одна из комнат имеет прямой выход в абсолютный вакуум. Но Среда слыхом не слыхивала о целых закрытых сегментах, где ни с кем нельзя ни связаться, ни обратиться к агенту или планшету, куда опасаются пробираться даже роботы обслуживания. Такое выходило за пределы небрежности: это становилось активно опасным.

Она прошла через широкий низкосводчатый зал; с рельсами по одну сторону и без особой отделки он походил на эксплуатационный тоннель того времени, когда здесь жили и работали

люди. Зияли пустотами дверные проемы, некоторые с бутовой кладкой фасада — разбитые, потерявшие форму, аэрогелевые и реголитовые кирпичи, вывернутые оконные рамы. Освещение практически не действовало, за исключением прерывисто мигающей светополосы на потолке. Спертый стоячий воздух, запах плесени. Впервые Среда порадовалась своему сенсору выживания, который завизжит, если она окажется у бескислородного канала.

«Такого просто не может быть», — пробормотала она. Поворотами колец она вызвала полную схему маршрута, масштабируя шкалу для выделения на дисплее данного уголка общественных зон колонии. (Кольца стали здесь еще одним раздражителем: в московской системе они — объемистые и коробкообразные — просто персональное цифровое вспомогательное средство, а не связка бриллиантов, взаимодействующих с нервной системой тонких имплантатов). Весь сегмент — ни на что не годный сумрак, запретный для входа. Где-то по пути ей попался ведущий вниз дверной проход, на карте обозначенный сплошной стеной. «Зараза». Вечеринка — Среда наложила поисковик на схему — проходила примерно в сотне метрах от наружного слоя за-

щитной стенки герметического цилиндра. «Вот черт», — добавила она, на сей раз с чувством. Кто-то надул Джонни и подпихнул ей фальшивку или поступил более коварно, вложил посреднический розыгрыш в одолженное ему кольцо. Среда уже представляла это мысленным взором: группа юнцов издевательски веселится, как они отправили пришлую сучку в грязное подбрюшье мира. Какой-то шорох в мусоре у стены, крыса или…

Девушка быстро оглянулась. Похоже, камер здесь нет, только пустые гнезда зияли на потолке. Мертвая зона впереди поглощала свет: огромный зал с теряющимися в высоте перекрытиями, будто огромная пещера в конце эксплуатационного тоннеля. Она снова услышала шорох, безошибочно узнаваемое шарканье ботинок по бетону.

«Что мне…» Старые рефлексы не отмирают: Среде хватило секунды понять, обращаться к Герману за советом без толку. Она оглядывалась в поисках укромного местечка Если кто-то крался за ней, какой-то псих или, более вероятно, парочка сестричек Боне, заманивших ее для избиения, следовало спрятаться, пока не попалась им на глаза. Большая пещера впереди — неплохой шанс, но там слишком темно, ничего не видно, и если пещера завершается тупиком, Среда ока-

жется закупоренной как в бутылке. Дверь слева казалась более обещающей: множество жилых модулей с пустыми глазными впадинами распахнутых шлюзов.

Среда метнулась вбок, старательно приглушая звук подошв. Ближайшая дверь широко распахнута, прорванное этажное покрытие высвободило путаницу кабелей, напоминающих декомпрессионные кишки. Девушка осторожно через них переступила, остановилась, прислонилась к стене и заставила себя закрыть глаза на десять секунд. Стена оказалась жутко холодной, а дом пропах тухлятиной, будто здесь что-то давно сгнило. Когда она снова открыла глаза, то заметила во мраке какой-то вход. Напольное покрытие уходило на метр за порог, далее коридор разветвлялся надвое. Среда, поколебавшись, двинулась влево, тихо, на цыпочках, и почти не дыша, прислушиваясь к звукам преследования. Когда стало слишком темно и совсем ничего невозможно было разглядеть, она повернула кольцо и прошептала: «Фонарик». Тоненький голубой диод светит не ярко, но достаточно, чтобы можно было разглядеть помещение впереди — большое открытое пространство вроде их гостиной, только заброшенное.

Среда осмотрела комнату. В углу разломанный фабрика-тор открывал доступ в лаз. Прогнивший от времени и сырости диван у противоположной стены. Затаив дыхание, она едва удержалась, чтобы не чихнуть. До нее донеслись не предназначавшиеся ей, произнесенные шепотом слова:

— Твою мать, куда подевалась эта сука?

— Здесь где-то. Твой *правый* борт, мой — *левый.* Мужские голоса с *очень* странным акцентом, резкие и решительные. Среда непроизвольно вздрогнула. *Не сестрички!* Сестрички Боне — дрянь, конечно: пересечешься с ними, считай, лечись, но белое женское землячество не якшается…

Хруст! Ругань. Кто-то влетел ногой в открытый кабельный канал. На грани слепой паники Среда метнулась к полуметровой высоты лазу, нырнула в него и поползла на четвереньках головой вперед в сумерки трубы, с видимостью не дальше вытянутой руки. Канал резко выгибался вверх, отводки переплетались узлом напротив крышки контейнера. Девушка подождала, заставила себя расслабиться и перевернулась на спину, чтобы видеть кривизну изгиба. *Смогу ли?..* Оттолкнувшись коленями, приняла сидячую позу, уперлась носками ботинок в зазоры контейнера и *подпрыг-*

нула… Тяжело дыша от натуги, она подтянулась и скрылась из видимости. *Пожалуйста, только не инфракрасные трассеры или собаки.* Воспоминания о собаках заставляли порой подскакивать по ночам с дрожью и в холодном поту. *Пожалуйста, пусть просто грабители.* Зная свою удачу, она умудрилась пересечься **с** парой серийных засранцев, нарушающих общепринятые границы ловцов мясных куколок. И у нее нет дубликатора: он стоит реальных денег, каковых мама с папой не имели. Она вздрогнула, усилием отгоняя панику, уперлась локтями в стенку трубы и выключила кольца. Она дезактивировала имплантаты — дублер мозга, зрачковые проекторы и все остальные. Полнейшая *отключка.* Умри она здесь, и никто не найдет тело, пока не разломают стену. Здесь может быть газовый капкан, но она про это даже не узнает. Но по-другому нельзя. Иначе охотники смогут идти за ней по следу излучений.

— Она входила здесь? Не думаю. — Шарканье, голоса и пугающий слабый луч ручного фонарика

Другой голос, ругающийся.

— Обыскать этаж. Следишь за датчиком?

— Да. Трассер сообщает… она, черт, исчезла.

Трассер ее потерял. Сигнал такой же, как от ее дома. Добыча умудрилась перехватить сигнал районирования.

Не просто какую-то девочку бандюги загоняли: они крались именно за ней, преследовали ее от самого дома. *Забудь грабителей, забудь психопатов.* Среда задавила в себе писк чистого ледяного ужаса.

— Я проверяю дорогу. Ты прочисти ту сторону; если там нет, возвращаемся и ждем на полпути. Если прячется, выйдет.

— А не запустить ли туда азот? Бескислородная ванна? Второй высокомерно ответил:

— А после того, как закачаешь дыхательную смесь, найдешь протухшую мясную тушу. По договору заказчики хотят удостовериться в подлинности. — Стук шагов по решетке прекратился.

Они собираются ждать меня в коридоре? По крайней мере не собираются заполнять весь сектор азотом, но даже слышать об этом страшно. Тухлое мясо. Они хотят убедиться в моей смерти. Одуряющее чувство проигрыша налило живот тяжестью. *Как мне отсюда выкарабкаться?*

Заданный себе вопрос помог; откуда-то из глубин памяти она выудила то, чему ее учил неви-

димый друг при катании на лифтах в счастливые дни тогда, дома. *Первый шаг — идентификация и обнаружение преследователей. Затем выясняешь, какой они пользуются картой, и определяешь их слепые зоны.* Не пользоваться лифтами и лестницами, а прямо через служебный люк, осторожно ступить на крышку кара и ехать на нем к безопасному месту — или, как в обучающей игре, до конца, к Стыковочному Контролю, и обратно, не появляясь нигде на тайной карте «Старого Нью-фа». Она выяснила, как проникать сквозь стены, исчезать из сетей слежения, растворяясь в толпе. С грустью Среда вспомнила первый урок Германа: «Даже если боишься, не поддавайся панике. Паника самый верный способ самоубийства». Тогда это казалось забавным.

«Игра продолжается, — вдруг поняла она — Игра с ними. Кем бы они ни были. Но я не собираюсь играть по их правилам. — Одновременно с осознанием этого к ней вернулось чувство уверенности в себе. — Теперь куда?»

В канале было чернее ночи, но прежде чем отключить свои устройства, Среда запомнила, что он уходит вверх. Похоже, здесь раньше был дом, трущоба, сдаваемая внаем дешевой рабочей силе — столь дешевой, что не имелось ни ванной ком-

наты, ни автогорничной для уборки. Квартиры из сборных конструкций: связка воздухонепроницаемых модулей, соединенных друг с другом болтами и проходом через герметичные двери. Подсоединение к основной системе поддержки давления осуществлялось эксплуатационными воздуховодами — такими, как этот. Канал вел туда, откуда нагнеталось давление. Вопрос лишь в том, где та комната, откуда можно добраться до конца.

Среда оперлась о стенки трубы и начала проталкивать себя вверх. Трубки и кабели с периодически встречающимися узлами соединений и опорными решетками почти годились в качестве лестницы, их изоляция размякла от возраста и крошилась, образовывая пористые захваты. Среда останавливалась через каждые полметра, шарила одной рукой — что там выше, удерживая себя другой и стараясь не думать об одежде: ботинки подходили для карабканья меньше всего, но она не сбросила их, а вот что труба сотворила с курткой…

Ищущая руку ушла в пустоту. Еле дыша, девушка подтянулась выше и определила, что перемотанные кабели свиваются в клубок у комнатной локальной мембраны воздухопода-

чи. Последний конвульсивный бросок вверх с переворотом — и Среда оказалась сидящей, согнувшись в три погибели, на кабельной опоре; дышалось с болью, ноги свисали в трехметровую пустоту. Теперь на мгновение рискнем включить локационное кольцо, обеспечить слабое освещение. Осмотревшись, она испытала легкую клаустрофобию. Лаз расширялся лишь на метр в ширину и полметра в высоту.

Дальше сплошная тьма, но это могло быть ответвлением в сторону входной двери, *если* она не запуталась. Среда встала на ноги и направилась во тьму.

Она подошла к развилке, перекрестку с рукавом, сделанным здравомыслящими людьми. Потолок ушел вверх на метр, еще одна быстрая вспышка кольца выявила световые панели (пыльные и неработающие) и ровный пустой лаз. Среда сунулась туда и при помощи локтей и коленей стала пробираться со всей возможной скоростью. Метров через шесть она добралась до большого инспекционного шлюза и остановилась. *Я ведь над дорогой, так?* Она приложила ухо к стенке, стараясь не обращать внимания на биение пульса.

— …не видно ничего. — Голос еле слышимый,

но отчетливый.

— Ее нет здесь! — Ответ, приглушенный металлом. — Ушла, по показанию трассера прошла сквозь стену? Говорю тебе, нет ее здесь.

— А я говорю, этого не может быть! Поэтому ждем.

Среда, крадучись, пробиралась дальше, дыша еле-еле и удерживаясь от слишком быстрых движений. На другой стороне коридора другой жилой модуль, а может, и центральное эксплуатационное ядро или канал на следующий уровень, где она сумеет смыться от этих психов, кем бы они ни были, с их диким акцентом и жуткими намерениями. Бе еще мутило от страха, но жгучая злость уже закипала *Кем они себя возомнили?* Охотятся на нее, как собаки, по подбрюшью цилиндрического города — воспоминания тут же вернули животный страх и негодование. Следующий узловой пункт, другая рискованная вспышка света обнаружила еще один канал. На сей раз девушка выбрала ответвление к большой пустой пещере в конце прохода. Еще десять метров, следующая подсветка кольцом, и Среда увидела впереди зубчатый край, пыль и осколки на полу, напоминающие засохшие экскременты некоего обитающего в канале чудища, и штабель поло-

павшейся стенной изоляции. За выступом луч света поглощали тьма и стук падающих капель.

Черт! Девушка встала на колени на холодный металлический пол и оглянулась. Позади снизу два странных человека отслеживали ее сетевой след В своей телесной оболочке она заблокирована. Разве нет? Среда снова медленно двинулась дальше **и** заползла в пещеру. Здесь могло быть все что угодно: газовый дроссель заполнен углекислым газом, похоже на протечку криогена, изоляция прорвалась, и стены промерзли настолько, что при прикосновении к ним можно примерзнуть. Она вдохнула воздух, снова едва не начиная паниковать. *Герман должен знать…* Но Германа здесь нет. Герман не последовал за ней со «Старого Ньюфа». Как-то он ей сказал: «Каузальные каналы связи разрываются при движении со сверхсветовой скоростью», и один его агент, подосланный к ней, — педиатр, проходивший интернатуру на хабе, когда ей было двенадцать, — теперь был недоступен. Придется рассчитывать лишь на себя, если хочет попасть на вечеринку к Сэмми. Или куда-то еще. Даже домой.

— Преследуемый призрак. — Приглушенный удаленный голос разнесся эхом по коридору

прямо под ней. — Ну, если она здесь, как ее найти? Пыльный дворик, сынок, пыльный. Говорю, призрак.

Свет пересек темноту пола пещеры, и Среда затаила дыхание.

— Тераскан…

— Ничего не показывает. Видишь, стены из титанового сплава? Она призрак-манок, говорю тебе.

— Юрг, ему не понравится.

Титановые стены? Она глянула вниз. Металлический канал. Если у них терагерцевый сканер, они мгновенно найдут ее везде, за исключением этих старых глухих металлических стен, произведенных из дерьмовой руды, остатков от выработок астероида, образующих в целом клетку Фарадея. *Нет сигнала.* Она дернула плечами, услышав, как преследователи топтались на месте и разворачивались.

— Возвращаемся по ее следу. Ждем там.

Топ. Топ. Сердитые шаги удалялись по коридору. *Не пострадаю?* Среда включила кольца на десять секунд и снова выключила. Шаги не возвращались, никаких сердитых ищущих голосов, но прошло еще несколько минут, прежде чем девушка позволила себе активировать кольца

снова и оставить светиться на пальцах.

— Ублюдки, — пробормотала она Не то чтобы «Центрис Магна» захлестнула серия сексуальных преступлений, но в такое куда легче поверить чем…

Пискнул фоновызов.

— Да? — ответила она.

— Среда. Это Герман. Поняла?

— Что… — Голова пошла кругом от случайности совпадения. — Долго ж тебя не было.

— Да. Пожалуйста, будь внимательна. Твоя жизнь в опасности. Я перевел деньги на твой счет, чтобы его восстановить. Держи имплантаты выключенными, тогда смогу сбить охотников за тобой со следа. В районе твоего местоположения есть лестница: пройди этаж, второй выход налево, первый направо, и далее, придерживаясь этого направления, ты попадешь в плотно населенную зону. Смешайся с толпой, если там будет много народу. Домой *не* возвращайся, иначе подвергнешь опасности семью. Скоро я с тобой свяжусь и дам дальнейшие инструкции. Поняла?

— Да, но… — Среда уже говорила сама с собой. — Ублюдок, — Она попыталась произнести это так, словно действительно имела это в виду. *Герман?* После трех лет безмолвия. Она почувствовала

слабость в коленях. *Могла ли я это себе представить?* Она включила свет на пальце и увидела груду обломков и следы царапин на своих ох-как-сильно-потрудившихся ботинках. *Нет.* Увидела лестницу спуска на уровень пола и подъема от платформы наверх, к следующему коридору. *Да!*

ОБРЕЧЕННЫЕ НЕ УМИРАЮТ

Для своей вечеринки Сэм выбрала темный промышленный участок на краю утилизационной зоны. Среда не пошла туда сразу; сперва поднялась на два уровня, к городской арке, нашла общественную уборную и привела себя в порядок. Помимо чистки обуви и легинсов, она велела куртке провести самоочистку. Волосы растрепаны, настроение — хуже некуда. *Как эти подонки посмели преследовать меня?* Она подкрасилась: губы — в голубой, вокруг глаз — в сердито черный. Придала волосам видимость порядка. *Злюсь. Злюсь!*

Помотала головой; отражение лица в зеркале отодвинулось и подмигнуло ей.

— Могу что-нибудь порекомендовать, дорогая? — спросило зеркало.

В итоге она позволила зеркалу добавить ей легкий цветной саронг,[12] прозрачную вспышку шелковых радуг вокруг талии. Настроение от этого не улучшилось, но Среда согласилась, что идея неплоха. Куртка в соответствии с настрое-

---

12 Примечания: 12
Индонезийская одежда.

нием заиглилась на плечах рассерженным ежом, и без вновь приобретенной смягчающей детали Среду могли бы сторониться весь вечер. Затем при помощи зеркала она вызвала распорядителя вечеринки Сэмми и, проглотив собственную гордость, расспросила о направлении. Вечеринка была полупродуманной импровизацией — лучшее место спрятаться, пока никто не висит на хвосте. Она не собиралась дважды становиться преследуемой за один вечер.

Сэмми заняла пустой промышленный модуль на пару уровней ниже трущоб, размалеванный в черное и обустроенный цепочкой примитивных домашних приспособлений. Световые трубки, пришпиленные на эластичной зеленой пене, неравномерно распределили по углам комнаты. Установка для производства биокораллов пришла в негодность, экзотические шнуровые орнаменты уродливых кальциевых тератом[13] вырастали из емкости, сплошь челюсти да ребра. Громкие звуки вальса расстреливали визжавшую в ответ толпу. Это полоумный ди-джей Эл атаковал барабанные перепонки присутствующих. Был здесь и бар, полный тупиц и придурков,

---

13 Примечания: 13
Кистообразный нарост (медицинский термин).

где робот-официант выблевывал алкогольные напитки и вилял соединениями и барбитуратными шумовыми генераторами. Самина знала, как устроить веселье, признала нехотя Среда. Декриминализированная элита, в меру процветающая городская молодежь, проводила малорискованные эксперименты, каковые здешнее тонко регламентированное общество позволяло. На верху сдохшего бака с растворителем устроилась кошка, свесив переднюю лапу и оглядывая каждого входящего. Среда улыбнулась ей, но та, сердито дернув хвостом, отвернулась.

— Среда! — Этакий пухлячок с отражающими контактными линзами блестел потом в ловушке света: Хряк. С полупустым стаканом какой-то дряни, скорее всего пива. Он был взбудоражен — всегда взбудоражен — и зациклен на гетероциклических соединениях: прндурок-биоизыскатель. Десять кило коричневых жировых клеток, набитых страннейшей органической химией, которую только можно вообразить, бурлили под его кожей. Он пытался создать наилучшую липосому для своих грязных экспериментов. Говорил, это сохраняет ему тепло: однажды кто-то дал прикурить ему скрутку с дурью, а он вспыхнул, как один их старомодных самоубийц.

— Видел Фи?

— Фи? Не хочу виться вокруг Фионы! Она скучна. Среда впервые сосредоточила взгляд на Хряке. Зрачки как булавочный укол, тяжелое дыхание.

— О чем ты?

— Тупицы. Сложить малость гидроксилированного тритерпеноида и результат этаноловой дегидрогенизации. Учить меня насчет пивного похмелья. Что принесла? — Он попытался цапнуть ее за рукав, Среда грациозно увернулась.

— Себя, — ответила она, оценивая. Хряк трезвый мог удовлетворить ее потребность. Хряк поддатый — вообще вне игры. — Только свое замечательное «я», толстячок. Где Фи?

Хряк хрюкнул и отхлебнул из стакана Покачиваясь, он отковырнул что-то от подбородка

— Следующая ячейка, выше. — Еще хрюканье. — Скверный день подразумевает тяжелое утро. Я еще не отупел?

— Извлеки кубический корень из 2362?

— М-м-м… шесть-точка-девять… точка-девять-семь… точка-девять-семь-один…

Среда оставила Хряка медленно выбираться из ловушки в тумане ньютоновской апроксимации и выплыла в ночь бледнокожим привидением в замысловатых черных лохмотьях. Причуд-

ливая одежда, позабытый юношеский культ смерти. Она проявила добродушие к Хряку, даже снисходительность, уже тем, что задумалась о нем. Наслаждение Хряка самоуничижением пригасило ее собственную нехватку чувства социализации. Мир полон болванов и изгнанников. Оранжерея, вырастившая великолепие системы Септагон, одновременно генерировала множество толковых неудачников, и если никто из них персонально не приспосабливался к системе, все вместе они составляли занятную мозаику.

В следующем производственном модуле танцевали, ускоряемые волынками и собственным ответным воем; некто, втянувшийся в транс драм-машины, метался по сенсорной решетке, обеспечивая молотобойный ритм. Это была группа старших, девятнадцати-двадцатилеток, хвостовой конец средней школы. Встречались немногие жертвы моды, которых всегда можно заметить на вечеринках, но более экстремальные; одетые — или нет, — будто только что выбрались из постели: пара-тройка преувеличенно эксцентричных самоутверждений. Голый лысый парень со звенящей промежностью от множества хромированных цепочек танцевал щека о щеку с другим парнем, длинноволосым,

обмотанным в красную тогу, открывающую пирсинг на вздувшихся сосках. Девочка-подросток в идолопоклонническом наряде, спотыкаясь, прошла мимо. Ее осиный корсет, кожаные мячики лифчика, цепочки на запястьях и лодыжках просматривались под прозрачным до пола платьем. Среда проигнорировала эксгибиционирующих экстремалов: фундаментально скучные типы, стремящиеся привлечь к себе внимание и испытывающие необходимость востребованности, но весьма далекие от способности стать хорошими секс-приятелями.

Она пошла в дальний конец секции, выискивая стоящую компанию. Фиона оседлала мертвый рог изобилия. В черных легинсах и футболке, затыкающих протечку в энтропии. Она болтала с парнем в поддеваемом под скафандр гермокостюме с замысловатыми разрезами на коленях. Спод сжимал в руке распылитель и мечтательно жестикулировал. Фи подняла глаза и воскликнула: «Среда!»

— Фи! — Среда нагнулась и обняла ее. От Фионы несло травкой. — Что это здесь, депрессантный город?

— Сэмми просила сделать все по-тихому, но никто и не подумал.

На танцполу мисс Кожаные Мячи испытывала трудности общения с парнем в черном женском неглиже, которому хотелось танцевать, их язык жестов был несовместим с правилами этикета.

Фиона улыбнулась.

— Винни, познакомься со Средой. Выпить хочешь, Среда?

— Не плохо бы.

Фи щелкнула пальцами, и Винни, вяло моргнув, потопал в направлении бара.

— Славный парень, думаю, под немым пластом. Не знаю. Не хочу растрачиваться на кого-то еще, понимаешь, о чем я?

Среда подтянула саронг и запрыгнула на рог рядом с Фи.

— Пуф. Никого выше? Никаких противопретендентов? Фиона покачала головой.

— Правила дома: хочешь войти, у дверей проверяешь свой IQ. Слышала глушилки?

— Нет. — Сказав это, Среда внезапно поняла, что должна была: барбитуратное шумовое поле напоминало гул в ушах, скребущий края ее имплантированных восприятий. «Герман подсказал Сэм?» — удивилась она. — Так вот почему Хряк.

— Он милашка, когда туповат, правда? — Фиона хихикнула, Среда тоже улыбнулась. (Мрачно, на-

деялась она, поскольку не поняла, какой та ждет реакции.) — Хорошее извинение. Стань тупым, стань тупее, прекрати думать, расслабься.

— Ты уже была под этим?

— Да, чуточку.

— Слишком плохо. Надеюсь поговорить насчет…

— Ш-ш. — Фи склонилась к ней. — Я собираюсь вечером залезть к Винни в трусы, смотри, если не сделаю этого!

Она указала на спода, который, покачиваясь взад-вперед, пробирался к ним.

— Такая упругая задница, хлопни, и он отскочит. Музыка действовала на него и на Фи, что вызвало прилив ревности у Среды от мозжечка до промежности. Она пригладила рубашку.

— И что ты надеешься найти в его штанах? Полосатую зубатку?

Фи снова хихикнула.

— Послушай, расслабься. Давай, дорогуша. Перестань думать. Трахайся как крольчиха, познай радость стонов. Не можешь отключиться?

Среда вздохнула: «Попробую».

Вернулся Винни. Без слов он протянул банку скалящейся нервной смерти. Среда взяла, поднимая тост до высот мозговой отключки,

старяясь прикончить напиток одним глотком, и закашлялась. Ночь юна. Все вокруг наполнилось нарастающим шумом глушилок, нейролептиками и алкоголем: вечеринка только начинала подводить к нужному уровню трансподобных зомбированных небес, которые высоким давлением синтетических талантов помогут отключиться и забыться.

И долгий путь вниз, в глубины бездумья. Едва ли Среда удивится, если встретит Хряка и найдет его привлекательным.

В итоге это оказался не Хряк, а парень, которого называли Блеу,[14] зеленая кожа и сетчатые перепонки между пальцами рук и ног — но не между членом и яйцами, — и она осталась в его руках, радуясь бессмысленной игре его слов. Он просунул руку в вырез ее рубашки, но вежливо не двинулся дальше. Мотивы дальнейшего утром ускользали, за исключением того, что было бы глупо и неуместно отказаться, вдобавок никто из ее обычных секс-друзей не оказался свободным и рядом, а она испытывала такое *напряжение*…

Парень оставался рядом полночи, поглаживая

14 Примечания: 14

Blew (англ.) имеет много значений, в частности шторм, ветерок и пр., а так же: выпивоха, эксбиционист, наркоша и пр.

ей спину, после того как она закончила стонать и царапать его ягодицы в одной из огороженных звуконепроницаемыми занавесями нише сбоку от танцпола.

— Ты *действительно* на взводе, — удивленно сказал он, растирая плечо.

— О, еще бы. — Ее куртка сползла в угол, словно защищая остальную одежду. Среда лежала лицом в подушку, потная, в послеоргазменном состоянии и немного обалдевшая, пытаясь приподняться, пока он занимался верхней частью ее спины. — Ах.

Он прервался.

— Хочешь поговорить об этом? — Он потыкал в синяк на левой лопатке.

— Совсем нет, — пробормотала Среда.

— Тебе нужно расслабиться. — Он погладил синяк. — Это на вечеринке? От кого-то из здешних? Или кого другого?

— Сказала же, не хочу говорить, — ответила Среда, и он убрал руку, чтобы дать ее спине отдохнуть.

— Тогда чего хочешь? — спросил он с нотками недовольства. — Могу уйти. — Было не похоже, что он в это верит.

— Иди. — Она вытянула руку назад и, не глядя,

ухватила его за бедро, противореча самой себе. — Стой. Я не уверена — Утром, после разового секса с незнакомцем, она всегда с трудом общалась. — Зачем тебе разговоры?

— Ты интересна. — Звучало серьезно, плохой признак. — Я тебя раньше не встречал. И, думаю, ты мне нравишься.

— Ох. — Среда посмотрела на танцплощадку. Ноги мелькали в неравномерных стробоскопических вспышках всего в одном-двух метрах от их потного гнездышка. От парня пахло мускусом с острым привкусом спермы. Она перевернулась на спину, облокотилась на обитую стенку ниши и взглянула на него. — Ты подразумеваешь что-то еще?

Он сонно посмотрел на нее.

— Если хочешь, обменяемся каналами связи, может, встретимся еще раз.

«Я получила предложение! — с испугом поняла она. — Не только секс. — Она оглядела его с ног до головы, мысленно одевая и представляя, на что это будет похоже. — Бойфренд?» Напряжение охватило ее целиком, не пропустив ни дюйма.

— У меня отключена связь, и активировать ее снова я не могу.

— Если это…

— Нет! — Она схватила его за руку и притянула к себе. — Нет, я действительно… э-э… Ох.

«Ответ не верен, не так ли?» — подумала она, когда скольжение горячей кожи — интересной же дурью они наширялись — сделало ее дыхание прерывистым и привело к пульсации жизни у него в паху. Она прижалась к нему и обняла.

— Никакого обмена связью. Только сегодня ночью. Сделаем ее нашим последним, лучшим временем. — Ловкие пальцы нашли сосок. — О, это слишком легко.

И снова возврат в бездумные глубины с человеком-лягушкой по прозвищу Блеу, ее пилота по коже. Мучительное напряжение шейных мышц изгнано в момент, сменившись вожделением.

Среда проснулась внезапно, голая и липкая, в одиночестве, на надувной подушке. Она еще пахла Блеу. Действо на танцполе продолжалось, но более вяло, звуки музыки скатывались к фальшрассветному завершению. Среда на миг ощутила собственное одиночество и холод. «Черт! — смутно подумала она. — Он был хорош. Может, стоило-таки обменяться…»

На подушке лежала связка колец. Рядом заботливо поставлена банка саморазогревающегося кофе.

— Что за херня? — Она покачала головой, забирая оставленное. *Вот парень.* Она мгновенно ощутила горечь потери: некто вместо гулянки тратил свое время, массажируя ей спину уже *после* секса, несмотря на то, что ей не хотелось разговаривать… это стало ценным знанием. Но он оставил кольца. Озадаченная, Среда осмотрела их. Вроде размер подходящий. Все еще смущенная, она сорвала ушко разогрева на банке, стащила собственные кольца, надела набор новых и активировала их. Вместо почти ожидаемого идентификационного сбоя раздался мелодичный аккорд, сопровождаемый запахом роз, когда сигнал достиг имплантатов, и прошла регистрация ее как владельца. Полная идентификация с абсолютным допуском, который был проиллюстрирован в ее имплантатах запросом с общественного сервера: «Вау! Эй, голосовая почта. Есть что от Германа?»

«Восстановление. Вам неинтерактивное сообщение. Привет, Среда. Это Герман. Даю инструкции. Домой не ходи. Иди прямо в транзитный терминал «В». Там для тебя билет, забронированный профессором физкультуры Дэвидом Ларсеном для твоего участия в проекте с привлечением учащихся. Забирай билет и немедленно

покинь этот хаб. Сохрани кольца, они включат новую идентификацию и обеспечат проездными расходами через серьезного рыночного анонима. Тебя не отследят. В свое время выйду с тобой на контакт. Обещай ни при каких обстоятельствах не ходить домой». *Щелк.*

Среда в изумлении смотрела на кольца. «Герман? — позвала она, прикусывая нижнюю губу. — Герман?» *Домой не ходи.* По спине пробежала холодная дрожь. *О, черт.* Она начала рыться в куче одежды. *Герман…*

Ее невидимые агенты, программные призраки, скрытые в управляющих кольцах и имплантатах, и весь комплекс механизированной идентификации, что составляло личность Среды в сети Септагона, не отвечали. Она натянула легинсы и ботинки, влезла в паутинно-шелковый камзол и потянулась за курткой; саронг запихнула во временный карман. Нервничая и дрожа от волнения, ощущая во рту вкус «Блю Маунтин», шатающейся походкой вышла из приватной ниши и обогнула край танцпола. Мисс Кожаный Мяч больше не хихикала, широко раздвинув колени Мистера Латекса, делала это сильно, быстро, позволяя зрителям познакомиться с работой обоими легкими. Эксгибиционисты. Среда воздержалась от

второй рюмки, когда проскользнула мимо бара, миновала угол и вышла в коридор — и на первом же лифте наверх. По мере движения скверное ощущение и чувство тревоги возрастали. У нее болела голова, и она чувствовала себя грязной, измотанной и виноватой. Разве нельзя позвонить домой и предупредить? Кого? Маму или папу? Не думают же они, что она…

— Твою мать. — Среда замерла, потом резко свернула с пути, сердце бешено застучало, ладони вспотели. Коридор к ее дому был намертво заблокирован, жуткий голубой призрак вырос из городской мембраны, прорезанной поперек как шрам. Полицейские в полном вакуумном снаряжении за низким транспортером с оранжево-зелеными световыми шайбами толкали мобильный шлюз к вакуумному барьеру.

Черт, черт, черт! Секунды протекали как смазка между пальцев. Она ткнулась в другой угол и начала искать мертвую зону. *Сучьи сестрички Боне… хотя нет, не их рук дело.* Игры типа «Doom» требуют живого свидетеля, уцелевшего. Это был *Юрг, который не был доволен,* и стук ботинок незнакомца в мокрой тьме. И Герман на связи впервые за много лет. Среда нашла уголок, остановилась и затянула шнурки в куртке, на

вставку которых она потратила столько времени, вокруг ребер наподобие корсета, потом набросила на голову капюшон. Легинсы составляли часть снаряжения; она натянула их на почти жидкую каемку ботинок, прекрасных, наглухо зашнурованных, воздухонепроницаемых ботинок на платформе. «Давление, — приказала она, и через секунду: — Снижать». Куртка вжалась в лопатки, показывая, что задействована, а светонепроницаемый капюшон на лице стал прозрачным. Только свист дыхания теперь указывал на ее присутствие в герметичной упаковке невидимки, пока она вытанцовывала по слепым зонам сестричек Боне.

На пару уровней выше находился служебный проход, и Среда призраком просочилась через подсобные помещения, стараясь не создавать шума на жестком металлическом полу по пути к двери, ведущей…

Дерьмо и продажность. Дверная ручка опечатана императорским светящимся голубым предупреждением полиции. Под ручкой постоянно горел красным световой индикатор опасности газового капкана Ее охватила паническая клаустрофобия. *Где, на фиг, моя семья?* Она вытащила кольца и вызвала домашнюю сеть.

— Папа? Мама? Вы здесь?

— Кто там? — ответил незнакомый голос.

Она мгновенно оборвала связь и вжалась в стену. *Черт. Черт!* Хотелось разрыдаться. *Где вы?* Она боялась, что уже знает ответ. *Кольца, краткую сводку новостей.* «Удушье на жилой улице зеленого сектора, уровень 1,24, шестеро погибших, восемь пострадавших». *Нет!!!* Стены перед ней расплылись туманом; она всхлипнула и вытерла глаза через тонкую фабричную ткань капюшона.

Дверь опечатана, но оставалась еще выступающая кнопочная панель в десяти сантиметрах от нее — аварийный замок. Среда чуть присела и дернула красный язычок, не сходя с места, пока тот раздувался и развертывался от двери и не занял почти полкоридора. Нащупывая перчатками полузнакомые метки затвора, она расстегнула кишку до половины и залезла внутрь. Паники не было, затем высокий голос в голове завопил непрерывно *НетНетНетНетНет,* продолжая плач, пока она возилась у входа. Перекатившись на спину, девушка застегнула панель входного запора, протиснулась в закрытый сегмент с другой стороны двери и отыскала метки на дисплее. «Этого не должно было случиться», — возник

голос. Давление снаружи определялось в пятьдесят миллибар, не вакуум, но очень близко, что в данном случае было без разницы. Даже чистый кислород не спасет. «Если они были внутри и воспользовались бы домашним резервом газовой смеси, они бы дождались помощи полиции и спаслись», — холодно говорил ей тот же голос. «Но если злодеи уничтожили домашний резерв и сбросили давление на всю ночь, родители мертвы. В любом случае ты им не поможешь. А нехорошие ребята будут ждать тебя здесь». *НоНоНо.*

Пальцы мелькали, кольца вызывали. Она приложила ладонь к голове. «Говорил же, не ходи домой». Это был Герман. «Полиция засекла шлюзовую заслонку. У тебя максимум три минуты чтобы убраться оттуда. Считают это делом твоих рук». *Тишина.*

Среда слышала собственное сердцебиение, шум в ушах. Необъяснимое чувство потери переполнило ее, как вышедшая из берегов река, чтобы смыть ее самое прочь. *Но папа…*

Следующий момент осознания, она стоит в коридоре у сдувающегося аварийного шлюза, потом разворачивается и движется к обитаемой территории, прочь от освещенных голубым светом

ниш служебного тоннеля. *Куртка, нормальный вид.* Капюшон сложился, и Среда спрятала его за спиной, преобразовав в повязку; легинсы могли подождать. Она торопливо уходила, стягивая перчатки и пряча их по карманам, почти ничего не замечая, едва не врезавшись в опорную колонну. *ЧертЧертЧерт.* Она изобразила бесцельную походку вышедшего погулять тинэйджера и трясущейся рукой расстегнула куртку. Та распахнулась, свободно повиснув на плечах. *Черт.*

Охваченная страшным чувством утраты, Среда направилась к транзитному терминалу «В».

«Центрис Магна» имел небольшой хаб; челночный порт не конструировали для приема дальнобойных грузовиков и прочих крупных судов — только для пассажирских шаттлов. Космические перевозчики медленно дрейфовали мимо прямо к портам прибытия. Люди перемещались быстрее, хотя хаб здесь был не больше, чем на «Старом Ньюфе», оформленный неброско и тяжеловесно под влиянием пасторальных причуд последнего десятилетия. Среда ощутила укол ностальгии, когда входила в зону вылета, и почти испытывала облегчение после тошнотворного ужаса и чувство вины, приведших ее сюда. Она направилась к первой же билетной консоли.

— Билет, пожалуйста.

Консоль сонно мигнула почти человеческими глазами.

— Сообщите, пожалуйста, место назначения и полное имя.

— Вики Строуджер. План маршрута в общеобразовательном файле согласно общественному расписанию Дэвида Ларсена.

— Профессионального воспитателя Ларсена или Дэвида Ларсена, который раскрашивает самодельные неорганические игрушки и разрабатывает желудочно-кишечных утилизующих червей для экспорта манихейским сёрвайвалистам?[15]

— Первый. — Среда нервно огляделась, почти ожидая бледнолицых засранцев с ножами и тесаками в засаде за мягкой мебелью. Широкий холл был почти пуст; трава, офисные деревья, мягко изгибающийся пол (место располагалось слишком близко к оси, так что изгиб был заметен, а сила тяжести едва достигала четверти от нормальной). Слишком большое помещение, явно пугающее того, кто провел юность на тесной станции.

---

15 Примечания: 15
Участник движения за выживание.

— Листаю постранично. Да, вам заказан билет. Оплата за счет Внешнего Проекта на…

Сейчас или никогда.

— Мне бы хотелось поскорее, пожалуйста.

— Уточните.

— «Сибарит»-класс или самый близкий к нему из того, что можете предложить. — Среда проверила свой кредитный баланс, и будь она проклята, если станет ежиться в кресле скотовоза в течение всего перелета.

Терминал некоторое время бормотал сам с собой.

— Определено. Нормализация до приближения к вашим пожеланиям подтверждена. Отправление от секции шестнадцать через два часа четыре минуты местным шаттлом к «Центрис Ноктис-орбитальный» для пересадки на лайнер люкс ЛВС[16]«Романов» на круговой рейс к «Минима IV». Вы попадете на него через двадцать восемь часов. Какую предпочитаете форму оплаты?

— Любую.

Терминал прочистил горло.

— Простите, я не способен это понять. По какой экономической системе производится оплата?

---

16 Примечания: 16
Линии «ВайтСтар».

Допускаются: деньги, обусловленный бартер, темпоральные контракты…

— Проверьте мой счет, черт возьми.

Терминал внезапно закрыл глаза и разинул рот, откуда высунулась маленькая голубая мышка с шестью лапками.

— Привет, — пискнула она. — Я ваш проездной ваучер! Позвольте приветствовать вас от лица всех существ и симбионтов «Трансвиртуальных путешествий»! Надеемся, ваше пребывание с нами будет приятным, а бизнес — успешным! Пожалуйста, держите при себе ваш проездной ваучер постоянно…

Скрип…

Среда схватила зверушку.

— Заткни хайло, — прорычала она. — Я тебе не какая-нибудь долбаная *выпендрежница.* Давай показывай мою каюту и сваливай.

— Пожалуйста, имейте в виду, что существует охранный депозит за порчу собственности «Трансвиртуальных путешествий», включая приспособления, установки и эмоционально усиленную систему связи и взаимодействия с пассажирами. Надеемся, вас ждут великолепное путешествие и прекрасные профессионалы! Пожалуйста, держите свой багаж под постоянным

контролем, а теперь идите по зеленой дорожке рядом с вишней в сектор шестнадцать, где VIP-сопровождение ожидает вашего благосклонного внимания.

Мышь-билет замолкла, как только Среда запихнула ее в карман, не содержащий ни силовых, ни высоко индукционных устройств. Дорожка под ногами высвечивалась спереди зеленым, сзади красным, проводя девушку мимо двух специально установленных вишневых деревьев в крайне спартанский проход с металлическими стенами, плавным изгибом уходящий вверх, в помещение над залом отлета, напоминая желтую кирпичную дорогу в стиле социалистического реализма.

Еще три часа. Чем заняться? Среда нервно задумалась. *Ждет ли Герман вызова?* Если он не побеспокоился с ней связаться, значит, есть на то причина. От накатившего мучительного одиночества сжимались зубы. *Что* будет *со мной?* И такой болезненно острый укол чувства вины, что девушка едва удержалась от приступа тошноты. *Мама! Папа!*

VIP-вестибюль представляя собой; иллюзию приватности: огромная площадь черной искусственной кожи и полированной кости, поделенная стенами, которые по мере движения

освещались спереди и гасли за спиной, обеспечивая защиту от взглядов других пассажиров. За Средой следовал безмолвный сопровождающий, блестящий медью витого орнамента, готовый исполнить любое желание.

— Когда будем на борту? — поинтересовалась она.

— Гм. Если мадам позволит, ее персональная капсула подготовлена Если есть какие-то особые диетические, социальные или религиозные требования…

— Все хорошо, — машинально ответила Среда ровным голосом. — Укажите мне диванчик или обеспечьте другое местечко. Э-э… максимально уединенное.

— Мадам найдет его сзади.

Среда присела. Стены сдвинулись, потолок поднялся на несколько метров. Все произошло мягко, почти незаметно. В кармане задергалась мышь, и раздалось воодушевленное изложение:

— Мы предоставляем широкий спектр услуг, включая метамагическое консультирование, торговлю со склада и вторичные системы анализа, полный ассортимент коммуникационных и дезинформационных устройств для корпоративного космического бойца. Если желаете

воспользоваться нашим горизонтально масштабированным…

Среда запустила руку в карман и вытащила за шкирку трэвел-ваучер.

— Просто заткнись!

Зверушка стихла и подняла хвостик, перебирая в воздухе всеми шестью лапками.

— Я хочу полчаса на связь до посадки. От сей секунды до отправления хочу абсолютного уединения — настолько полного, что даже если умру, ты не заметишь. Ни глаз, ни ушей, ни анализа дыхательной газовой смеси; никому и ничему меня не беспокоить. Усек?

Ваучер мигнул широкими, темными и чересчур раскосыми глазами — «Понятно». Среда снова запихнула его в карман и растянулась на широком мягком диване. На мгновение задумалась, не попросить ли ваучер насчет бутылочки спиртного, но отказалась от этой мысли. Уединение сейчас куда более важно, и, кроме того, имейся здесь выпивка, это обязательно привело бы к пьяному ступору и захлебыванию в собственной блевотине. Она прикрыла рукой лицо.

— Связь с Германом.

— Я здесь. — Голос незнакомый, вежливый.

— Ты ублюдок, — прошипела она.

— Могу рассказать о случившемся, — заявил Герман.

Среда издала нечленораздельный звук.

— На «Старом Ньюфаундленде», до эвакуации. Я допустил ошибку, Среда.

— Нет, черт возьми.

— Как и ты, когда пыталась вернуться домой после вечеринки. На твоей куртке остались частички кожи. Твоей и твоего приятеля. Идентификация твоего генома займет у судейских медиков по меньшей мере четыре часа Ты попадешь под подозрение в вандализме, в лучшем случае, а в худшем — в тайном сговоре с целью убийства. Твоего приятеля быстро выведут из-под расследования, но ты не сможешь вернуться домой до разрешения ситуации. Хочешь влипнуть в неприятности?

Она ничего не видела. Кольца, бьющиеся в ладони, остались единственным контактом с реальностью.

— Что скажешь?

— Скажу. — Она глубоко вздохнула и попыталась вспомнить. — С чего ты решил, что это мой дом?

— Ты здесь живешь.

— Этого недостаточно. Она замолчала, Герман

тоже.

— Я защитил бы твою семью, если б мог. — Что значит «если»?

— Я думал, было всего двое-трое охотников. Ошибся. Раньше я считал незначительными события на самом деле очень значимые. Мне не следовало оставлять тебя здесь одну и позволять твоей семье оставаться здесь, так близко к хабу переселенцев. Мне вообще не следовало позволять вам обосновываться на Септагоне.

— И чего же ты *хочешь?* — взвизгнула Среда, она почти ненавидела Германа

— Чтоб ты снова стала моим помощником. — Пауза. — И для меня отправилась в этот круиз. О деньгах не волнуйся. Получишь задание. Тогда можешь действовать. Это займет не больше двухсот дней.

— Хочу семью назад. Хочу… — Она не смогла продолжить.

— Не в моих силах вернуть тебе родителей. — Голос прозвучал бесконечно далеким, невыразительным и нечеловеческим. — Но если работаешь на меня, охотники, погубившие их, получат свое и больше никогда тебя не побеспокоят.

УБИЙСТВО ПО ПОРЯДКУ

В сорока световых годах от Земли изо льда межзвездной пустыни вымерзилась яхта «Глориана» в электрически голубом пламени излучения Черенкова. Если бы она дрейфовала от последней упоминаемой координаты, это заняло бы почти двести лет на покрытие расстояния, отделявшего ее от звездной системы — пункта назначения, но дрейфом это называть было нельзя. Несколько минут спустя инерционный передаточный модуль корабля вышел из автономного режима. Лидар[17] обшарил пространство с целью обнаружения препятствий, поскольку яхта шла с ускорением.

«Глориана» начала свою жизнь как игрушка стоимостью в миллиарды, в нынешние времена почти половину пассажирского объема занимали площади мобильной дипломатической миссии. Корабль — и три его собрата — был не самым дорогим средством Объединенных Наций; по крайней мере дешевле содержания консульств на паре сотен планет, куда обращаются посетители

17 Примечания: 17
Вид радара.

с Земли более раза в десятилетие, но менее тысячи раз в год. Сейчас пробег между прыжковыми зонами на полном ускорении составлял неделю. Рашель Мансур, получившая в высшей степени эмоциональный отказ Джорджа Чо раскрыть цель или место назначения миссии, наконец получит ответ.

Стены конференц-зала были отделаны искусственным шпоном под дерево, которого едва хватило для покрытия нежных кожаных кишок корабля. Эта псевдонатуральность в целом выглядела такой же неестественной, как улыбка киборга. Правда, огромный стол (резной, с чрезмерно вычурной витиеватостью неоретроготического стиля прошлого века), похоже, был из натурального дерева, но Рашель не стала бы ставить на это. Садясь, она оглядела занятые места, узнавая Приткина, Джейн Хилл, Чи Транха и Гейл Джордан. «Значит, джорджева мелочевка вне игры», — отметила она. В прошлом она поработала с ними всеми; отсутствие новых лиц обещало интересные события.

— В небольшом изменении расписания нет ничего страшного, верно?

— Самое лучшее для мышей и людей, — оправдываясь, прокомментировал Чо. — Можно

закрыть дверь, — сказал он Приткину. — У меня для вас есть кое-какие документы, только копии, и они *не* покинут этой комнаты.

Он вытащил из-под стола шесть толстых папок, перевязанных красными и желтыми тесемками, и нажал виртуальную кнопку на своей клавиатуре. В тишине слышалось лишь шипение кондиционера.

— Сейчас мы отделены защитным щитом от всего корабля. Никаких радиочастот, замкнутая атмосфера, да и сам корабль — вне зоны связи с чем-либо… можно не очень осторожничать с этими материалами.

По телу Рашели пробежали мурашки. Последний раз она видела Джорджа при полном параде, в песне-танце со сжатыми губами-раковинами кораблей при погружении в месиво Рохарда. Когда вовлеченные грязными трюками тайные отделы должны были ответить огнем на начало межзвездной войны.

— Как это соотносится с последней… э-э… миссией? — спросила она

— Более запутанно. Страницу сто четырнадцать. Шелест немых, страниц — все одновременно раскрыли

папки. Кто-то немузыкально присвистнул,

Гейл испуганно рассматривала лист. Рашель приступила к чтению, но тут Джордж отвлек ее словами:

— Москва. Место, поминаемое после имперской столицы Айдахо чаще, чем другие места в Европе, учитывая, что империя лишилась Айдахо, когда Эсхатон схватил миллион смущенных жителей Среднего Запада из Первой Республики и пропихнул их через червоточину, подходящую к поверхности планеты.

Слова на странице поплыли перед глазами: *Обвинительный акт по делу: стороны, подписавшие Женевскую Конвенцию по Обусловленности Применения Силы против Неизвестных Персон, ответственных за убийство…*

— Москва была еще одной занозой в «мак'»-мирах. И, немного возвращаясь назад, даже по тем меркам. Но единственная — справедливо говоря — с федеральным правительством, единым языком, без исторического геноцида, ядерного конфликта, людоедства, рабства или еще чего-либо крайне неприятного. Не утопия, но и не ад. То есть я бы назвал москвитян довольно *симпатичными.* Добродушные, дружелюбные, спокойные, немного слезливые. Зачем кому-то уничтожать их?

Рашель, откинувшись на спинку кресла, следила за Джорджем. Чо был истинным дипломатом: элегантный и опытный игрок, больше всего любивший трехуровневый покер, и опыт подсказывал ему, когда стоит выглядеть действительно рассерженным и встревоженным, но настоящее привнесло новизну в его собственные правила На стене за ним демонстрировались сопроводительные материалы. Колосящиеся на ветру безбрежные поля. Город, если так можно называть беспорядочные застройки с единственным зданием — главного городского зала — выше трех этажей, вырастал у подножия гор в голубоватой дымке: выкрашенные в белое дома, огромный автоматизированный производственный комплекс, широкие пустые дороги, вытянувшиеся под вечным васильковым небом.

— Но на Москве не было всеобщего спокойствия, — продолжал Джордж, отхлебнув глоток воды из стакана. — Имелась небольшая армия, в основном предназначенная для общественных работ на случай бедствий, и средства сдерживания: бомбардировщики с двигателями таранного типа, несущие антивещество, размещенные в облаке Оорта, примерно в двенадцати световых часах.

Стена за Джорджем растворилась в ледяной межзвездной пустоте с крупным планом звездолета — не элегантной сверхсветовой яхты вроде этой, со сферическим выступом двигательного ядра, приютившегося под башней жилых и грузовых палуб, но злобных угловатых очертаний планетарного разрушителя. Большинство досветоскоростных бомбардировщиков состояли из топливных баков и огромного вывернутого раструба генератора таранного поля. Зачерпывая межзвездный водород для реактивной массы и используя антивещество для подпитки активизации, боевой корабль мог ускориться до восьмидесятипроцентной скорости от световой за несколько недель. Направленный на цель, он дрейфовал до наступления времени конечного сближения. Команда и водородочерпалки разделялись и шли по собственному курсу, оставляя топливную часть корабля для удара по планетарной мишени.

— Это реконструкция московского оборонительного несверхсветового бомбардировщика ответного удара Наши лучшие разведданные определяют его максимальный тау-фактор второй стадии и сухой остаток массы в три килотонны — по совокупности с кинетическим выходом

энергии в сто двадцать миллионов мегатонн. Бомбардировщик, вероятно, сконструирован для пофрагментарного вычисления маршрута по удару; развивая скорость до 80 % от световой с несколькими сотнями вспомогательных средств вторжения и волновым щитом против абляционных облаков, он способен подавить любую планетарную систему баллистической защиты. Высвобождение энергии примерно на 20 % выше, чем у чиксулубского метеорита, столкнувшегося с Землей 65 миллионов лет назад, что стало причиной опустошения континента и началом вымирания динозавров. Другими словами, весьма типичное досветоскоростное средство сдерживания у планеты, не имеющей никаких врагов или политических конфликтных схваток, — страховой полис от вторжения. Москва обладает четырьмя такими чудищами, и мы знаем наверняка — система раннего реагирования оповестила их до прихода звездного ударного фронта к их огневым базам, и знаем, что по меньшей мере три из них уже набирали ускорение. С четвертым неясность до сих пор. Возможно, все они получили серьезные повреждения от образования новой, но не исключена возможность исполнения всеми четырьмя миссии возмездия.

Джордж снова сел и налил в стакан воды. Рашель поежилась. *Значит, запустили. Но куда?* Соображение тревожное, даже пугающее.

— Вы хоть раз слышали о пусках несверхсветовых средств сдерживания? Мне лично не доводилось.

— Можно? — Чи Транх, обычно сдержанный и тихий, эксперт по оружию массового поражения и иногда ее офисный помощник-консультант. Совсем не полевой агент, но Джордж не случайно подключил его к операции в самом начале.

Джордж согласно кивнул.

— Ответ «нет», — заявил Чи Транх. — Мы *никогда* не сталкивались с использованием подобной системы вооружений, примененной в приступе гнева. Никому не удастся развязать войну с помощью несверхсветовых кораблей — для упреждающего удара требуются годы. Идея в обладании оружием возмездия — вынужденное закатывание рукавов, приводящее к чрезмерной затратности вторжения. По крайней мере в нашем световом конусе. — Он сел и в ответ кивнул Джорджу.

— И кто же их запустил? — риторический вопрос Гейл, — Я имею в виду, кому пришло на ум такое? И как бомбардировщики управляют-

ся? Имеют ли… — Она затравленно оглянулась, доставив Рашель некоторое удовлетворение: волнующегося протокольного сотрудника она бы не ввела в избранный круг. «О чем Джордж думал?» — удивилась она.

— Спокойно. — Джордж примирительно махнул левой рукой. — Мы… э-э… В общем, перед Инцидентом Ноль Москва ввязалась в неприятное противостояние с Новым Дрезденом. Это, кстати, есть у вас в документах. Предшествующие торговые переговоры между московской делегацией и Центральным комитетом Балеарской Федерации сорвались, когда балеарцев наконец вынудили просить мира с временным правительством в Нова Сребренице. До мирного договора шестьдесят второго года балеарцы контролировали единственный планетарный высотный стратостат, обеспечивающий им влияние на большую часть грузоперевозочной торговой сети «поверхность-орбита». Руководил спектаклем Патриотический Отечественный фронт. Они решили пересмотреть некоторые из локальных двусторонних торговых соглашений — в свою пользу, конечно, — для способствования реорганизации. Задержка московского звездолета и конфискация его груза привела к

высшей степени накала отношений: различие уровней инженерно-технического обеспечения в области орбитальных средств приводило к тому, что, несмотря на большой беспорядок на Новом Дрездене при послевоенном восстановлении, интенсивное межпланетное сообщение оставалось несоразмерно более дорогостоящим для Москвы, не имеющей технической базы для производства ядерных двигателей. Московское консульство сократили по размеру и составу в пользу торговой части, а большую часть дрезденского посольства выслали до… э-э… события.

— Именно из-за этого и запустили бомбардировщики на Новый Дрезден, — подытожила Рашель с чувством разочарования.

— Мы… э-э… так думаем, — сказал Джордж. — Но не уверены. Транх?

— Мы не можем отслеживать бомбардировщики, поскольку они идут по баллистическим траекториям, — отозвался Чи. — Процедура запуска в случайном направлении на высоком дельта ви,[18] с ускорением почти до скорости света с последующим замедлением и дрейфом до выцеливания на мишень при стабильном разгоне до

18 Примечания: 18

Физический параметр, характеризующий необходимые усилия для изменения скорости и направления движения объекта.

крейсерской скорости — стандартна. Запуск двигателя четко направленный, и если на хвосте нет никого, способного заметить гамма-росчерк, на это легко не обратить внимания, особенно когда бомбардировщики из облака Оорта направляют выхлопной след в обход внутренней системы в начальной фазе разгона. Находящаяся на борту команда, обычно из четырех-шести человек, временно прекращает жизнедеятельность на месяц или более. Пробуждение капитана и связь с одним из консульств или посольств подразумевает вскрытие запечатанных приказов. В данном случае нас информировали — через конфиденциальные каналы московского посольства на Земле, — что за неделю перед ударом офис генерал-губернатора подкорректировал пассивный план нацеливанием на Новый Дрезден. Причины неясны, но торговые разногласия… — Транх умолк.

— Такова ситуация. — Джордж покачал головой. — Никаких сомнений, что московское правительство не ожидало атаки с Нового Дрездена, но в качестве меры предосторожности Новый Дрезден выбрали пассивной целью, оставив разбираться с непредсказуемыми последствиями дипкорпусу. Новый Дрезден находится в тридца-

ти шести световых годах от Москвы, поэтому удар бомбардировщиков состоится через сорок лет. Тридцать пять уже прошло. Население Нового Дрездена насчитывает свыше восьмиста миллионов. При всех возможностях и максимальном содействии соседей, мы можем эвакуировать почти миллиард человек при требуемой кубатуре тридцать миллионов мест в год, что превышает возможности коммерческих флотов. Не упоминая саму проблему беженцев, кто их примет?

— Не верю, что они такие глупцы! — с излишней горячностью воскликнула Гейл.

Рашель с опаской посмотрела на нее. Гейл — прекрасный организатор и знаток дипломатических тонкостей, но, при всем уважении, слишком наивна.

— Как же так можно? Есть ли команда отзыва? — продолжала горячиться Гейл.

— Да, код отзыва есть, — согласился Джордж. — Проблема найти выживших членов московского дипкорпуса, чтобы они его отослали.

Рашель быстро просмотрела листы папки. *Ну да, боялась найти нечто подобное.* Исходные данные: бомбардировщики связываются с посольствами по каузальному каналу. При отсутствии кода отзыва боевая миссия к намеченной

цели продолжается с командой, находящейся в криосне большую часть полета. После сигнала атаки проснувшийся экипаж притормаживает или изменяет направление движения в сторону другой системы на околосветовой скорости. Если же код отзыва получен, вступает в действие стандартная процедура — выжигание неиспользованного топлива до полной остановки в глубоком космосе, посольство высылает спасательный корабль для экипажа, и производится изменение задачи бомбардировщикам по месту нахождения.

— А как отправляется код отзыва? — спросила Рашель.

— Через каузальный канал одного из посольств, — ответил Транх. — Бомбардировщики несверхсветового типа поддерживают связь с правительством в изгнании. У послов есть специальные метки, по которым экипажи бомбардировщиков могут удостовериться в их полномочиях. Идентифицировав метки, при условии не менее двоих отославших код отзыва, команды бомбардировщиков прерывают полет и раскрывают свои координаты местоположения и вектор полета. Но — и это *очень большое но* — существует еще и код сдерживания, только в

данном случае не менее троих уполномоченных послов должны передать этот код; в этой ситуации командам бомбардировщиков надлежит уничтожить каузальный канал и продолжать движение к объекту нацеливания. Код сдерживания отменяет код отзыва, теоретически его можно применить, лишь приставив пушку к головам послов. Посольские могут вытащить из черных шляп неверные коды. Но если не менее чем на троих из них оказано давление, ударная миссия гарантированно продолжается.

— Ой, ой. — Гейл покачала головой. — Бедняги. И со сколькими послами нам нужно работать?

Джордж хлопнул ладонью по крышке стола.

— Все есть в ваших досье. Двенадцать полномочных послов Москвы во время бедствия пребывали на местах. К сожалению, двоих отозвали для консультаций незадолго до инцидента, и они предположительно погибли. Из оставшихся десяти один покончил жизнь самоубийством, другой шесть месяцев спустя погиб при несчастном случае, кажется, попал под поезд, и здесь становится *интереснее.* Надеюсь, у вас крепкие желудки…

После совещания Рашель отыскала Мартина. Он бездельничал на прогулочной палубе, раз-

влекаясь улучшением изображения на главном видовом окне.

— Ну, как дела? — поинтересовался он, гладя на нее из шезлонга. Похоже, он наслаждался поездкой как вынужденным отпуском: легко одетый, растянувшийся в кресле, иногда погруженный в чтение и созерцание и высвобождающий излишки энергии в гимнастическом зале. Однако сейчас у него был тревожный вид, словно Рашель сопровождала штормовая туча депрессии. — Слишком много, чтобы проглотить за раз. — Мартин подвинулся, освобождая ей место. — Хочу выпить.

— Я принесу тебе. Какое ты…

— Нет, не стоит. Я сказал, хочу выпить, но не сказал, что собираюсь.

Рашель всматривалась в темноту в окне напротив в почти пустой комнате. Какие-то повторяющиеся полутени космической ночи в арке из немерцающих звезд.

— Что это?

— Красный карлик. Не занесенный в каталог. В половине светового года отсюда. Я поручил окну создать приемлемый видимый световой образ.

— Ладно, все в порядке. — Рашель прислонилась к стене. Дизайнеры сознательно обрядили прогулочную палубу в наряды допотопной эпохи.

От надраенного дубового паркетного пола до ретровикторианской мебели, срез с какого-то атомоходного лайнера из далекого планетарно ограниченного прошлого, прямо фотоснимок «Титаника» времен дам в бонетках и пышных блузках, мужчин **в** каскетках и гольфах, цеппелинов и громадных аэростатов, висящих над головами. Но недостаточно убедительно, и вместо морского вида — экран во всю стену и муж в килте с карманами, набитыми всякой хреновиной, без которой он не делал ни шагу.

— Так все-таки насколько все плохо? — спокойно спросил он.

— Плохо? — Рашель пожала плечами. — По десятибальной шкале, сравнивая с Новой Республикой, тянувшей на восемь или девять, здесь все одиннадцать. Юмор в смерти-до-обнаружения, но, полагаю, нет вреда — отпустить тебя в общественное место. Причем скверное. Сколько времени?

— М-м-м. По бортовому около трех. Что-то объявляли насчет поправки к ночи.

Она лениво побарабанила пальцами по лакированному столу.

— Думаю, все-таки возьму тебе выпивку, пока здесь есть еще кто-то трезвый.

— Оп-па. — Мартин повертел одно из колец. — Графинчик «Маргариты» со льдом на прогулочную палубу. — Он внимательно посмотрел нее. — Мой экс-наниматель в деле?

— М-м-м, не думаю. — Рашель тронула его плечо. — Ты разве ничего не слышал?

— Я считаю себя находящимся на отдыхе, на пляже. — Он дернул щекой. — Причем в перерыве между работой по контракту, потому не вижу конфликта интересов.

— Ну и славно, — произнесла она, беря его за руку, — *хорошо.*

— Не очень-то весело прозвучало.

— Потому что… — Она мотнула головой. — Какого ж хрена люди настолько бестолковы?

— Бестолковы? Ты о чем? — Мартин бережно приподнял ее руку, ласково и внимательно смотря на запястье.

— Люди. — Прозвучало как ругательство. — Вроде той задницы на Женеве. Выверты оттуда были а… а… — Рашель сглотнула и умолкла, пока безмолвный официант у стола не привлек звоночком ее внимание. — Еще эта сука в «Досуге». Я, кстати, не побрезговала слежкой. Натянула несколько струн. Мне нужно раздобыть на нее компромат к приезду домой. — Рашель повер-

нулась к официанту, открыла его и обнаружила поднос. — Вовремя. — Она взяла два стакана и один передала Мартину. — Так вот. Да, глупые, развратные и пагубные жопы. Примерно пять лет назад возникла сверхновая недалеко от Септагона, в системе под названием Москва. Явление не вполне естественное. Кто-то бомбардировал звезду оружием, нарушающим причинно-следственную связь. Нестабильным и опасным, как черт знает что. Мне бы очень хотелось знать, почему это не привлекло определенного божественного внимания. Но Московская Республика обладала ограниченным флотом сдерживания в облаке Оорта, достаточно удаленном, чтобы пережить взрыв. Да еще в момент разгара торговых разногласий. Вот запуск возмездия и произошел, и теперь мы пытаемся убедить их дипломатический корпус в отзыве нанесения удара по планете с почти миллиардным населением, где совершенно не уверены, что виноваты в этом военном преступлении.

— Звучит весьма скверно.

Рашель поглядела, как муж принимает стакан, почти не меняя выражения лица.

— Головная боль в том, что место, куда запущены бомбардировщики — Новый Дрезден

— морально не безупречно. За последнее столетие там случилось несколько кровопролитных гражданских войн. Жители смогли удержаться в состоянии некоторой стабильности, правда, с трудом. И тем не менее Москва — черт возьми! — Она опустила стакан. — Даже миры с единым планетарным правлением *не всегда обеспечивают* миролюбивых и открытых отношений с соблюдением гражданских прав! Когда я встречаю такую планету, всегда ищу массовые захоронения. Это особый вид естественного отбора или вроде того — мировые правительства произрастают из пушечного жерла.

— М-м, имеешь в виду, славные парни получают возможность устроить геноцид, а дурные ребята просят объяснить, как из этого выпутаться? Такова картина?

— Нет. — Она быстро отхлебнула ледяной «Маргариты». — Если все было именно так, думаю, я бы смогла с этим справиться. Просто очередной случай: кто кого в итоге перекричит! Но здесь происходит нечто гораздо худшее. Реально вонючая куча неприятностей. Но Джорджу пока хочется хранить это в тайне, поэтому я не могу взваливать на твои плечи обузу.

— Годится. — Одной из притягательных особен-

ностей Мартина было то, что он знал, когда не давить на нее. И сейчас он не обиделся, а положил руку на спинку дивана, обняв Рашель за плечи. Она тут же прижалась к нему.

— Спасибо.

— Все хорошо. — Он дождался, пока она не устроится поудобней. — Ну, что будем делать? Когда прибудем? Дрезден, говоришь?

— Ладно. — Рашель очень тщательно подбирала слова. — Я состою на бюджете «Досуга» в качестве культурного атташе. Поэтому собираюсь сделать кое-какие дела по этой части. Скажем, мемориальная церемония, возможно, организация протокольных дипломатических приемов. Кстати, дрезденцы относительно развиты и социально, и технологически, в отличие от Новой Праги. Не упусти своего шанса на некоторое время стать моим дипломатическим супругом. Раз в жизни. Ты многое получишь, прежде чем помчишься с диким смехом спасаться назад, на верфи, это я тебе обещаю.

— Ставлю десять экю, что ты ошибаешься. — Мартин крепко обнял ее.

— А я пятьдесят, что ты не сделаешь этого. Сосунок. — Она поцеловала его, прижалась спиной к его руке и улыбнулась. Но улыбка тут же погасла

Она поспешно произнесла: — Мне нужно еще кое-что предпринять, возможно, прогуляться на левый борт, но я не могу говорить об этом.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу. — Она опустошила стакан и поставила его. — Это другое. Прости.

— Я не настаиваю, — заметил он хитровато. — Просто любопытно, во что ты наряжаешься, когда меня нет рядом. — И уже более серьезно: — Только обещай, если нечто похожее на события прошлой недели… э-э… хотя бы заранее меня предупреди.

— Я… постараюсь. — Она кивнула и тихо добавила: — Если будет хоть какая-то возможность.

Это было почти правдой, и за это она себя ненавидела — он и так все прекрасно понимает, и мысль о том, что он может подумать о ее нечестности, жалила ее, но существовали вещи, которые она не могла обсуждать свободно, как и темы, какие Мартину не должно поднимать в пределах слышимости ее

коллег. Серьезные, пугающие темы. Но если она и не сотрудничала с тайной агентурой Чо, все равно играла другими человеческими жизнями. Думая об этом, она не видела никакой разумной альтернативы предложению Джорджа.

Часом ранее

Его превосходительство Морис Пенддтон, посол Республики Москва при дворе Айши Байяр, царицы эль-Турку.

Джордж Чо поднялся и подкрутил контрольное кольцо. Стена-экран за его спиной высветила вид офиса — витиевато отделанную деревом комнату, с газовыми светильниками, задрапированную бархатом, богато устланную коврами, с господствующим массивным столом со стоящей на нем антикварной рабочей станцией. На столе лежало что-то еще, что Рашель поначалу не сумела по виду определить, но потом поняла: человек, уткнувшийся в зеленую кожаную книгу регистрации. Таймер отсчитывал секунды в левом верхнем углу дисплея. В спине мужчины…

— Убийство? — спросила Джейн, поджав губы. Рашель давно не видела ее со времен событий на Новой

Праге, там Джейн безропотно взвалила на себя бремя поисковой работы для Рашели в дипломатической области. *Удивительно, как Джейн смогла управиться с полевым заданием, если не сумела уяснить для себя подобную сцену.*

— Доклад следователя прояснил, что у погибшего не хватало длины рук, чтобы воткнуть

себе в спину отнюдь не меч, — спокойно сообщил Транх, — особенно чтобы пригвоздить собственное тело к крышке стола Приблизительная причина смерти — тяжелое повреждение верхней аорты и околосердечной сумки, он истек кровью и умер за секунды. На столе — серьезный беспорядок.

Джордж повертел кольца, и объектив камеры сделал головокружительный поворот.

— Принимаю это за основу нашей миссии, — сказала Рашель. — У нас есть полный отчет о преступлении? Убийца пойман?

— Нет и еще раз нет, — заявил Чо с мрачным удовлетворением. — Офис Утреннего Визиря взял в свои руки контроль над расследованием, руководство Турку было вежливо и оказало нам содействие, но воздержалось от предоставления подробностей убийства. Обратите внимание на клоунский красный нос и пышные усы, наложенные на лицо посла уже после его смерти, согласно заявлению офиса Визиря. Если хотите знать, убийцу не задержали. Для сохранения лица схватили пару мелких воришек, принудили их сознаться в содеянном и после обезглавили перед представителями средств массовой информации. Но, по сообщениям наших конфиденциальных

источников, истинное расследование продолжается. Что приводит нас к инциденту номер два.

Следующее изображение неразберихи во всю стену. На сей раз дорожное происшествие — авария огромного внедорожника, видимо, какого-то шикарного пассажирского перевозчика: он, разбитый, лежал поперек шоссе, рядом — группа спасателей в форме, вокруг — машины спецтранспорта. Голубые накидки, прикрывающие несчастных, сложенных по обеим сторонам дороги. Большинство обломков обгорело, некоторые еще дымились.

— Это посольский лимузин, вез ее превосходительство Симонетту Блэк на Конференцию по принятию курса предоставления эмигрантам гражданских прав в Бонн, столицу Фризианского Основания, входящего в конфедерацию независимых государств Мира Эйгера. В отличие от Турку, этакий немецкий «мак'»-мир без реальной истории политического насилия, если не считать пары военных стычек за нефтяные месторождения примерно столетие-два назад. — Джордж указал на заросли на обочине, и изображение приблизилось. Что-то блеснуло. — Это отражатель для инфракрасного луча. Если посмотреть на источник, — объектив резко переместился вверх

и в сторону, на 180 градусов, — то найдем *это*.

Все увидели зеленый ящик с круглым отверстием над комплексом оптических прицелов на пластиковом настиле, тоже обгоревший.

— Сообщаю, это одноразовая противоброневая ракетная установка, сверхскоростная, с двухступенчатыми боеголовками, сконструированная для пробоя керамической обшивки и проникновение через поля во много тесла. Несчастным в машине — Блэк, ее супругу, водителю, charge d'immigration[19] и двум охранникам — не оставили шанса. Установка была похищена с военного склада за неделю до происшествия. Снаряжена для дистанционного управления и стрельбы при прерывании луча. Скажу, что пластиковый объект под установкой это… э-э… пердячая подушка. Пузырь, издающий пукающий звук, когда приводится в действие.

Рашель взглянула на ладонь и, к своему удивлению, поняла, что машинально начала чертить на ней пером. Картинки грибовидных облаков и сверхзвуковая ударная волна, сметающая скреперы и города под куполами. Она снова подняла глаза.

---

19 Примечания: 19
Временный поверенный по делам иммиграции.

— Одно — это случайность, два — уже совпадение, — заметила она. — Или больше?

У Джорджа опустились плечи. На момент он показался очень старым, хотя Рашель знала, он моложе ее на семь лет.

— Да, — выдавил он, и на экране появилась следующая диорама. — Я приберег это напоследок. Ее превосходительство Морин Девис, посол при Объединенных Нациях Земли в Женеве.

Заметно расстроенная Гейл отвела взгляд, и Рашель подивилась, не намерена ли та расплакаться. Насильственная смерть чиновника такого ранга — это вызов уцелевшим. И личное оскорбление для Рашели. *В наши обязанности входила ее защита.* Атака на дипломата, совершающего визит, бросает тень на честь нации, выступающей в роли хозяина. А это…

— И мы позволяем совершаться такому на наших глазах? — сердито потребовала она ответа. — *После того как узнали о гибели двоих других послов при невыясненных обстоятельствах?* — Она захлопнула досье и придавила его к столу так, что побели пальцы.

— Нет. — Джордж глубоко вздохнул. — Она погибла первой — просто последующие убийства заставили нас связать все это вместе. Сперва мы

приняли это за просто преступление — ужасное, но без особых замыслов. Непохоже на два других случая. Мы имеем полную криминальную картину инцидента, записи наблюдения за убийцами с каждой точки. Мы, — он опять вздохнул, — потрясены случившимся. Но более того, боимся, что это продолжится. Транх, можете рассказать подробности?

Чи снова встал и начал монотонный монолог, стараясь не потерять самообладания.

— Посол Девис была найдена ремонтником, поддерживающим по контракту домашнее оборудование в исправности, вызванным разобраться со сбоем домашнего робота-уборщика. Горничную смутил конфликт между его устройствами: распознавателем человека и монитором мусоросборника. В наши дни такое случается довольно редко, но у посла Девис имелся антиквариат, и договор об обслуживании сохранялся в силе. Посольская служба безопасности впустила ремонтника и немедленно обнаружила посла в таком состоянии. Они тут же затребовали нашего содействия, в отличие от своих коллег на Турку. — Его голос дрожал от ярости, когда он добавил: — Убийца применил корд для лигатуры.

«Глупая игра? Способ провести меня», — отме-

тила Рашель. Послы, как правило, не вешались в лестничных колодцах собственных резиденций на прорезиненных шнурах. Не делали они так со связанными сзади руками, это если не брать в расчет расколотый затылок загадочно исчезнувшим тупым предметом.

— Да, она три раза стукнула себя по затылку и выпрыгнула из окна шестого этажа, *просто* чтобы заставить нас выглядеть глупо, — пробормотала Рашель, перехватив смущенный взгляд широко раскрытых глаз Гейл. — Когда это случилось соотносительно с остальными? В посольствах Москвы имперское время определяется по каузальным каналам. Есть ли у вас цифры, это может сказать нам многое.

— Есть. — Джордж полистал страницы в отдельном файле. — Если принять смерть посла Девиса за дату «ноль», то время убийства Симонетты Блэк следует обозначить как «Т» + 14 дней, 6 часов, 3 минуты. Затем посол Пендлтон, на 34 дня, 19 часов, 52 минуты позже. — Он устало посмотрел на Рашель. — Еще вопросы?

— Да, — она откинулась в кресле, постукивая пером по крышке папки. — А эти с Турку и, как их, Фризианское Основание координировали свои расследования? И они *предупреждены* о других

политубийствах?

— Нет и еще раз нет. — Джордж слегка наклонил голову. — У вас есть еще вопросы? Давайте выслушаем различные мнения.

— Хорошо. — Рашель выпрямилась и посмотрела на Гейл. — Но это может не всем понравиться.

— Может. — Ответный взгляд, сердитый и взбешенный. — Мне не должно нравиться все.

— Ну, хорошо. — Рашель хлопнула папкой. — Как тут уже говорилось, один раз — случайность, два — совпадение, но три — уже враждебная акция. Мы имеем очень скверное развитие ситуации: присутствует сокращение общего фонда капиталов — послов — такое, что если общее падение превысит критическую отметку, 800 миллионов человек погибнут. От начальных девяти уцелевших трое убиты за последние три месяца. Полагаю, оставшиеся под усиленной охраной.

— Где возможно, — пробормотал Джордж.

— Но по существу мы на пороге кризиса. Кто-то подсчитал, как убить 800 миллионов пташек шестью камушками. Оставив в стороне очевидную склонность убийц к жестоким шуткам, мы абсолютно ничего не знаем, кто они и какова их мотивация. Таким образом, то, что мы — в игре,

может действительно быть обдуманной хитростью. Мы единственные люди, рассматривающие эти убийства как часть общей картины, а не отдельно взятые преступления.

— По сути верно, — согласился Транх. — Можно предпринять и другие следственные мероприятия, но… — он с расстроенным видом пожал плечами, — на это необходимо время.

Рашель облизала ставшие неприятно сухими губы

— Как мне это видится, наш идеальный результат — убедить послов немедленно передать код отзыва бомбардировщикам, прежде чем большинство из них погибнет. Но непосредственно сейчас они скорее всего посмотрят на любое подобное требование с крайним подозрением: убийства могут посчитать провокациями для подстегивания выдачи ими кода. Необходимо доказать непричастность новодрезденцев к грязным делам или показать, кто за этим стоит. У нас есть какая-нибудь другая идея? — Она кивнула, когда Чо отрицательно мотнул головой. — Этого я и боялась. Альтернатива — назначить козла отпущения, дождаться, когда политубийцы проявятся, и постараться проследить их заказчиков. Но мы имеем различные мотивы для работы

в этом направлении. Кому-то, похоже, хочется увериться, что московское оружие уничтожит

Новый Дрезден, а я хочу спросить — зачем? Кто может получить вероятное преимущество от стирания одной-двух планет? — Она оглядела стол.

— На этом, по существу, мы и должны их поймать, — тяжело произнес Джордж. — Правда, альтернативное предложение вряд ли осуществимо.

— Объясни. — Рашель, вся внимание, наклонилась вперед.

— У нас нет времени устанавливать надзор за всеми послами. Принимая во внимание текущее соотношение убыли, мы сталкиваемся с риском потери еще четырех послов в следующем месяце. Мы не схватили исполнителей, поэтому не знаем, кто за этим стоит. Поделитесь размышлениями по данному факту.

— Мы в дерьме, — подытожила Рашель нудным голосом. Она наклонилась еще сильнее. — Давайте посмотрим на это в развитии. Если отложить в сторону частности, кто имеет мотив? Кто может извлечь выгоду из московской бомбардировки Нового Дрездена через тридцать пять лет? — Она подняла руку и стала загибать пальцы. — Первое: третья сила, враждебная Дрездену. Думаю,

нам следует принять это за non sequitur;[20] нет никого, даже достаточно сумасшедшего, чтобы захотеть уничтожить целую планету. По крайней мере чтобы быть таким безумцем и заполучить в свои руки средства для этого. — «Ну, виртуально никого, — сказала она себе, вспомнив прошлую неделю. — Псих Иди Амин мог, ибо имел ядерную бомбу, но не сделал… Поэтому…» — Второе: фракция среди московских изгнанников, действительно реально ненавидящих Дрезден, — достаточная для совершения геноцида собственного народа, чтобы осуществить свои планы. Третье: некто, желающий разрушить определенную переговорную позицию. Это может быть шантаж, например, напоминание о выкупе, еще не полученном. Четвертое: континентальный уничтожитель. Может быть, *реально* недоброжелательная ветвь людей, решивших убедиться, что это ведет к цели, как прелюдия к… э-э… спасению и реконструкционной миссии.

— То есть говорите о том или ином правительстве, желающем получить преимущество ситуации? — Гейл выглядела ошеломленной.

— Такова реальность политики. — Рашель по-

---

20 Примечания: 20
Нелогичное заключение (лат.).

жала плечами. — Хотя я такого не говорила, но… у нас есть еще другие кандидаты? — Она глянула на Транха.

— Возможно, — нахмурился он. — Среди соседей… не вижу, чем занимается Новая Республика, так?

— Их мы не принимаем в расчет.

— Тогда… м-м-м. Забудьте Турку, Малайзию и Септагон. Никто из них не имеет экспансионистского правительства, кроме Септагона, но там не заинтересованы ни в чем, расположенном дальше, чем в точке ноль пять от солнца, или занимаются необитаемыми планетами. Есть еще Новый Порядок, но у них неразбериха после гражданской войны. Эйгер, вероятно, нет. Тонто — еще одна из таинственных полузакрытых диктатур. Они могут иметь собственный подход. Но ничего явного, не так ли?

Рашель нахмурилась.

— Кажется, в этом секторе есть пара диктатур, так? Забавно: они ненормально стабильны, достаточно, чтобы выдержать…

— Там существует какая-то причудливая идеология, ее последователи называют себя РеМастированными. Тонто принял их около сорока — пятидесяти лет назад, — высказалась

Джейн. — Знаю о них мало: но народ неприятный. — Ее передернуло. — А к чему вопрос?

Рашель нахмурилась еще больше.

— Если можно откопать что-то еще, с благодарностью выслушаю. Джордж, напоследок еще что-нибудь припасено?

Посол выпрямился и кивнул.

— Да. — Он оглядел присутствующих. — Вы, вероятно, поняли, почему именно вы мне потребовались: потому что никто из вас не имеет какой-либо возможной связи ни с Москвой, ни с Дрезденом. Теперь о нашем маршруте. Так случилось, посол Элспет Морроу находится в своей резиденции в Сараево, и Харрисон Бакстер, бывший министр торговли московского правительства и высшее выжившее должностное лицо, тоже в кодовом списке и тоже здесь. Его послали до Инцидента Ноль для попытки логического разрешения торговых разногласий. Сильно подозреваю — они следующие цели, сразу двоих одним ударом. Наша легенда — для каждого вне этой комнаты — мы здесь для обсуждения ситуации с ядерной бомбой с Морроу и Бакстером. Реальная цель другая. Сохранение их жизней и, по возможности, поимка одного из убийц и определение его заказчика. Это ваша задача, Рашель.

Ваша работа, Транх, — инструктаж охраны посольства и особой тайной полиции дрезденского МВД, действуете в качестве внешнего тайного связного. Гейл, мы с вами, напрямую общаясь с послом и министром, должны их убедить в срочности разрешения той ситуации, в которую они попали. Ваше направление — соблюдение протокола, мое — дипломатия. Приткин, вы наш коммутатор и главный офис. Джейн, вы мне нужны в запасном офисе как координатор любой информации, полученной из дома насчет обстоятельств убийств. Рашель включает свой злобный и подозрительный разум. Я хочу, чтобы вы постарались устроить убийцам ловушку — с изменением внешности. Ну а я приготовлю небольшой сюрзпризик.

— Сюрпризик, — передразнила его она. — Один их *тех самых?*

— Тех самых?

— Тех. — Рашель состроила гримасу. — Оповестите, Джордж.

Чо глубоко вздохнул.

— По поводу вас я уже провел скрытую работу. Вы примерно такой же комплекции и строения, как и посол Морроу. Вы временно замените оригинал.

— О нет. — Рашель замотала головой. — Вы не можете так со мной поступать!

— О да! — Не такая уж дружелюбная улыбка Транха. — А кто обещал пригвоздить преступников?

— М-да. — Она кивнула, как марионетка с обратной связью. — *Если,* конечно, вы правы в том, что удар планируется здесь.

— Думаю, правы, — заявил Джордж. — Есть еще исходный факт, который я не сообщил вам.

— Ну и?

— Относительно времени серийных убийств мы исследовали космическую карту и провели полный маршрутный анализ кораблей. Оказывается, здесь находятся три звездолета, которые прибывали на место за день или около того до убийства. Там в основном все места заняты. Один из них перевозчик, и никто из команды не сходил ни в одном из портов его циклического маршрута.

Еще одно — если тебе хочется обвинить малазийские Военно-космические силы в попытке развязать войну с тремя их соседями путем уничтожения дипломатов, тем самым привлекая внимание к подозрительным маневрам одного из своих крейсеров, имей в виду, что его полет

тура доброй воли завершился почти за год до прибытия посла Блэк на Мир Эйгера. Что оставляет лишь единственное предположение.

— Хорош доводить меня, Джордж. Лучше говори прямо. Джордж взглянул на нее с выражением оскорбленного достоинства.

— Да, да, да! Очень хорошо. Это лайнер «Романов» линий «ВайтСтар», ушедший с Земли в годичное турне. Он был на орбите Мира Эйгера, когда убили посла Блэк, и на орбите Турку, когда убили Пендлтона. Но в то же время он не парковался у Килиманджаро, когда убили посла Девис; дымок из ружья заметен в том, что он появился днем позже. Это была дата «ноль». Даты прибытия выстраиваются в линию. Вполне возможно, что исполнитель сел на «Романов» после убийства посла Девис, затем на нем добрался до Турку и Мира Эйгера для выполнения последующих заданий.

Рашель свела вместе кончики пальцев.

— А у него следующий порт прибытия не Новый Дрезден?

— Нет. Он на пути к «Септагону IV», но следующий порт после — Новый Дрезден, точно. Мы должны оказаться там за пару недель до него, вот почему я торопил тебя. Мы выступим в каче-

стве особой дипломатической группы с задачей демонстрации чистоты рук дрезденского правительства. Ты прикомандирована к нашей группе. Это твоя легенда, но истинная работа — устроить ловушку (твое тело, дубль посла Марроу), которую неделей раньше должен найти убийца. И когда они попытаются тебя уничтожить, мы возьмем их. — Выражение его лица стало жестоким. — И тогда, будем надеяться, сможем положить этому конец прежде, чем будут уничтожены 800 миллионов человек.

ШПИОНСКИЕ ИГРЫ

Среда была столь занята раздумьями над лучшим способом выражения собственной ярости, что даже не заметила, как стены вокруг диванчика обмякли и стекли, оставив ее в многоугольнике черного пеноматериала, и ее протащило через терминал в погрузочную ячейку внутрисистемного перевозчика для полета на «Центрис Ноктис».

Глупый, безмозглый, недальновидный умишко. Нет, глупый, безмозглый, недальновидный — кто?

Ее путеводитель снова прочистил горло.

— Пожалуйста, держитесь крепче! Отправление через триста секунд! Отправление через…

— Я и в первый раз прекрасно слышала, уродец. — Злость была лучше, чем разверзнувшаяся дыра, оставшаяся от ее жизни, и абсолютная горечь отчаяния, которую девушка так настойчиво пыталась игнорировать. Стены отплыли назад и преобразовались в компактную шестиугольную кабину, ничуть ее не успокоив. — Сколько времени на перелет?

— Уп! Не повредите меня! «Трансвиртуальные путешествия» приветствуют всех пассажиров на борту транзитного челнока «Иеронимус Б.», отправляющегося от хаба «Центрис Магна», четвертого портала административного отсека шестнадцать, на «Центрис Ноктис», одиннадцатый портал хаба, административный отсек шестьдесят два, через четыре минуты тридцать секунд. Пожалуйста, сверьтесь с нашим полетным профилем и инструкцией безопасности. Через несколько секунд свободного падения мы окажемся под воздействием ускорения в одну десятую «же», сохраняющегося в течение восьми часов, опускаясь к…

Среда вырубила его, рассеянно кивая и наблюдая расплывчатые изображения на стене сквозь тонкую пелену слез, и обхватила ноги руками.

«Сволочи, — подумала она рассеянно. — Гоняются за мной, разгерметизировали квартиру, мама, папа, Джереми…» Ужас воспоминаний раздирал ее, возвращал к дому: преследующие ее люди, допустивший ошибку Герман.

Она проверила кредитный баланс. *Должно быть, ошибка:* денег хватало на дом, превосходных размеров куб в элитной свободной зоне, не считая билета на следующий челнок. «Дам тебе

работу». *Да, но насколько можно использовать счет?* Она бы все отдала обратно, лишь бы вернуться назад, в ту минуту последнего дня, но с другим исходом. Просто для того, чтобы иметь возможность возвратиться к тому разговору с отцом.

— Как долго? — спросила она, превозмогая страдание.

— Транзитное время до «Центрис Ноктис» составляет шестнадцать часов сорок одну минуту — шесть запятая один миллионов километров расстояния. Надеемся, вы насладитесь полетом и выберете «Трансвиртуальные путешествия» в следующий раз.

Путеводитель замолк и замер. Среда вздохнула. «Шестнадцать *часов? Я попалась на хай-дельта сервис»*, — поняла она. Не то чтобы ее отправляли в вечное путешествие, но и это займет почти весь день.

— Какие бортовые системы обслуживания доступны? Меня запихнули сюда на все время полета?

— Пассажиров просят оставаться на своих местах во время разгонного маневрирования. Ваши места оборудованы для защиты от последствий местных вертикальных колебаний. Уп! Просьба

не портить преднамеренно имущество компании, поскольку стоимость устройств отнесут на ваш счет. Когда световой сигнал «тяга» погаснет, можете расстегнуть ремни безопасности и пройтись по кораблю. Вы на палубе A. На корабле есть еще пассажирские палубы B, C и D. На палубе F предоставлен широкий выбор развлекательных аркад, гастрономические…

— Довольно. — Желудок Среды дал о себе знать; она тут же взглянула наверх и увидела, как зажегся стилизованный под потолочный светильник световой сигнал. Пряжки тканых ремней безопасности выползли из ручек кресла и лямки надежно перетянули ее, как только исчезла гравитация. — Черт! Сколько еще народа в этом рейсе?

— Пассажирская декларация определяет в целом сорок шесть человек. Вы одна из счастливых обладателей места в «сибарит»-классе. Ниже, в обширном и уютном приватном помещении, по нашим оценкам шесть пассажиров «комфорт»-класса. Остальные размещены в «базовом» классе, укомплектованном обычным…

— Заткнись! — Среда с трудом сомкнула веки. — Я пытаюсь подумать. *Обязана* подумать.

Воспоминания об уроках, подростковом возрасте, когда Герман впервые заинтересовал ее

странными приключениями. *Играем в шпионские игры?* Она ничего не знала о нем: ясно одно, Герман был не просто любимым невидимым другом, но, очевидно, замешан в темных делишках. Все те штучки о побегах и преследованиях: как обнаружить сети наблюдения и использовать слепые зоны, как нарушить относительную целостность следящей камеры, как путем наложения обмануть ее, чтобы система приняла ошибку… *«Надень черную шляпу. Я охочусь за собой, Среда. Просто убит,* — поезд размышлений на момент запнулся, балансируя на краю, — *и кто следующий? Кто, как, где, что?*

— Слушай, билет, ты можешь прекратить прослушивание, пока я не назову твое имя?

— Мадам сейчас в режиме полного *уединения!* Все речевые команды будут игнорированы, пока вы не откроете свою каюту. Произнесите: «Вендиго», когда захотите сделать это.

— Угу. — Она посмотрела на путеводитель. Тот свернулся, уцепившись га край ее полукресла, и изобразил спящее млекопитающее. «Х-гм-м. До меньшей мере два бандита. Если мне посчастливилось, они считают, что я была в квартире, когда они, когда они… *Не думай об этом.* Если нет, их дальнейшие действия? Худший вариант:

перекроют транзитную переправу, возможно, на борту уже кто-нибудь есть. Или их приятели поджидают меня на том конце. Сбежать тогда не удастся. Но если их возможности ограничены, то…»

Она вздохнула. *Черт возьми.* Перспектива провести около семнадцати часов в кресле почти сравнима с адом. Тихий звон — и табло «тяга» погасло. Это показалось издевкой. «Может, порт и не перекрыт. Может». Она смотрела на табло еще с минуту, затем освободилась от ремней безопасности, взяла свой путеводитель и запихнула его в карман куртки.

— Вендиго, открыть дверь. Снаружи есть инструкции? Сохранять в кающе полную форму *уединения* до моего возвращения.

Среда оказалась в узком круговом коридоре с дверьми кают по окружности и винтовой лестницей, спиралью уходящей вниз к другим палубам. За спиной она услышала тихое гудение агрегатов корабля, когда без усилий, почти плывя, сделала первые шесть шагов. Две нижние пассажирские палубы с рядами кресел бок о бок друг к другу; проходя мимо, Среда отметила, что многие из них не заняты. «Бизнес, должно быть, на спаде», — решила она.

В Гастрономическом зале девушку ожидала встреча с пищевым фабрикатором в окружении столиков — устройством, запрограммированном на различные кулинарные изыски, со множеством манипуляторов, висящих над головой в ожидании заказов. Среда отыскала небольшой столик и постучала по крышке, вызывая меню. Она только начала обдумывать свои действия, когда кто-то остановился напротив.

— Привет.

Среда испуганно подняла глаза. Ей застенчиво улыбался парень. *Ого!* Двухметровый голубоглазый блондин с волосами, смотревшимися как семейная реликвия — собранные сзади в хвостик, — бриллиантовые сережки, без излишества мускулов или грима» кожа как…

— Я был не в состоянии не заметить вас. Вы путешествуете одна?

— Возможно. — Она заметила, что отвечает улыбкой. — Меня называют Среда.

— Лео. Можно мне…

— Конечно. — Жест приглашения присесть, грациозный при пониженной силе тяжести. — Я хотела пообедать. А вы не голодны?

— Должно быть. — *Стук.* Он ухмыльнулся. — Насчет еды тоже.

Ох! Среда наблюдала за ним, начиная отодвигать мысли о еде на второй план. Он был великолепен и смотрел на нее в упор. *Где ж ты был на вечеринке у Сэмми?*

— Куда направляетесь? — громко спросила она.

— О, я на каникулах. Собираюсь погостить у дяди. — Он повел плечами. — А как насчет выпить, могу поинтересоваться?

Ага, он хочет меня напоить и затащить в каюту? Она набрала на столешнице заказ.

— Так что вы хотели мне предложить?

— Нечто изысканное и шипучее, полагаю. Соответствующее компании. — Он так близко наклонился к ней, что можно было почувствовать его запах. — Интересует?

— Положим, да. — Она чуть подождала, отодвинулась и с прищуром посмотрела на него. — Вы будете что-нибудь заказывать?

— М-м-м.

Среда следила, как он порхает пальцами по крышке стола, тыкая в подменю винной карты, успевая заказать тарелку макарон со специями — *согласованно и уверенно,* отметила она, — и бутылку не только изысканного и шипучего, но и страшно дорогого.

— И часто вы навещаете дядю? — осведомилась она, ощущая идиотическую катастрофу в развитии диалога. — Я не имею в виду просто любопытство или прочее…

Вернулся раздатчик с бутылкой с замысловатой пробкой и двумя резными бокалами. Парень принял их и, изогнув бровь, взглянул на нее.

— Нет, действительно, не похоже, что здесь делают больше двух перелетов в день между «Магна» и «Ноктис». — Он очень аккуратно налил и вручил ей почти полный бокал. — За вас… Вкусно?

Среда глотнула игристого вина, пытаясь скрыть смятение. Все в Лео было правильным, да и сам он был в высшей степени подходящим выбором для дружеского секса во время перелета, но… всего *слишком:* слишком элегантен, слишком умен, слишком всеохватывающ. Этакий модный аксессуар в толпе, который всегда на виду. Почему для вечерних утех он подцепил именно ее? Среда огляделась по сторонам. Зал полон пассажиров, в основном группами, но присутствовала пара-другая одиночек неопределенного возраста: ну, может, он и не врал.

— Мне очень повезло — встретить вас, — сказала Среда и опрокинула остатки бокала в

рот. — Сегодня я была очень напугана и теперь немного растеряна.

Когда доставили еду, Среда сумела выпить свой бульон, не глядя на него. Вожделение смущало ее. «И что ты сама о нем думаешь?» — задавалась она вопросом.

— А вы в каком классе? «Комфорт» или «сибарит»? — поинтересовалась она.

— В «скотовозном». — Он мгновенно нахмурился. — Все оборудование моего сиденья: шторка и нудный шейный массаж. А что?

— О нет, ничего, — виновато произнесла она. Ушная мочка завибрировала.

— Извините, секундочку. — Среда щелкнула по столу, вызывая *уединение,* и еще раз — для максимального уровня. Все вокруг стало далеким и расплывчатым, словно сидишь в окутанной фиолетовой пеленой яме.

— Да, — отозвалась она.

— Среда? — В голосе слышалось сомнение.

— Кто… минутку. Мой канал отключен!

— Ты сказала, если я по-серьезному, то сам смогу найти с тобой связь.

Ну, не совсем так, но… Она неудобно скрестила ноги.

— Да, это ты, да? Послушай, я какое-то время

должна отсутствовать. Тебе повезло поймать меня без двадцатисекундной задержки. Я не вернусь в течение нескольких месяцев. Есть что-нибудь, о чем нам следует поговорить?

— О да. — Голос Блоу звучал нерешительно на том конце бит-потока. — Я… э-э… хотел извиниться за излишнее многословие в ту ночь. И полагал, если ты не хочешь видеть меня…

— Нет, не так. — Среда слегка нахмурилась. За конусом тишины она видела Лео, внимательно наблюдающего за ней; говоря, она инстинктивно прикрыла рот рукой. — Я действительно сейчас путешествую. Я не хотела впадать в отупение прошлой ночью, это был просто способ. Если будет желание со мной повстречаться по возвращении, будет здорово. Но сейчас я не на станции, и шансов на ближайшую встречу — никаких.

— У тебя проблемы?

— Нет. Я… да. Черт! Да, у меня проблемы. — Среда перехватила пристальный взгляд Лео, скосила глаза, придав лицу невинный вид. Тот ей подмигнул, в ответ она выдавила улыбку. Тепло внизу живота обратилось льдом. *Мои кольца. Это кольца Германа. Они не отслеживаются.* — Кто тебе рассказал?

— Парень, на которого я иногда работаю, вы-

звал меня только что и сообщил, ты в большой беде и нуждаешься в друге. Могу чем помочь?

Лео придвинул лицо. Среда тут же отпрянула.

— Думаю, можешь. Хотя бы просто вызовами. Послушай, а у *тебя* тоже проблемы? Кто-нибудь общался с тобой? Полицейские?

— Да. — Его голос при волнении имел тенденцию переходить в кваканье. — Сказали, что просто хотят кое-что выяснить. Спрашивали, видел ли я тебя. Ответил «нет».

Среда слегка расслабилась.

— Твой невидимый друг называет себя Германом? Секундное молчание.

— Ты знаешь Германа?

— Слушай его, — прошипела она, косясь на Лео еще сильнее и пожимая плечами. — Творится что-то скверное. Меня преследуют. Держись подальше от этого, понял?

— Понял. — Он помолчал. — Мне хочется тебя о многом спросить. Ты вернешься?

— Надеюсь.

Лео сидел со скучным видом.

— Слушай, мне нужно заканчивать. Проблема связи. Спасибо за разговор, и жду твоего вызова. Пока.

— Я… пока

— *Уединение* снять. — Она улыбнулась Лео.

— Кто звонил? — полюбопытствовал тот.

— Старый приятель, — последовал беспечный ответ. — Не знает о моем отъезде.

— И не совестно? — Он указал на ее тарелку. — Бульон остынет.

— О да. — Среда пожала плечами и встала. Сердце учащенно билось, хотя возбуждение прошло. Ладони были холодные, желудок слово завязан узлом. — Где вы остановитесь на «Ноктисе»? Может, мне удастся вас навестить?

— Ну, я пока не знаю. У дяди бывают бредовые идеи, — ответил он уклончиво. — А как насчет встречи у вас в каюте? Мне всегда хотелось взглянуть на другую сторону жизни.

Черт. Он знает, в каком я классе. *Его промах или излишняя самонадеянность.*

— Хорошо, — легко согласилась Среда и улыбнулась, когда он взял ее за запястье и потянул к себе. Еще один вдох этого соблазнительного мужского аромата, что-то связанное с кожей, вызывающее желание запустить руку под рубашку. *Нечто специфическое для твоего обонятельного органа, поступающее непосредственно в гипоталамус и заставляющее мокнуть твою промежность, ведь, так?* Чувства словно обострились, когда

Среда склонилась к нему. — Пойдем, — выдохнула она ему в ухо, думая, как же выбраться из этой кутерьмы. Сердце билось так, словно это именно оно *чувствовало* либо похоть, либо ужас, либо и то и другое одновременно. Она прижалась к нему с отчего-то ослабевшими коленями. *«Нейротоксин?* — предположила она, но нет: было бы слишком прилюдно, если он тот, кем, по мнению Среды, может быть. — Скорее всего, просто блокиратор феромоновых рецепторов». — Пойдем.

На лестнице Лео чуть приостановился и прижал ее к себе.

— Позволь мне тебя понести, — прошептал он ей на ухо. Среда кивнула. Голова кружилась от напряжения. Лео поднял ее, и их волосы соприкоснулись, когда он взбирался по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Вот и палуба, кольцо капсул «сиб»-класса. — И где здесь твоя?

— Стой. Опусти меня, и я ее найду. — Среда улыбнулась парню и прижалась еще теснее. Коридорное освещение неяркое, большинство пассажиров предпочитало проводить перелет в дремоте. Он почувствовал запах свежего пота и чего-то мускусоподобного, предательски отравляющего. Герман учил ее этому: *Венерина ловушка.*

Она обхватила парня и впилась губами в его губы в поцелуе, на который он ответил с энтузиазмом. Их бедра соприкоснулись.

— Черт. Не здесь. — Среда потянула его по коридору. Нервы натянуты. — Вот здесь.

Она надавила на дверную панель.

— Мне нужно в туалет. А ты чувствуй себя как дома. Я скоро.

— Точно? — спросил парень, заходя внутрь.

— Ну да. — Она приникла к нему, нежно ткнувшись ему в шею. — Минуты не пройдет.

Сердце бешено колотилось, когда она отступила и нажала кнопку дверного запора. Потом другую — *уединение.*

«Действительно ли я хочу этого?» — спрашивала она себя.

— Вендиго. Каюта, слышишь меня?

— Приветствую вас, пассажир Строуджер! Слушаю вас. — Слабый голос исходил из внешней панели управления.

— Запри, пожалуйста, входную дверь. И не открывай, пока не пройдет час после прибытия. Я хочу спать. Отклонить все входящие вызовы, отменить все исходящие рассылки материалов. Максимальное звукопоглощение. Возврат к полному уединению с дополнением голосового

опознания к паролю.

Настроенный на простейшее мышление агент каюты проглотил это.

— Предупреждение! Уединение может быть отменено уполномоченными членами экипажа в аварийной ситуации или при необходимости оказания медицинской помощи…

— Сколько таких членов команды в этом рейсе? — Желудок заурчал, в нем заплескался холодный бульон.

— В данном полете — ни одного.

— Выполнять указания. А теперь заткнуться и ни с кем не болтать.

Изнутри послышался неуверенный стук, почти неразличимый через крепкий пеноматериал. Потом глухой удар, будто нечто массивное отскочило от внутренней стороны двери. Среда ухмыльнулась и направилась к лестнице, борясь с готовностью с извинениями вернутся назад и обычным своим рассудком. *Секс по дороге, предлагаемый только мне? Где ты был на вечеринке у Сэмми?* «Угробил папу с мамой, — пробормотала она про себя, полуослепшая от злости и утраты, пока искала палубу С, чтобы занять там удобное место в ряду. — Если только он не лучший дружелюбный хрен и я не допускаю ошибку…» Она

спорила сама с собой, пока не уснула, и ко времени, когда проснулась, челнок выполнил разворот и был почти готов к стыковке.

Ладно, я здесь. Что теперь?

Вестибюль «Ноктис» не был спроектирован максимально безопасным изначально. Продукт кипучего экономического чуда Септагона был оптимистичным: предполагалось, что ничего плохого случиться просто не может. Гравитация поблизости варьировалась в любом векторном направлении, куда пожелали создатели. На стенах — джунгли, на потолке — песчаные дюны, по которым извивались мебиусные проходы для усиления визуального воздействия.

Среда поспешно двигалась по полосе, настроенной на половинную силу тяжести, по следу светового зайчика. Она прошла мимо других путешественников — эмигрантов, торговцев, молодежи, проводящей в *годовом странствии* Большой Тур, составлявших длинный караван-сарай, — и разнообразия соблазнительных, но надоедливых магазинчиков, оформленных в соответствии с экзогенными особенностями. Бабочки размером с обеденную тарелку неторопливо порхали над головой, их крылья мелькали

историческими докудрамами.[21] Мелкая тороидальная дождевая тучка медленно кружилась над ярко-малиновым гнездом грязе-корневых мангров, сверкали маленькие молнии. Среда смотрела на него через просвет в художественно разбросанной листве, выводящий на внезапную смену перспективы: сияние звезд в бриллиантовых окнах, растянувшееся на километры. Это был подлинный Септагон, жизнь, презирающая вакуум, и на мгновение на Среду, ныряющую в омут глубокой депрессии, обрушилась ностальгия, притаившаяся за тоненьким льдом ее самоконтроля. *Если бы мы не прилетели сюда, мама с папой были бы живы.* Если. Если.

— Следуй за световым зайчиком к лайнеру «Романов». Достигнув дока «Романова», поднимайся на борт и оставайся в своей каюте до отправления, которое ожидается в течение ближайших шести часов. Могу скрыть тебя на некоторое время. Если рискнешь пойти по терминалу, возможно, полицейский агент тебя обнаружит и арестует. Есть высокая вероятность, что не будет дозагрузки, и ты можешь пропустить отправление. Также существует риск, что преследующие тебя типы

---

21 Примечания: 21
Документальная основа.

смогут определить твое местоположение и совершить повторную попытку покушения. Но вряд ли они в состоянии возобновить твою блокировку. У тебя прекрасная каюта, кстати.

— Так что я должна *делать?* — нервно потребовала она ответа, вступая в гогот нелетающих птиц, решивших устроить ночлег на тротуаре.

— Как только окажешься на лайнере, они не смогут усилить наблюдение. Полагаю, они накрыли орбиту «Центрис Дельта». На корабле тоже может быть кто-нибудь, но ты постарайся не столкнуться с ними. Используй свой счет для покупки предметов первой необходимости на корабле. Будь настороже. Следующий порт захода — Новый Дрезден, и у меня будет время для полной идентификации твоих преследователей.

— Постой. Ты имеешь в виду, что *не знаешь*, кто они? Как это? — Она повысила голос.

— Думаю, они принадлежат к группе, называющей себя РеМастированными. Одно из двух — они либо официальная фракция, либо группа отколовшихся мошенников. Они даже могут использовать РеМастированных как прикрытие: очень эффективно прячут свой хвост. Станешь придерживаться моих советов, вынудишь их раскрыться. Поняла? Буду помогать, ожидая тебя

на Новом Дрездене.

— Корабль идет к Новому Дрездену? Я… — Она обнаружила, что говорит в тишину. — Черт. РеМастированные.

Кем бы они ни были, по крайней мере теперь у нее есть их имя. Имя для ненависти. Впереди показалась развилка, и световой зайчик помчался в сторону. Среда устало направилась за ним. По ее личному времени было уже за полночь, и она крайне нуждалась в чем-нибудь, что поддержит ее форму. Здесь вестибюль обретал более привычный вид. Растительность поредела, сменилась кроваво рубиновыми кафельными лоскутами размером со ступню. Из пола и стен выпирали громоздкие конструкции. Грузовые лифты, лестничные колодцы, уходящие вниз к стыковочным тоннелям, подводили к пристыкованным звездолетам. Некоторые корабли сохраняли собственную гравитацию. Среда не была уверена, что полетит на таком — разве он не со Старой Земли? Она с трудом припоминала лекции об экодрамах. Все это звучало смущающе трудным для понимания и запоздалым, и она пыталась завоевать Приз Топора, играя на своем планшете, вместо того чтобы слушать профессора. Была ли Земля местом высокого уровня или

же задворками вроде ее дома?

Световой зайчик остановился, затем нырнул в темноту.

— Добро пожаловать на посадку к пункту четыре, — приглушенно пискнул путеводитель из кармана куртки. — Пожалуйста, имейте при себе ваш путеводитель и документы. Подготовьтесь к дактилоскопической проверке!

Световой зайчик возник снова, метнулся взад-вперед между Средой и силовым проходом к уровню ниже вестибюля.

— Ладно. — Среда расстегнула карман. — Так, идентификация. М-да. — Она покрутила кольца. — Герман, — прошипела она. — Кольца меня идентифицируют?

Щелк. «Идентификация по умолчанию, Виктория Строуджер. Сообщение от владельца: поразвлекайся с ними и не забывай проверять файлы, которые я сохранил в них под твоим прозвищем». *Щелк.*

Среда, озадаченная, заморгала.

Внизу, под диким цветением вестибюля, она очутилась в холодном, хорошо освещенном зале отправления перед посадочным тоннелем. Рыжеволосая женщина в какой-то вычурной сине-золотой униформе стояла у входа.

«Как необычно!» — подумала Среда.

— Вики Строуджер. — Она приподняла путеводитель. — Могу я пройти к своему месту?

Женщина искоса посмотрела на какой-то сопроводительный список.

— Да, мы ждем вас. — Она улыбнулась с профессиональной легкостью. — Вижу, у вас гид-компаньон. Хотите, я подкорректирую его для использования на корабле?

— Конечно. — Среда передала женщине мохнатого голубого надоеду. — Если не возражаете, хочу поинтересоваться: кто вы и что дальше?

— Хорошие вопросы, — проговорила женщина, поглаживая голову гида, пока тот дергался в подгонной загрузке. — Меня зовут Елена, я из офиса старшего стюарда. Если в дальнейшем возникнут вопросы, свободно обращайтесь в обслуживание номеров, чтобы вызвали меня. Мы вне расписания отправления в ближайшие пять с половиной часов, но большинство пассажиров уже на борту, который… А, привет! Мистер Хобсон? Вы раньше, чем обычно, сэр. Если вы подождете секундочку… Здесь, Виктория. Можете пройти к лифту, он доставит вас прямо на жилой уровень. У вас есть багаж? — Она изогнула бровь, когда Среда едва мотнула головой. — Все верно.

Вы в «сибарит»-классе, четвертый ряд, коридор С. Там фабрикатор, который можно использовать для удовлетворения основных потребностей, и ряд бутиков на два уровня ниже и один коридор от вас, если позже захотите приобрести что-то дополнительно. Захотите что-нибудь узнать, спрашивайте меня. Всего хорошего.

Женщина вернулась к разговору с необычно ранним мистером Хобсоном, когда Среда возвращала говорливого, гида назад в карман. Покачала головой. *Слишком много и чересчур быстро.* Значит, на Земле есть фабрикаторы. Тогда это не задворки вроде Нового Дрездена или дома, и ей не придется целую неделю ночевать под открытым небом в подвале для беженцев. Путешествие может оказаться неплохим, особенно если Герман предоставит обычную детальную карту служебных объектов…

ИНТЕРЛЮДИЯ 2

Темный склад оборудования грузового отсека. Вытяжная труба кондиционера в виде буквы «J» обычно пахнет пакующей пеной и влагой. Сейчас это сточная канава силиконовой смазки и страха.

Тихий голос зачитывал список грехов:

— Позвольте мне перечислить. Вы наняли обычных головорезов, которые отследили ребенка до мертвой зоны, но потеряли ее внутри заброшенного жилого модуля. Она шла на сраную вечеринку, но никто даже не подумал проследить за ее друзьями, выяснить, где все проходит, и пойти туда. Другие ваши люди ликвидировали ее семью, тем оборвав все возможные ниточки и одновременно предупредив, что ее жизнь в опасности. Объясните мне, Франц, *каким образом* девятнадцатилетняя беженка сумела перехитрить пару даже пусть отдаленно напоминающих профессионалов гангстеров? И почему следы ее кожных отпечатков выявлены над *внутренним* аварийным шлюзом, ведущим в разгерметизированный отсек?

Пауза.

— Понимаете ли вы, какая хрень случилась? Длительная пауза.

— Бандиты отслеживали беженку непосредственно через ее интерфейс-кольца, но она оказалась очень опытной. Я ожидал, что это будет прямонаправленный след — и конец. Когда она отключила…

U. Поршия Хойст вздохнула.

— Дайте свет, Джамиль. Внутренности служебного отсека осветились.

— Вы убьете меня? — спросил Франц. Он выглядел несколько встревоженным, словно набирался мужества для предстоящей стоматологической процедуры.

Выбор небольшой. Охранник Поршии Маркс основательно потрудился, привязав его к двум анкерным балкам.

— Не исключено. — Поршия рассматривала его, задумчиво постукивая кончиком пера по зубам. Она прищурилась. — В нашей организации существует культ неприемлемости слабости.

Франц открыл рот, будто пытался что-то произнести, затем медленно закрыл. На его лбу выступили капельки пота. Становясь все больше, подметила Поршия, они не падают, а удержи-

ваются поверхностным натяжением, не в силах скатиться при малой гравитации в тысячные *g*.

— Что вы сделали потом? — спросила она почти дружелюбно.

— Ну, я заключил, что она сбежала. Или под защиту властей, или куда-то за пределы хаба. Поэтому я послал Барра, Самова и Кергелена занять места на ближайших отбывающих к другим хабам шаттлах с приказом проведения всей необходимой рутины в случае ее обнаружения, а я сам и Эрика направились к местному полицейскому участку, чтобы с помощью марионеток проникнуть в их жилье, если она вернется домой. Поскольку мы имеем во всей системе только один-единственный комплект для *марионетизации*... — Его голос увял.

— Какие еще вы использовали ресурсы? Вы лишь накрыли три челнока, по одному пальцу на каждый. Не маловато? — Ее голос стал почти вежливым.

— Я был полностью связан. — Голос Франца стал напряженным. — У меня только шесть резидентов, включая меня! Этого отнюдь не достаточно для поддержки двадцати четырех умножить на семь хвостов на одного индивидуума, значительно меньше, чем необходимо

для проведения полного прорыва или зачистки. Почему, вы думаете, мне пришлось привлекать наемные силы, вместо использования должным образом запрограммированных марионеток? Я в течение многих месяцев требовал пополнить резерв, но все что получил — лишь приказы лучше использовать собственные ресурсы да десятипроцентное сокращение бюджета. Теперь ваша группа… — Он опять смолк.

— Ваши требования. Были ли они официально заявлены?

— Да. — Он осторожно рассматривал ее, не понимая, куда ведет эта цепь выяснений.

Женщина, глядя на него, наблюдающего за ней, размышляла. Франц был резидентом на станции «Центрис», стоящим в стороне от операции U.Ванневара Скотта и тем не менее автоматически подозреваемый. Но он также был и единственным руководителем в целой системе, комплексе орбитальных хабов, вращающихся в аккреционном поясе вокруг красного карлика в сердце Септагона «В». Прежде всего, вообще большая удача, что ему удалось направить свою команду в нужный хаб. Если он говорил правду, вывешенный сушиться с шестью штатными единицами персонала, чтобы связать триста миллионов

человек, разбросанных по почти пятистам орбитальным местам проживания и неисчисляемым мелким станциям и кораблям, то явно испытывал жажду поддержки. В то время как Скотт вливал фонды в центральные тайные группы, сующие нос в дела его противников в Директорате.

Поршия заявила:

— Я расследую это, вы знаете.

Франц решительно глядел на нее, даже не удостаивая вниманием Маркса. Хотя Маркс именно тот, кто проткнет ему позвоночник, если дойдет до этого, или даже убьет его, просто лишив воспоминаний, оставляя высушенным ничто.

— Ваша команда докладывала о потерянном *конце? Теперь* выражение его лица изменилось: раздражение, даже искра открытого мятежа.

— Я бы мог сказать вам, если бы вы развязали меня и дали шанс выяснить, — раздраженно произнес он. — Или спросите Эрику. Полагаю, вы еще не пришли к выводу, что она испорченный инструмент, и не разрядили ее.

Поршия приняла решение. Рискованное предприятие, но такова жизнь.

— Освободи его, — приказала она Джамилю.

— А это умно? — Маркс нахмурился, уставившись на лоб Франца. — Мы могли бы изменить

его цели…

— Предпочитаю свободное волеизъявление своих подчиненных. — Улыбка внезапно пропала. — У тебя с этим проблема?

— Просто забочусь о вашей безопасности, босс.

— Я совершенно уверена, что U.Франц Бергман вспомнит, чьим целям он служит теперь, когда Внешний Контроль Охраны Окружения Четыре был… а-а… был поглощен Группой Шесть.

Джамиль вытащил нож и рассек веревку, привязывающую руки Франца к опорным балкам. У Франца округлились глаза.

— Вы сказали «поглощен»? А что случилось с Контролем Четыре?

— U.Ванневар Скотт оказался кр-райне порочным пар-рнем, — програссировала Поршия. — Настолько порочным, что обердепартаментсекретарь решил отобрать у него все игрушки. — Слегка выделив «все», она изогнула бровь и надула губы. — Вы — в сером списке.

Серый, в противоположность черному, определяющему, чей статус — *прокалывание спинного мозга и утилизация с экстремальной процедурой.*

— Он не очень большой, но вы в нем. Кто знает? Если будете упорно трудиться, даже сможете

остаться здесь.

Франц, испытывающий тревогу, только что освобожденный от привязи к анкерным балкам, едва не упал.

— Что вам от меня нужно? Никто ничего нам не говорил о… — Он сглотнул.

— Несомненно. — Поршия кивнула на Джамиля, большого и крепко сложенного. — Вы с Марксом пойдете по кругу. Вы должны добыть оперативные данные, а Джамиль будет сидеть у вас на хвосте и наблюдать, как вы это делаете. Полагаю, это что-то вроде вступительного экзамена. — Она угадала его незаданный вопрос. — Для вас и ваших людей.

— Я… э-э… очень благодарен…

— Не стоит. — Сияющая улыбка вернулась вновь. — Я хочу знать, что происходит здесь, в этих дебрях. Вам дается две килосекунды на выяснение. И поверьте, до тех пор, пока я не решила поставить вам «зачет», смерть будет казаться легким выбором.

Ко времени возвращения в отсек Франц был по-настоящему напуган. Словно вся сумятица, которой он не давал разрастись в течение последних девяти месяцев, и так не оставалась достаточно скверной. Но появление депсека,

словно из ада обрушившейся на него с охранниками и вооруженной до зубов командой, было еще хуже. К счастью, Эрика все еще с ним и успокаивает его своим присутствием. Но новости…

Обернувшись, Франц через плечо посмотрел на Эрику, она ответила ему взглядом, стараясь казаться непринужденной. Полномочный представитель станционного шефа следовала за своим боссом; за ними обоими — Джамиль, невозмутимый, пугающий.

— Я разберусь с этим, — подбодрил Франц Эрику.

— Конечно.

Хотелось коснуться ее руки, но он не посмел. Не перед Джамилем. Она выглядела довольно взволнованной, как оно на самом деле и было. Может, потому, что она уяснила для себя, где они находятся, и уверенности не ощущала.

Депсек поджидала его, как паучиха в центре паутины, черная и сияющая, плотоядная, когда, разведя в улыбке алые губы, обнажила великолепные зубы. Франц встретил взгляд глаз цвета морской волны, холодных как лед. За ее спиной стоял охранник.

— Вы появились раньше на пятьдесят секунд. — Женщина переключилась на Эрику. — Итак, вы

U.Эрика Блофилд?

Франц заметил, как Эрика косит уголками глаз. Он мог *обонять запах* депсека: неуловимое теплое *чувство семьи* волнами исходило от нее. Он ощущал нервозность Эрики.

— Д-да, босс.

— Пусть отвечает сама, — вежливо попросила Хойст. — Вы ведь умеете говорить, не так ли?

— Да. — Эрика прочистила горло. — Да, босс. Но мне ничего не известно.

— Джамиль. U.Франц Бергман сообщал U.Эрике Блофилд что-нибудь существенное насчет изменений в структуре управления?

— Нет, босс.

— Хорошо. — Хойст сосредоточилась на женщине. — Какова ситуация, Эрика? Расскажите мне.

— Я… — Она неловко пожала плечами. — Барр и Самов ничего не нашли. Кергелен обнаружил объект на транзитном рейсе к хабу «Ноктис» в каюте первого класса. Последнее сообщение было о том, что он попытается ее соблазнить и использует все средства для достижения цели. С тех пор я ничего не слышала. Его последний вызов был одиннадцать часов назад, и вскоре они прибудут на «Ноктис», но он пропустил три

контрольные точки, и я пока могу только догадываться о причинах этого, но ни одна не может быть хорошей. — Она внимательно смотрела на Хойст, переводя взгляд то на лицо, то на руки.

— Хорошо, это неподалеку, — ласково проговорила Хойст. — А вам приходило в голову, всем вам, что объект нашей акции может иметь подготовку к побегам и самозащите?

— Мы не… — пытался вставить Франц.

— Заткнись! Вопрос был риторический. — Хойст мимо него посмотрела в дверной проем. — Вы сообщили мне, что мне требовалось, благодарю вас, — любезно произнесла она, кивая Эрике. — Джамиль, подай U.Эрике Блофилд кофе, *сейчас.*

Франц подпрыгнул, оттолкнулся от потолка и перевернулся, намереваясь выпихнуть ногами Джамиля в узкий проход. Отчаяние взвело взрывные рефлексы, сузив фокус до мира, превратившегося в серостенный тоннель. Но Джамиль уже вытащил нечто очень похожее на серебряную, размером с ладонь, елочку и загнал ее Эрике прямо в затылок. Глаза женщины вылезли из орбит. Она дернулась, и брызнула кровь.

Что-то сильно ударило Франца в поясницу.

— Ты меня слышишь?

— Думаю, он притворяется, босс.

Не точно. Обжигающая боль в спине, голова словно с жутчайшего похмелья. Тошнота, естественно. Но это еще не самое худшее. Ведь он снова в сознании, а это означало, что он пока жив, что, в свою очередь…

— Слушай меня, Франц. Твой заместитель по станции — в черном списке. Она доносила в Департамент противоподрывной деятельности U.Скотта. Гарантирую, ее утилизированный статус-вектор отправят Селекционерам со всем соответствующим приличием и оставят ее душу на суд будущему богу. А ты или откроешь глаза в течение тридцати секунд, или присоединишься к ней. Понятно?

Он открыл глаза. Полумрак оказался болезненно ярким. Дрожащая черная сфера несвернувшейся крови, медленно покачиваясь, проплыла мимо в направлении одного из выходных вентиляционных отверстий. Отчаяние обрушилось плюшевой дубиной.

— Мы были… — Он сделал паузу, тщательно подыскивая приемлемое слово, не понимая, почему это необходимо сделать именно сейчас, и чувствуя, что для его реальной жизни теперь это даже важнее, чем было раньше. — Близки.

Близки. Вот оно, то самое слово. Оно все объяс-

няло, пока ничего не открылось.

— Раз ты так высоко ценишь ваши интимные отношения, добро пожаловать к ней, — полусерьезно предложила ему прислужница ада. Она прошлась по комнате и смутным пятном зависла у него перед глазами. Францу пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть резкие очертания. — Раса РеМастированных не нуждается в моральных слабаках. Или ты столь наивен, что считаешь себя *влюбленным?*

— Я… — *зол,* понял он, — чувствую себя неважно. Дисфункционально.

Франц разозлился еще сильнее от собственной беспомощности. Он не злился, когда охранник ударом оглушил его, и он очнулся привязанный к балкам, испуганный и встревоженный. Но теперь с мыслью, что он может уцелеть, выплеснулось море ярости. *Эрика мертва.* В принципе это не должно было иметь для него большого значения, но он слишком долго прожил вместе с ней вне Директората. Со своим некоторым безрассудством в выборе роковых путей и наивной местечковой сентиментальностью. А теперь — с наивной местечковой болью от потери.

— Ты злишься, — утешающее проговорила Хойст. — Нормальная человеческая реакция. У

тебя отобрали то, что ты считал своим. Не стоит себя за это винить, и, если захочешь поплакаться в жилетку, милости прошу. Но в настоящий момент Блюмляйн лично поставил перед нами очень важную задачу, и если ты встанешь на моем пути, мне придется тебя уничтожить. Ничего личного. И в случае, если не дошло, твоя партнерша была *контрподагентом.* Докладывала напрямую в Офис Внешних Расследований U.Скотта. Запрограммированная на твое уничтожение при первых же признаках нелояльности.

Франц обнаружил, что кивает в непроизвольном согласии; но его все время переполняли воспоминания: запах Эрики, ее смех, их тайный совместный грех, проступок, совершенный вне Директората, где любовь не была состоянием войны и ненависть не считалась политикой.

«Она не предавала меня, — думал он. — Никогда». Эрика рассказала ему о своей второй работе в день их первой же любовной встречи, когда они спрятались в отеле, изголодавшись по интимности. Это был их маленький секрет — скрытая фантазия о тайном бегстве, дезертирство, побег за «горизонт событий». Либо Хойст — в своей ипостаси ангела смерти — знала много меньше о резервном подразделении, принятом

от другого, либо Директорат прогнил повсюду от начала конуса, и будущий бог — болезненная фантазия. Но такого невозможно себе позволить даже в мыслях, находясь в кругу других РеМастированных, если хочешь выжить. Поэтому Франц скомкал свои крики потери и боли и отшвырнул подальше — так далеко, где позже сможет излить чувства и зализать гнойную рану, — и заставил себя решительно кивнуть.

— Я скоро приду в норму, — смиренно произнес Франц. — Это просто шок.

Если он только позволит узнать им, как глубоко они с Эрикой были вовлечены…

— Вот и славно, — подбодрила его Хойст.

Его ноздри раздувались, но он не выдал своего состояния. Маркс плыл за хозяйкой как тень смерти, по-случайности с позвоночной пиявкой в руке.

— Что от меня нужно сейчас? — хрипло поинтересовался

Франц.

— Хочу, чтобы ты отдохнул и восстановился. Мы совершим путешествие, как только соберем остальных из твоей группы.

— Путешествие…

— На Новый Дрезден, на яхте. — Ее лицо вы-

тянулось. — Собственно, это старый фрегат класса «Хайдеггер», где вооружение заменено складскими отсеками и койками. У нас уйдет примерно восемь дней, чтобы опередить вашу беглянку, в настоящий момент путешествующую в «сибарит»-классе на лайнере. По прибытии на место, мы должны спасти положение, связать все свободные концы и остановить лавину, спровоцированную U.Ванневаром Скоттом. Ясно?

— Я, похоже, что-то повредил, — Франц согнул левую руку; острая боль в запястье заставила его застонать.

— Верно. — Хойст чуть ли не по-товарищески улыбнулась ему. — И еще много чего повредишь, прежде чем все закончится.

Только через неделю Поршия поговорила с ним по душам. Большая часть времени проходила для Франца как в тумане; он работал на автомате, слишком занятый сбором своих оставшихся агентов, чтобы замечать холодные, оценивающие взгляды, которыми босс провожала его.

Это случилось после того, как Хойст связалась с Кергеленом. Упустить свою цель само по себе простительно, особенно если ты в сером списке, но положение осложняла ошибка: Кергелен невольно предупредил девочку. Та сумела запе-

реть его в собственной каюте «сибарит»-класса, поменявшись с ним ролями. Хойст буквально раскалилась от ярости, выяснив это, и даже Франц почувствовал собственный приступ негодования сквозь пелену утраты.

Поршия лично забрала Кергелена с «Ноктис», приказав отклонить курс дорогостоящего DD-517 почти на дневной прогон, пока корабль болтался без дела, притворяясь шикарной яхтой. Она вырядилась в шелковое платье в сине-фиолетовых тонах и заявилась в полицейский участок, где держали несчастного Кергелена. В белом парике и драгоценных камнях на целое состояние, она в совершенстве манерничала и хихикала, исполняя роль второй жены богатого магната, судовладельца с эль-Турку. Франц, Маркс и Самов чопорно шествовали за ней в архаичной униформе и со страдальческим выражением лица, характерным для домашних слуг. Спектакль закончился примерно через пять миллисекунд после того, как чрезвычайно благодарный Кер прошел через разделительную трубу и оказался за шлюзовой дверью. Тогда Поршия схватила его за горло.

— *Ублюдок!* — прошипела она; жилы на запястьях натянулись как струны. Смертельное

оскорбление для РеМастированного, но никого не интересовал ответ Кера. Маркс с Самовым держали его за руки, пока он пинал и лягал переборку, когда Хойст сдавливала его гортань. Едва он перестал дергаться, Хойст оглядела свое небольшое окружение, одарив Франца таким полным жестокости взглядом, что тот вздрогнул, ощутив близость собственного горла к этим сильным рукам. Но она уже слегка расслабилась и кивнула ему.

— Он оконфузил меня, — холодно произнесла она. — Хуже, он выставил дураками Директорат. Ты тоже.

— Понимаю, — тупо ответил Франц, что, похоже, удовлетворило ее.

— Самов, посмотри, что в его нервной карте можно утилизировать, и выброси остальное. Маркс, передай мои похвалы пилоту и скажи ей, пришло время исполнения плана «Койот». U.Бергман, со мной. — Она развернулась и направилась к лифту на командные палубы. Франц с абсолютно пустой головой двинулся за ней. Кергелен работал на него три года, бесшабашный юнец в своем первом внесистемном обличии. Склонный вести бурную жизнь, но не осознанно: в основе его поступков, казалось, лежала серьезная

идеологическая приверженность. Его очевидная вера в общее дело, будущего бога и предназначение РеМастированных порой оставляли Францу ощущение неискренности.

Кергелен жил такой полной жизнью, какой ему было позволено. Он словно работал в ранние дни лучшей вселенной. Видеть его разбитым, списанным и стертым лишало Франца адекватности. Поэтому он не возражал, а плелся в хвосте шуршащих шелков и дорогих эфирных масел Хойст. От запаха старомодной пудры свербило в носу. Каюта депсека была больше чем квартира, в которой Франц жил. Пара кресел, круглый стол и складная кровать. Скорее всего каюта служила жильем friggatenfurer,[22] когда яхта была еще боевым звездолетом. Хойст захлопнула дверь и жестом предложила Францу сесть, сама же, стоя, повернулась к столу. Франц не сводил с нее глаз. Она была красивая, в мрачном стиле экс-Директората, но одновременно пугающая. Угрожающая. Хищница, прекрасная, но смертельно опасная и не способная вести себя иначе. Поршия стащила парик и бросила его на стол, потом провела пальцами по пышным светлым волосам.

---

22 Примечания: 22
Капитан фрегата (нем.)

— Ты выглядишь так, будто тебе необходимо выпить.

«Она. протягивает мне стакан», — с трудом осознал Франц. Он мгновенно схватил его, согласуясь с постучавшимся инстинктом самосохранения.

— Благодарю.

Она налила и себе из графина резного хрусталя какой-то янтарной жидкости с запахом спирта и табака.

— Это импортный виски?

Хойст задумчиво пожевала нижнюю губу, заткнула графин пробкой и устроилась в кресле напротив.

— Да. — Разглаживая на коленях платье, она на мгновение показалась смущенной, словно не помнила, как принцесса из волшебной сказки оказалась на борту боевого корабля расы РеМастированных. — Попробуйте.

Он поднял стакан и сделал паузу, припоминая формулу.

— Ваше здоровье, — тихо произнес он наименее льстивый тост.

Она подняла стакан в ответ.

— И твое. — На ее скулах задвигались желваки. — Хорошая мысль произнести тост за мое здоровье, хотя не думаю, что моя болезненная

смерть тебя расстроит.

Ее слова попали в самую точку.

— Босс, я…

— Молчи. — Она прищурившись смотрела на него поверх стакана. Влажно зализанные черные волосы, высокие скулы, пухлые красные губы, узкая талия: тело бойца в облегающих шелках, изготавливаемых кутюрье в месяц стежок. Она имела нечеловечески симметричные черты, которые только клад первой линии: мог позволить себе приобрести для альфа-образцов своего фенотипа. — Я привела тебя сюда, так как думаю, мы можем избежать недопонимания, как во время нашего знакомства

Франц замер **в** кресле, держа **в** правой руке стакан скотча стоимостью в небольшое состояние, поскольку был привезен более чем за двести световых лет.

— Не уверен, что понимаю вас.

— А я думаю, понимаешь. — Хойст смотрела на него не моргая, не считая случайного мерцания мигающих мембран. — Я проследила твой график личностных характеристик. Ты будешь удивлен, как много у нас есть информации, даже сумели собрать сведения о личной жизни фетишистов

Септагона. Наша цель — беженка, например.

Думаю, у меня есть способ воздействия на нее — она допустила ошибку, разговаривая с друзьями после несчастного случая с семьей, и, полагаю, знаю, куда она направляется. Но она не единственное.

«Сейчас начнется, — понял он; мышцы шеи непроизвольно напряглись. — Она намерена — что? Если она желает моей смерти, могла бы расправиться заодно с Кером».

Хойст не сводила с него глаз, алчущих информации.

— Ты был «влюблен» в U.Эрику Блофилд, да? Приступ беспричинной злости спровоцировал его на честный ответ.

— Я бы предпочел не обсуждать это. Вы получили желаемое, не так ли? Мою преданность и ликвидацию элитного контрподагента из личного кадрового состава Скотта. Разве недостаточно?

— Может, и нет. — Она напряглась, изогнув уголки рта в подобие улыбки, которая, однако, не затронула глаз. — Ты слишком долго пробыл в системе Септагона, Франц. В этом нет твоей вины. Такое могло случиться со всяким, проведшим слишком много времени без обновления и знакомства с учением, формируя собственную еретическую философию, полагающую, что Ди-

ректорат может быть не единственно истинным путем ведения дел, а есть возможность игнорировать его и в итоге послать подальше. Так? Тебе ни в чем не нужно признаваться. Кстати, это не допрос. Я не собираюсь скармливать тебя Селекционерам. Но здесь можешь выразить себя свободней. Не возражаю. Даже позволяю накричать на меня. Помнишь, что я говорила раньше?

— Вы… — Пальцы стиснули стакан. В момент отчаяния Франц едва не решил раздавить стакан и воткнуть осколки ей в горло, реальность ситуации больно задела его. — Ничего существенного сказать не могу. Вы не поверите моим возражениям.

— Хорошо! — Хойст улыбнулась. Это переполнило его яростью, ибо выражение ее лица было искренним — она выглядела радостной и довольной, а горе и зависть убеждали, что *никому* не позволено так смотреть — когда Эрика умерла. И пусть он знал, что в нем говорят его железы, что такое проходит, но это бесило его.

— У меня проблема, — продолжила Хойст как ни в чем не бывало. Она потерла правое колено через ткань платья. — Насчет отправиться и связать свободные концы. Если справимся — только небо будет пределом. Не только все в этой группе

будут реабилитированы, но я… в общем, продвижение по службе, довольно серьезное. — Она доверительно склонилась к нему. — На самых высоких уровнях, Франц, все несколько иначе. Непростительные дисциплинарные оплошности становятся простительными личностными недостатками. Селекционеры лишь инструмент, котором саду придают благообразный вид: хозяева — не слуги. Очень возможно, что целесообразные приказы в итоге станут обратимыми.

— Обратимыми? — Франц облизал губы.

— Я пока еще не отсылала Селекционерам статус-вектор U.Блофилд, — мягко проговорила Поршия, словно такая мысль только что пришла ей в голову. — У нас с тобой нет поблизости Селекционеров, поэтому я несу личную ответственность за записи жизни и кристалл памяти, которые должны быть переданы Селекционерам только по завершению нашей миссии. И я сохранила биологические образцы тканей. — Она задумчиво добавила: — Единственный загрузочный комплект ее мозгового образа в настоящий момент находится здесь, на борту этого корабля. И не найдет завершения у Селекционеров, если проявится приемлемая альтернатива. Что я с ними сделаю, вопрос еще открытый. Я здесь огра-

ничена в персонале, ты был прав насчет сильной недоукомплектации вашей миссии. U.Скотт систематически переоформлял декларацию, отфильтровывая людей из вашей команды для других миссий, и вел два комплекта отчетов. Мне недостаточно штата для поддержки, тем более людей, понимающих здешних обитателей. Мне нужен тот, кто сможет стать моей правой рукой, пока Байрут сохраняет статус-кво дома. — Она доверительно склонилась к нему и сжала его левую руку своими ладоням. — Если будем удачливы, я смогу вернуть ее тебе, Франц. У нас на борту CG-52, это мой корабль поддержки, в санитарном отсеке есть медицинский репликатор. Это дорогая и противоправная операционная процедура, но я могу клонировать Эрике новое тело и перезагрузить в него ее личность. Ты получишь ее назад, если пожелаешь. Пока будешь делать для меня определенные вещи.

— Вещи? — Франц почувствовал, как невольно наклоняется ей навстречу, притягиваемый ужасающей силой ее желания и гадкой надеждой, которой она его соблазняла. *Вернуть Эрику? Вернуть… какой ценой?* От надежды и ужаса свело живот.

— Это не тот вид работы, какой я обычно пору-

чаю своим подчиненным. Она годится лишь для того, кто прожил среди смертных несколько лет.

— И какая же?

Хойст подтянула его руку ближе и положила ладонью себе на бедро.

— Тебе знакомо чувство влюбленности, не так ли? Такая возможность предполагается и у нас, но я прежде никогда не слышала о двух РеМастированных, вступивших в подобные отношения друг с другом одновременно. Поэтому ты обладаешь наибольшими способностями манипуляции смертными, чем любой из наших здесь.

От нее пахло растительными экстрактами и чем-то еще: мускусом — сальные железы вырабатывали феромоны, включенные только у альфа-РеМастированных.

Это было одновременно возбуждающим и пугающим, и заставило его разозлиться.

— Я не хочу…

Она уже стояла на ногах, склоняясь над ним.

— Мне наплевать, чего ты хочешь, — холодно проговорила она. — Безотносительно к U.Эрике, ты будешь делать все, что я скажу, с улыбкой говноеда в течение трех последующих месяцев, не так ли?

Франц посмотрел на ее груди. Через тонкий в

складках шелк явно проступали набухшие соски. До него донесся дурманящий запах. Возникшая надежда мешала мужчине сопротивляться.

— Любовь — колоссально недооцененный инструмент в Директорате, Франц. Ты должен научить меня им пользоваться.

— Как…

— Ш-ш. — Хойст спустила бретельки своего платья до талии и присела к Францу на колени.

Тот не шевельнулся, еле-еле заставляя себя сопротивляться ее доминантным феромонам. И замер, почувствовав прилив крови, когда она расстегнула его опереточную куртку и потерлась об него своими грудями.

— Научи меня любви. Потребуется несколько уроков, но это хорошо — у нас есть время для первого урока прямо сейчас. Как ты это проделывал с ней? Начинала она, или ты, или что там еще? — Она занялась пуговицами на его брюках. — Захочешь увидеть ее снова, покажешь, что делал для нее…

НА ПЕРВУЮ СТРАНИЦУ

«Лондон Таймс» — потрясающие новости с 1785! Предоставляют Фрэнка «Носа» Джонсона. Спонсоры: «Торн унд Таксис Арбайтсгемайншафт», «Мелтинг Клок Интерстеллар Шедулинг Спешиалистс PLC», Банк Мамалат аль-Фалака, «Чапек Роботика Унивесуум» и Первая Всеобщая Церковь Кермита.

Передовица

Поговорим чуть больше о московской катастрофе и ее неминуемых последствиях — на этот раз с точки зрения людей на нулевом уровне, наблюдающих полет приближающихся пуль. Эти люди недовольны, и вы, может, тоже — ибо такая подливка для гуся, по сути, подливка для простака: позволяя этому злодейству создать прецедент, мы рискуем оказаться следующей птичкой с шеей на колоде.

Новый Дрезден это вам не «мак'»-мир — это сраная неприметная дыра, населенная патологически подозрительными сербами, нагло снобистскими саксонцами, тремя различными оттенками балканских беженцев и целым бес-

тиарием психопатически-националистических психов. Планетарный спорт — это состязания по недовольству, в котором они непревзойденные мастера. Я сказал «непревзойденные мастера», подразумевая — они не так плохи, как могли бы быть. Объединение происходило в течение последних девяноста лет, с тех пор как оставшиеся в живых оживленно завершили резню всех остальных, основали федерацию, провели изящную по местным меркам ядерную войну, сформировали следующую федерацию и зарыли топор войны (в еще большей дыре, чем сами).

Сорок лет Новым Дрезденом правил зловещий безумец, генерал-полковник Палацки, председатель ПОРС, Планетарной Организации Революционных Советов. Большинство поступков Палацки были продиктованы предсказаниями его астрологов, включая пресловутую ликвидацию валюты и ее замену банкнотами с номиналом, кратным 9, его счастливой цифре. Палацки, по сути, помешанный эгоманьяк: он назвал все месяцы после января своим именем, за исключением ноября и декабря (за своей тещей он закрепил август). Однако к концу он превратился в затворника, редко появлявшегося за пределами железных ворот президентского

дворца. Там он руководил бесконечными приемами с огнеглотателями, борцами, танцорами племенных плясок, трансвеститами и проститутками для гостей, пока карлики, балансирующие серебряными подносами с кокаином на головах, патрулировали коридоры, обеспечивая всем его протеже хорошее времяпрепровождение. Следует упомянуть, что дворцовые стены были утыканы разложившимися головами офицеров и членов ПОРС, несогласных с политикой генерал-полковника в таком вопросе, как благосостояние населения.

Неизбежная революция, которая наконец произошла четыре года назад на волне московского скандала, сбросила Палацки с его орнитоптера и заменила более прагматичной хунтой из грызущихся друг с другом, но вменяемых ПОРС-аппаратчиков, считающих для себя дурным тоном целиком заглотить кормушку.

Тем не менее картина мрачная. Хотя они не столь безжалостно реакционны, как Гоуранга, не так тоталитарны и деспотичны, как Новый Порядок, не так буколистически скучны, как московитяне, не так нетерпимы, как исламисты Эль-Вахаба или… Планета большая, и даже крайности хунты не смогли довести экономику

до ручки. Пара десятилетий цивилизованного развития, несколько военных трибуналов — и Новый Дрезден может стать неплохим местом, которое рациональные туристы не исключают автоматически из своих маршрутов.

И в самом деле, пока вы не задаетесь вопросом о политической мудрости системы с шестнадцатью тайными полицейскими силами, тридцатью семью министерствами с собственной милицией, четырьмя представительными ассамблеями (три из которых набраны по однопартийным спискам различных самостоятельных партий, каждая из которых имеет преимущественное право вето), и прежде всего, пока вы *не вспоминаете о гражданской войне,* Новый Дрезден может стать для вас желаемым местом. Если целью вашего визита является покупка миленьких деревенских сувенирчиков и странных нанокомпьютеров, «охи» и «ахи» в чудесных восстановленных этнических деревеньках провинции Штоборрх и поглощение чудесного светлого эля в альпийских домиках, вы не ошибетесь.

Для рядовых людей жизнь тоже не так уж и плоха, насколько я могу сказать. Я не могу быть полностью уверен. Чтобы убедиться в этом, нужно провести лет двадцать в качестве

глубоко законспирированного агента. Я не преувеличиваю национальную подозрительность к иностранцам. Это характерная особенность жителей Нового Дрездена; они веками воспитывались в условиях паранойи. Но со стороны, стандарты жизни явно растут и смотрятся чертовски неплохо по сравнению со скопосранством Новой Республики.

У этих людей есть автомобили — настоящие горюче-элементные силовые перевозчики, не бойлерные или поршневые моторы, — и они имеют музыкально-обменные сети, пластическую хирургию, и отпуска с готовой программой на месяцы, и семь различных стилей кухни. У состоятельных людей меньше времени и энергии для охоты друг на друга, поэтому неудовольствие выражается главным образом в форме усердных социальных оскорблений, а не в виде революции. И здесь только 800 миллионов человек, которые имеют огромный потенциал, если сумеют прервать цикл насилия последних двух с половиной столетий.

На Новом Дрездене *имеются* все признаки мирного разрешения. В настоящее время тайная полиция тратит больше энергии, шпионя друг за другом. Они оставили гражданских в покое и

пьют с ними в одних и тех же барах по уикендам. Появились действительно независимые доморощенные журналисты. В любой день это место может стать цивилизованным…

…Если бы не три безликих бюрократа, существующих, чтобы всех уничтожить.

Я говорю, конечно, об уцелевших московских дипломатах, положивших палец на курок и одновременно его *нажавших.* Касательно двоих из них, кто *может:* хватит ли им мужества решить, что игра не стоит свеч, что вопрос отсрочки приведения в исполнение смертного приговора этой многообещающей планете с населением почти в миллиард, когда он стоит перед вами, не имеет большого отличия от подобного для прежнего населения Москвы.

Несварение и ускоренное сердцебиение вследствие этого. Если вы намерены назначить себя верховным судьей в наказуемом смертью случае, вам нужно убедиться, что вы готовы, поправ справедливость, жить с последствиями сего факта. И я не верю, что эти суки понимают, чем это пахнет.

Вот почему я направляюсь на Новый Дрезден. Я намерен загнать в угол посла Элизабет Морроу и министра торговли Харрисона Бакстера и задать им вопрос: почему они хотят наказать 800 милли-

онов человек, не имея ни одного свидетельства, что те ответственны за преступление, в котором обвиняются.

Читайте мою колонку. Конец.

Фрэнк вытянул руки к потолку и широко зевнул. Он задремал в комнате для завтраков и испытывал похмелье средней тяжести. Все равно лучше, чем мучаться воспоминаниями об инциденте в баре прошлой ночью. За что был благодарен.

Отделение для завтраков похоже на все остальные обеденные комнаты — только поменьше, с горячими блюдами, но без бара и сцены кабаре. Поздним утром здесь было почти пусто. Фрэнк взял себе тарелку и положил жареного мяса и фаршированный яйцами перец, добавил горячие черничные пирожки из фабрикатора и пошел искать свободный столик. Единственный дежурный стюард, не тратя времени, предложил ему кофе. Как только Фрэнк уткнулся в еду, то постарался подтолкнуть свои изношенные мозговые клетки к конфронтации с новой дневной программой.

Первое, трансферный пункт «Септагона Центрис Ноктис». Сходят и садятся. Хм. Стоит изучить доску бюллетеней при случае? Следующее,

просмотреть рассылку. Записать поступившие новости, прочитать и резюмировать. Затем… твою мать, поесть. Он добавил в кофе сливки и размешал.

Интересно, случилось ли что-нибудь во время последнего прыжка?

Вечная дилемма межзвездного спецкора. Оставаясь на одном месте, никогда не знаешь лично, что происходит рядом, но можно оставаться включенным в сеть каузальных каналов, распространяющих новости по имперскому времени. Если путешествуешь, то заперт без связи с внешним миром от момента первого прыжка корабля до момента входа в световой конус места назначения. Но каналы платили за инстинктивную способность Фрэнка проникать в сущность странных культур и чужой политики. Постигнуть это, оставаясь дома, нельзя, поэтому в каждом новом порту Фрэнк начинал безумную погоню за информацией, чтобы переварить ее в редакционные очерки и мнения специалиста во время последующего перелета и выплюнуть их в сеть, когда корабль вынырнет в системе с частотами внешней вселенной.

Фрэнк зевнул и налил себе еще чашку кофе. Слишком мало сна, слишком много виски и рома,

но он уже повернулся лицом к работе по подготовке к прибытию на Новый Дрезден. Септагон так хорошо покрывала система связи, что выходить здесь не имело смысла: это был главный информационный экспортер. Но Новый Дрезден находился в стороне от протоптанной дорожки и к тому же в опасности, в результате медленно надвигающейся катастрофы, исходящей из московской системы. По прибытии Фрэнк получал четыре дня полнейшего безумия от спуска в первой же группе и до рывка в последнюю минуту назад к стыковочному тоннелю. За это время Фрэнк должен успеть передать копии написанного на маршруте, собрать материал для статей на две недели и сделать все, о чем следовало позаботиться. Он сверился с табло времени и подсчитал, что может совершить поездку с экономией в два с половиной часа. Три с половиной дня жужжать, словно свихнувшаяся навозная муха, получившая досрочное освобождение в разгар дипломатической встречи. Замечательно, что Новый Дрезден спокойно относится к применению фармацевтических препаратов, когда Фрэнк вернется, его вполне может ожидать величайший в истории журналистики метамфитаминовый удар. Определенно заслуженный, если стараться

покрыть четыре континента, восемь городов, перенести три дипломатических приема и шесть интервью за три дня, но *c'est la vie.*

Живот наполнился, кофейник опустел, Фрэнк отодвинулся от стола и встал.

— Когда отчаливаем? — наугад спросил он в пустоту.

— Отправление по расписанию в течение двух тысяч секунд, — мягко ответил корабль, слова звучали прямо в ушах. — Бортовой генератор свертывания пространства будет синхронизован со станцией без перехода к нулевой гравитации. Разгон к прыжковой точке продлится около 192000 секунд, и частотные полосы допускают подключение к Септагону в течение всего этого времени. Есть еще дополнительные вопросы?

— Нет, спасибо, — ответил Фрэнк, слегка ошарашенный полнотой ответа на его вопрос. «Чертова хреновина, должно быть, подключена к Эсхатону», — нервно подумал он. Существовали разумные ограничения в экспериментах с Искусственным Разумом. Легкий этический момент: функционирующий ИР должен соответствовать строгим требованиям к индивидуальности. Имела место тенденция к торможению наиболее безрассудных исследований, даже если Эсхатон

не приставляет пушку к головам ученых. Но порой Фрэнка удивляли изящества, проявляемые большими управляющими системами наподобие вспомогательной системы взаимодействия корабля с пассажирами. Казалось не совсем правильным, что машина в состоянии предвидеть твои желания.

В смятении Фрэнк расхаживал по прогулочной палубе на уровне С, едва замечая окружающих. Палуба в дневном свете представлялась совершенно другим местом в сравнении с затемненными ночными коридорами. Со всех сторон элегантные тарелкообразные освещенные витрины бутиков, магазинчиков, салонов красоты и скульпторов тел. Деревья, ловко заключенные в утопленные в пол кадки, росли вдоль коридора на равных расстояниях, их ветви сплетались над головой. Крошечные обслуживающие роботы собирали коричневые листья до того, как те осыпятся и покроют плюшевый ковер.

Коридор не был пуст, но пассажиров еще немного, основной поток еще проходил через стыковочный тоннель с «Ноктис орбитальным». Линии «ВайтСтар» открыли сообщение с системой Септагон. Здесь прогуливалась молодая пара — возможно, богатые молодожены с Мира Эйге-

ра, — держась за руки, с полным невниманием ко всему, присущим истинной влюбленности. Шаркал ногами согбенный старик с редкими волосами, постоянно дергающейся от тика щекой и крошками в бороде, оставшимися от завтрака, с тупым отсутствующим взглядом направляющийся к скромному опиумному притону. Фигурка юного сорванца в черном замерла у витрины очень дорогой ювелирной лавки. Проходя мимо, Фрэнк отступил в сторону, пропуская целенаправленно спешащего стюарда. Палуба представляла собой шопинговую аллею, созданную для выдаивания из богатых путешественников денежных излишков. Фрэнк — не праздный и не богатый — сосредоточился на нитевидной дорожке со случайными покупателями, глазеющими в витрины.

Прогулочная палуба тянулась двухсотметровой петлей вокруг центрального атриума пассажирских палуб корабля, внутренний водопад и огромные высеченные лестницы поднимались вокруг стеклянными фантазиями. На полпути Фрэнк обнаружил брешь между фасадами магазинов — радиальный проход к круговому салону с красным напольным покрытием и отделкой из неправдоподобно огромных плит резной кости с

ярусным партером в центре. Он был почти пуст, лишь несколько ранних пташек попивали кофе, погрузившись во внутреннее пространство своих хэд-апов[23]. Фрэнк направился к декадентского вида дивану в виде присевшего гуся, полному подушек с покрытием из клонированной человеческой кожи, достаточно мягкому, чтобы утонуть в нем, и нежному, как прикосновение любовницы. Фрэнк растянулся на нем и выудил свою клавиатуру, разложил ее в полный размер и натянул очки-экраны. «Определим приоритеты, — пробормотал он про себя, пытаясь лаской кожи отогнать навязчивые воспоминания о ночи. — Кому сперва отправить сообщение — в посольство или в консульство Объединенных Наций? М-да…»

Он уже полчаса работал с утренней корреспонденцией, когда кто-то коснулся его плеча.

— Эй! — Он попытался сесть прямо, не сумел, взмахнул руками и ухватился за выступающий край дивана.

— Вы Фрэнк «Нос»? — раздался женский голос.

Фрэнк предпочел снять экраны, чем переводить их в режим прозрачности.

---

23 Примечания: 23
Отображение на внутренней стороне козырька, шлема и т. п.

— Какая бля… э-э… с кем я говорю? — сбивчиво произнес он, прикасаясь левой рукой к плечу. Перед ним стояла молодая девица, которую он видел в коридоре. Он не мог не отметить ее бледность и черные цвета всех предметов ее одежды. Привлекательная, в этаком чахоточном стиле. «*Эльфиня*, вот подходящее слово», — отметил он.

— Простите за беспокойство, но мне сказали, что вы военблогер.

Фрэнк машинально потер лоб, размышляя, как реагировать.

— А кто интересуется? — наконец спросил он, удивляя сам себя собственной снисходительностью. *Щелк.* Физически молодая — по-настоящему молода или омоложение. Бледная, копна черных волос, высокие скулы на чистом лице. *Щелк.* Одна. *Щелк.* Интересуется Фрэнком «Носом». *Щелк.* Имеется история? *Щелк.* Получим историю…

— Друг посоветовал с вами связаться, — сказала девица. — Вы журналист, разбирающийся с… с кончиной Москвы?

— А если и так? — ответил Фрэнк. (Девушка выглядела напряженной и взволнованной.) — Тогда что?

— Я там родилась, — пробормотала она. — Выросла на «Старом Ньюфе», портальная станция

одиннадцать. Нас эвакуировали после… во время…

— Присаживайтесь. — Фрэнк хлопнул рукой по дивану, пытаясь сохранить невозмутимое лицо.

Она плюхнулось клубком коленей и локтей невероятно длинных конечностей. *Зачем она здесь?*

— Вы упомянули друга? А ваше имя?

— Можете звать меня Среда, — нервно проговорила она. — Ах, здесь люди. — Она огляделась через плечо, будто ожидала, что прямо из стен полезут убийцы. — Нет, нет! Давайте не здесь. Могу я попросить вас об этом? — Закончила она на ноте печального отчаяния, словно ее принялись тянуть за волосы.

Фрэнк откинулся на спинку и наблюдал, стараясь дать ей возможность расслабиться. Она была усталой и нервной. В ней присутствовала какая-то неопределенность, ненадежность. Ему встречалось такое и ранее. *Девчонка с Москвы! Здорово.* Она придала бы превосходный местный колорит его корреспонденциям — личный аспект, женщина в изгнании, непредвзятая точка зрения, переход непосредственно к обзору ситуации и костяк передовицы. Он вдруг проникся к девчонке неким участием. *Зачем она ищет меня?*

Она в опасности?

— Почему вам хочется поговорить со мной? — мягко поинтересовался он. — И что вы здесь делаете?

Она снова огляделась.

— Я… черт! — Ее лицо увяло. — Я… я должна передать вам сообщение.

— Сообщение. — Фрэнк ощутил зуд в ладонях. Ведущая новость пришла с улицы, чтобы вывалить свои внутренности прямо в ухо репортера, ждущего эксклюзива. Это считалось профессиональной легендой. Такое на практике встречалось много реже, чем в рассказах распространителей слухов и пустопорожних болтунов, но когда встречалось… «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь», — одернул он себя твердо. Фрэнк посмотрел ей прямо в глаза, она ответила прямым взглядом.

— Начнем с начала, — предложил Фрэнк. — От кого послание? И для кого?

Девица забилась в угол дивана, словно там было единственное стабильное место в ее вселенной.

— Звучит как бред. Меня не должно здесь быть. На этом корабле. То есть я имею в виду, что *должна* быть здесь, иначе я не буду в безопасности. Но мне *не полагалось* быть здесь, если вы понимаете,

что я имею в виду.

— Не «полагалось»… у вас есть билет? — спросил он, наморщив брови.

— Да. — Ей удалось выдавить некое подобие того, что можно было бы принять за улыбку, если бы не ее усталый вид. — Благодаря Герману.

— Угу.

«Она сумасшедшая? — размышлял Фрэнк. — Тогда быть неприятностям…» Он отбросил эту мысль.

— Информация — она у меня есть. Если бы вы могли посетить «Старый Ньюф», портальную станцию одиннадцать… Спустившись к цилиндру четыре, сегмент зеленый, в общественную уборную, вы нашли бы труп, головой в унитазе. Далее, за стойкой полицейского участка в цилиндре шесть, сегмент оранжевый, лежит кожаный атташе-кейс с рукописными приказами, похоже, натуральными чернилами на бумаге, об уничтожении всех таможенных записей («единственную копию доставить по назначению»), порче иммиграционных систем слежения и контроля и, если потребуется, ликвидации всякого, кто заметил, что происходит. Таможенные и иммиграционные службы эвакуировали шестью месяцами ранее, но человек в туалете был в уни-

форме… — Она сглотнула.

Фрэнк почувствовал, как пальцы впились в ручку дивана, угрожая порвать кожу.

— Таможенные записи? — мягко переспросил он. — Кто же посоветовал вам обратиться ко мне? Ваш друг?

— Герман, — бесстрастно ответила она. — Мой волшебный крестный. Ладно, пусть мой богатый дядюшка.

— Хм. — Он одарил ее долгим бесстрастным взглядом. *Сумасшедшая ли?*

— А, черт. — Она помахала рукой перед лицом и виновато добавила: — Я не очень умею врать. Послушайте, мне нужна ваша ломощь. Герман сказал, вы знаете, что делать. Они, говорил он… э-э… те самые люди, убившие таможенника, — его записали, как «пропавший во время эвакуации», никому не хотелось возвращаться за ним, — так вот, они разыскивают вероятного свидетеля. Они пытаются… — Девица глубоко вздохнула. — Нет, точнее *кто-то* пытался напасть на меня. Или даже хуже. Я убежала Но меня ищут, потому что корабельная служба безопасности вернулась на станцию и обнаружила меня. Я один из развязанных концов. Они не закончили паниковать по поводу эвакуации и стараются связать все… —

Она в смущении замолчала.

— О! — «О, очень хорошо, Фрэнк, — саркастично сказал он себе. — Как много членораздельного для тебя!» Он покачал головой. — Позвольте мне уточнить. Вы на что-то наткнулись на станции во время эвакуации, непосредственно перед ней. На то, что вы посчитали важным. Теперь, как вы думаете, кто-то пытается вас убить, поэтому и оказались на борту этого корабля. Верно по существу?

Она с усилием кивнула.

— Да.

Хорошо. Решка — она безумна, орел — она, несомненно, наткнулась на что-то дурно пахнущее. Мои действия? Следуя этому, совершенно очевидно: провести некие незаметные проверки, доказывающие ее ненормальность, прежде чем допустить наличие чего-то ценного. Правда, она совсем не выглядит шизанутой. Она похожа на слабую, измотанную молодую женщину, выбитую из колеи неподконтрольными ей силами.

Фрэнк поерзал среди подушек в попытке сесть прямо.

— Имеются какие-нибудь соображения насчет убийц?

— Ну. — Неопределенный взгляд. — Корабль,

забравший нас, был с Дрездена. А кейс с приказами был в багажном отделении капитана.

— Так… — Фрэнк уставился на нее. — Как вы смогли… его увидеть?

— Вы хотели сказать, проникла туда? — Она скривила лицо в подобии смущенной улыбки.

— Вы… — Фрэнк еще пристальней вгляделся в нее. — Думаю, вам лучше рассказать мне все, — тихо произнес он. — Кстати, общественные места полностью под непрерывным наблюдением. Но личные каюты изолированы. Если вы намерены сообщить то, что вам можно инкриминировать, лучше уйти туда, где не ведутся записи. У вас есть каюта?

— М-м, полагаю, да. — Девица неуверенно поглядела на него. — Мой билет сообщил, что есть, но я пока не определилась. Я только взошла на борт. — Она с подозрением оглянулась на проход. — Я даже не купила никаких вещей. Очень торопилась.

— Ладно, идем, куда укажет билет. Если не возражаете, я хотел бы записать интервью и проверить некоторые факты. Потом… — Внезапно его пронзила мысль. — А деньги то у вас есть?

— Не знаю, — еще более неуверенно посмотрела она. — Мой друг перевел мне какие-то, думаю.

— Думаете? Может, лучше проверить?

— Здесь слишком много нулей. — Ее глаза округлились.

— Хм. Ну, если проблема в этом, я знаю, как ее можно уладить. «ВайтСтар» любит обдираловку, но по крайней мере на борту данного корабля вы не испытаете недостатка в дарственных ароматических полотенцах из египетского хлопка с шикарным педикюрным набором. И если мы… — Он сделал паузу и спросил: — А куда ваш приятель приобрел билет?

— Куда-то… э-э… на Новый Порядок. *Черт!* Фрэнка окатило ледяным холодом.

— Ну, думаю, нам нужно рассмотреть вопрос насчет некоторого удлинения маршрута. До самой Земли и, возможно, после того назад домой.

— Почему?

— Новый Порядок не то место, куда мне хотелось бы послать даже своего злейшего врага. Там заправляют подонки, называющие себя РеМастированными.

— О нет! — Она внезапно оказалась на ногах со встревоженным видом.

Фрэнк удивленно мигнул.

— Вы о них слышали?

— Герман сказал, именно РеМастированные

скорее всего убили мою... — Она замерла, плечи тряслись.

— Пойдемте ко мне, — тихо произнес Фрэнк, в его ушах стучало. — Там поговорим.

«СИБАРИТ»-КЛАСС

Она вошла в утренний салон палубы А и отыскала нишу между кокосовой пальмой в кадке и детским роялем цвета прессованного титана. Глаза бегали, пробуждалась жажда деятельности. Ничего общего с мусоровозом, на котором переселялась несколько лет назад. Все вокруг кричало *роскошь!* на высочайшей громкости. *Что мне здесь делать? Если кто-нибудь найдет меня…* У нее билет. Никто не вытащит ее в ближайший шлюз и не отправит назад. Находиться здесь казалось глубоко порочным, что бы ни произошло с ее семьей. Просто стараться не думать об этом.

— Итак, Герман, куда ты меня привел? — сердито пробормотала она. Поворот кольца накопителя памяти вывел файлы, оставленные ей Германом. Обширные, но по крайней мере там было введение.

— Как только окажешься на борту, отыщи Фрэнка «Носа» и расскажи ему о том, что оставила на «Старом Ньюфе». Сделай так до отправления. Это даст ему время передать новостной репортаж, после которого твои преследователи лишатся

возможности добиться своей цели — сокрытия увиденных тобой вещей. Позволь подчеркнуть особо: до тех пор, пока ты не объявишь о существовании запечатанных приказов и мертвого тела, твоя жизнь в опасности. Как только ты сделаешь это, убив тебя, они ничего не выиграют, а могут лишь придать большую достоверность твоей истории. Есть еще и второй пункт. Не считай автоматически всех РеМастированных членами охотящейся за тобой группировки: они раздроблены на фракции. Но имей в виду: они могут использовать кого угодно в качестве прикрытия. Не предпринимай *ничего.*

Ты еще будешь рассказывать историю о своем круизе на борту лайнера. Наслаждайся возможностями. Ты путешествуешь «сибарит»-классом с личным денежным содержанием, подходящим для наследницы с независимым состоянием. Считай это частью оплаты за прежнюю работу на меня. Если тебе наскучит формальное пассажирское обеспечение — магазины, бары и обеденные залы, танцы и прочие общественные мероприятия — свободно используй приложенную техническую схему для осторожного исследования служебных и эксплуатационных отделений лайнера. Если кто-то пристанет с расспросами,

твоя легенда — богатая, свободная, скучающая наследница. Московский траст выплатил достаточно крупные дивиденды, чтобы твои родители согласились на Большой Тур в качестве прелюдии к выходу в высший свет. Один совет: не возражаю, если ты не будешь сливать деньги как воду, но, пожалуйста, найди время заскучать. Это станет будущим экзаменом.

Следующая остановка на твоем маршруте Новый Дрезден со стоянкой в четыре с половиной дня. Предыдущее правительство Нового Дрездена множество людей посчитали ответственным за разрушение их родного мира. Как ты, возможно, поняла, это неправда. Время твоей стоянки совпадает с ежегодной поминальной церемонией в московском посольстве в столице Сараево. Оценю, если ты посетишь церемонию. Только перед этим приобрети более официальную одежду.

Следующие инструкции передам по прибытии на орбиту Нового Дрездена. Резюмирую: разыщи Фрэнка «Носа» и расскажи ему о своих приключениях на «Старом Ньюфе». Это обеспечит тебе путешествие без происшествий. Свободно изучай корабль. По прибытии посети церемонию в посольстве. *Bon voyage!*

Среда озадаченно покачала головой, ведь

она уже начала выполнять эти распоряжения. Корабль еще не отправился, и остаточная нервозность заставила Среду обернуться и через плечо посмотреть на крупного мужчину, который вел ее прямо к лифту, искусно замаскированному под слуховое окно. *Что если Лео, или как бы его ни звали, последовал за мной на борт?* Что-то в неуклюжем журналисте создавало ощущение безопасности: он держался так, слово умел проходить сквозь стены, но был достаточно к ней снисходителен, явно демонстрируя, что его появление поможет ей справиться с ее страхами.

Кабина лифта оказалась узкой и низкой, полированный металл с кнопочной панелью управления.

— Это лифт экипажа, — пояснил Фрэнк, тыча пальцем в панель. — Свен научил меня им пользоваться. Они не ходят вверх-вниз, они движутся — ага!

Лифт завалился на бок и начал подъем, затем крутанул в обратную сторону до прибытия к остановке. Двери открылись в тускло освещенный коридор, напомнивший Среде отель, куда родители брали ее с Джереми пару лет назад.

— Приехали.

Каюта Фрэнка лишь укрепила ощущение

пребывания в отеле — пропитанная ужасной неопределяемой вонью, будто здесь кто-то сдох. Среда сморщила нос, чувствуя мимолетную неловкость, когда Фрэнк закрыл дверь и засеменил к письменному столу. Смущение прошло, когда он нагнулся, вытащил компактный мультимедийный рекордер и пристроил его на столе.

— Присаживайтесь, — пригласил он, — чувствуйте себя как дома. — И предупредительно улыбнулся. — Сейчас мы сделаем запись, и я отправлю ее Джо — она мой редактор — сразу же. Джо оформит материал в виде статьи. Чем раньше это попадет в блог, тем лучше. Удобно? Хорошо. Начнем. Вы можете назвать свое имя? Лучше, если будете смотреть прямо на адаптер…

Почти час спустя Среда, охрипла… В довершение у нее ныли кости, ей надоело повторяться, не говоря уже о душевном расстройстве. Фрэнк оказался на удивление вежлив и тактичен. Он с пониманием отнесся к тому, что ужас воспоминаний о минутах в коридоре снаружи поврежденного дома вызвал слезы. Среда, признаться, думала, что держит себя в руках. Она сумела ухватить пару часов тревожного сна в присвоенном кресле «скотовозного» класса на шаттле, но испытала дополнительный стресс,

разыскивая лайнер и Фрэнка на нем.

— Мне необходимо выпить… — выговорила она. — И…

— Я обещал вам завтрак, да? Простите, увлекся. — Голос Фрэнка звучал извиняющимся или как-то в этом роде. Репортер вытащил блокнот и передал Среде. — Выберете что-нибудь из меню, любое, что понравится. Послушайте, это грандиозно. — Он неодобрительно посмотрел на дверь. — Подонок, как я уже сказал. — Судя по его грозному выражению, в стене должна была образоваться черная дыра. — Теперь мне нужно завуалировать интервью и запустить его в виде неподтвержденного слуха. Ведь вы не хотите сидеть без дела, не так ли? Чем раньше мы получим некоторые вещественные подтверждения, тем лучше, хотя это может потребовать некоторого времени. Но прежде подонок, уничтоживший твою семью, должен осознать: попытка твоего убийства — ошибка. — Фрэнк явно рассердился.

— Вы сказали, будто слышали о… о РеМастированных? — спросила робко Среда.

— Я… — Он закрыл рот и сердито махнул головой, как медведь, отгоняющий надоедливых мух. — Кое-что о них знаю. Много больше, чем хотелось бы. И удивлен их присутствием на

Септагоне. — Фрэнк задумался, потом произнес: — Проверить ваш рассказ насчет станции — стоит реальных денег. Нужен чартерный корабль, если нужно пошарить на «горячей» станции за ударным фронтом сверхновой. Остальное довольно просто. Все же закажите еду и поешьте, только здесь.

Пальцы Среды без энтузиазма пробежали по восточному меню, добавив крепкий зеленый напиток, обещавший изгнание усталости,

— Поесть, помню.

— Расслабьтесь. — Фрэнк распаковал потрепанного вида клавиатуру древней конструкции и задолбил по ней как пулемет. — Когда будет готово, скажите, запишу заказ на свой счет.

— Считаете, я в опасности? — спросила Среда затравленным голосом.

Фрэнк ответил ей прямым взглядом, и впервые она осознала, что у него взволнованный вид. Не страх лежал на этом лице гориллы-человека. Откровенная злоба.

— Послушайте, чем скорее это уйдет в сеть, тем лучше для нас обоих, поэтому, если не возражаете… — И он снова принялся барабанить по клавиатуре.

— Конечно. — Среда вздохнула. Она закончила

изучать меню и подтолкнула блокнот к краю стола Фрэнка. — Журналист. Эй!

Она развела пальцы, любуясь кольцами на левой руке. Изящные, непрослеживаемые и обманывающие, уверяющие, что она богатая сучка и явилась с секретной миссией. «На что похоже быть богатой?» — размышляла она.

«Лондон Таймс» — потрясающие новости с 1785 года! Представляют Фрэнка «Носа» Джонсона. Спонсоры: «Торн унд Таксис Арбайтсгемайншафт», «ДиснейМоб Эмузментс», НПО «Микоян-Гуревич Космос», Банк Моторола аль-Фалака, «Глоссолалия Транслатроникс» и Первая Всеобщая Церковь Кермита.

Эксклюзив:
Хулиганство на Септагоне. Убийства в Москве

«Таймс» взяла эксклюзивное интервью у юной особы, спасшейся из системы Москва, которое содержит намеки на наличие агентов внешней силы, имеющих что скрывать — уже *после* геноцида.

Среда Затуманенная (вымышленное имя), 19 лет, гражданка бывшей планетарной Республики Москва. Она и ее семья уцелели при инициации новой, уничтожившей их родной мир, где

они проживали на «Старом Ньюфаундленде IV», портальная станция одиннадцать, заправочно-пересадочном пункте примерно в световом году от звезды. Их эвакуировали бортом звездолета, принадлежащего дрезденскому торговому агентству на один из орбитальных объектов Септагона. Для их безопасности «Таймс» не раскрывает, кто они.

Непосредственно перед эвакуацией девушка вернулась на портальную станцию по личным причинам. Там она нашла тело таможенного офицера Гарета Смайла, занесенного в списки как «пропавший во время эвакуации». До Инцидента Ноль офицер Смайл был одним из ответственных за сохранность иммиграционных записей для персон, прибывающих и убывающих через данную портальную станцию. Среда обнаружила его убитым — уникальное событие для маленькой колонии, где акт насилия случается раз в пять лет.

В портфеле, оставленном рядом с телом, оказались рукописные инструкции касательно некоторых таможенных записей, относящихся к иммиграции и уничтоженных непосредственно перед ней, но оставленных в виде единственной копии, подлежащей возврату. Принимая выше-

изложенное всерьез, следует сделать вывод, что кому-то явно хочется сокрыть факт тайного посещения Москвы через одиннадцатую портальную станцию непосредственно перед катастрофой. Кто бы это ни был, они имели агента/агентов на борту дрезденского трас-портного корабля «Долгий поход», когда тот прибыл на «Старый Ньюф» для эвакуационной миссии. И эти агент/агенты совершили убийство.

Бели это мистификация, то весьма жестокая. [Репортер: запись в журнале регистрации CM-6/9/312-04-23-19-24A, двойное убийство.] За нашей интервьюируемой послали наемных убийц, она от них скрылась, к сожалению потеряв семью, что осознала лишь два дня назад. Кто-то злонамеренно отвел канал подачи воздуха от их дома и вывел из строя систему тревоги. Следователь криминальной полиции Робин Гоуф охарактеризовал убийство как «высокопрофессиональное» и сообщил, что разыскивает двух человек [Репортер: ордер на арест W/CM-6/9/312-B4]. Маленькое дополнение: полиция Септагона весьма квалифицированна, и если преступников не нашли в ближайшие полчаса, то их не найдут совсем, ибо на станции их уже нет.

«Таймс» еще не определилась в отношении

происходящего, но скорее всего это обычная грязная игра в «шпион против шпиона». Смысл — предпринимается попытка сокрытия правды об уничтожении Москвы, и мы намерены продолжить собственное расследование. И тем не менее мы выпускаем это сырое, сделанное на скорую руку интервью, чтобы исключить дальнейшие попытки уничтожить уцелевших свидетелей.

Это специальное послание «Тайме» преступникам, кем бы они ни были.

Правда выйдет наружу!

Конец. Редакция «Таймс».

* * *

Звон тарелок — пол слегка накренился, чуть заметно, но достаточно для звона фарфоровой посуды в обеденных залах — огромный лайнер изменил направление бортовой гравитации. Младший летный лейтенант Штефи Грейс покачала головой.

— Не очень-то хорошо.

— В пределах допуска, но на пределе, — согласился ее командир, летный офицер Макс Фромм, указывая на большое стационарное табло. — Хочешь что-то сказать?

— Балансировка ядра вроде в норме. Мы точно

стабилизировались, и распределитель массы в норме — здесь проблем нет. М-м. На корабле ничего не вижу, но станция… — Она прервалась и увеличила карту внешнего поляризационного поля гравитации. — Оп-па. При отходе нам придан небольшой вращающий момент станционными генераторами. Это то, за чем ты охотился?

— Нет, но справимся. — Фромм кивнул. — Вспомни. Эти новые большие платформы сконструированы так, что дают отдачу. — Он вернул обычную карту системы. — Говоришь, проходим первую стадию отбытия, да?

Штефи кивнула и заставила его провести ряд маневров, с помощью которых капитан и ее команда на мостике лавируют огромным лайнером в разветвленных доках «Ноктиса». Здесь, внизу, в натурном зале не было такого напряжения; всего лишь дополнительный урок по действиям экипажа на мостике на симуляторе-подобии. Зал был тесным, напичканным консолями эмуляторов. Места хватало лишь на двоих. В аварийном варианте он дублировал основной мостик, а при безвыходной ситуации мог принять на себя все функции полетной палубы, находясь под пятиуровневой защитой корпуса.

— Ладно, лайнер выходит из С-головки кольца. Это… э-э… пять гигатесла? Не много ли для обеспечения поля в один g? Планируется амортизация для предотвращения сильных толчков? Позиционный контроль — мы стабилизированы. Никакого теплового вращения, во всяком случае чтобы упоминать о нем вне Септагона «В». Двигатель придаст достаточный вращательный момент внешнему корпусу для сохранения устойчивости при отклонении пять метров в секунду. Это должно занять… э-э… две минуты, пока мы выдвинемся достаточно, чтобы начать медленное движение к коридору выхода. Я права?

— Пока все хорошо. — Макс откинулся в кресле. — Ненавижу подобные ситуации. Здесь и без нас интенсивное движение. Мы теряем почти тысячу секунд на выяснение сближений. Но здесь такое дьявольское скопище, что можно минреп[24] бросить.

— Один неудачный толчок…

— Да.

«Романов» — зверюга не мелкая. Ульеобразный, триста метров в диаметре и почти пятьсот длиной. Массивное двигательное ядро, снабжав-

---

24 Примечания: 24
Морской термин, вид каната.

шее корабль энергией и позволявшее связывать в узел время с пространством, было совершенно неприменимо в близком маневрировании. Горячие корабельные двигатели малой тяги запросто могли содрать шкуру с хаба, если капитан пройдет на них пару километров. Поэтому оставались только холодные маневровые двигатели и гиродины для сохранения угла возвышения во время отчаливания, но от них было столько же толку, сколько от кучи муравьев, пытающихся спихнуть дохлого кита с пляжа.

— До шестидесяти секунд на зажигание — и мы можем ускориться до отлетной скорости сто метров в секунду. Затем полтора часа на прохождение пятидесяти километров — и следующий впрыск в форсунки для разгона до тысячи метров в секунду на половине *g*. Еще двести километров — и тогда можем начать запуск ускорения вращения двигательного ядра. Я не рассматриваю это как полетный план для данного отрезка пути, но если капитан сделает все как обычно с момента задействования двигательного ядра, мы поднимем ускорение до двадцати *g* и продержим так примерно двадцать часов. И никакого беспорядка. Вот почему кольцевые переборки поднимаются сейчас, когда корабль

получает дополнительную энергию для выталкивания. — Макс вытянул руки над головой, почти коснувшись табло контроля повреждений. — Видеть одно отправление — видеть их все. До следующего раза.

— Верно. — Штефи отодвинула кресло. — У нас есть время на кофе до цикла зажигания?

— Почему бы и нет.

Штефи встала, протиснулась мимо кресла Макса, проведя рукой по его плечам. Он сделал вид, что не заметил, но Штефи перехватила проблеск его улыбки, отразившейся в экранах, когда она повернулась к двери. Две или три недели вместе, по ее оценке, не создавали серьезного партнерства, но спать в одиночестве в ее первом долгом круизе изматывало, и Макс оказался внимательней, чем она ожидала. А она и не против. «ВайтСтар» не принимал на работу подростков, а она начала карьеру в свои тридцать два, под своим именем: она точно знала, чего хочет. Если кто-то обвинит его в ее эксплуатации, она им устроит. Но до сих пор благоразумие окупалось, и Штефи не имела причин для недовольства.

Торговый автомат находился рядом с отсеком, в сером служебном коридоре. Штефи нажала кнопку выдачи двух стаканов охлажденного

кофе, подумала о бисквитах и решила отказаться. Команда мостика, включая стажеров, питалась согласно расписанию пассажиров высшего класса, и Макс пойдет на обед в конце смены через два часа. Не стоило перебивать ему аппетит. Она направлялась к вспомогательному центру управления, когда заметила в коридоре незнакомца, вероятно пассажира, судя по отсутствию идентификатора.

— Могу вам помочь? — спросила Штефи, оценивая его. Высокий блондин, красивый, но ненавязчиво, сложен как наемник с армейского плаката. «Совсем не похож на Макса», — критично отметил голосок в ее голове.

— Иа, да. Мне сказали, что тренажерный мостик на этом уровне? — У него был странноватый акцент, несложный для понимания, но слегка неестественный. — Мне сказали, его можно посетить?

— Да, конечно. — Она кивнула. — Но, боюсь, вам нужно условиться о времени, если хотите его осмотреть. Он используется в течение всего времени перелета. В настоящий момент это резервный центр управления, на случай возникновения проблем на основном мостике. Вы хотите экскурсию?

Парень кивнул.

— В таком случае, — Штефи подвела его к ближайшей двери на пассажирскую палубу, — я бы предложила вам обратиться к вашему стюарду после обеда. Он или она представят вам подробности и договорятся о вашем посещении на завтра или послезавтра. Мне нужно вернуться к работе, поэтому извините…

Она вежливо подтолкнула его к пассажирской секции и дождалась, когда он закончит кивать и закроет за собой дверь. Потом с облегчением вздохнула и мелкими шажками прошла через ближнюю дверь в страну чудес. Макс поднял бровь.

— Начинается отталкивание, — сообщил он. — Что задержалась?

— Пассажиры бродят. — Она протянула ему кофе глясе. — Прямо сейчас мне пришлось выпроводить одно из коридора.

— Случается в каждом вояже. Когда помещаешь две тысячи скучающих обезьян в жестяную банку, должен быть готов, что кто-нибудь обязательно вырвется. Они прекращают шляться, когда осознают, что все интересное под замком. Просто не забывай запирать за собой дверь при входе и выходе.

— Ха. Так и стану делать. — Она подняла стакан. — За спокойную жизнь…

— Ух-ты. — Среда широко распахнутыми глазами оглядела каюту. *Больше спальни у меня дома. Даже больше всей нашей квартиры!* Внезапная боль утраты пронзила ее. Среда поспешно отогнала ее.

Девушка стояла, в центре коврового океана с толстым ворсом цвета свернувшихся сливок и смотрела по сторонам. Комната была столь широка, что потолок казался низким, — правда, обставлена небогато. Пара диванчиков да случайный столик, прилепившиеся друг к другу в дальнем конце, смотрелись одиноко. Одна стена оформлена в виде грубой каменной кладки; единственная дверь в ней со стильным изгибом сверху открывалась в будуар из средневековой фантазии, богато отделанный деревянным шпоном с гобеленовой обивкой. Огромная кровать с четырьмя столбиками довершала впечатление, но средневековье оказалось лишь поверхностным. Следующая дверь вела в ванную комнату со столь же огромной, как и кровать, ванной, утопленной в пол, покрытый белым кафелем.

— Если вам что-то потребуется, обращайтесь в офис, — сообщил стюард. — Кто-нибудь всегда бу-

дет к вашим услугам. Ваш путеводитель научит вас пользоваться всем оборудованием номера, включая фабрикатор в шкафу. Шкаф размером с небольшую фабрику скрывался за другой готической аркой.

— Что-нибудь вам нужно прямо сейчас?

— О нет. — Среда огляделась. — Мне нужно купить разные мелочи. Но попозже.

— С вашего позволения. — Стюард развернулся и, странно улыбаясь, вышел. Дверь в коридор — нет, они называли это прогулочной палубой — закрылась.

— Ух-ты! — повторила она. Потом посмотрела на дверь. — Дверь, запрись.

Осторожный *щелчок* со стороны рамы. *Ух-ты!* Среда неторопливо подошла к ближнему диванчику и плюхнулась на него, потом расшнуровала ботинки.

— Ох. — Не снимаемые больше дня, они напрочь стерли ноги. Среда больше минуты, закрыв глаза, шевелила пальцами в ковровом ворсе, слегка извиваясь и тяжело дыша. — Как же здорово! — Еще через минуту чувства начали возвращаться. — Хм.

Среда направилась в ванную, оставляя за собой шлейф сброшенной одежды. Когда добралась до

нее, осталась совсем голой.

— Душ, душ, где ты? — позвала она. Выяснилось, что душ находился в отдельной кабине…

— Полная депиляция?

Среда слегка напугалась. Удалить растительность на ногах, в подмышках, на лобке она допускала, но брови?

— Маникюр, педикюр на палубе D, — сообщил рекордер, довольно обезличенно, чтобы не создать впечатления, будто в комнате есть кто-то еще. — Ассортимент одежды из домашнего фабрикатора. Подгонка и дизайн у портных на палубе F. Сбоку панель дополнительного обслуживания.

— Фр-р. — Среда подошла к душу, скривилась и понюхала под мышкой. — Фу!

Сперва самое главное. Что сказал Герман? Ты богатая, свободная, скучающая наследница. Играй роль.

Она долго стояла под душем, пока не почувствовала, что смыла все чуть ли не вместе с кожей, стараясь снять напряжение последней недели. Привела в порядок волосы. От депилятора отказалась — результат ошибочного управления мог стать слишком смущающим, — но настенное зеркало использовала по полной программе, вплоть до подсказки в управлении хроматофорами.

Среда потратила еще полчаса на перепрограммирование макияжа: веки цвета темной ночи, голубые губы, смертельно бледная кожа. «Если кто спросит — я в трауре», — решила она, и внезапный укол агонизирующей вины представил это меньшей ложью.

Она выбралась из ванной через полтора часа нагой, как в момент рождения. Салон казался огромным, холодным и пустым. Среда не могла заставить себя надеть старые шмотки, подошла к шкафу и заглянула внутрь.

— Есть меню выбора одежды? — спросила она.

Световой зайчик указал ей на фабрикатор, большой кубический выступ в стене гардероба, о котором она не подозревала.

— Пожалуйста, выберите опцию. Материалы и энергия входят в общий счет обслуживания номера.

Пять минут вождения пальцем по табличкам убедили ее в одном: кто бы ни программировал библиотеку дизайна, его вкус не соответствовал ее личным представлениям. В конце концов она остановила выбор на каком-то базовом варианте нижнего белья, паре черных брюк, топе с длинным рукавом, не слишком отвратительном, и сандалиях на каучуковой подошве. Фабрикатор

зажужжал и через минуту изрыгнул горячую новенькую одежду, еще чуть пахнущей растворителем. Среда тут же оделась. «Спорю, магазины дороже, но выбор богаче», — цинично подумала она.

Потратив час на магазины на палубе F, она убедилась в своей правоте. Незнакомые названия, но отношение персонала и образцы на дисплеях сказали все. Цены — чтобы удовлетворить прихоть богатой сучки, которую по предложению Германа она играла. Правда, Среде показалось, что магазины совершенно убыточны: публика, на которую они были рассчитаны, была слишком стара, даже если хорошо сохранилась. Ультраженские платья и костюмы имели старомодную семиотику, они предназначались для людей, привыкших к регулированию расходов населения в интересах государства и дресс-кодам. Ежедневные вещи были слишком официальными. «Что с этим делать, носить на деловые мероприятия?» — думала она, щупая изысканно сшитый пиджак, но здесь не было ничего чудаковатого или выходящего за пределы определенного уровня, чтобы захватить ее воображение. Ничего забавного.

В конце концов она приобрела женский комбинезон для обеда и остановилась на этом. *Аб-*

солютно нечего делать! И я здесь на неделю! Без игрушек! И никого рядом, чтобы разделить с ней вояж, если не считать Фрэнка. По ее ощущениям, он вряд ли будет приставать, но уверенности не было. Он *выглядел* молодым, но так ли это на самом деле, сказать было сложно. *Он должен работать. Но какие здесь новости?* Никаких, пока корабль совершает серию прыжков, нарушающих каузальность в намертво зашитом пространстве-времени своего двигательного ядра. *И магазины — дерьмо.* Она смотрела на блестящие стены атриума с растущим недоверием. *И, держу пари, все остальные пассажиры «сибарит»-класса — скучающие жопы, дипломаты, богатые старые бизнес-королевы и прочие.* Понятно, людей ее возраста, путешествующих таким образом, мало.

Мне уже скучно! А до обеда еще целых три часа!

— В зоопарке время кормежки, — мрачно пробормотал Макс. — Интересно, кем их кормят?

— Общественным директором, если повезет. Откормленным и с подливкой. — Штефи с честным лицом смотрела прямо перед собой, когда они входили в обеденный зал. — Идиотский обычай.

— Сейчас, *сейчас.* — Макс вежливо кивнул пухлой даме, чей тридцатилетний облик противоречил тому факту, что ее официальный деловой костюм вышел из моды по меньшей мере столетие назад. — Добрый вечер, миссис Борозовски! Как вы сегодня?

— Прекрасно, мистер Фромм. — Ее слегка покачивало, будто она уже глотнула мартини. — А кто ваша подружка? Новый малек, или я сильно ошибаюсь?

— М-да. Позвольте представить, младший лейтенант Стефания Грейс, наш новый офицер, летный оператор. Прошу извинения, но считается дурным тоном называть стажеров мальками за пределами учебных академий, между прочим, лейтенант Грейс имеет ученую степень по релятивистской динамике и инженерии.

— О, прошу прощения! — К ее чести дама слегка покраснела.

— Все нормально. — Штефи выдавила улыбку и вздохнула свободней, когда Макс пошел сопроводить миссис Борозовски к столику. *Нет, я не против опеки богатых бездельников, пусть даже и миссис Борозовски. А теперь, где тот столик, который мне полагается окружить заботой?*

Ритуал, с точки зрения Штефи, совершенно

фальшивый. Все каюты от «бизнес»-класса и выше находились на самообеспечении, и на хрен *не нужны* центральная кухня, сервировка, элитное меню и огромные временные затраты поваров-людей. Не следует забывать и линейных офицеров, которым требовалась куча разнообразной униформы для приема гостей при званом обеде.

С другой стороны, как обращал на это внимание командор Мартиндейл в кадровом училище, разница между пассажирами низших классов, проводящих время в холодном сне, и пассажирами «сибарит»-класса из роскошных апартаментов составляет примерно две тысячи экю за каждый день транзитного времени, плюс опыт. Любой обыватель имеет возможность перемещаться в состоянии холодного сна, но по балансу бухгалтерских отчетов для получения здоровой прибыли требуется баловать богатых идиотов и пары молодоженов, и в итоге любая пассажирская линия соответствующего назначения проявляет значительную изобретательность. Это включает в себя и обучение персонала этикету, пошив униформы для кормящих с ложечки, и всего чего угодно для превращения нудного вояжа в уникально запоминаемый опыт для высших

слоев. Это подразумевает еженедельные банкеты, за исключением ночи в день отправления. «Мои, во всяком случае, не такие уроды, как домашние обезьяны Свена, с которыми ему приходится мириться, — подумала Штефи язвительно. — Будь я на его месте, клянусь, взбесилась бы…»

Хорошо хоть молодожены в основном заказывали еду в номера или сами готовили в пищевых фабрикаторах, но все равно Штефи продолжала сидеть во главе стола с двенадцатью в высшей степени доходными пассажирами — для ежедневных, двадцати четырех тысяч экю добавочной стоимости под итоговой линией счета, — вежливо улыбаться, кивая, представлять их друг другу, отвечать на их бессмысленные вопросы и держаться в соответствующей манере.

Штефи направилась к своему столику, ведомая прерывистым сигналом с обшлага ее парчового пиджака. Все пассажиры уже расселись по местам, но были достаточно воспитанны, чтобы встать при ее подходе.

— Садитесь, пожалуйста, — произнесла она, слегка улыбнувшись, когда ее кресло выдвинулось и убрало для нее ручки. Она кивнула пассажирам, некоторые ответили кивком или сказали «привет» или нечто подобное. Штефи

не была уверена насчет девицы мрачного вида в намеренно разрезанном черном шнурованном топе и с прической, словно только что засунула пальцы **в** розетку, но три соответствующих друг другу типажа в одинаковых зеленых рубашках, два блондина и женщина с волосами соломенного цвета, выглядели так, словно готовы вскочить и отсалютовать ей. Толстуха, возможно банкирша, и ее долговязый компаньон-дистрофик проигнорировали Штефи, вероятно оскорбленные, что она вовсе не командир. Сморщенный же старикан секретарь, казалось, вообще не заметил ее, но это нормальная линия поведения. «Старый маразматик», — определила Штефи, списывая его со счетов. Любой богач, кто не мог выложить наличные для телеметрической перезагрузки «ВОЗРАСТ» и очистки, когда седеют волосы, не стоил внимания. Дама средних лет, виолончелистка с Японии, выглядела достаточно дружелюбной, но немного смущенной — ее переводчик не поддерживал беседу, — и оставалась пара молодоженов, которые, как и ожидалось, предпочли обслуживание в номере.

— Я, младший летный лейтенант Штефи Грейс, от имени «ВайтСтар» приветствую вас за столом первого ночного банкета на маршруте к Новому

Дрездену. Если вы хотите ознакомиться с меню, ваши стюарды скоро его вам предоставят. Но я бы особо порекомендовала… — она глянула на обшлаг, — венерианское «Каберне Совиньон белое» как более подходящее для блюда из семги.

Вино было импортировано с огромными затратами из погребов Иштар Планицы для удовлетворения эго присутствующих на обеде стоимостью в двадцать четыре тысячи экю.

Во время подачи основного блюда все шло нормально, и Штефи с первым глотком проглотила антиалкогольную таблетку. Превосходная выдержка, если не упускать из вида тот факт, что это было редкое вино — реальная возможность напиться, — а не виноградный сок.

— Могу поинтересоваться, откуда вы? — спросила она у блондинки с квадратной челюстью, наполняя ее бокал. — Я, кажется, видела вас, но разговаривать не приходилось.

— Я Матильда из клада Тодт, дивизион шесть. А это мои клад-напарники Петер и Ганс, — ответила женщина, махнув рукой на двух молодых парней, сидевших по обе стороны от нее. «А они молодые?» — подумала Штефи: они смотрелись поразительно самоуверенными и прекрасно скоординированными. Обычно подобный тип

грации не свойственен людям под шестьдесят, не имеющим практики боевых искусств. Большинство людей обычно находили способ экономичного передвижения, если их тела не успевали спикировать в дряхление среднего возраста до времени созревания, но эти выглядели продуктом жесткой тренировки, если, конечно, дело не в анаболических стероидах.

— Мы направляемся на Новый Порядок как члены молодежной просветительской миссии. — Она полусерьезно улыбнулась. — То есть мы стремимся раскрыть другим мирам преимущества РеМастирования и распространить среди них гармонию.

— Угу, а что такое быть РеМастированым? Вы готовы ответить на мой вопрос? Это нечто вроде клуба? — Штефи продолжала расспросы. Ведь они, в конце концов, оплачивали ее труд. Любопытство в отношении работодателей — мощный стимул.

— Это всё! — несдержанно воскликнула Матильда. Она явно увлеклась. — Это способ жизни. — Слегка смущенная, будто только что допустила серьезный промах, она закончила: — Это реализация потенциальных возможностей.

— Да, но… — Штефи от сосредоточенности

сморщила лоб. *Какого хрена я должна чувствовать себя так, словно на меня смотрят свысока? Надо плюнь на все.* — А вы? — обратилась она к черноволосому ребенку. Если, конечно, ребенку; телосложение почти такое же, как и у нее, Штефи, между прочим.

— Ой, не трогайте меня. Сижу себе в уголке и подрываю свою юную печень. Не сомневаюсь, трастовый фонд заплатит.

Последнее предложение показалось каким-то неестественным, когда девочка встретилась взглядом со Штефи, и та поняла: «Что-то здесь не так».

— Постараемся не увлекаться спиртным, по крайней мере до подачи закусок, — легко выпорхнуло у Штефи. — Повторите ваше имя, пожалуйста.

— Среда, — тихо ответила — *девушка? молодая женщина? на грани опьянения?* — Так меня называют. А по пассажирской декларации Виктория Строуджер. Это мой идентификатор.

— Как вы предпочтете, — осторожно согласилась Штефи. Для начала подали маленькие сваренные медальоны из семги под белым соусом, очень нежные. Штефи сумела спровоцировать толстуху Фиону, хозяйку коммерческого

банка, закатить хвалебную песнь достоинствам виртуально-курсовой валютной триангуляции между мирами, разделенными морем световых лет. По мнению Фионы, та обладала преимуществами перед методом каузально-сохраняемых средств конвертируемых фондов. В какой-то момент Штефи поняла, что эта лекция о значении кредитного контроля при путешествиях во времени странным образом привлекла внимание молодежной тройки из клада Тодт. Среда тем временем осиливала третий стакан вина с усмешкой решимости, напомнившей Штефи более пожилых и седых путешественников, встречавшихся ей прежде, — не настоящих алкоголиков, но людей одержимых демоном, которым требуется экзорцизм в наиболее болезненном состоянии, присущем спиртному самоувечью. Напиваться — самое простое в вояже, когда скука начинает терзать, — не очень хороший признак. И манера одеваться, пусть Штефи и сама не следовала стилю, демонстрировала, что Среда полагалась на талант импровизации, который следовало отметить биркой «не требуется в круизе».

Критическая ситуация сохранилась до самого десерта. Здесь Штефи допустила тактическую ошибку, поинтересовавшись у Матильды, что

значит быть РеМастированным лично для нее.

— Это религия? Политическая доктрина? — Штефи была заинтригована репликой *«это реализация потенциальных способностей»* — и Матильда решилась прочесть лекцию.

— РеМастирование дает вам новую перспективу жизни, — с готовностью пояснила Матильда всем сидящим за столом. Петер и Ганс кивнули, признавая данную оценку. — Это способ жизни, обеспечивающий всю нашу деятельность, направленную к достижению величайшего добра. Но мы, однако, не рабы: ничего похожего на покорность упаднического и вырожденческого Дар эль Ислама. Мы свежи, свободны, сильны и с радостью подставляем плечи для великого труда во имя общего дела со стремлением построения светлого будущего, в котором все люди освободятся для использования личного потенциала, освободятся от тени антигуманного Эсхатона и оков суеверий ненаучного мышления.

Среда, до сих пор крутившая в пальцах ножку опустевшего фужера — Штефи осмотрительно ограничивала ее дозы после четвертого бокала, — поставила его на стол. Облизав палец, она начала медленно водить им по ободку.

— Клады РеМастированных организованы в

дивизионы, их члены работают вместе. Мы растим детей наилучшим образом, со всей любовью и вниманием, которые воспитательный дом может передать им, и подыскиваем полезную и значимую работу, едва они повзрослеют настолько, чтобы испытывать потребность в цели и направлении. Мы прививаем им Мораль — не мораль слабака, а мораль сильного — и следим за их здоровьем; лучшие фенотипы подлежат возврату в общий фонд, чтобы взрастить следующий урожай. Мы не оставляем все на откуп природе. Как разумные существа, мы находимся над случайным выбором.

«Тр-р, тр-р», — слышался звук от пальца, водящего по ободу бокала.

— Мы сильные, здоровые и умные работники, не дегенеративный секондхенд или трутни…

Матильда смолкла, явно не замечая слегка шокированных взглядов банкирши и чиновника, и обернулась к Среде.

— Прекратите, — резко выкрикнула она.

— Скажите, а что случается с *ненужными* вам людьми? — вызывающе спросила Среда. — Тогда прекращу.

— Ничего… — Матильда оборвала себя на полуслове, глубоко вздохнула и нацелила кончик

носа на Среду. — Изредка какое-нибудь планетарное правительство обращается к нам. Тогда мы посылаем советников для помощи и выработки наилучшего способа ведения дел с криминалитетом и упаднической фракциями. Вам этого не прекратить, детка. Пойду дальше и скажу: считаю вашу праздность скорее отклонением от нормы. — Она улыбнулась, обнажив блестящие зубы, как бы нивелируя внезапно нанесенный укол.

Среда ответила усмешкой, продолжая потирать ободок бокала. Японская виолончелистка выбрала момент и с улыбкой и кивком присоединилась к ней в порыве солидарности. Штефи посмотрела на Матильду. Если бы взгляды умели убивать, Среда уже валялась бы с дымящейся дырой в голове.

— Если вы не захватываете другие миры, — сказала Среда, слегка проглатывая слова, — с какого рожна люди *желают* к вам присоединяться? Я не могу утверждать, что много наслышана о концлагерях, но те, кто рассказывал мне о них, испытывали недобрые чувства. Вы не считаете, что массовые экзекуции и подневольный труд делают приобщение к РеМастированным таким же популярным, как бешенство? — Она улыбнулась

Штефи в проблеске удовлетворения, исчезнувшем столь же быстро, как и появившемся. «Тр-р, тр-р», — продолжал движение палец.

— Там нет концлагерей, — ледяным голосом произнесла Матильда. — Наши враги распространяют ложные слухи. — Ее взор распростерся на всю длину стола, словно все попали под подозрение. — И, очевидно, некоторые дураки попали под их действие. — Она остановила взгляд на Среде. — Но повторять подобную клевету…

— Не желаете встретиться с таким… э-э… экс-обитателем? — Среда склонила голову набок. «Напилась как сапожник, — поняла Штефи с ощущением холода в желудке. — Черт возьми, как же я заполучила такую пьяную харю? Сейчас все улажу, но…» Последнего, чего ей еще не хватало, так это Матильды, тянущейся к горлу Среды через доску для резки сыра. Ни в коем случае, если Штефи хочет сохранить у остальных пассажиров «сибарит»-класса нормальное расположение духа.

— На корабле есть по меньшей мере один такой. Назовите *его* лжецом, почему нет?

— Полагаю, довольно об этом. — Штефи заставила себя улыбнуться. — Пора сменить тему, если не возражаете, — добавила она, предупре-

ждающе посмотрев на Среду. Но девчонка была не в состоянии понять намек, даже если бы его передали ударом кувалды.

— Мне больше чем достаточно, — невнятно пробурчала Среда, сидя прямо, но не отрывая взгляда от Матильды. «Напоминают двух неподравшихся кошек», — поняла Штефи, размышляя, следует ли разнимать их. Учитывая, что Матильда даже отдаленно не выглядела выпившей, а Среда смотрелась так, будто набралась настолько, чтобы заметить, что строение РеМастированной женщины напоминает северный конец развернутого на юг штурмового вертолета, с мускулами там, где у остальных мозги.

— Меня *тошнит* от этого вздора. Вот мы сидим здесь. — Среда неопределенно обвела рукой обеденный зал и удивленно моргнула. — Устроились за столом, когда внизу, в низшем классе для беженцев, дети… дети…

Штефи оказалась на ногах за секунду до того, как поняла, что приняла решение. Спина Среды была твердой как сталь, когда Штефи обняла ее одной рукой.

— Пойдемте, — мягко проговорила Штефи. — Пойдемте со мной. Вы правы, вам не следует здесь оставаться. Положитесь на меня, я все улажу.

Удержитесь на ногах?

На момент в ней окрепла уверенность, что это не сработает, но секунду спустя Среда заставила себя подняться. Она покачивалась, вцепившись в поддерживающую ее руку Штефи.

— Пойдемте, пойдемте со мной. Все делаете хорошо. — Штефи повела Среду к ближайшей двери, едва замечая каменный взгляд РеМастированной, сверлящий ее… или Среду? — Пойдемте. — И золотому галуну на обшлаге: — Стол шесть, кто-нибудь, прикройте меня, пожалуйста. Отвожу плохо почувствовавшего себя пассажира в каюту.

Едва они прошли в дверь, как Среда попыталась вырваться. Штефи не отпустила ее.

— Нет, мадам должна… — *О черт!* Штефи изменила захват и подтолкнула Среду к пальме, где девица уверенно склонилась вперед. Но тут же Среда подтвердила, что скроена из крепкого материала, глубокими икающими вдохами она медленно обрела контроль над своим желудком.

— Стол шесть. Есть кто-нибудь? — пробормотала Среда в манжет. — У меня проблема. Кто поможет?

Голос в ухе:

— Эй, Штефи. Я попросил Макса прикрыть тебя.

Как думаешь, надолго?

Штефи посмотрела на девицу, согнувшуюся над ободом кадки, и скривилась.

— Похоже, не успеваю запрыгнуть в последний вагон.

— Ладно, понятно. Банкет под контролем.

Штефи выпрямилась одновременно со Средой, с закрытыми глазами прислонившейся к стене.

— Пойдемте. Какой ваш номер? — Штефи сверилась с гостевым списком, тоже информативно загруженным в обшлаг. — Давайте я отведу вас.

Среда шла покорно, с заплетающимися, словно независимыми друг от друга ногами, как у марионетки со слишком растянутыми веревочками.

— Лживая сука, — тихо пробормотала она, пока Штефи грузила ее в ближайший лифт. — Лживая. Насквозь.

— А вы не слишком много пили, а? — отважилась спросить Штефи. Да, похмелье ждет грандиозное, с антипохмелином или без!

— Нет, дело не в алкоголе. Не хотелось быть там, но не могу оставаться одна.

Орел — она сентиментальна, решка — обычный депресняк. Зуб даю, ей нужно с кем-то поговорить.

Штефи нажала вызов палубы А и сосредото-

чилась на сохранении девицей равновесия при проходе через приливные зоны между электрогравитационными кольцами в фюзеляже.

— Есть причина?

— Мама, папа и Джерм. Лживая *сука!* — Почти звериный рык.

«Я права, — без удовлетворения поняла Штефи. — Вовремя ее увела».

— Они мертвы, я — нет. — Лицо Среды — картина страдания. — *Сраная.* РеМастированная брехунья.

— Мертвы? Кто? Ваша семья?

В ответ — звук между всхлипом и фырканьем.

— А кто, по-вашему?

Лифт остановился. Створки распахнулись напротив почти неразличимой двери номера. Штефи передала сигнал со своего контрольного дубликата, и дверь открылась. Среда запомнила путь по ступенькам. В течение нескольких секунд Штефи раздумывала, не оставить ли ее, потом вздохнула и вошла в каюту.

— Ваши родители умерли? Поэтому вы не хотите оставаться одна?

Среда развернулась, слезы текли по щекам. Непонятно, но ее стильный макияж не сошел. *Хроматофоры, внедренные в кожу?*

— Прошло два дня, — выговорила она, пошатываясь, — как их убили.

— Убили…

— У… Рядом с… — Тут ее желудок не выдержал, и девица рванула в ванную в позе средней между управляемым падением и спринтерским стартом. Штефи ждала снаружи, прислушиваясь, как ее тошнит, погруженная в размышления. *Убили? Ну-ну, как интересно…*

Было 03:00 дневной смены цикла, вскоре перед первым прыжком звездолета от точки А до точки А' через пару парсеков в плоскости пространства-времени. Одежда мятым комом валялась на полу. Потолок настроил оттенки красно-черного, тоннели теплого темного света омывали комнату.

Среда устало потерла лоб. Анаболики и пилюли из вытяжки крысиной печени сняли основные симптомы похмелья, а пара литров воды, которые девушка методично вливала в себя, начали борьбу с обезвоживанием, но остальное — стыд, тревога и смущение — не так подвластно химической профилактике.

— Я задница, — пробормотала Среда, сгибаясь. Она снова вернулась в ванную. — *Глупая, мерзкая и тупая.* — Она задумчиво смотрела на ванную. — Положим, я всегда могу утопиться. Или вскрыть

вены. Или что-нибудь подобное. *Пусть засранцы выиграют.* — Она подмигнула стене-зеркалу. — Я в замешательстве.

Отражение смотрело на нее, черноглазая трагическая беспризорница с крысиным гнездом черных волос и губами цвета как у утопленницы. Маленькие груди и тонкие бедра, запястья еще тоньше, а руки и ноги *слишком длинные.* Среда стояла и разглядывала себя. Мозг устал от напряжения прошедших ночей. *Что Блеу нашел во мне? Сейчас не выяснишь. Может, спросить, когда появится возможность…*

Теперь же она осталась совсем одна, в большей изоляции, чем когда-либо. *Я пустота вакуума.* По пути в спальню, она обратила внимание на мигающий огонек на письменном столе. Лучше чем-нибудь заняться, чем бесцельно бродить по номеру. Надо разобраться с журналом записей.

— Корабль! — громко выкрикнула она. — Что значит этот сигнал?

— Голосовое послание, — мягко ответил корабль. — Запись голосовой почты ведется во время сна гостей, если нет отказа в приеме. Желаете обзор почты?

Среда кивнула, фыркнув на собственную дурость.

— Да.

— Сообщение получено 36 минут назад. От: Фрэнк Джонсон. «Привет, Среда. Полагаю, вы спите. Нужно было сверить время — у меня жуткие часы. Слушайте, очерк вышел — отпад. Извините, пропустил ужин, но эти общественные посиделки мне по барабану. Звякните, если захотите навестить какой-нибудь бар. Пока».

— Корабль, Фрэнк Джонсон еще не спит?

— Фрэнк Джонсон не спит и доступен для вызова, — ответила сеть взаимосвязи.

Внезапно для нее стало очень важным, что кто-то кроме нее проводит бессонные безумные часы.

— Голосовой вызов Фрэнку Джонсону. Короткая пауза.

— Алло? — Удивление в голосе.

— Фрэнк?

— Привет, Среда. Что случилось?

— Нет, ничего, — устало проговорила она. — Просто не спится. Дурные мысли. Вы упомянули бар. А это не очень поздно для вас?

Пауза.

— Нет, не очень. Хотите увидеться? Ответная пауза.

— Да, если вы не против.

— Мы можем встретиться в…

— А вы не смогли бы прийти ко мне? — внезапно спросила она. — Неохота выходить.

— М-да. — Голос удивленный. — Ладно, буду примерно минут через десять.

Среда прервала связь. «Боги и черти! — Она посмотрела на разбросанные шмотки, внезапно осознав, что совершенно раздета и как это должно выглядеть. — Проклятье!» Она вскочила и подобрала легинсы и топ. На секунду задумалась и обернула вокруг талии саронг, настроила куртку на многослойную шнуровку, запихнула остальные шмотки в шкаф — позже разберется — и подбежала к ванной настроить освещение. *Мои волосы!* Вместо прически — кавардак. *Ну и хрен с ними. Я ведь не собираюсь затаскивать его в постель, не так ли?* Она показала зеркалу язык и принялась копаться в баре со спиртным в углу комнаты.

Фрэнк пришел с сумкой. Опустив ее на ковер, ошарашенно осматривался.

— Номер оплатили ваши друзья, но это же бред, — громко заявил он.

— Точно? — Среда ухмыльнулась и подавила зевок.

— Полагаю, да. — Он подтолкнул сумку но-

гой. — Вы сказали, вам не хочется выходить, так я прикупил кое-что на случай… — Внезапно он засмущался.

— Прекрасно. — Она взяла его за руку и потащила к огромному дивану, занимавшему всю стену гостиной. — Что у вас там?

Он вытащил бутылку.

— Самбука. С Боливара. И, посмотрим, настоящий напиток со Спейсайда. Это на Старой Земле, знаете ли. А это — омерзительный шоколадный ликер откуда-то, о чем меньше говоришь, тем лучше. Стаканы есть?

— Ну. — Она пошла к бару и вернулась со стаканом и бутылкой сока. Села, скрестив ноги, на диване с другой стороны и налила себе стакан ликера, предпочитая не замечать насмешливое содрогание Фрэнка. — Вас не было на обеде.

— Этот показушный официальный банкет придурков не для меня, — заявил он. — Перевозчики заставляют думать богатеньких пассажиров, что те получают дорогостоящее обслуживание — значительно более дорогое, чем пассажиры, законсервированные в низших классах. Полагаю, если заниматься бизнесом, подобным путем можно установить множество контактов, но в большинстве случаев тот тип людей, которых

мне хотелось бы убедить в своей правоте во время приема пищи, не путешествует лайнерами. — Он внимательно посмотрел на нее. — Наслаждаетесь собой?

Она едва не приняла вопрос за чистую монету, несмотря на тон, предполагающий иронию.

— Меня едва не вырвало в кадку, после того как я выставила себя дурой. — Она моргнула. — Хотя та сволочь напрашивалась на неприятность.

— Кто? — Фрэнк поднял стакан: — Ваше здоровье.

— Выпьем. Дрянная ядовитая сучка вещала, сколь замечательны РеМастированные… — Среда умолкла. Фрэнк выглядел пораженным. — Я что-то не так сказала?

— Она блондинка с татуировкой на выбритой половине головы?

Среда всматривалась в него сквозь дымку эмоциональных противоречий.

— Да, — подтвердила она. — А что? Фрэнк стукнул стаканом о крышку стола.

— Вас могли убить, — заявил он взволнованно.

— Вы… — Она склонилась к нему. — Вы говорили, они направляются на Новый Порядок. Концлагеря, тайная полиция. Вы считаете их опасными и здесь?

— Они опасны везде. — Фрэнк выпрямился и снова взял стакан, сделал большой глоток и закашлялся. — Никогда, *никогда,* не жмите на кнопку «РеМастированные». Пожалуйста. Скажите, вам не хочется повторить такое снова?

— Я напилась. — Среда вспыхнула: Фрэнк явно проявлял непосредственную заботу, прорывающуюся через пелену волнения. — Нет, я не сумасшедшая.

— *Не сумасшедшая.* — Он рывком откинулся назад. — И поэтому вы опасаетесь выходить из номера?

— Нет. Да. — Она разглядывала Фрэнка, размышляя, с чего вдруг доверилась ему. *Одна с гориллой ночью, и он еще думает, не сумасшедшая ли я?* — Не знаю. А должна опасаться?

— Всегда следует осознавать причины своих поступков, — серьезно заявил Фрэнк. — Приглашение незнакомца на ночную выпивку, например. — Он поднял бутылку с ликером. — Хотите, налью? Или мне отвалить прежде, чем мы оба завтра закончим похмельем?

Среда протянула ему свой стакан.

— Оставайтесь, — импульсивно проговорила она. — Мне спокойней, когда вы рядом. Но не хочу спать тем не менее. — Легкая улыбка

тронула утолки ее губ. — *Вы* считаете меня сумасшедшей?

С течением дней скука прошла. Среда оставалась в своей каюте, используя обширную корабельную игротеку, но большинство онлайновых игроков были довольно старыми, они забыли о стратегии куда больше, чем знала вся спортивная команда «Магны». Спустя какое-то время Среда впервые рискнула поискать, нет ли здесь действительно чего-нибудь такого, в чем можно пойти с Фрэнком в бар, где реально познакомиться со свежевыращенными при нулевой силе тяжести морепродуктами и крепкими напитками. Затем она провела немного времени со Штефи, которая второпях представила ее своему другу, клоуну Свену, и с извинениями удалилась. Свен, как оказалось, знал Фрэнка: корабль — мирок маленький.

— Итак, какой смысл в разрисовке лица? — поинтересовалась она у Свенгали как-то далеко за полдень.

Клоун задумчиво нахмурился.

— Думаю, карикатура. Пародия. Игра на невербальных коммуникационных сигналах, да? Если виртуально, я олицетворение гомункулоподобных головы и тела, яркий синий нос и огромные

подведенные глазищи. Но на самом деле это не так, и я не жертва пластической хирургии. Довольствуюсь программируемой краской. Поразительно, как она может влиять на восприятие людей. Вы бы действительно удивились.

— Возможно. — Среда глотнула из стакана флуоресцентную зелень с красной пеной крепкого пива и указала на его куртку. — Но двойной шов…

— …не оставляет места для *любых* фокусов, да? — продолжил за нее Свен и вздохнул.

— Да, — согласилась Среда, и клоун скроил свирепое лицо. — Вы очень хороши. — Она старалась говорить примирительно. — И плата большая?

— Плата… — начал Свенгали, но прервал сам себя: — Ну, достаточно обо мне. Почему бы ради разнообразия не поговорить о вас.

— У-у. Так просто вам не сорваться с крючка, — усмехнулась Среда.

— Да, становится трудновато, когда публика достаточно стара, чтобы заглядывать за зеркало. *Брюзжание…*

— Что?

Свенгали быстро дотянулся до ее головы и отнял руку, показывая зажатую в пальцах бабочку, машущую бело-голубыми крылышками…

— Сейчас слышите меня лучше? Или, дорогуша, я просто разомкнул ваш мозг? — Задумчиво поглядев на бабочку, он дунул на нее, и та превратилась в беленькую мышку.

— О-о, — саркастически заметила Среда. — Это *действительно* убедительно.

— Действительно? Дайте вашу руку.

Среда немного нехотя протянула ладонь, и Свенгали посадил на нее мышку.

— Эй, она же настоящая!

Напуганная мышка продемонстрировала свою неподдельность высокоточным испражнением ослабшего мочевого пузыря.

— Ик, это…

— Да. — Прежде чем она сумела сбросить мыша, Свенгали приподнял зверушку за хвостик и спрятал в сжатых ладонях. Потом разжал их, и оттуда снова выпорхнула бабочка.

— Ого. — Среда дважды хватательным движением сжимала пальцы и, посмотрев на ладошку, нахмурилась. — Ох, извините.

— Займитесь собой, — великодушно предложил Свенгали, откидываясь в кресле, когда она поспешно встала и поторопилась скрыться в туалете. Его улыбка стала шире. — Возвращайтесь, — приказал он пространству перед

собой. — Домой, на базу.

Бабочка/мышь — робот, аккуратно спрятанный в маленькую коробочку, оказался в кармане Свена еще до возвращения Среды.

— А вы расскажете, как это делается?

— Нет.

— Законник!

— Я — нет. — Свенгали упрямо скрестил руки. — Лучше *вы* расскажите *мне*, как вы делаете *так?*

— Что, это? — Лицо девушки прошло перемену цветов от бирюзового до небесно-голубого.

— Да. Классно.

— Программируемые косметические хроматофоры. — Лицо обрело привычный цвет, за исключением рубинового оттенка губ и полуночной синевы век. — Я инсталлировала их, когда мы перебрались на «Магну».

— Угу. Хотите пройтись? — спросил Свенгали, обратив внимание на ее почти пустой стакан.

— М-м-м. — Она посмотрела на него и снова усмехнулась. — Стараетесь не позволить мне напиться?

— Моя работа приглядывать за пассажирами и не давать набивать карманы корабельному лазарету. Мы можем вернуться позже и догнаться.

— Ладно. — Среда встала. — Куда?

— Понятия не имею, — беспечно ответил клоун. — Просто погуляем. Вы еще не изучали корабль?

Ее улыбка стала шире.

— Можно сказать и так.

«Боже, а она сообразительна, — подумал про себя Свен. — Если войдет во вкус, сможет преуспеть даже в моей области».

— Вы правы, эта работа оплачивается недостаточно, — проворчал он. — Мне положено поддерживать веселье в вас, но не веселить себя. Необходимо определить возрастное восприятие клиентуры. Все вы большие дети.

Они уже вышли в коридор, сравнимый с пассажем высококлассного отеля, со звукопоглощающим ковровым покрытием, богатыми резными деревянными панелями и отраженным светом на бессмысленных абстракциях художественных инсталляций через каждые несколько метров.

— Девять дней. Ненавижу задумываться о том, чего вам захочется, когда заскучаете.

— Я смогу сдержаться. — Среда спрятала кисти рук в длинные и тщательно расшитые обшлага куртки. — Правда, не везде. Стандарты законов различаются.

— Да, да. Если бы вы родились на Новой Рес-

публике, то уже были бы замужем и имели троих-четверых детей, но сие не означало бы статус независимого взрослого. Мне положено не нянчится с вами, а оберегать от скуки. Составная часть услуги. Могу спросить, что вы станете делать, когда захотите дешевого развлечения, если вопрос, конечно, не деликатный?

— Много чего, — беззаботно ответила она и прищурила один глаз. — Но, думаю, что вам хочется знать подробности. Что-то подсказывает мне, я — не ваш типаж.

— Шумная гулянка. Как перспектива, сестренка? — Свенгали провел ее в боковой проход, потом через дверь — в конференц-зал, а затем, миновав комнату — дубликат аварийного шлюза, — в другой проход. — Более уместная для мальчиков. — Он скорчил смешную гримасу. — Ну а серьезно. Чем намерены заняться, когда затоскуете?

— Я мастер по катанию на лифтах. Лазанью по вакуумным тоннелям тоже. Занималась тай-чи, но бросила. И читаю шпионские триллеры. — Она осмотрелась. — Мы уже не в пассажирской зоне, да?

Ни ковров, ни художественных конструкций — широкие металлические двери, плоский пото-

лок, испускающий яркий свет.

— Нет, в одном из служебных проходов. — Свенгали был разочарован столь малым удивлением, но тем не менее решил продолжить. — Они связывают все общественные территории. Вот один из лифтов команды. Они все бескабельные. Это герметичные самоходные средства передвижения по тоннелям, и по желанию способны менять направления. Не пытайтесь кататься на этих машинах — слишком опасно. А тут, — он указал на неприметную узкую полуметровой высоты дверцу, словно для гномика, — служебный вход в пассажирский люкс. Заперт, если номер занят, используется роботизированной обслугой в отсутствие пассажиров.

— Роботами? Вроде служанок-андроидов?

— Кто, вы думаете, стелет вам постель? — Свенгали шел по проходу. — И помещения, и мебель спроектированы в расчете на людей. Можно, конечно, установить нечто вроде промышленной мини-фабрики в каждой каюте или даже все изготовить из структурированного материала, но многие люди нервничают, находясь рядом с умным материалом, да и иметь обслугу на троллеях дешевле, чем обеспечивать оборудованием каждую каюту.

— Угу. Так вы говорите, на корабле все взаимосвязано? При помощи старомодных дверей, проходов и каналов? —

Она так широко распахнула глаза, что Свен решил: подобное может означать лишь сарказм.

— Если конструкция функционирует только с разумоподобными системами, обязательно случится какая-нибудь хрень — по пятнадцатому следствию закона Мэрфи. Этот корабль *предполагает* возможность возвращения домой при пилотировании экипажем, состоящим из людей, знаете ли. Отчасти за это пассажиры и платят.

Боковая дверь выходила на винтовую лестницу, ажурные ступеньки из почти просвечивающего аэрогеля уходили в тусклый голубой туман в обоих направлениях.

— Вверх или вниз, леди?

— Сперва вверх.

— Вы понимаете, у нас есть такая возможность лишь потому, что у меня жетон, — заметил Свен-гали при подъеме. *У девчонки длинные ноги, и она в хорошей форме.* Ему приходилось буквально проталкивать себя, чтобы оставаться впереди.

— Предполагаю. — Она издала звук, похожий на смешок. — Это клево. А для чего те кишки?

Он посмотрел на ее палец, указывающий на

перистальтические шланги в углублениях вдоль лестницы.

— Наверно, отвод полужидких отходов. Этот лестничный колодец можно переконфигурировать в тоннель при сбое основной гравитации.

— Есть вероятность?

— Возможно. — Он поднялся еще немного. — Разве вас, взбирающуюся по внутренней лестнице, беспокоит, что это, по сути, небоскреб, на верху которого установлена статистически равновесная камера, содержащая сингулярность черной дыры весом в двадцать миллиардов тонн?

— Допускаю. — Она перевела дыхание. — Если с ним что-то случится, то столь быстро, что не стоит даже волноваться.

— Наверно. — Он помолчал. — Вот почему все члены команды — не я, со своим Досугом и Развлечениями, а черная банда, инженерный оперативный отдел, — всегда рядом. В случае неприятностей им придется импровизировать.

— Не совсем *то* утешение, о котором хотелось бы знать. — Еще больший сарказм от Среды.

А ему как с гуся вода.

— Мы пришли.

— Куда? — Она уставилась поверх его плеча на

непримечательную, обычного вида дверь.

— Здесь, — самодовольно ухмыльнулся клоун, — вход за кулисы театра живого действия на палубе С. Желаете посмотреть представление? Или, может, театральный бар?

— Ух ты, — усмехнулась Среда. — Иду в клоуны! Свенгали приглашающим жестом вручил ей красный нос.

И они вошли.

ПОДГОТОВКА К ВСТРЕЧЕ С «ПРИЗРАКАМИ» И «ПСАМИ»

Рашель Мансур, спецуполномоченный Постоянного комитета по Межзвездному разоружению при Объединенных Нациях (Следственный отдел) неторопливо спускалась по пугающе широким ступеням лестницы фасада Министерства космической гармонии. Сзади огромные мраморные колонны поддерживали массивную зеркальную полусферу, возвышавшуюся над окрестностями гигантской киберчерепахой. Людское море омывало ее, растекаясь по площади Публичных Церемоний, поток конторских служащих и бюрократов ежедневно циркулировал между офисами в глубине министерства и подотделами и общественными приемными, разбросанными с другой стороны открытого пространства. По правую руку — Восточный дворец, бело-розовый кирпичный особняк, превращенный в музей Гегемонии и народной революции, свершившейся более столетия назад здесь, в Сараево, столице планетарной империи.

Рашель ощущала легкое головокружение, эффект выхода на открытый воздух после клаустрофобного разговора с помощником министра, отвечающим за обеспечение безопасности иностранных посольств. После двадцати шести дней на борту «Глорианы» все, от свежего неперерабатываемого воздуха до настоящего дневного света, казалось особой привилегией. Куда входили практически завершившаяся адаптация к силе тяжести и головокружение от умеренного культурного шока.

Спустившись, Рашель вышла на площадь. Торговцы пикантными какао-напитками, обжаренными щупальцами осьминога и пиратскими записями старых публичных казней пытались привлечь ее внимание. Она их игнорировала. «Он не сказал "нет"», — думала она, вспоминая, как помощник министра насупился за своим столом: не очень-то он был счастлив.

— Вы заявили, что наша служба безопасности некомпетентна? — задал он вопрос.

— Нет, я сказала, что службы безопасности трех дипкорпусов допустили промах, и две из них были заранее предупреждены. Ваша, может быть, и лучше, но, надеюсь, вы простите меня за недоверие.

— Вашей схеме можно следовать, если московские согласятся. Мы, конечно, станем отрицать все, если дело пойдет плохо.

Уже шаг вперед по сравнению с предыдущим поколением. Новый Дрезден не так уж плох. Здесь приняли идею лояльной оппозиции, даже избирают правительственных чиновников в эти дни, хотя Партия сохраняла наследственное право вето. Все говорило за то, что Новый Дрезден более цивилизован, чем многие иные места, где Рашель могла закончить свой путь. Менее, чем некоторые другие, — ну и что? *Они отстаивают свои основные интересы и не стремятся снова во мрак, как семьдесят лет назад.* Но все же будет лучше, если она придержит Мартина, оставит вне рамок операции. Она передала ему текст по посольскому каналу. Рашель потуже натянула на плечи куртку, стараясь продумать свой подход к умам бюрократической орды в черной, тщательно пошитой униформе. Но не могла обманывать себя насчет вероятного доклада помощника министра его боссам.

Люди не всегда действуют в собственных интересах. Люди плохи в оценке степени риска, отвратительны скрытыми мотивациями и неврозами, все, кроме умных рациональных

деятелей, в которых так хотят верить экономисты, и дипломатов, действующих в соответствии со способностями, а не намерениями. В делах с московскими дипломатами чиновники в резиденции Партии чувствовали себя так, словно держат разбуженную и голодную ядовитую змею, которая может цапнуть в любой момент. Они позволили Джорджу Чо играть в его «наперстки» с послом Морроу ровно столько, насколько это повышало вероятность выдачи кода отзыва, и ни секундой дольше.

Говоря в ком, посол — легко опознаваемая по двум охранникам — сидела за столиком уличного ресторана. Рашель зашла со стороны кухни и подошла к ближайшему охраннику, который сосредоточился на площади, а не на официантах, появляющихся из входной двери, и хлопнула его по плечу.

— Рашель Мансур, у меня встреча с ее превосходительством Элспет Морроу.

От неожиданности охранник подпрыгнул. Морроу подняла глаза с выражением скуки на бесцветном лице.

— Вы опоздали. Джордж Чо сказал, что я должна поговорить с вами. Решительно подразумевая необходимость нашей беседы. А *кто* вы?

Рашель выдвинула стул и села.

— Я работаю с теми же людьми, что и Джордж. Хотя в разных отделах. Официально, я здесь по протоколу. Если что, я буду отрицать все. — Она чуть улыбнулась.

Морроу поерзала на стуле.

— Ладно, говорите. Что Джорджу нужно?

Рашель откинулась на спинку и посмотрела на охранника.

— Волнующая нас проблема вам известна.

Она пристально изучала Морроу, видя перед собой стройную женщину лет сорока. Хоть Москва и не отличилась в терапии омолаживания, но послу могло быть и лет на двадцать больше. У нее были каштановые волосы до плеч, а зеленые глаза, казалось, охотятся на… просто охотятся. Должно быть, сотни миллионов призраков давили ей на плечи, плюс знание того, что она может добавить к их рядам.

«Что же применить к ней?» — размышляла Рашель.

— Скажите, вы знали Морин Девис, Симонетту Блэк и Мориса Пендлтона? — спросила она.

— Морис был моим другом, — кивнула посол. — С Блэк знакома только понаслышке. Морин… мы знали друг друга. Но Морис единственный, о

ком я сожалею. Что вам об этом известно? Зачем Джордж вас прислал. Вы из «Черной Камеры», да?

Рашель подняла руку, подзывая официанта.

— Я работаю вместе с Джорджем, но иным способом, — тихо произнесла она. — Джордж занимается политическим решением проблемы, я же… в общем, Джордж очень настойчиво хочет подстраховаться, если кто-то намеревается вас убить, что, по нашему мнению, весьма возможно на следующей неделе. Во-первых, мы хотим, чтобы они ошиблись, во-вторых, ошиблись так, чтобы мы смогли выяснить, кто они и зачем им это нужно, и выявить не только убийцу одиночку, но и всю сеть.

— Вы сами совершаете убийства? — Элспет поглядела на нее так, будто у Рашели выросла вторая голова. — Я не знакома с земными…

— Нет. — Рашель неодобрительно усмехнулась. — Совсем наоборот.

Подошел официант.

— Мне манговые тефтели и жареную свиную лопатку, спасибо. И стакан ординарного красного крепкого ячменного боне. — Она говорила, не поднимая глаз, но боковым зрением заметила, что охранник тенью стоял за официантом с

агрессивной настороженностью. Она кивнула Морроу.

— Объединенные Нации, как можете догадаться, уделяют большое внимание поискам выхода из тупика в текущих отношениях между правительством Москвы в изгнании и Новым Дрезденом. Следует избежать ужасного прецедента, который может быть создан, если ваш флот возмездия завершит свою миссию. Мы *не* собираемся спокойно наблюдать за ситуацией, когда партия или партии неизвестных палачей из многочисленных чиновников старших рангов, оставшихся от московского правительства, делают все, чтобы ситуация стала необратимой. Мы хотим знать, кто пытается это сделать и почему.

Морроу кивнула и спокойно произнесла:

— Так же, как и я. Вот зачем мне охрана. Рашель едва улыбнулась.

— Со всем должным уважением, я не сомневаюсь, что ваша охрана превосходно подходит для решения рядовых проблем, однако во всех трех означенных случаях убийца успешно проник через охранную зону и ловко ускользнул. Это доказывает, что мы имеем дело не с обычным психопатом, а с серьезным профессионалом или даже командой профессионалов. Обычная охрана

для них не препятствие. Будь я убийцей, вы бы уже погибли. В моем портфеле может оказаться бомба, ваш охранник может быть застрелен из его же собственного оружия… понимаете?

Элспет неохотно кивнула.

— Я здесь, чтобы спасти вашу жизнь, — спокойно сообщила Рашель. — Здесь… ладно, не могу ссылаться на наши источники. Мы рассматриваем возможность покушения на вас через шесть-десять дней, считая от сегодняшнего.

— О-о-о. — Морроу покачала головой. Странно, она, казалось, слегка расслабилась, словно предупреждение о реальной опасности дало ей поддержку. — И что же вы сможете сделать, если этот убийца-специалист захочет меня ликвидировать?

Подошел официант с заказом на подносе.

— Могу предложить с полдюжины возможностей, — устало сказала Рашель, в упор глядя послу прямо в глаза, пока та не моргнула. Можно, конечно, прибегнуть к услугам судового хирурга, но, думаю, сработаем по плану «А».

— Какому?

— План «А» — это игра в наперстки. — Рашель поставила стакан. — Мы допускаем, что наши неизвестные, но высококомпетентные убийцы

тоже хорошо информированы. В таком случае они либо знают, либо предполагают, что вас могут предупредить, вот почему Джордж выступает в роли наперсточника. Стадия «ноль» — услать доктора Бакстера за пределы планеты туда, где — мы точно должны быть уверены — убийц нет. Вы же будете появляться в общественных местах и на важных встречах в период времени окна возможностей. Затем… ну, я насчет вашего роста и веса, которые можно скорректировать при помощи подложек и свободной одежды. Настоящий трюк — правильное воссоздание облика: лицо, волосы, осанка. Гарантируем двойника на ваших публичных выходах. Наживка, другими словами. *Вас* же запрут в противоядерном бомбоубежище с замкнутым воздушным циклом и охраной в половину штурмового дивизиона, или вы станете гостем на борту дипяхты Объединенных Наций, суверенной территории Земли, под присмотром пары космических крейсеров из новодрезденского космопорта. Как сами предпочтете. Не секрет, вы нужны живой, пока ракеты с боеголовками летят в данном направлении. Мне же нужно высунуть хвостик там, где за него попытаются схватить — и не на расстоянии выстрела, а куда ближе и причем персонально, чтобы преступни-

ков захватить.

Элспет смотрела на нее с ужасом, словно встретила психопата с суицидальным синдромом.

— Сколько ж вам платят за такую работу? — спросила она. — За всю свою жизнь я наслушалась множество безрассудностей, но такого безумнейшего… — Она покачала головой.

— Я стараюсь не ради денег, — пробормотала Рашель. *Ответственность. Неверный шаг — и почти миллиард человек погибнут.* Она посмотрела на площадь. — Я была здесь около десяти лет назад. Вы когда-нибудь ходили в музеи?

— О да! В Имперский музей Мира и Народный дворец Суда, — ответила Элспет. — Очарована. — Она постучала по широкому перстню с печаткой, и на нем мигнуло маленькое пятнышко сапфира.

— У этого народа, на мой взгляд, замечательная история, более насыщенная событиями, чем можно подумать. — Она остановила на Рашели задумчивый взгляд. — А знаете, у них было больше мировых войн, чем на Старой Земле.

— Имею весьма смутное представление, — сухо ответила Рашель, наспех пробежав три тысячи страниц местной истории во время своей первой командировки сюда много лет назад. — Ну и ка-

ковы же музеи сейчас?

— Грандиозно. В этом месяце открыт самый широкий показ региональных погребальных одеяний, нечто вроде выставки раз в десятилетие. — Говоря чуть медленнее, Элспет продолжила: — Существует галерея, рассказывающая о завоеваниях, давших возможность Восточной Империи уничтожить врагов и взять за горло оставшихся независимых владельцев рогов изобилия. Очаровательный материал.

— И ничего о массовых захоронениях, так понимаю, — заключила Рашель.

— Нет. — Посол покачала головой. — Лишь белые пятна на карте Северной Трансильвании.

— Ага. — Рашель кивнула. — Они еще не дозрели, чтобы говорить об этом в открытую.

— Протяженность жизни — протяженность амнезии. Требуется долгое время для признания преступлений, если преступники еще играют активную роль в руководстве. — Элспет допила свой напиток и, отведя взгляд, тихо спросила: — Зачем вы сюда приезжали?

— Комиссия по военным преступления. Предпочитаю не затрагивать эту тему. — Рашель сделала последний глоток. — Мне лучше вернуться к себе и начать подготовку. — Заметив выражение лица

посла, пояснила: — Извините, но все надо делать со всей возможной быстротой. Мне требуется время. Так что, думаю, музеи я пропущу.

На мгновение она ощутила себя мучительно старой: чувствовалась каждая минута возраста — протяженности, каковую человек вынести не в силах, не научившись игнорировать ее время от времени. Рашель взяла за правило пересоздавать свою жизнь каждые тридцать лет, заставляя себя приобретать другие привычки и отношения, заводить новых друзей, сохраняя, однако, основное ядро личности. Яркая вспышка гнева, направленная против людей, умудрившихся сотворить подобное в Северной Трансильвании около века назад. Рашель недавно уяснила: от музеев ее мутит, они физически отвратны с их описаниями ужасов и зверств, замаскированными под историю или, хуже того, с бойкими отговорками и отказом посмотреть правде в глаза — особенно когда весь этот кошмар переживаешь лично.

— Похоже, — Элспет покачала головой, — здесь для вас существует нечто большее, чем вы показываете.

Рашель мрачно улыбнулась в ответ и шмыгнула носом.

— Вы проницательны. Я упоминала, что моя

работа некоторым образом связана с обезвреживанием бомб. Но можно назвать более точно: я занимаюсь отменой истории.

— Отменой? — Посол нахмурилась. — Звучит явно по-ревизионистски.

— Я имею в виду отмену тех событий, которые создали места вроде Имперского музея Мира. — Она посмотрела на Элспет. — Ясно?

Посол Морроу ответила прищуром глаз.

— Считаю ваши амбиции весьма похвальными, — медленно выговорила она. — И мне хотелось бы узнать о вашем опыте здесь побольше.

«Нет, только не прямо сейчас. Я не хочу лишиться обеда», — с цинизмом мысленно ответила Рашель.

— Так почему бы вам прямо здесь не согласовать с Виллемом время нашей будущей встречи, чтобы было удобно обеим.

— Так и сделаю. — Рашель кивнула. — Будьте осторожны.

— Буду, — ответила Морроу, вставая и снимая жакет. — Вы тоже, — импульсивно добавила она.

Охранники и секретарь последовали за ней к выходу, последний смотрел на Рашель с недоверием, пропуская свою госпожу к выходу.

Они растворились в толпе, а Рашели принесли основное блюдо. Ела она медленно, мысли разбегались. *Интересно, что скажет Мартин?*

— Нет, ты это не серьезно!

Рашель редко доводилось видеть его таким возбужденным, она сказала ему:

— Почему? С чего ты принял это за шутку?

— Я… — Он расхаживал взад-вперед — плохой признак. — Я… нет.

Ага, признак реализма.

— Мне просто это не нравится, особый смысл вкладываю в *не* и *нравится.*

Мартин стоял к ней лицом, спиной к настенному экрану прогулочной палубы: находясь почти вровень с горизонтом планеты, Мартин смотрелся выходящим прямо из атмосферы.

— Пожалуйста, Рашель, скажи, что все не так плохо, как звучит.

— Мартин, если б я собиралась себя убить, не нашла бы способа проще?

— Нет, но я думаю, твое чувство ответственности, — он заметил, куда шагает, раньше, чем это сделала Рашель, и, увернувшись, избежал столкновения с экраном, — может привести тебя к работе по оперативному сдерживанию, которая совсем не обязательна. — Он остановился

перевести дух. — Уф. Учить тебя я не намерен. Это твоя специализация. — Он сказал это с таким тревожным взглядом, что не мог не растрогать ее. — Уверена в безопасности?

— Не надо напоминать мне последние слова Уильяма Палмера. Конечно же нет. — И, защищаясь, скрестила руки. — Это настолько безопасно, насколько я способна обеспечить, и, уверена, куда безвреднее запуска безумного сигнала исполнения приговора над восемьюстами миллионами в основном неповинных людей. Теперь, если ты закончил с материнской опекой, взгляни на дерево угроз и укажи на то, что можно упустить.

— Дерево угроз… — Мартин почти свел к переносице глаза, пытаясь уложить все в голове. — Рашель?

— О черт! — Во взгляде смесь любви с раздражением. Два года замужества не притупили прежних чувств, но до Мартина Рашель уже стала большой девочкой, — ив его почти семьдесят, несмотря на тридцатилетний вид, он был лишь мгновением в ее материнском взоре. Порой она чувствовала себя старой женой молодого мужа. Он еще не испытывал холода отчужденности, которая приходит после смерти ребенка или при приближении неминуемой старости, по причине

религиозных убеждений или обыкновенной старомодной скуки от жизни. Может, он никогда таким и не будет, но она любила его от этого не меньше. Он же порой превращался в глухую твердыню, чтобы продолжать с ней жить.

— Ты действительно считаешь мои действия столь безрассудными? — Она сделала два шага вперед и уткнулась подбородком ему в шею. Его руки непроизвольно обхватили ее.

— *Знаю,* ты должна, Рашель. Все знаю о тебе и твоей донкихотской кампании излечения всех этих долбаных планет.

— Лишь потому, что ты делал то же самое, — шепнула она ему на ухо.

— Да, но я работал строго за деньги. И с наиболее возможным благоразумием!

— Знаешь, в этой свихнувшейся вселенной однажды раздастся звонок богу с вопросом, сколько тот заплатит за саботаж создания машины времени, ведь психи, которые их создали, смогут их запустить и нарушить историческую последовательность, включая цепь событий, приведших к возникновению самого бога, поставив саму суть под вопрос.

— У *тебя* проявляется тенденция сделать это, когда ты демонстрируешь сверхэнтузиазм.

— Нет, только когда я *злюсь,* — ответила Рашель и подтолкнула его. Мартин чертыхнулся. — Не нравлюсь, когда становлюсь злой?

— Нет-нет, ты мне очень нравишься. — Он вздохнул, а она рассмеялась — не сумела справиться с собой. Мартин спустя секунду присоединился, обнимая ее за плечи.

— Я не уверена, есть ли там что, но ты выяснишь. Возможно, ничего особенного, если ты сможешь раздобыть у капитана полную пассажирскую декларацию, включая выходы на остановках, и поспрашиваешь, не вел ли кто-нибудь себя странно. Я имею в виду, есть ли пассажир в первом классе, никогда не появляющийся на обедах, поскольку голоса в его голове советуют ему оставаться у себя в каюте и чистить пистолеты…

— Проверка. — Он вздохнул. — Корабль линий «ВайтСтар»?

— Да. Это хорошо или плохо?

— Накладно, *очень* накладно. Надеюсь, у твоих ребят найдется что-нибудь в загашнике, чтобы предложить капитану, или он не будет слишком заинтересован тратить время попусту на кого-то вроде меня.

— Не он — *она.* Капитан Назма Хусейн. И она

не должна тявкать слишком громко. Почему, ты думаешь, Джордж включил тебя в платежную ведомость? Ей не нужно знать, что ты внесен в список как неоплачиваемый интерн; просто вытащишь свой диппаспорт, помашешь им перед ее носом и будешь действовать вежливо, но твердо. Раскопаешь любое дерьмо, передашь его Джорджу. — Рашель усмехнулась. — Это насчет надбавки.

— Ты, должно быть, беспокоишься, не так ли?

— Еще бы.

— Ладно. — Мартин придвинулся, и Рашель обхватила его обеими руками. Он нагнулся поцеловать ее в лоб. — Позволь надеяться, что ты пригвоздишь это, так как нам скоро нужно домой.

— Уверена, отправимся. — Она обняла его крепче. — Я не собираюсь рисковать, Мартин. Хочу прожить довольно долго, чтобы видеть рождение нашего ребенка.

* * *

Три дня бешеной подготовки пролетели как скоростной поток по сточному желобу.

— Четыре часа тому назад? Когда первые пассажиры попадут в терминал? Хорошо. Спасибо. Буду

готова. — Рашель захлопнула крышку телефона и попыталась унять свой скачущий пульс. — Начинается, — крикнула она через открытую дверь.

— Подойдите сюда. Даю последний прогон.

Рашель прошла по ковру ручной выделки и остановилась в дверном проеме.

— В какой манере разговаривают с иностранным послом? — спросила она, стараясь держать ноги чуть расставленными — на манер Элспет.

Транх ждал в спальне посла вместе с Гейл и взволнованной Джейн, все еще занятой установкой мобильного коммуникационного переключателя на столе Морроу. Как и Рашель, Гейл была одета для официального дипломатического приема: в темном жакете и платье канцелярии прелата, но, в отличие от Рашели, со своим лицом.

Транх сосредоточенно осмотрел ее.

— Волосы, — указал он.

— Дайте посмотрю. — Гейл подошла к Рашели, держа щетку как пистолет. — Нет, по-моему, все в порядке. — Она вытянула руку поправить выбившуюся прядь. — Как она ощущается?

Рашель скривилась.

— Как натянутая резиновая маска, а как еще?

— Пока можете ее носить комфортно? Не со-

скальзывает?

— Нет. Мембранные компрессоры, кажется, в порядке.

Многослойный грим пронизывали осмотические компрессоры, способные отводить пот и выделять его через специальные, якобы естественные поры.

— Прочие материалы?

— В норме. — Рашель медленно сделала поворот. — Не получается легко развернуться. Бронежилет тоже потеет.

— Ваш пистолет выпирает. Лучше, если одежда спадает свободно.

Рашель поправила оружие.

— Теперь, на мой взгляд, порядок. Проводной тест. Никаких проводов, конечно. Только сложный комплекс соединений умных коммуникаторов военной разработки, связывающих вместе группу засады.

— Проверка, проверка. — Транх поднял руку. — Все в норме. *Слышно меня?* — Мигнула лампа, и Транх поспешно подтолкнул ползунок. — Так лучше?

Рашель кивнула. В облегающей маске и чужой одежде поверх защитного каркаса на теле, пытающаяся скрыть пистолет, Рашель чувствовала

себя как угодно, только не лучше. По крайней мере хоть Мартин не видел эту картину, он направлялся на разведку на лайнер, находящийся на геосинхронной орбите.

— Гейл, напомните мне боевой порядок.

— Порядок… о. — Она прочистила горло. — Готовность — 17:30. Двери открыты — 18:00. Мы ожидаем помощника министра культуры Ивана Гашека, дюжину или около того культурных атташе, представителей послов, шестнадцать различных бизнес-сановников, включая шестерых, обеспокоенных разрешением судебных репарационных процессов, троих с Септагона, озабоченных торговым будущим в свете возможного будущего дефицита дрезденцев в торговле с ними, и шесть экспортных агентов почивших московских фирм. А также полковника Гхова из Министерства образования, профессора Франка из Министерства внутреннего просвещения, примадонну Рону Гейс, которая, видимо, споет для нас, журналистов немерено — четверо в действительности — и несколько дюжин иммигрантов, проживающих здесь или пролетающих мимо, кто получил приглашение. Плюс обслуга, квартет музыкантов, восемь танцоров, трое конферансье, одиннадцать официантов, студенты из группы

по культурному обмену, видеобригада документалистов по съемке хроник о судьбе наций после гибели их планет и куропатка на груше. Я дважды проверила список вместе с Приткиным и послом, у вас чистое поле — никаких старых знакомых согласно вашему служебному формуляру.

— Великолепно. — Рашель поморщилась. — Горизонт свободен пять часов. У кого-нибудь есть для меня пилюли крысиной печени?

Гейл вытащила упаковку таблеток и помахала ею, чуть улыбаясь.

— У меня.

Рашель заглотила первую таблетку, примиряясь с вечерней трезвостью.

— Туалет?

— В холле, дверь под основной лестницей слева. Кабинки все на связи, конечно.

— Охрана?

— Двое спереди, двое сзади и по двое на каждой лестничной площадке. Они проинструктированы. Пароль…

— Я его получила — «призраки». «Псы» — для незваных гостей.

— Верно. — Транх встал. — Довольна?

— Так… — Рашель чуть задумалась… — как и любой другой на моем месте. Как Элспет с этим

справляется?

— Можно ей позвонить, если есть желание.

— Не думаю.

Рашель окинула все мысленным взором. Скука безопасного дома на другой стороне города. Посол Морроу, окруженная королевским эскортом тайной полиции, пытается расслабиться в компании с Джорджем Чо и помощниками из Министерства иностранных дел и секретарем как-там-его-зовут.

Нарастающее напряжение присутствовало в дипкорпусе Земли, играющим мускулами в неразберихе: Земля оказалась стороной, потенциально втянутой **в** конфликт, благодаря выбору убийцей транспорта. Единственное, почему дрезденские «невидимки» не занимались этим, была, вероятно, реакция московского дипкорпуса, если они пропустят мяч. Боязнь: *Что если они правы?* Неопределенность: *А что, если нет?* И паранойя: *И что если за всем этим стоят люди с Земли?* Этого хватало для изжоги у Рашели — не самое хорошее начало долгого и напряженного вечера.

Она на время сосредоточилась на своих имплантатах. Дрезденские власти имели предубеждение против персонального увеличения и беспорядочного использования умного материала:

способности Рашель оседлать свой таламус, ускорить рефлексы и видеть в темноте могли потребовать отключить, приспустить, как управляемый дирижабль, если о них станет известно. Но не должны, нет, пока кто-то не объявится и не попытается ее убить. У этого события очень высокая вероятность, и теперь его ограничивали восемьдесят часов от прибытия «Романова» до его очистки от бобового стебля орбитального дока для отлета.

У Рашели были причины нервничать. Кто-то сумел проникнуть в резиденции трех дипломатов, одна из которых обладала статусом «охраняемой по высочайшему уровню», совершить три убийства и уйти незамеченными. Такое предполагало либо очень высокий интеллект, либо помощь изнутри, либо то и другое одновременно. А изнутри оповещены насчет замены…

— Сверка времени, — сказал Транх. — Первые гости, — он посмотрел на часы, — уже должны прибыть.

Раздался прерывистый стук в дверь.

— Я проверю, — подошла ко входу Гейл.

Рашель ускользнула от взгляда за внутреннюю дверь, пока Гейл шепотом вела краткую беседу.

— Это Кристофф, — сообщила она, и Рашель

несколько расслабилась. Охранник Морроу числился одним из немногих в списке благонадежных, и если бы *он* был убийцей, они бы проиграли еще до того, как начали.

— Хорошо. — Она снова вышла в центр комнаты и, перехватив взгляд охранника, поинтересовалась: — Нормально?

— Нет. — Он вернулся к изучению. — Но вы… это опасно. — Он выглядел напряженным. — Вы не та, за кого я волнуюсь.

— Несомненно. — Она здравомысляще кивнула. — Мне нужно спускаться и встречать гостей. Я действительно не жду, что наш гипотетический убийца рискнет пойти на дело при свидетелях, поэтому, пока я остаюсь вне видимости снаружи, у нас должно быть все хорошо. Забава начнется, если кто-то из гостей выйдет за ограждения, или убийца уклонится от сценария. Готовы?

Кристофф на момент замер и чуть заметно кивнул.

— Тогда дадим наше гастрольное представление.

ГАСТРОЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

С постановкой в док, пополнением запасов и дозаправкой корабля на Штефи навалилось много неприятных хлопот. В дополнение к присмотру за Средой — девица с проблемами, и ей требовалось плечо, на которое можно опереться, но находиться на линии огня сильно изматывало — Штефи подменяла Макса и Эвана и была на побегушках между мостиком и инженерной службой, в основном выступая в качестве дублера и «пойди-принеси» для корабельного экипажа, и вообще «присматривала за лавочкой», пока ее начальство вело дела с портовым руководством. Коль скоро так будет продолжаться, ей очень повезет, если удастся хоть какое-то время провести на поверхности — после трех недель непрерывной работы возможность покинуть корабль оставалась маловероятной. Если она не выполнит свою часть дела на поверхности, Свенгали отыщет для нее грубые слова, в этом она не сомневалась. Вот почему вызов Елены из офиса старшего стюарда стал крайне нежелательным.

— Лейтенант? У нас непредвиденная ситуация.

Я в четвертом стыковочном тоннеле, северная сторона. Можете срочно подойти?

Штефи посмотрела на двух техников, подключавших внешние силовые кабели корабля, чтобы отсоединить второй генератор и шифратор для выгрузки объемной почтовой бобины.

— Могу уделить пять минут. Это все. По пути. Что за ситуация?

— Не могу сказать, пока вы не придете сюда.

— Что значит «не могу»? — Штефи уже шла к ближайшей капсюле служебного лифта. *Получить сигнал сцепки, потом проследить, как доктор Льюис получает транспорт для нового хирургического оборудования…*

— Все кувырком. — В голосе Елены слышалось извинение. — У меня прибытие В-5.

— А… — Штефи мигнула. — Уже иду. — Она покрутила кольца, меняя настройку, и попросила лифт доставить ее до шлюзового отсека. — Макс, это Штефи. У меня проблема. Знаешь что-нибудь о прибытии В-5?

— В-5? — озадаченно переспросил Макс. — Не слышал. Попытайся взять это на себя, если сможешь. Если тебе сложно — переправляй мне. Я сейчас заменяю Чи, и у меня заняты руки.

— Ладно. — Штефи покачала головой. — Разве

это не *дипломатическое исключение?*

— Дипломатическое, таможенное, полицейское — любое. Если у них ордер на пассажира, то — в канцелярию старшего стюарда, если связано с судовыми отделами — ко мне.

— Хорошо. Конец связи.

Лифт затормозил и открыл двери в пассажирское отделение стыковочного тоннеля четыре. Этот уровень — диаметром с фюзеляж околозвукового реактивного перевозчика — представлял собой широкий коридор с уклоном вверх, ведущий в зал прибытия станции. В конце корабля из него открывались различные двери шлюзов и грузоподъемников, через которые люди попадали в порт. Елена и член команды из офиса старшего стюарда ждали у барьера вместе с пассажиром — нет, подождите, он был не с той стороны, не так ли?

— Привет, Елена. Сэр. — Профессиональная улыбка. — Чем могу помочь?

Штефи наскоро оценила его: темноволосый, молодо выглядящий, но с самоуверенностью, приходящей с возрастом, в сандалиях, удобном килте и рубашке стиля «на все случаи жизни». В руках маленький буклет. В белом переплете.

— Меня зовут Мартин Спрингфилд, — пред-

ставился он застенчиво. — Я временно прикомандирован к особой дипломатической миссии Объединенных Наций в Сараево. — Он слегка улыбнулся. — *Ники* так не выглядела, когда я в прошлый раз был на борту, должен сказать.

— *Ники?* Извините? — Елена попыталась привлечь к себе внимание, но безуспешно.

— Так мы называли ее в верфи. Восемь или девять лет назад. — Спрингфилд кивнул сам себе, будто что-то подтверждая. — Прошу прощения за беспокойство, но я здесь из-за того, что послу Чо срочно требуются ответы на некоторые вопросы. Найдется уединенное место для разговора?

— Уединенное… — Глаза Штефи почти съехались к переносице от попытки примирить конфликтующие инстинкты: *прогнать назойливого штатского и вернуться к работе,* и *о черт, правительственная штучка, что мне теперь делать?* — Да, полагаю, найдется.

Она предупреждающим взглядом посмотрела на Елену, которая пожимала плечами и выглядела совершенно беспомощной.

— Не будете ли так любезны пройти сюда. Можно взглянуть на это, сэр?

— Настоящее, — помогла Елена. — *Карт-бланш.* Он тот, за кого себя выдает. Я уже проверила.

Штефи заставила себя снова улыбнуться.

— Не сомневаюсь, иначе вы бы не вызвали меня сюда. — Она взглянула на Мартина. — Следуйте за мной.

Она развернулась и двинулась вперед, несмотря на то, что проход не позволял комфортно разминуться с небольшой группой людей, спускавшихся по тоннелю: пара, принимающая гостей, два бизнесмена, группа измотанного вида недавно оттаявших пассажиров четвертого класса с перевозочными сундуками и Среда. Девушка тоже заметила Штефи.

— Лейтенант Грейс? Вы заняты? Я просто хотела извиниться по поводу того дня…

— Все хорошо, — устало ответила Штефи. — А вы в порядке? Вижу, идете на землю — что-то надумали? Осматривать достопримечательности?

Среда слегка просветлела.

— Да. — И внезапно погасила эмоции. — Завтра в посольстве мемориальная церемония. В столице. Приглашены все московские, кто находится в системе. Приглашение поступило в мой почтовый ящик сегодня утром. Думаю, нужно сходить. Прошло пять лет по имперскому времени.

— Конечно, сходите, — поспешно произнесла Штефи, удивляясь, что может одновременно го-

ворить и пробираться через толпу. — Захочется по возвращении поделиться новостями, не стесняйтесь, зовите меня. Сейчас я немного занята.

К ее облегчению Среда кивнула и поспешила присоединиться к группе экскурсантов. «Как я могла на это напроситься?» — думала Штефи. После того ужасного срыва в первую ночь, когда она просидела пару часов со Средой, пока та изливала свою душу, у Штефи созрело желание кого-нибудь задушить, начиная с того, кто убил семью девицы и гонялся за ней самой, едва она поняла, как много Среде потребуется времени оправиться. Штефи передала доклад со стюардами, аккуратно выпуталась, и когда проверила на следующий день, Среда, казалось, была в порядке. Девица проводила много времени с троллем из «В-312». В этом возрасте они эластичны. Штефи сама сделала себя упругой, когда родители развелись, но не помнила, чтобы обрушивалась на плечо незнакомца или устраивала за ужином драку. «Избалованная, как многие богатенькие отпрыски, — решила Штефи. — Среда, вероятно, в своей жизни не встречалась ни с чем, о чем стоило волноваться». Штефи дошла до служебного лифта и, только когда он начал движение, поняла, что человек из посольства все еще с ней.

«Он что, человек-прилипала?» — подумала она.

— Мы может найти уголок в планово-исполнительном отделе или в конференц-зале. Правда, мне нужно выполнить пару поручений, за которые я несу ответственность.

Дать ему излить мне душу, хм?

— Если вам необходимо все сделать лично, я буду следовать за вами, но не стану мешать. — Спрингфилд прислонился к стенке кабины. Он выглядел то ли усталым, то ли взволнованным, то ли и тем и тем одновременно. — Но, боюсь, доставлю вам много хлопот. Посол Чо направил меня здесь кое-что выяснить, поскольку я ближайший специалист по космоплаванию, какой у него есть. Судя по всему, у нас проблема поиска иголки в стоге сена. Конкретно, у нас есть причина думать, что кто-то из пассажиров использовал ваш корабль как средство передвижения для серийных шалостей в нескольких последних портах прибытия.

Лифт затормозил, приближаясь к отсеку силовых соединений.

— Мы говорим о контрабанде, сэр? Баратрии[25] или космическом пиратстве? Если нет, то не

---

25 Примечания: 25
Умышленный ущерб судну или грузу капитаном или командой.

представляю, как это может быть связано с «ВайтСтар». У нас исключительно мирный вояж.

Дверь со свистом открылась, и Штефи вышла. Юрий стоял, прислонившись к стене, у большого серого распределительного щита.

— Все сцеплено, мадам. Вам нравится путешествие?

Штефи кивнула. У нее заняло всего минуту, чтобы убедиться, Юрий и Джилл — они всегда спешили, поскольку были необходимы везде, — работу сделали хорошо.

— Ладно, давайте все проверим, запустим и подпишем. Она ждала, пока Юрий связывался с инженерами и пробегал проверочный список перед включением в цепь. Распределительный щит размером со шкаф загудел под нагрузкой почти в пятьдесят мегаватт электрической мощности, переданной на него по сверхпроводниковым кабелям не толще пальца Штефи.

— Хорошо, вот мое разрешение. — Она расписалась в блокноте Юрия и опечатала шкаф.

— Пойдемте в конференц-зал, — предложила она Мартину, — если все еще испытываете необходимость проверить наши записи…

— Боюсь, это не то, в чем *я* испытываю необходимость, — тихо сказал он, подождав, когда дверь

лифта закрылась. — Не жду, что у вас были проблемы в полете. Человек или люди, которых мы разыскиваем, более склоны устраивать неприятности на земле.

— Неприятности? Какие? Спрингфилд ответил хмурым взглядом.

— Не могу сказать. Но достаточные, чтобы отправить сюда полномочную дипмиссию для исправления ошибок. Если требуется подтверждение, свяжитесь с Викторией МакЭлвайн в юрисконсульстве головного офиса «ВайтСтар» и поинтересуйтесь, что вам следует делать. Пока же мне нужно ознакомиться с полной пассажирской декларацией с самого начала круиза. И вашего временного персонала — всех, кто здесь меньше шести месяцев. Мне также требуется расширенный доступ в каюты. Если вы не уполномочены разрешать досмотр, назовите, кто может. Наконец, мне нужно провести инспекцию инженерных помещений и груза из конкретных портов — любых, от маленьких до средней величины, предметов, принесенных с собой пассажирами с Земли, Турку и Мира Эйгера.

— Всего лишь? — с недоумением поинтересовалась Штефи.

Это была работа примерно на неделю. С пасса-

жирской мешаниной примерно в 40 % на местах назначения, через корабль прошли примерно шесть-семь тысяч человек, не считая штата «Досуга» — те, например, перевозили целый камерный оркестр от Розенкранца до Эйгера, — они сами нанимают и увольняют артистов.

— Лучше вам начать разбираться немедленно. Если не возражаете, провожу вас к командному пункту — я освобождаюсь от дежурства через два часа с увольнительной на завтра.

— Хорошо, не хочу вас задерживать, но давайте приступим. Мне надлежит отправить доклад в течение двадцати четырех часов. С *результатами.* И тогда я могу пригласить вас помочь мне кое-кого арестовать.

Между тем покинувший корабль Фрэнк был разочарован.

— Можете объяснить, почему меня не допускают? Я договорился о встрече сорок три дня тому назад. Допуск через консульство на Токио. Какая проблема?

— Проблема? — Человек на маленьком экране прокашлялся. — Можно назвать и так. — Он посмотрел на Фрэнка. — Боюсь, вы попали сюда в разгар штабных учений, и министр Бакстер отсутствует. Поэтому все посольские приглашения

сокращены, и мне не удалось отыскать никакого упоминания о вас в нашем рабочем расписании. Может, вы хотите договориться о новой встрече на следующей неделе?

— Мой корабль уходит послезавтра, — сказал Фрэнк со всем возможным спокойствием. — Поэтому следующая неделя не годится. А мог бы министр Бакстер вместо встречи дать интервью по телефону? При обеспечении должной секретности встречи с глазу на глаз не потребуется.

— Проверю. — Экран на мгновение мигнул, затем: — Прошу прощения, сэр, но министр будет полностью занят до следующего четверга. Могу предложить вам иные альтернативы? Например, канал дальнего действия?

— Мне нужно проверить свой бюджет, — допустил такую возможность Фрэнк. — У меня лимит расходов по частоте. Значит, вы утверждаете, что даже при двойной проверке меня нет в вашем списке? Можно обратиться к вам в таком случае? Если министр недоступен, нельзя ли договориться о разговоре с послом Морроу?

— К сожалению, посол тоже занята. Как я уже говорил, это самая неподходящая неделя для интервью. Если оставите мне свои материалы, попробую что-нибудь сделать, но ничего не обе-

щаю.

Фрэнк отложил свой временный ком и устало встал. В таких случаях он чувствовал себя ходящим с завязанными глазами по навощенному полу с разбросанной повсюду космическим шутником банановой кожурой. *Почему именно сейчас? Почему из всего времени сраные обстоятельства сложились так именно сейчас?* Цитата от Бакстера или даже Морроу, допускающих, что их сослуживцев преследуют, — могла стать взрывной. Они следующие. Все действительно пованивало осторожной тайной и строгой изоляцией: отмена назначенных интервью, публичные появления строго ограничивались особо контролируемыми зонами со сверенными гостевыми списками. Ненавязчивое зловоние отказа, висящего над гниющим трупом бизнеса, напоминало один из маминых званых обедов, когда она пыталась внезапно вернуться назад, в заколдованный круг политических активистов и посредников, кто бросил ее в первый раз после ее избирательного провала.

В парке воздух был все еще прохладным и слегка влажным, но нагретые солнцем скамейки уже стали достаточно сухими, чтобы на них можно было присесть. Фрэнк захлопнул свой мо-

биль-офис и встал. Цвели тополя, и он медленно проходил под пологом из сережек, подрагивающих и опадающих в утреннем бризе. Тропинка сливалась с двумя другими, ведущими от одного из бронзовых военных мемориалов, обычных для здешних мест. Фрэнк подождал минуту, разглядывая его через очки, завороженный моментом вечности. Почти сто лет назад на этом участке вражеский батальон оказал воодушевленное сопротивление вооруженным силам Всепобеждающей. Их души, большие и воинственные, направились в Валгаллу: победители установили стеллу не из великодушия, а с более хитрым умыслом. «Никому не нравится похваляться тем, что устроили резню группы перепуганных, голодных и плохо вооруженных новобранцев, — напомнил себе Фрэнк. — Легче казаться героем, когда твои побежденные враги — великаны».

Кое-что он обязан спросить, если приблизится настолько, чтобы взять интервью у ее превосходительства Элспет Морроу. «Так как это — чувствовать себя приговаривающей к смерти 140 миллионов детей, 90 миллионов стариков и 600 миллионов обычных людей, которые с удовлетворением занимались собственными делами и даже не имели понятия о вас?»

На дорожке Фрэнку встретился садовый робот. Судя по запаху, собирающий и ферментирующий либо слизняков, либо отходы собак, выгуливаемых гражданами на лужайке. Аллея протянулась далеко вперед от того места, где Фрэнк прогуливался, с такими же парковыми скамейками и обширными полянами. Каждая скамейка имела полувыцветшую оловянную пластинку, почти серую от времени: *«Светлая память рядовому Айвару Винчику от родителей»* или *«Ушедшему навечно, но не забытому сержанту-артиллеристу Джорджу Легату».* Парк нес свою историю так гордо, как медальный ряд: от мемориалов павшим до белого мавзолея, сложенного из черепов и костей вражеского батальона, используемого присматривающими за могилами в качестве хранилища газонокосилок.

Деревья кончились, и тропинка стала спускаться к бетонному тоннелю, проходившему под дорогой, отделявшей парк от городского центра. Если его можно было назвать центром. Сперва там возникла маленькая деревушка. Потом произошла битва. На месте бывшей появилась новая деревня, которая переросла в городок до следующей битвы, сровнявшей его с землей. Затем городок был восстановлен и превратился в город,

который почти полностью разбомбили, но отстроили заново. Потом Молл-Съевший-Фондрак превратился в Арколо-гию*-Поглотившую-Фондрак: бетонные башни, сверкающие стеклом, черепичные крыши цвета махровой розы, и грейдеры, распластавшиеся на земле, будто заснувший великан. Место, тяжело зараженное историей и военными мемориалами, отмечающими самые горячие точки.

Это был тихий день, с пока еще небольшим транспортным потоком. На нижнем уровне, несмотря на раннее утро, кое-кто присутствовал: парочка для совместной утренней пробежки, три подростка на досках, старушка с большим рюкзаком в ботинках и крепкого вида спортсмен-ходок, уставившийся в древний дисплей путеводителя. Колонна доставочных фургонов, напоминая выводок утят, прогудела по шоссе, волочась за магистральным тягачом. Чайка, на удивление далеко залетевшая на сушу, кружилась над головами и пронзительно заявляла права на территорию.

Город по единому архитектурному плану.

— Когда следующий поезд на Потробар? — громко поинтересовался Фрэнк.

— У вас двадцать девять минут. Опции: брони-

рование, показ маршрута до станции, другое…

— Бронирование и маршрут, пожалуйста. Вездесущая геокомпьтерная сеть здесь была грубее по сравнению со службами на Земле, но работу свою выполняла, и делала это без анимационных ссылок, что оказалось счастливым даром. Замигала световая дорожка, стробоскопическими вспышками указывая на один из арочных входов. Фрэнк шел за световым зайчиком по декоративному булыжнику, мимо компании толпящихся моноциклистов рядом с фонтаном писающего Эроса.

Станция находилась на шестом уровне — застекленный атриум с раздвижными дверьми для удобного подхода к пассажирским купе. Фрэнк присел и начал отрывисто молотить по клавиатуре, пытаясь проникнуться атмосферой станции из бетона с хромом (что примерно походило на попытку возврата выгоревшего угля в дерево, подумал он удрученно), но тут же его внимание привлек вызов пикнувшего телефона.

— Да, — отозвался он, оставляя лишь голосовую связь, уж больно просто кому-то было прихватить его экран/камеру в людном месте.

— Фрэнк? Это я. Я здесь. А вы?

— Вы?.. — Он скосил глаза в попытке вычис-

лить, *откуда звонок*, и нажал клавишу «геоместоположение вызывающего». — Да. Среда? Что вы хотите?

— Я только что с корабля, но решила поинтересоваться, заняты ли вы вечером, — объяснила она и быстро добавила: — Знаете, сегодня здесь состоится винно-сырный прием, я на него приглашена, и мне сказали, что могу привести е собой гостя. Прежде я не делала таких вещей, но мне *серьезно порекомендовали…*

Фрэнк попытался сдержать вздох.

— У меня не удалось с интервью. Если не смогу заполнить промежуток, думаю, буду свободен, а может, и нет. А какой прием?

— Нечто вроде пятой годовщины поминальной свечи, на которую приглашены все граждане Москвы, находящиеся на

Дрездене. В посольстве, знаете? Мои… э-э… друзья посчитали, что такое событие может вас заинтересовать.

Фрэнк резко выпрямился, почти не замечая других пассажиров, которые придвинулись к краю платформы.

— Погодите, это великолепно! — волнуясь, воскликнул он. — Хочу немного местного колорита. Возможно, несколько врезок в интервью с обыч-

ными людьми. Когда, сказали, оно произойдет?

Двери открылись, пассажиры высадились, входящие ринулись занять их места.

— В Московском генкольсустве в Сараево. Вечером в… Фрэнк заторопился. Платформа резко пустела, но поезд еще не ушел.

— Опа! Сможете передать текстом? Спешу на поезд, пока. — Он наскоро отключился и рысью бросился к дверям, забежав в поезд одновременно с сигналом отправления. — Потробар? — пробормотал он, оглядываясь в поисках свободного места. — *Мне-то* какого хрена там надо? — Он вздохнул и заставил себя присесть, когда система оповещения выдала музыкальный аккорд, и поезд приподнялся на колее и заскользил в тоннель. — И когда ближайший поезд из Потробара на Сараево? — жалобно поинтересовался он.

УСТАНОВКА БОМБЫ

Дзинь, дзинь.

— Эй, что так долго? Жду несколько часов. Могу не успеть…

— Не опоздаешь. Капсула будет только через полчаса, Среда. Получила мое сообщение насчет приема?

— Да, — несколько театрально вздохнула Среда. — Я по пути туда. Хочешь что-то сообщить?

Короткая пауза.

— По ходу дела. Среда покачала головой.

— Другими словами, нет.

Она нагнулась и застегнула пряжки ботинок. Они смотрелись великолепно с белыми шнурованными шальварами, купленными для обедов и пока ни разу не надетыми.

— Зачем мне туда идти?

— Могут быть неприятности, — произнес Герман далеким монотонным голосом. — Конспираторы, которые постоянно уничтожают московских дипломатов…

— Что?

— Пожалуйста, не перебивай. Думаешь, цель

— одна ты?

— Но, но…

— Канцелярии сотен миров будут потрясены этим разоблачением, Среда. *Если* первичный нормализурующий установочный вектор сколлапсирует к… извини. Если что-то, спорю сам с собой, произойдет. Извини, человеческие языки бедны для описания парадоксов времени.

— Ты должен постараться, если хочешь произвести впечатление. Я просто живой плацдарм.

— Почти. — Пауза. — Внимание. Трое послов убиты. Их смерти совпадают со временем прибытием этого корабля на орбиты планет, где произошли убийства. На этой планете есть один посол и еще другой высший правительственный чиновник. Причины, по каким я доставил тебя сюда, тройственны. Мне интересно, кто убил трех дипломатов и зачем, ибо, считаю, в этом ответ на очень важный вопрос: «Кто уничтожил Москву?» — Еще одна краткая пауза. — Прокручивая события в обратном порядке от сложившийся ситуации, я должен переслать сообщение своему более раннему вектору состояния — действуя как экс, исполняющий обязанности оракула и бога в световом конусе, — и задействовать тебя для этого дела в раннем возрасте. Твое запутан-

ное положение подразумевалось в развитии ситуации, хотя я до конца не понял почему, и, думаю, причины уничтожить тебя связаны с этим. Информация, на которую ты натолкнулась на «Старом Ньюфе», оказалась более важна, чем я посчитал тогда. К несчастью, я пока не могу организовать тебе отсюда транспортировку, поэтому не так просто вернуться обратно.

— Ты хочешь вернуть меня *домой?* — Прозвучало визгливо. Среда поспешно выпрямилась. — Ты об этом не упоминал. А это не опасно? И каким образом мы туда попадем?

— Это вторая причина, — неумолимо продолжал Герман. — А вот и третья: я рассредоточенная разведслужба, связанная каузальными каналами. Я сильно зависим от состояния когерентности, которая сохраняется только в световом конусе.

Когда корабль, находящийся в фокусе моего внимания, совершает транзитный рейс со сверхсветовой скорость, я теряю с ним контакт. Ты же мой включатель перезагрузки. Одновременно ты моя зона наблюдения слепых точек. Если я нахожусь вне зоны доступа, когда происходят критические события, — ты достаточно умна и находчива, если, конечно, адекватно информирована, что можешь действовать на борту корабля

в качестве моего заместителя. Сейчас. Готова?

— К чему? — Среда глубоко вздохнула. — Я имею в виду, к чему готова? — слегка взволнованная и озадаченная спросила она. — Есть опасность?

Она надела куртку, длиной до лодыжек, как пальто, эффектную, но тонкую и непригодную в непогоду.

— Да.

— Ой, как мило. — У нее вытянулось лицо. — А что еще?

— Тебя необходимо предупредить о некоторых вещах. Первое: есть еще один человек, вовлеченный в данную ситуацию. Его зовут Мартин Спрингфилд. Доверять ему можешь безоговорочно, если встретишься. Он действует в качестве моего неофициального канала связи с дипломатическим подразделением, которое расследует ситуацию более или менее с той же стороны. Второе: я у тебя в долгу…

Среда замерла.

— Что это может означать? — с подозрением поинтересовалась она.

— Я совершил ошибку, в результате чего допустил уничтожение твоего родного мира. И обеспокоен, Среда. Предупреждение подобных инцидентов является одной из целей моего су-

ществования. Это говорит о сбое в моих системах оповещения. Что, в свою очередь, предполагает, что ответственные за разрушение Москвы намного мощнее, чем виделось прежде. Или это осуществили мои агенты.

Среда прислонилась к стене.

— *Что?* Значит, ты Эсхатон!

— Не совсем. Это правда, я компонент ансамбля разума, определяемого как Эсхатон. — Голос Германа стал однообразным, словно подчеркивая факт, что любые тона были просто модуляционной проделкой. — Эсхатон сохраняет глобальную причинно-следственную связь в сфере радиусом примерно в тысячу парсеков. Это подразумевает рекурсивную отправку информации назад во времени самому себе для редактирования временных аномалий. Такие парадоксы являются неизбежной стороной путешествий со сверхсветовыми скоростями или управления ансамблем разума, использующего времяподобные логические механизмы. Я получаю приказы из далекого будущего и выполняю их с пониманием, что сохранность вектора состояния должна существовать достаточно долго, чтобы эти приказы отдать. Если же *я* не получаю таких приказов, это может означать, что события становятся мне

неподконтрольны. Неподконтролен мой вектор будущих состояний. Подобная ситуация может сложиться в случае разрыва или редакции временной линии Эсхатона. Я сообщаю тебе, Среда, что *должен был* предупредить уничтожение Москвы. Моя ошибка ставит под вопрос мое будущее существование.

— Твою мать! Ты говоришь мне…

— Все это является комплексной игрой, ведущейся против меня партией или партиями неизвестных. Я проверил свое предыдущее предположение, что угроза исходит от РеМастированных. Их желание уничтожить меня хорошо понимаемо, как и их возможности, и на какое-то время были приняты меры. Настоящая угроза исходит из высших сфер. Возможность появления эквивалентного Эсхатону неприятельского разума, существующего в будущем данного светового конуса, теперь вполне можно предположить. Правда, уму непостижимо, чтобы фракция РеМастированных манипулировала такой внешней сущностью. Моя способность планировать наперед таким образом вызывает вопрос. Обратная логическая взаимосвязь, основанная на необайсианской логике, резонно предполагает, что, когда ты вернешься на корабль, за тобой пошлют

группу агентов, но это чисто умозрительно. Тебе требуется находиться все время под охраной. Твоя работа — выудить агентов врага и предъявить их мне, начав с мемориальной церемонии в посольстве. Твоя ошибка может привести к последствиям намного худшим, чем уничтожение одной планеты.

Щелк.

— О черт. — На момент девушка решила, что с ней все в порядке, но вдруг живот свело. Среда едва успела в ванную, с трудом сдерживая приступ тошноты, пока не склонилась над унитазом. «Ну почему я? Как мне справиться с этой бедой? — спрашивала она у зеркала, шмыгая носом и вытирая глаза. — Какое-то проклятие!»

Пятьдесят минут спустя потрясенная, но уже слегка расслабившаяся Среда вышла из капсулы космического лифта в бетонно-стальной зал прибытия, предъявила паспорт иммиграционному чиновнику и, пошатываясь, щурилась на послеполуденный свет Нового Дрездена.

— Ого, — тихонько произнесла она.

Ее кольца завибрировали, предупреждая о вызове. Среда вздохнула.

— Снять блокировку.

— Успокоилась? — поинтересовался Герман,

словно ничего не случилось.

— Вроде да.

— Хорошо. Сейчас, пожалуйста, обрати внимание, где мы идем. Я внесу твое местоназначение в общественную систему геослежения. Следуй за зеленой точкой.

— Зеленой. Хорошо.

На полу появилась зеленая точка, и Среда послушно пошла за ней, подавленная и опустошенная. В преддверии приема она уже почти взяла себя в руки, но информация Германа снова расстроила ее, разрушив ее робкий оптимизм. Может, Фрэнк и приободрил бы ее, но сейчас хотелось лишь одного — вернуться в шикарный номер, запереться и напиться.

До прибытия в столицу еще три часа скуки в кресле магнитно-подвесной капсулы, пролетавшей тысячу километров за час в тоннеле, прорытом глубоко под океанами и континентами.

Типично, но почему нельзя проложить бобовый стебель поближе к главному городу? Или передвинуть город? Перемещаться по планете отнимало много времени по весьма неочевидной причине.

Сараево был старым городом со множеством каменных построек и стеклом-и-сталью небо-

скребов, с плохим кондиционированием, вихревыми бризами и воздушными потоками, и дезориентирующими бело-голубыми фрактальными плазменными образами на месте потолка. Город был наполнен странного вида людьми в странных одеждах, быстро передвигающихся и совершающих непонятные действия. Среда поравнялась с тремя женщинами в псевдокрестьянских одеждах — Новый Дрезден никогда не считался задворками, чтобы жить действительно по-сельски, — размахивающих кредитными терминалами. Группа людей в радужно-люминисцентных пластиковых накидках прокатила мимо, окруженная компактными дистанционниками, жужжащими на уровне уха. Машины, тихие, трогательного вида, скользили по улицам. Парень в грязном альпинистском снаряжении сворачивал палатку у ног, кажется, предложил Среде пустую кофейную чашку. Люди в блестящих очках жестикулировали невидимыми интерфейсами; лазерные точки танцевали повсюду над головами нуждающихся в путеводителе. Это не было похоже на Септагон, а похоже…

«На дом. Если бы дом был больше, стремительней и более развитый», — поняла она, отмечая едва уловимую связь с воспоминаниями от по-

следнего посещения дома бабушки.»

Все вокруг казалось знакомым. Сперва Среда заволновалась, что одежда, которую ей было удобно носить дома, не подходит для приема.

— Не беспокойся, — сказал ей Герман. — Москва и Дрезден оба относятся к «мак'»-мирам, первые переселенцы имели сходные и происхождение, и стремления. Культура должна быть близкой. Благодари распространение массмедиа, это не похоже на Новую Республику, Турку и даже Септагон.

Это, несомненно, было так. Даже улицы выглядели похожими.

— И мы стояли на грани *войны* с этими людьми? — удивилась Среда.

— Обычные дурацкие причины. Противоречивые торговые интересы, иммиграционная политика, политическая нестабильность, транспорт — достаточно дешевый, чтобы способствовать торговле, и слишком дорогой для федерализации или других договоренностей, приводящих к минимализации риска войны. Каждый «мак'»-мир взял с собой что-то от доминантной культуры Земли в период расселения, но с тех пор произошли расхождения, и в определенных делах кардинально. Не делай ошибку, допуская, что

можешь здесь без опаски обсуждать политику и действия правительства.

— Будто я собиралась. — Среда вслед за зеленой точкой завернула за угол и пошла наверх по спиральному пандусу в крытый переход и далее в крытую аллею. — Где мне полагается встретиться с Фрэнком?

— Он должен ждать тебя. На этой дороге. Здесь.

Он сидел на скамейке перед абстрактной скульптурой из бронзы, вяло шлепая по своей антикварной клавиатуре. Убивал время.

— Фрэнк, с вами все в порядке?

Он взглянул на Среду и состроил гримасу, долженствующую означать улыбку, которой не удалось ее ободрить. Фрэнк с покрасневшими веками и мешками под глазами сидел в одежде, смотревшейся так, будто репортер не переодевался два дня.

— Да, наверное. — Он помотал головой и широко зевнул. — Бр-р. Долго не спал.

«Частичная перегрузка», — бесстрастно отметила Среда и взяла его за руку.

— Идем!

Фрэнк пошатнулся, но удержал равновесие. Убрал клавиатуру в карман и снова зевнул.

— Мы успеем?

Она моргнула, сверив время.

— Конечно! Что намерены делать?

— Не спать. — Фрэнк встряхнулся и, почти оправдываясь, добавил: — Я дурак. Не возражаете, если сперва освежусь?

— Кажется, общественная уборная рядом, — улыбнулась Среда.

— Хорошо, пару минут.

Это заняло четверть часа, но вернулся Фрэнк принявшим душ и в почищенной в скоростной стиральной машине одежде.

— Извините за задержку. Ну как, уже лучше?

— Выглядите прекрасно, — дипломатично ответила Среда. — По крайней мере переход в иное состояние заметен. Вы собираетесь падать на меня?

— Ни в коем случае. — Он всухую проглотил пилюлю и передернулся. — Пока не вернемся на корабль. — И постучал по карману с клавиатурой. — Добыл достаточно материала для трех очерков, взял интервью у четырех правительственных чиновников среднего уровня и шестерых случайных прохожих, провел около четырех часов в энергичном движении. Один *последний* бросок и… — На сей раз улыбка была

менее напряженной.

— Ладно, идем. — Среда снова взяла его за руку и повела по улице.

— Знаете, куда идти? В приемный зал посольства?

— Никогда там не была. — Она показала на пол. — Путеводитель.

— О, *здорово,* подскажет, куда направляемся, — пробормотал Фрэнк. — Надеюсь, там не ошибутся, приняв меня за бомжа.

— А, что? Что это?

— Бомж? — Он приподнял бровь. — Там, откуда вы, их нет? Повезло.

Среда проверила слово в своем «лексиконе»:

— Скажу, что вы мой гость, — сказала она и похлопала его по руке.

Присутствие Фрэнка рядом помогало ей чувствовать себя в безопасности, словно она шла по незнакомому городу в сопровождении огромного и свирепого пса-охранника — биологического типа — для ее защиты. До посольства Среда добралась заметно воодушевленной.

Посольства традиционно были общественными представительствами наций. Как таковые, они имели склонность к помпезности, с необоснованно широкими фасадами и высоченными

флагштоками. Московское посольство не было исключением: большое, стилизованное под классику нагромождение известняка и мрамора, мрачно покоившееся за рядом тополей, прерывистой импровизированной оградой, на лужайке, подстриженной с помощью микромера и маникюрных ножниц. Но в этом присутствовало что-то неестественное. Может быть, флаг над фасадом — установленный для приспуска с того ужасного дня, год назад, когда посольский каузальный канал прекратил существование — или что-то более трудно уловимое. Наличествовало подержанного вида отставное дворянство, тихо проживающее остатки своих средств, но посещающее все приемы.

Вот и кордон.

— Я Сре… то есть, Виктория Строуджер, — представилась Среда двум вооруженным охранникам, пока они изучали ее паспорт, — а это Фрэнк Джонсон, мой гость, и разве это не волнительно? — Она хлопнула в ладоши, когда охранники указали на арочный проход магнитного и химического детектора. — Не могу поверить, что приглашена на настоящий посольский прием! О! Это посол? Нет?

— Не переусердствуйте с похвалами, — уста-

ло проговорил Фрэнк, прерывая ее. — Они ж не идиоты. Подобное притворство на *настоящем* контрольном пункте — и вы в камере допросов еще до того, как ступите на территорию.

— Хм. — Среда покачала головой. — *Настоящий контрольный пункт?* О чем это вы?

— Здесь полно охраны. Мы окружены всеми видами средств реальной защиты, причем незаметно. Собаки, дроны, прочее всевозможное следящее дерьмо. Полагаю, я прав, это признаки паники при крайней опасности.

Среда подошла ближе и осмотрелась. За одним крылом посольства был развернут большой куполообразный шатер — между деревьями натянуты тонкие тросы, — в котором множество гостей, некоторые в тщательно подобранных нарядах, но большинство в обычных деловых костюмах расхаживали с бокалами с бархатистым вином в руках.

— Мы в опасности? *Из того, что говорил Герман…*

— Не думаю. По крайней мере надеюсь.

В шатре расставили столики, обслуживаемые предупредительными официантами. На столиках красовались бутылки вина и батальоны стаканов, ждущих, когда их наполнят, канапе,

рулетики и другие крошечные бутербродики, предназначенные для гостей.

Неподалеку расположилась скучающего вида группа со своими обязательными стаканами и одноразовыми тарелками, в паре случаев с печальными маленькими флажками. Впервые Среда, увидев флаг, отвела глаза, не зная, плакать или радоваться. Патриотизм никогда не считался великой московской добродетелью, и, заметив, каким образом толстуха в красных брюках держит флажок, словно это хранитель жизни, Среде захотелось схватить ее и завопить: «Повзрослей! Все уже кончилось!» Девушка испытала почти такое же чувство, как… как увидев маленького Джерма, играющего с урной с прахом умершего дедушки. Оскорбление смерти, заражение истории. А теперь *Джерма* нет. Среда отвернулась, шмыгнула носом и вытерла глаза. Пусть она никогда особо не любила братца, но его нет рядом, и испытывать к нему неприязнь — *отвратительно.*

Мужчина и женщина в неприметной одежде, которую могли бы носить на Москве в адвокатской конторе, перемещались в толпе гостей, не бросаясь в глаза. Они поравнялись со Средой на удивление быстро.

— Привет, я рада, что вы смогли сегодня прийти сюда, — сказала женщина, останавливая Среду профессиональной элегантной улыбкой, почти такой же отлакированной, как и ее волосы. — Я Мэри-Луиза. Я не имела удовольствия встречать вас раньше?

— Привет, а я Среда. — Скучная вымученная улыбка. Слезы высохли. — Просто путешествую на «Романове». А нынешнее мероприятие регулярное?

— Мы устраиваем их ежегодно, чтобы отметить годовщину. Здесь присутствует еще кто-нибудь оттуда, где вы живете, можно поинтересоваться?

— Не думаю, — с сомнением ответила Среда. — «Центрис Магна», **в** системе Септагон. Туда переселилось многие из наших со «Старого Ньюфа».

— Станция одиннадцать! Вы оттуда? — Да.

— Ой, как здорово! У меня оттуда кузина. Послушайте, здесь присутствует заместитель министра Гашек. Прибыл сегодня для проведения культурных мероприятий. К вашим услугам еда, напитки, будет медиапрезентация, споет Рона Гейс. Отдыхайте, а мне нужно встретиться еще кое с кем. Поухаживайте сами за собой, но если понадобится еще кое-что, мистер Транх вам поможет.

Она исчезла в суете широких рукавов и фалдах пиджаков, оставив Среду в ошеломлении наблюдать, как пожилой толстяк размером с бурого медведя неторопливо направляется в шатер в сопровождении шикарных лощеных дам с обеих сторон. Одна из них показалась Среде так похожей на Штефи, что она моргнула, застигнутая врасплох побуждением поздороваться с дружелюбным судовым офицером. Когда Среда присмотрелась, момент для приветствия прошел. Шумная группа подростков нехотя расступилась перед троицей, когда те подходили к стюардам, сервировавшим столики.

Среда взяла бокал с вином и поискала Фрэнка, но тот куда-то отошел, пока встречавшие разговаривали с ней. *Жди неприятностей. Конечно, но какого плана?*

Стеклянные двери зала приемов посольства распахнулись, двое сотрудников начали расставлять стулья рядами на полу и вынесли часть на наманикюренную лужайку. Дальняя стена зала стала экраном: зелено-бело-голубой диск, жутко похожий на тот, который Среда как-то видела с орбиты на борту подъемной капсулы. Он плавал в океане звезд. «Дом», — хмуро подумала она. Она годами не испытывала тоски по дому, это скорее

относилось к «Старому Ньюфу», чем к данному абстрактному месту, где она родилась. Но сейчас она ощутила, как начала жечь страшная ностальгия, и одновременно возник равнозначный но противоположный импульс цинизма. *Что сделала для меня Москва?* И вдруг на девушку обрушился град воспоминаний: родители, лицо мэра Покока, когда спускали флаг в главном зале хаба перед эвакуацией… слишком много воспоминаний. Воспоминаний, от которых не избавиться.

Голос Германа в ушной капсуле: «Большинство людей пришли, чтобы послушать речи, спеть национальный гимн, а *потом* напиться. Ты, может, хочешь последовать их примеру?»

Через двадцать минут, выпив один бокал вина, Среда отыскала себе стул в переднем ряду, с краю. Остальные гости собирались неспешно — ничего похожего на траурный вечер с богослужением. Изрядное количество прибывших уже опережало Среду по количеству выпитого. Когда зал наполнился и некоторые присели на вынесенных на лужайку стульях, девушка почувствовала, как кто-то плюхнулся рядом.

— Фрэнк? — обернулась она.

— Это ваш народ? — спросил он. Что-то в его

интонации заставило ее задуматься, не имел ли он собственных скрытых призраков, с которыми борется. Казалось, его зацепило что-то.

— Ну и?

— Как-нибудь в другой раз, — покачал он головой. Среда повернулась лицом к подиуму. Припозднившиеся

еще занимали свободные места, а сбоку уже открылась дверь, и величественного вида, хотя и полноватая дама — средних лет, а может, и столетняя — вышла на сцену.

У нее были каштановые волосы, перевязанные сзади лентой, в черном расшитом золотом мундире, застегнутом на талии, с разрезами выше и ниже, с усыпанной бриллиантами цепью должностного лица, свисающей с плеч, — она была именно такой, какой ее ожидали увидеть все. Она прокашлялась, и звуковые системы подхватили и разнесли над лужайкой звук ее хрипловатого дыхания.

— Добро пожаловать, — произнесла она. — И еще раз, добро пожаловать. Сегодня пятая годовщина по абсолютному времени стандартного летоисчисления гибели и изгнания наших соотечественников. Я… — она сделала паузу с непроницаемым лицом, — подобно вам, с трудом

осознаю это. Мы не вернемся домой, и теперь, и никогда. Дверь заперта, выбора нет. Но нет и чувства завершения: ни тела в гробу, ни арестованного преступника по обвинению в убийстве. Но… — Она глубоко вздохнула. — *Постараюсь быть краткой.* Мы здесь оплакиваем наших друзей и родственников, сгинувших во время холокоста. *Мы* выжили. Мы свидетели. Мы продолжаем их дело, и мы перестроим наши жизни и будем всегда помнить их.

Кто-то разрушил наши дома. Как представитель временного кабинета, я посвящаю свою жизнь следующей задаче: дать свидетельские показания и установить вину участников. Кем бы они ни были и где бы ни скрывались, им представят счет, и расплата будет достаточной, чтобы удержать любого, кто даже только предполагает такие чудовищные поступки в будущем.

Она снова сделала паузу, слегка склонив голову набок, будто прислушивалась к чему-то, и когда продолжила, Среда вдруг поняла: *она действительно прислушивается. Кто-то зачитывает ей речь, она же просто повторяет!* Напуганная, девушка едва не пропустила следующие слова посла.

— Сейчас мы проведем минуту молчания. Те из

нас, кто верит во вмешательство высших сил, могут молиться; те, кто не может принять к сердцу факт, что мы не одни, пусть просто скорбят. Наши друзья и семьи не погибли зря.

Среда не имела склонности к долгим размышлениям. Она исподтишка всматривалась, изучая обстановку. Обхват в талии посла — *она не полная, но со множеством подкладок. И эти ящики вокруг подиума… там парни в черном и та женщина в деловом костюме и деловых очках…* Запахло жареным. Несомненно, тянуло *смертельной зоной,* игрой, которой Герман обучил ее годом ранее. Как распознать засаду. *Да это очень похоже на ловушку. Но кто…*

Среда повернулась и стала наблюдать за глазами посла, когда это случилось. Глаза расширились, как только за Средой, с двух соседних рядов, послышался нервозный шум. Моментально посол, будто запечатленная на снимке в движении, как машина, прижала руки для защиты лица и пригнулась.

Затем…

«Почему я лежу? — подумала Среда рассеянно. — Почему? — Она могла видеть, но все расплывалось, и болело в ушах. — И чувствую себя плохо». Она застонала и попыталась восста-

новить дыхание, ощущая резкий запах горения. Вдруг она поняла, что ее правая рука мокрая и липкая и сжимает чью-то кость. Мокрота. Она попробовала приподняться при помощи левой руки. Воздух был наполнен пылью, свет погас, и еле-еле сквозь звон в ушах она расслышала крики.

Вспышка света. Секундой позже ей стало свободнее. Подиум — женщины там не было. Ящики по сторонам сработали как подушки безопасности, выбросив перед послом тяжелые заслонки, когда та пригнулась. Но за ней самой, за ней… Среда села прямо и посмотрела вниз, поняв, кто кричал. Кровь на ее руке и на рукаве, кровь на стульях. «Бомба, — смутно подумала она. Затем: — Вероятно, мне нужно что-то сделать». Люди кричали. Рядом с ней посреди прохода валялась часть руки с кистью и ужасным кровавым месивом локтя. Рядом лежал Фрэнк. Затылочная часть его головы выглядела словно заляпанная красной краской. Едва она узнала его, Фрэнк шевельнулся, рефлекторно скребя пальцами одной руки пол. Женщина за ним еще сидела, но ее голова заканчивалась липким обрубком от шеи до носа. «Бомба, — окончательно решила Среда, в замешательстве стараясь собраться с мыслями.

Всплыло: — Герман меня предупреждал».

Она в панике склонилась к Фрэнку.

— Фрэнк! Говори со мной!

Он открыл рот и попытался что-то произнести. Среда поморщилась, неспособная расслышать его. «Он умирает?» — предположила она с чувством тревоги и утраты.

— Фрэнк!

Не к месту вырвался глупый смешок, едва она попыталась припомнить подробности курса оказания первой помощи, который брала год назад. *Есть дыхание? Да. Истекает кровью? Трудно сказать: везде столько кровищи, что определить, где чья, сложно.* Фрэнк что-то пробормотал. Пальцы перестали царапать пол. Он попытался подвинуться.

— Погодите, вы не сможете… — Фрэнку удалось сесть. Пощупал затылок, вздрогнул и глупо уставился на Среду. — Мутит, — выговорил он и повалился на девушку.

Среда сумела удержаться одной рукой, когда он потерял сознание. «Небось, сто кило весу», — отметила ока неосознанно. Она огляделась в поисках помощи, но призыв застрял в горле. Бомба была небольшой — чуть больше гранаты, — но взорвалась она в центре зрительской аудитории,

превратив полдюжины тел в кровавую кашу и разметав плоть, кости и кровь в виде дьявольского пейзажа. Человек в остатках сорванной с тела одежды, с верхней частью торса, покрытой красным, спотыкаясь, слепо вошел в эпицентр и шарил руками, будто что-то искал. Женщина, сидящая на стуле, как единственный оставшийся зуб среди пустых красных дырок от вырванных, кричала и зажимала свою развороченную руку. Кошмары выбрались на свет, плеща кровями, и выходили поиграть черепа с костями. Среда облизала губы, пробуя на вкус острометаллическую влагу, и застонала, когда желудок приготовился извергнуть вино и полупереваренные канапе.

Следующий эпизод в ее сознании — человек в черном, стоявший над ней с поднятым вверх пистолетом, смотревший мимо нее и настойчиво обращавшийся к парящему дрону. Она попыталась тряхнуть головой. Что-то подавляло ее.

— …можете идти? — спросил человек. — Ваш друг?

— М-м. Попытаюсь. — Она толкнула бесчувственного Фрэнка. Он напрягся и застонал. — Фрэнк.

Охранник отошел, склонился над другим телом и вдруг упал на колени и начал неистово давить

на неподвижную грудь.

— Я… я. — Фрэнк сонно моргнул. — Среда? «Садись», — мысленно приказала она.

— Вы в порядке?

— Думаю… — Он помолчал. — Моя голова. Чудесным образом вес на ее плече уменьшился.

— А вы ранены? — спросил он.

— Я? — Она снова склонилась к нему. — Не сильно. Мне кажется.

— Здесь нельзя оставаться, — слабо проговорил он. — Бомба. До бомбы. Видел вас. Свен.

— Видел кто?

— Джим. Клоун. — Он словно увядал. Среда склонилась еще ниже. — Свен был здесь. Переодетый официантом… — Его веки дрожали.

— Придите в себя! Что вы *сказали?* — прошипела она, ведомая чувством срочной необходимости, которого сама не понимала. — Что вы имеете в виду?

— Свенгали. Здесь. Артист. — Его глаза открылись. — Надо найти Свена.

— Вы сказали, будто видели его… — Шок заставил Среду сосредоточиться.

— Да. Да. Найти его. Он… — И глаза Фрэнка снова закрылись.

Среда махнула проходящему охраннику.

— Сюда!

Голова охранника повернулась.

— Мой друг. Контузия. Поможете?

— Черт! Еще один. — Охранник махнул одному из своих коллег. — Медиков!

Среда осторожно шла за Фрэнком, раздираемая противоречием между желанием убедиться, что с ним все в порядке, и необходимостью срочно найти клоуна. Бросить Фрэнка было чем-то *неправильным,* сродни позволению стабилизировать лишь свою линию жизни. Всего час назад он казался таким надежным, что к нему можно было прикрепить вселенную, но теперь все изменилось. Она поплелась к боковой двери, голова кружилась, живот крутило. Правая рука была переполнена горячей ноющей болью. *Свенгали? Что он здесь делал?* Короткий проход и открытая дверь выводили на лужайку позади здания посольства. Струящийся яркий свет резко очерчивал рой полицейских, вьющихся по периметру, как растревоженные осы. *Свен?*

Среда пошла вдоль здания. Какая-то женщина попыталась преградить ей путь: «Вам туда нельзя».

— Мой друг! — Среда, с трудом дыша, пробралась за периметр. По какой-то причине ни одна

рука ее не задержала. Под яркие прожектора на траву были выложены тела, некоторые неподвижны, над другими бешено трудились люди в оранжевой форме санитаров. Окружающие просто стояли в оцепенении или слонялись по кругу, раздражая дрессированных полицейских собак, которые, казалось, имели лучшее представление о случившемся, чем люди. Через несколько минут приблизился вой сирен, перекрывающий звон в ушах.

Среда нашла Свена сидевшим на корточках на траве и обхватившим руками голову. Лицо-блин и красный нос залиты кровью. Клоунский наряд был пародией на снобистскую шеф-поварскую форму.

— Свен? — задыхаясь, спросила она.

Он поднял глаза, из носа текла кровавая струйка.

— Сре… Сре…

— Нам нужно идти, — сказала она, стараясь думать о чем-нибудь другом, менее бессмысленном. — Мы пропустим наш… наш…

— Иди, девочка, иди. Я… — Он с ошеломленным видом покачал головой. — Помочь?

«Он здесь чтобы выступить?» — Вопрос самой себе.

— Вы ранены. Поднимайтесь, вставайте на ноги. Пойдемте в обеденный зал. Там оценивают, кому с какой срочностью оказать медицинскую помощь. И первая помощь. Пусть вас осмотрят, заберем Фрэнка и поймаем такси. Если останемся, нас затерзают вопросами, и мы не успеем на корабль.

— Корабль. — Клоун отнял руки от головы и осторожно посмотрел ей прямо в глаза со слегка озадаченным выражением лица. — Пришла сюда помочь? Фрэнк? Ранен?

— Контужен и в шоке, думаю. — Она вздрогнула, ощутив холодок.

— Но мы не можем…

— Можем. Послушайте, вы один из *двух* моих гостей, верно? И мы сделаем заявление, но только прямо сейчас, наш корабль уходит ночью. Если вы гость, вас не допросят как актера или служащего из персонала. Надеюсь.

Свенгали попытался встать, и Среда отступила, освобождая ему место.

— Должны. Просто скажем медикам… — Он покачнулся, и Среда кое-как схватила его руку, уложила себе на плечи и повела шатающегося Свенгали пьяной походкой к фасаду посольства, когда прибыла первая скорая помощь на жужжа-

щих электромоторах.

БЛАГОДАРНЫЙ МЕРТВЕЦ

— Я просто не могу *поверить* этому!

Рашель прежде никогда не видела Джорджа Чо потерявшим самообладание. Это производило впечатление и даже могло напугать, не будь у нее более важного повода для беспокойства, чем ее босс, носящийся кругами как обезглавленная курица.

— Они исчезли, — сказала она, стараясь сохранять спокойствие. — Шесть смертей, масса раненых, но они исчезли. Реактивная броня отклонила прямолетящие осколки, а я в это время присела.

Рашель сцепила руки, чтобы те не дрожали.

— Почему после этого не блокировали территорию? Почему мы не знаем кто… камеры…

— Вы же не считаете их любителями? — сердито спросила Рашель, проходя мимо него, чтобы выглянуть в окно на лужайку. Внутреннее освещение пришло в негодность, как и большинство неэкранированной электроники в посольстве. Электромагнитный импульс был не сильным, но эффективно воздействовал на большинство

локального оборудования. И кто-то налепил нужное количество самоклеющихся стикеров клоунского лица на камеры.

— Клоуны-убийцы, но не любители.

Вереница машин скорой помощи развозила раненых по различным местным больницам, немедленно перешедшим в особый режим после инцидента. Остальные машины были припаркованы, сирены умолкли: никакой спешки, пока команда Центра космических операций заканчивала производить съемку беспорядка, вызванного взрывом бомбы, судебные медики собирали образцы плоти, а вежливые мужчины и женщины в черных долгополых пальто задавали свои прицельные вопросы обслуживающему персоналу.

— Мы установили защиту от дальних выстрелов, — напомнила Рашель, слегка вздрагивая. Вспоминалось ощущение ледяного холода во внутренностях, когда сна выходила в бронежилете на сцену, пусть и знала, что перед ней установлены отражающие бронещиты, а аварийный карт с реанимационным и стабилизационным оборудованием и машина скорой помощи были наготове. Догадываясь, что снайпер может выстрелить через фалыпарку между окном и

подиумом в дальней части зала, понимая, что баллистический радар перед зоной поражения должен успеть выбросить бронеплиты на пути управляемого снаряда размером даже с пулю еще до того, как тот долетит до нее, зная, что здесь находятся две антиснайперские группы, ожидающие в полезащитной полосе вне фронта, Рашель все же не испытывала уверенности, что ее нынешний вздох не станет последним.

— Они оказались совсем не дураками. Не притащили нож или дуэльные пистолеты, а принесли противопехотную мину.

— И снова ушли. — Джордж, склонив голову, тяжело присел на край лакированного стола с нефритовой инкрустацией. — Мы должны были *знать*…

— Транх? — спросила Рашель.

— Мы лопухнулись, — тихо произнес исследователь. — Мы ловили на мед, и подманили ос. Вероятно, лишь один из пассажиров с «Романова» был вовлечен в это дело, но мы не знаем который, поскольку они спалили записи наблюдений. Вероятно, они перефильтровались через раненых. Вполне возможно, что убийца среди погибших. Хуже, если они из продвинутого общества вроде Септагона или откуда-то еще с доступом к сред-

ствам планирования мозга. Убийца мог иметь сообщника в лице любого гостя или члена обслуживающего персонала. Они вполне могли улучить пять минут, чтобы остаться наедине. Мы ничего не можем доказать. Похоже на то, что остается единственное — повредить ускоритель и задержать отправление корабля. Проверить каждого. Хотите, я свяжусь с Мартином? Он что-то раскопал?

— Нет еще, — ответила Рашель.

— Да, действуйте. — Чо глубоко вздохнул. — Мы должны арестовать их. Даже если это предупредит остальных. Кое-что им уже известно — должны подозревать, непременно, если еще не отказались от приманки…

— Не обязательно, — настойчиво заявила Рашель. — Послушайте, ну остановим мы корабль, а убийцу, может, и раскроем, но мертвого, если эти люди так жестоки, как мы считаем. А что потом? А я скажу, что: здесь — тупик, далее другой убийца начнет нарезать круги, а мы тем самым разорвем цепочку траффик-анализа, и не будем знать, где они сейчас и куда направляются. Нам следует отпустить их, но самим действовать на опережение.

Джордж спрыгнул со стола и прошелся по ком-

нате.

— Не могу я так рисковать. Их дерзость значительно усиливается: от избирательного убийства до коврового бомбометания! А дальше? Ядерная бомба в чемоданчике? Думаешь, не способны?

— Они… — Рашель замерла. — Скорее всего, да, — признала она. — Но разве вы не считаете, что именно это делает очень важным продолжение слежки? Надо взять их живьем и выяснить, кто за ними стоит?

— Вы хотите на корабль, — уточнил Транх.

— Не вижу иного выбора.

Возникла ужасно знакомая ситуация — удерживаясь на пике кризиса, перемещаться со сверхсветовыми скоростями, оседлав пулю.

— Мои рекомендации таковы: мы позволяем отбыть «Романову» согласно расписанию, но я и кто-нибудь еще из ядра группы — на ваше усмотрение, мне в помощь, — садимся на корабль в качестве пассажиров, а вы предъявляете ваш билль лишения гражданских и имущественных прав Мастеру и говорите ей, что она будет делать все, как я скажу, в случае опасности. Тем временем остальные отправляются на «Глориане» к следующему пункту, где есть московское посольство — Вене, кажется, или куда там еще, — и

ставят новый капкан. Группа дипломатической поддержки здесь не спускает глаз с Морроу и Бакстера, да и любого с «Романова», кто останется здесь. Пока мы в пути, я установлю контакт с командой корабля и постараюсь выявить подозрительных, проявивших себя как до, так и после событий. Кроме того, Мартин, возможно, кое-что разнюхал, пока мы отрабатывали здесь. Если нам удастся получить доступ к бортовым линиям мониторинга, возможно, сумеем охватить все до прибытия в следующий порт назначения.

— У вас не будет сопровождения, — сказал Чо. — Если они запаникуют и решат похоронить доказательства…

— Я буду прямо там, чтобы остановить их, — жестко заявила Рашель и выглянула в окно. — Не впервой. Но если решимся на это, надо начинать прямо сейчас. «Романов» отбывает менее чем через пять часов. Мне нужно быть на борту с более или менее разумной легендой и полным набором средств проникновения. Дипломатический багаж, если удастся, с полным военным рогом изобилия, вроде того, что пользовались прошлый раз. — Она предпочла не заметить, что Джордж поморщился. — И мне нужно избавиться от этой сраной резиновой маски, связаться с Мартином

и сообщить, пусть остается на «Романове», если не возражаете.

— Если я… — Джордж потряс головой. — Транх, ваша оценка предлагаемого Рашелью направления действий?

— Боюсь, она права, — неохотно ответил Транх и, помолчав, добавил: — А кто вам нужен?

— Для такой работы? — Рашель пожала плечами. — Для нее *никто* не готов. Заявляю: лучшее прикрытие — отсутствие всякого прикрытия. Мы с Мартином в открытую представляемся дипломатами Объединенных Наций, пользующимися низкоприоритетным транспортом между местами прикомандировки. Мы должны встретиться с остальными из нашей миссии на Новом Порядке. Совсем простая легенда, но она дает мне возможность приложить минимальные усилия, чтобы выдать себя за другую, а также очерчивает ясную границу моих полномочий, повод для беседы с капитаном и прочее. Я… — Она выглядела взволнованной. — Сперва Новая Прага, потом Новый Порядок. Слышала эти названия раньше. Нечто нехорошее, какие-то злодеяния.

— Новый Порядок, — подчеркнул Джордж. — Да без дипломатического иммунитета туда лучше не соваться. И даже с ним. Я должен прислать тебе

внутренние инструкции об этом месте, Рашель. Ты и не захочешь высаживаться там.

— Так скверно?

— Там диктатура под управлением РеМастированных, — мрачно сообщил Транх. — Неприятная местная идеология, неожиданно выскочившая, как поганка на участке. Это согласуется с тем, что выудил трал нашего вспомогательного офиса. Мы пережевываем фастфуд любых упоминаний о Москве и получили высокую вероятность попадания в цель с военблогером, путешествующим на «Романове». Он раскручивает московское дело с другого конца, делая некие не подтвержденные, но весьма параноидальные предположения насчет выживших — не дипломатов, — которых отслеживали и убивали. Что *более* интересно, он — на борту «Романова», и *РеМастированные* — одно из ключевых слов, из-за которого его колонку захватил наш трал. Ничего особенного, только намек, но он имеет на них зуб — я проследил его историю, когда здесь дела вышли из рамок. РеМастированные — местная сила, и были известны своим вмешательством во внутренние дела других миров еще до этого.

— Они весьма безжалостны, и если вовлечены в данную проблему, мне не хотелось бы, чтобы

вы путешествовали поблизости от их миров, неважно, с дипломатическими документами или без, — добавил Джордж. — У вас пять часов до отправления и по меньшей мере три из них на дорогу по «бобовому стеблю» до орбиты. Подготовьтесь. Я поручу Джанни открыть вам кредитную линию для этой миссии, а вы, Транх, проводите Рашель. Проинструктируйте ее насчет РеМастированных в любом случае. Рашель, Мартин составит вам пару. Он знает корабль и будет вашим техническим советником. Мы будем общаться в пути, и плевать на расходы. Сейчас же я должен расчистить этот гадюшник, а потому не присоединяюсь.

Он протянул руку, Рашель ее пожала.

— Удачи, — сказал он. — Чувствую, вам она понадобится.

«Ужасы никогда не заканчиваются, но спустя какое-то время можно научиться с ними жить, — размышляла Рашель. — Или, скорее, узнать, как жить в промежутках *между* ними, между колонками новостей в мирные цивилизованные времена, которые и твоя заслуга тоже. Ты выясняешь, как жить, чтобы расширить территорию спокойствия и *сократить* площадь дурных новостей. Надо лишь работать до конца истории и

сделать вселенную безопасной. В конце концов понимаешь, что в лучшем случае это была игра с нулевым счетом, и в итоге ты проигрываешь, но ты на правильной стороне, так что это не важно. Кто-то же должен…

Подонок. Другого слова нет. Осколочные гранаты в публику на нерелигиозной светско-дружеской мемориальной церемонии — подчеркиваю: *подонок.* Крики людей, девочка с оторванной рукой, женщина без головы. Девушка в переднем ряду, в отчаянии склонившаяся над своим другом с окровавленной головой…»

— Полезный груз готов? — тихо спросила Рашель.

— Минутку. — Приткин вытащил диагностический зонд. — В лучшем виде. Приложите сюда палец. Установим секретность.

— Хорошо. — Рашель вытянула руку, обхватила пальцами зонд, дождалась, пока тот пискнул, подтверждая успешную замену ключа.

Приткин воткнул зонд обратно в слот большого дорожного сундука и дождался, когда лампочка на его дне замигала красным. Затем вытащил зонд.

— Это ваше. Вооружен и загружен. — Он выпрямился и протянул зонд.

— На какой отдел выписан счет? — поинтересовалась Рашель. — После прошлого раза…

— Отдел коллективной защиты, мрачно ухмыльнулся Приткин. — Вы можете найти его в инвентарной описи.

— Не сомневаюсь. — Рашель уставилась на сундук. — Полные армейские фабрикаторы?

— Да. Это малый контейнер с руководством по эксплуатации и вашими полномочиями. В вашем распоряжении весь военно-промышленный комплекс. Постарайтесь не потерять агрегат.

— Один раз — случайность, два — небрежность. Хорошо, — обратилась она к сундуку, — ты меня узнаешь?

Сундук ответил бесцветным голосом:

— Полномочный офицер, приказывайте. Под вашим контролем.

— Эй, мне нравится. Сундук, за мной. — Она кивнула Приткину. — Увидимся на Новом Порядке.

«Подонок, — подумала она. Временно контролируемая ярость нашла направление и канал выхода. — Я иду за тобой. И когда найду, пожалеешь…»

Экспресс-подъемник, ползущий по «бобовому стеблю», дал время Рашели настроиться и попытаться загнать страхи на задворки разума. Транх,

отметила она, был даже спокойней и сдержанней, чем обычно. Подъемник был заполнен почти на две трети, пассажиры состояли в основном из членов команды, туристов, возвращавшихся на «Романов», а также небольшой группы тихих, взволнованных дрезденцев. Пока ядерные бомбардировки оставались на десятилетия позади и коды отзыва могли быть еще переданы, паника не начиналась. Только параноики в станиолевых защитных шлемах уже подумывали об эмиграции, но с населением в сотни миллионов даже групп безумных неформалов хватит, чтобы заполнить средних размеров города. Присутствовали также средних лет семейные пары с осторожным, затравленным выражением беженцев. Такие, скорее всего, перемещались в низших классах, чтобы проспать долгую череду прыжков без траты драгоценных сбережений. Рашель решила, что убийца не может находиться среди них. Ему/ей нужно бодрствовать для планирования следующих злодеяний и смотреть в оба, опасаясь преследователей.

Она до упора откинула спинку кресла и ждала жесткого толчка. Подъемный кар запускался с ускорением в 2 g, но и этого хватало, чтобы ходить было невозможно, а поднести чашку ко рту слож-

но. Сияющий голубизной кабель космического подъемника пронизывал прозрачный потолок, бесконечная струна с узлами, мелькающими несколько раз за секунду, — луковичная шелуха повышающих напряжение колец, удерживающих кар в невидимом магнитном коридоре. «Они наверху, — напоминала Рашель себе, — среди пары тысяч невинных пассажиров и команды». Шесть сотен человек спустились с «Романова», пока он был в доке, почти четыре сотни возвратились обратно, из них триста пятьдесят были на борту ранее — и брали разрешение на посещение поверхности планет, включая те, где совершались нападения на московских дипломатов. И лишь около двадцати пассажиров присутствовало на посольском приеме, но это ничего не значило.

«Если это действительно РеМастированные, здесь не может быть случайной связи, — решила она. — Они не дураки».

Первый час поездки она провела, бегло просматривая данные, полученные от Джорджа, об известных темных операциях РеМастированных и удивляясь, какого черта она не позаботилась узнать о них раньше. *Это большая галактика, но не настолько, чтобы не обращать внимания, по выражению Розы, на этот прогрессирующий*

амок.[26] Действовать, повинуясь интуиции, — риск; он может ослепить, и ты не заметишь того, кто действительно тянет за ниточки, но сейчас, вникая в досье Транха, Рашель почувствовала, что эти ребята каким-то образом причастны. Здесь пахло дипломатическими черными опергруппами, а эти ребята были явно сумасшедшими и достаточно безжалостными, чтобы быть ответственными за убийства. Единственный вопрос, *почему*.

— Какого хрена вы не сообщили нам о такой возможности? — спросила она Транха, прочтя половину и затем в неверии вернувшись к первой странице.

Он смущенно пожал плечами — неловкий жест при перегрузках.

— Джордж просил относиться к этому сдержанно. Избегать предубеждения в расследовании.

— Предубеждения, ха! — Рашель отвела взгляд. Несмотря на свою антипатию к музеям, Рашель имела чрезмерную склонность к идеализации исторической случайности. Благодаря появлению дешевых способов продления жизни, ее

26 Примечания: 26

Форма синдрома, характеризующаяся стремлением двигаться в одном направлении, круша все, что стоит на пути, и убивая тех, кто мешает движению.

поколение стало одним из первых, кто прожил достаточный временной промежуток, чтобы пресытиться им. Рашель воспитывалась в возникшем в конце двадцатого столетия атавистическом религиозном обществе, не допускавшем никакого социального развития, и провела свои первые несколько взрослых десятилетий как неугомонная, но внешне покорная жена. В среднем возрасте она перепрыгнула через ограду, чтобы увидеть мир, плоть самого дьявола. На своем пути она обрела уверенность, что история — просто череда случайностей: Бог либо не существовал, либо разыгрывал очень сложную игру (Эсхатон не в счет, при наличии декларированного отказа от божественности). Семена порока обычно произрастали из отпечатков следов личностей, знавших, как именно надо вести себя другим, и чувствовавших, что людям нужно сказать. Когда Рашель родилась, еще были живы те, кто помнил холодную войну, серое чудище идеологии, ползущее к ядерному пункту назначения. И РеМастированные вызвали несколько тревожащих воспоминаний, отозвавшихся эхом в библиотеке ее памяти. Она слышала подобное и прежде. «Почему никто еще на них не наступил?» — удивлялась она.

Когда она задалась таким вопросом, раздался звонок. Подъемник затормозил и сделал резкий разворот, выворачивающий кишки. Ускорение возобновилось, обрушившись на нее свинцовой сетью.

— Прибытие в приемный отсек три приблизительно через девятнадцать минут, — объявил сопровождающий. — Торможение до одного g за две минуты до прибытия, в случае необходимости пользуйтесь имеющимися приспособлениями.

Транх посмотрел ей прямо в глаза.

— Готовы?

— Да. — Рашель была краткой. Транх нервничал и дал понять ей это.

— Читаю. — Она демонстративно постучала по своему секретному блокноту, и он попытался кивнуть с чуть глуповатой и неловкой ухмылкой. Сперва Рашель старалась держать блокнот на весу и находила такую позицию приемлемой, разве что руки стремились рухнуть в блаженный покой, если держать блокнот в таком положении больше двух минут. Устройство, свободно умещающееся в ее сумочке, сейчас весило как свинцовый кирпич. Но в чтении про РеМастированных присутствовала какая-то нездоровая маниакальность. Совсем как в расчесывании до

крови комариного укуса: и делать не стоило бы, но не остановиться.

«Подонки, — думала она, вчитываясь во всесторонний доклад о Новом Порядке. — Как же они умудрились провернуть такое безнаказанно? Это самое поразительное, ужасающее дело, с которым мне приходилось встречаться за многие годы По сравнению с ним имперская мания величия и пуританская холодность Новой Республики покажутся уютными и простительными. Исторические уроки самых тягостных тираний были хорошо усвоены — поэтому они знали, в каких случаях не следовало проявлять излишнюю терпимость».

Планета висела над головой — полностью видимый диск, выпуклый и мутноватый, с тонким слоем атмосферы. *Они собрались завоевать и этот мир тоже?* РеМастированные по всем признакам были агрессивными экспансионистами, убежденными в единственно верном пути своей идеологии. Но проблемы в тылу и наличие несверхсветовых бомбардировщиков возмездия почти у каждого мира делали межзвездные силовые захваты неосуществимыми. Примерно как если бы в девятнадцатом столетии на Земле империалисты, колонизирующие чужие земли,

пополняли бы запасы при помощи деревянных парусников через просторы Тихого океана, в то время как противостоящие им защитники были бы вооружены ракетами с ядерными боеголовками.

«Итак, они пришли с Тонто и провели классическую маоистскую повстанческую кампанию посредством зомби с мозговыми имплантатами, управляемым» по каузальному каналу с базы непосредственно в самой звездной системе, — отметила она, изучив методы работы Организации Принуждения к. Миру. — Устраивают террористический мятеж для оправдания государственных запретов, затем обеспечивают оборудованием и обученным персоналом для паникующих должностных лиц. И устраивают государственный переворот. Хм. А если они захватывают рычаги власти чисто, прежде чем кто-либо понял, что половину их политиков составляют мозговыдолбленые марионетки, они уже смогут списать со счетов несверхсветовые бомбардировщики до того, как те станут реальной угрозой. Что в свою очередь означает… *Эй, а не создали ли они реальную стратегию для межзвездного завоевания?* А если так, могли ли они прийти откуда-то еще, до Тонто? В таком

случае…»

Весь проект РеМастированных: уничтожение Эсхатона и замена его другим богом, владеющим памятью каждого когда-либо живущего индивидуума. И тогда — перевоссоздание человечества в образе нового бога, которому они станут служить. Это звучало так нелепо, что казалось бредовой религией из тьмы за пределами территориального светового конуса. Но почему-то от этого по телу бежали мурашки.

Я где-то раньше слышала нечто подобно. Но где?

Она еще блуждала в путанице ответов на вопрос, когда прозвучала серия звонков, подъемная капсула повернулась еще раз, и вид планеты сменился картинкой медленно двигающихся стен из гладкого металла. Рашель стащила шлем безопасности еще до того, как сопровождающий произнес:

— Добро пожаловать на орбитальную пересадочную станцию, отсек три.

К моменту открытия дверей она уже была на ногах с блокнотом в кармане, готовая забрать багаж.

Станция была ничем не примечательная: ворота вылета, таможенный стол для отбывающих,

мимо которого Рашель свободно прошествовала с ворохом дипломатических бирок, сопровождаемая поклонами и расшаркиваниями чиновников. Багажная тележка доставила ее тяжелый сундук. Затем Рашель дошла до стыковочного тоннеля, больше похожего на торговую аллею, с шикарным напольным покрытием во всю длину и остекленной стороной отсеков, демонстрирующих сотню шикарных магазинов и офисов. Офицер из группы обеспечения, в белых перчатках, сидевший за столом, лишь мельком глянул на ее паспорт и приоритет прохода и предложил проводить до VIP-лифта. Рашель попросила его подождать, пока не подойдет Транх.

— Где наши места? — поинтересовалась она.

— Позвольте взглянуть на ваш… а, вижу. — Младший лейтенант пробежал взглядом декларацию. — Мадам, сэр, следуйте за мной, ваши номера на палубе «Браво», это правительственная территория. Я покажу номера «королевского» класса, забронированные для каждого из вас. Секундочку, только выясню, готовы ли они. Очень срочный заказ, я ужасно извиняюсь. Сюда, пожалуйста.

— А как насчет Мартина Спрингфилда? — спросила с беспокойством Рашель.

— Спрингфилд? Не знаю о таком. А, да, есть. Он на встрече с полетным офицером Фроммом. Желаете, чтобы я вызвал его к вам?

— Нет. Все хорошо. Мы летим вместе. Если можно, сообщите ему, как найти мой номер, когда он вернется со встречи.

Еще коридоры, еще лифты. Изысканная деревянная резьба для оснащения лайнера, изготовленная в других мирах и импортированная с огромными затратами. Золоченые статуи в нишах, ковры ручной выделки на полах в отсеках первого класса. «Так вот как Мартин зарабатывает на жизнь?» — подумала она. Дверь широко раскрылась, и два стюарда в белой униформе согнулись, когда заносили багаж внутрь.

— Это все понадобится сейчас, спасибо, — отпустила она их.

Когда дверь закрылась, она осмотрелась. *Да, это получше, чем в прошлый раз…*

Тогда Рашель путешествовала с дипломатическим паспортом в узкой каюте офицерского отсека на боевом крейсере. На сей раз она получила место, пожалуй, побольше адмиральской каюты. Она заперла дверь, нагнулась расстегнуть туфли и ступила на толстый ворс ковра.

— Надо бы делать так почаще, — сообщила она

потолку. Рашель выглядела пугающе близкой к полному изнурению — она была на ногах в состоянии бдительного напряжения начиная с теракта в посольстве, а сейчас четыре утра по времени Сараево, — но дело прежде всего. Из заплечного рюкзака она вытащила компактный ресивер и принялась обшаривать помещение, пока не убедилась, что единственный беспроводной трафик, который смогла засечь, представляет собой законные обслуживающие излучения. Она вздохнула и засунула аппарат обратно. Потом подняла телефон.

«Голосовая почта Мартину, копия Транху. Мне часа четыре нужно отдохнуть, после снова приступаю к обязанностям. Вызывайте меня, если что-то произойдет. Если нет, встретимся завтра — обсудить стратегию, после того как выберу время поговорить с капитаном. Мартин, не стесняйся, заходи после окончания своей встречи. Отбой».

В заключение она проверила дверь. Заперта. «Как хорошо», — подумала она. Подошла к кровати, установила на кольцах сигнал подъема и рухнула, не раздеваясь. Она отрубилась, едва коснувшись головой подушки, и пришедшие сны были так же скверны, как и страшны.

* * *

Огни, сирены и ночь. Сумбур впечатлений навалился на Среду, чтобы затянуть и бросить плыть по течению пищи кошмаров. Свенгали, покачиваясь, сидел рядом **и** баюкал свою руку. Медик посветил ей в лицо фонариком. Она отвела его в бок.

— Требуется помощь! — крикнула Среда, стараясь удерживать клоуна прямо. Она наблюдала, как медик перевязывал Свену руку, проводил терагерцевым сканером по его голове для проверки целостности черепа, обрабатывал его разбитый лоб, но было трудно сосредоточиться.

Через неопределенное время Среда уже стояла на ногах.

— Нам нужно в порт, — объясняла она всю безысходность медленного движения полицейскому офицеру, который, казалось, не понимает. — Наш корабль улетает через два часа.

Она повторялась. Зачем она повторяется? Никто не слушает. Огни, сирены. Снова села. И огни проносились мимо, и сирены над головой…

«Я в полицейской машине», — смутно догадалась она. Она сидела между Свенгали и Фрэнком. Фрэнк положил ей руку на плечи, защищая ее.

Их арестовали? Но это было неправильно. Они ничего плохого не сделали, не так ли? *Можем пропустить отлет…*

— Идите сюда

Дверь открылась. Фрэнк выбрался и подал девушке руку, помогая выйти из машины.

— Мы держим для вас капсулу. Вон там.

И верно. Среда почувствовала слезы облегчения на глазах и оперлась на Фрэнка. Сзади Свенгали и два фургона: полиция помогала — отправляла людей другого мира за пределы своего. Полное VIP-обхождение. *Почему?* Затем мысли моментально обратились к дому: «Что-то важное для дипломатов…»

Среда начала приходить в себя в шестидесяти километрах над экватором, когда магнитный боб начал разгоняться от дозвукового круиза до полного орбитального ускорения подъема.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она Фрэнка, собственный голос казался глухим и плоским из-за звона в ушах.

— Дерьмово. — Он скривился. Его голова была обмотана чем-то напоминающим полупрозрачный голубой панцирь черепахи, сам же Фрэнк смотрелся как обдолбаный после обезболивающих, которыми его напичкали. — Посоветовали

идти прямо в лазарет. — Он с интересом посмотрел на девушку. — Вы что-то сказали?

— Нет.

— Говорите громче, плохо слышу.

— Что произошло?

Свенгали, сидевший рядом с Фрэнком, взял ответ на себя.

— Кто-то пытался убить посла, — медленно произнес он. — Дрезденское правительство лопухнулось. Не пойму, почему нас отпустили…

— Из-за нее, — бесцветно произнес Фрэнк. — Потому что вы с Москвы. Не так ли?

— Да, — неуверенно кивнула Среда. — Как бы то ни было, это означает…

— Так. — Фрэнк устало кивнул. — Они предположили, что ваши гости — тоже. Когда посольскую сеть уничтожили, по идее, они должны были проверить у всех паспорта, не взирая на лица. Вы путешествуете по идентификации Септагона, но вы еще не гражданка, верно?

— Ох. — Среда медленно поводила головой, шейные мышцы ныли от непривычной гравитационной нагрузки. — *Ох!* Кто это мог быть? — нерешительно спросила она. — Мне показалось, вы сказали, кто-то, сидящий за мной?

— Кто за вами? — спросил Свенгали, явно оза-

даченный.

— Я был *уверен.* — Фрэнк выглядел разочарованным. — Повышенные меры безопасности. Отменили мое интервью. В самом деле, ведь это только первое публичное появление посла после нашего прибытия сюда. А вы заметили, что она не вышла наружу? Даже не сдвинулась с того подиума с отражательной защитой? Но окна и двери оставались открытыми. И повсюду повылезли полицейские, едва бомба взорвалась. А разве она не была с подложными…

— Посол симулировала речь, — сообщила Среда.

— Что? — удивился Свенгали. — Что значит симулировала?

— Я смотрела на нее. Сидела в первом ряду. Манера речи. И у нее был наушник. С моего места я разглядела его. И бронежилет тоже, полагаю. Думаю, они *ожидали* чего-то подобного, только не знали, что конкретно произойдет. Возможно, охотились за мной.

— Попытка убийства. Неудачная. — Голос Фрэнка звучал почти сонно. — Другая цель. Не вы, Среда. — Он слегка сжал девушке руку. — Другой убийца. Свен, а вы что там делали?

— Меня наняли на это сраное шоу после обе-

да! — огрызнулся тот. — А вы что подумали? Для меня это не отпуск, весельчак.

— Это хорошо. — Фрэнк закрыл глаза и откинулся в кресле.

— Сожалею, — проворчал Свенгали.

— Отдохнете дома, который вы планируете купить после выхода на пенсию, — произнесла Среда, холодный пот струился по позвоночнику.

— Да уж, — почти благодарно согласился Свенгали.

— Надеюсь, вы этого дождетесь, — сказала она сконфуженно.

— А я надеюсь, что ублюдков, взорвавших прием, найдут, — сердито буркнул Фрэнк.

Среда, безмолвно успокаивая его, погладила его ладонь и прислонилась к плечу.

Оставшаяся часть поездки к орбите прошла не отмеченная событиями.

ИНТЕРЛЮДИЯ 3

На Новом Дрездене «Романов» принял еще несколько пассажиров. Один из них занял «королевский» номер на палубе А, прочих разместили в каютах класса «бизнес» и «турист», но все они были связаны: заказали места на лайнер приблизительно через день после краткосрочной остановки частной яхты «Хайдеггер» на Новом Дрездене и путешествовали с фальшивыми паспортами.

Шикарный номер был не блажью, а необходимостью. Как и обязанность Ларса прочесывать его регулярно в поисках трансмиттеров и различных видов жучков, которые могли быть установлены в каюте, забронированной торговцем оружия с Хат Брейзил. Поршии требовалась достаточная вместительность для оперативной базы и проведения совещаний, а нынешняя идентификация оправдывала более чем тревожащее содержимое ее багажа. Матильда, отвечая на приглашение зайти в «королевский» номер, была готова обнаружить за дверью вооруженного охранника, а хозяйку сидящей в шезлонге перед раскрытым

ящиком с самоходной пусковой установкой.

— U.Матильда Тодт. Входите. — Хойст наклонила голову. — У вас смущенный вид.

— Ах. Я ожидала…

— Строгий режим? — лучезарно улыбнулась Хойст и встала. — Да, но ведь нужно сохранять инкогнито. И почему бы богатому торговцу оружием не путешествовать «королевским» классом?

Маркс закрыл за женщиной дверь. Та, словно слепая, шагнула вперед.

— Я вас давно ждала.

— Считайте себя снова под подчинением, — кивнула Хойст.

Матильда потерла лицо.

— Вы мой новый руководитель? Лично? — В ее голосе промелькнула нотка радостного удивления.

— В отличие от U.Скотта, я стараюсь не пускать дело на самотек, — сухо произнесла Хойст. — Я бесцельно потратила почти два месяца, пытаясь заткнуть течь. Теперь ваша очередь. Расскажите, как все идет.

— Так, — облизала губы Матильда. — Я получила все для исполнения обоих сценариев, которые мне дали: похищение или что-то другое. Все, за исключением основной ударной группы. Мы об-

следовали все критические точки и необходимое оборудование на борту звездолета. Мы подкупили трех грузчиков и посыльного, чтобы добиться этого, но дело сделано, и они проглотили легенду, нет надобности применения к ним техники.

Применение техники — эвфемизм для обозначения вонзания ствола наноэлектродов в мозговой ствол и превращения людей в марионеток из плоти. Что оставалось после, не интересовало никого, кроме Селекционеров.

— Петер, мой номер два, отвечает за линейные отделы, а Марк подготовлен к астронавигационной стороне дела. Таким образом, мы готовы отправиться куда скажете.

— Хорошо. — Хойст больше не улыбалась. — Теперь давайте о плохом. Я хочу знать *все.*

— О плохом? Ничего…

— Нет. Я имею в виду *все.* Малейший намек, который мог привлечь к вам внимание.

— Так, ладно. Мы не работали скрытно, под видом смертных, и, полагаю, сперва допустили пару ошибок. К счастью, наше прикрытие великолепно; поскольку все знают, что мы РеМастированные, то принимают в расчет нашу некоторую странность. Удивительно, с какой охотой они верят, что мы безобидные пассажи-

ры. Никто даже не заинтересовался, что такое молодежная просветительская миссия. Похоже на абсурд…

Поршия многозначительно прочистила горло. Матильда чуть не выпрыгнула из кожи.

— Давайте напрямую. — Хойст буравила взглядом молодого лидера группы, проверяя ее. — Если вы справились с работой хорошо, бояться вам нечего. Если допущены обычные, не критические, ошибки и вы признаете их и поможете исправить ситуацию, боятся тоже нечего. А вот чего вам бояться следует, так это последствий *сокрытия.* Я понятно изъясняюсь? Поэтому прекратите нервную трепотню и рассказывайте. Что идет не так? О чем я должна быть предупреждена?

— Ох. — Матильда смотрела на нее так, словно у Хойст выросла вторая голова. Потом расслабленно опустила плечи. — В нашу первую ночь на корабле Ганс устроил сцену с одним из пассажиров. Мы все сидели в одном общественном месте — бар, так они их, кажется, называют, — когда один из смертных пытался отравить его каким-то токсичным веществом. Хотя никто не пострадал. Там была маленькая, но шумная группка пассажиров, по какой-то причине проявившая к

нам неприязнь. Кроме этого, все остальное я не могу определить как неблагоприятное. Ганса я призвала к дисциплине и посчитала дело закрытым. Прочее… — Она пожала плечами. — Я не могу контролировать мысли смертных о нашей программе. И не была уверена, стоит ли на это обращать ваше внимание.

— Мне все совершенно понятно. — Хойст склонила голову над ящиком, изучая содержимое черного пластикового параллелепипеда. — Боюсь, невоздержанность некоторых наших предшественников представляет нас в очень невыгодном свете, и декларирование нашей общей цели — распространение всеобщей гармонии, — может привести к еще большей подозрительности. Я не намерена ухудшать ситуацию. — Она подняла глаза и встретилась взглядом с Матильдой. — В результате данной проверки не будет докладов о промахах и перегибах. Так или иначе.

Матильда с трудом улыбнулась.

Среда мчалась по покинутому пространству станции в кольца с повышенной силой тяжести. Дверные проходы по обе стороны от нее щерились пустыми глазницами, пол засасывал каблуки, как черная патока, утягивая ее назад. За ней, словно ночной кошмар, гналось что-то

невидимое — скрежет когтей, стук каблуков. Она знала, это для нее наточены ножи, но не могла вспомнить, почему, — все остававшееся сзади было пустым. А впереди — тоже скверное: что-то сокрытое, поджидающее. Преследователь нагонял, и, когда схватил ее, в лицо брызнул фонтан красной пульпы. Среда находилась у входа в туалетный блок на административной палубе, и здесь лежал мертвец, и, когда девушка, потянув его, сказала: «Пойдем, папа», он повернулся, но оказался не отцом с синим от асфиксии лицом, а ухмыляющимся клоуном Свеном.

Среда вскочила, ловя ртом воздух. Сердце было готово лопнуть, а простыня была мокрой от холодного пота. Левая рука под тяжестью веса Среды онемела, потому что девушка лежала на боку и… Хрюкающее сопение, которое могло означать храп. Среда отодвинулась, и он привалился к ее спине, заключив в объятия. Она закрыла глаза и откинулась назад. «Вспомнила», — сонно подумала она и вздрогнула…

Еще ощущались горячий металлический вкус крови на губах и вонь разорванных кишок. Среда ушла в свою каюту и полчаса скреблась под душем, но все равно чувствовала себя изгаженной фекалиями. Фрэнк при выходе из лазарета

позвонил ей. Она сказала, что хочет видеть его, и репортер пришел. Среда открыла дверь, втащила его внутрь и повалила на пол, словно животное. Его желание оказалось таким же сильным, как и ее.

Среда все еще сонно улыбнулась и принялась тереться о него бедрами, пока не почувствовала его пенис у своего зада.

— Фрэнк, — тихонько позвала она.

Еще один бормочущий всхрап. Он во сне придвинулся к ней. Он был очень осторожен, помнил о своей комплекции. Не то, что она ожидала, но то, в чем нуждалась. Потом они, будто тонущие, вцепились друг в друга, и он застонал. «Разумно ли это? — подумала она. — Кого это касается?»

Засыпая, Фрэнк словно обволок ее. Медленный хрип его дыхания и огромная масса тела создавали ощущение безопасности, реальной безопасности, впервые с той ужасной ночной вечеринки. Среда понимала: это всего лишь горькая иллюзия, но добрая и удобная. «Надеюсь, он не захочет притворяться, будто ничего не произошло», — задумалась она.

Некоторое время спустя Среда осторожно выбралась из постели, собираясь в ванную. Едва она встала, ушная мочка завибрировала раздражен-

ной пчелой.

— Алло? — сердито, стараясь говорить мысленно, передала она. — Сколько сейчас времени, чтобы вызывать?

— Среда. — Ее собственный голос, жутковатый и глухой, когда звучит в собственной голове. — Слышишь меня?

— Да. Герман? Сейчас середина ночи по-местному. Я собираюсь спать.

— Я вынужден предупредить тебя. Корабль уже отчалил от дока и сейчас ускоряется к первичной точке прыжка. Как только прыжок произойдет, каузальный канал, который я в настоящий момент использую, разорвется — и ты останешься сама по себе. По расчету полетный план «Романова» пролегает через два прыжка к Новой Праге, но на дрезденской станции к вам подсело еще несколько пассажиров, и ты можешь ожидать диверсии.

— *Диверсии?* — Среда зевнула с отчаянным желанием либо окончательно проснуться, либо вернуться в постель. Фрэнк возлежал горной грядой на плато кровати. Она мечтательно выглянула из двери ванной.

— Группа РеМастированных, находящихся на вашем судне, обменялась закодированными

посланиями с офисом торговца оружием с Хат Брейзил, который вместе с охраной сейчас уже на борту «Романова». В то же самое время торговец организовал информационно-пересылочный трафик с офисом обердепартаментсекретаря Блюмляйна на Новом Порядке, де-факто председателем Директората Планетарного Надзора и высшего руководителя Министерства госбезопасности. У меня мало информаторов там, на месте, но я уверен, торговец оружием — прикрытие высшего чиновника МГБ, который лично контролирует операцию по зачистке, ставшую необходимой в результате их внешнего конфликта по инциденту с Москвой.

— Стоп! Что ты имеешь в виду? МГБ? Какой еще внешний конфликт? — Среда обхватила голову руками. — При чем здесь я?

Хочу назад в кровать.

Герман сохранил манеру разговора. Она осталась такой же неторопливой и терпеливой, как всегда.

— Я углубился в поиски взаимосвязи между уничтожением твоего дома и мотивацией политических убийств. Системы и Москвы и Нового Дрездена лежат на оси экспансии расы РеМастированных. Тонто и Новый Порядок их самые

последние завоевания и ближайшие к Земле. Они расположены по соседству и с Москвой, и с Новым Дрезденом, следовательно, рассуждая логически, эти миры должны быть целями для подрывной деятельности и завоевания. Однако РеМастированные имеют склонность к внутренним расколам и ведомственным распрям. Ими могут манипулировать внешние воздействия вроде Эсхатона. Возможно, один из департаментов в составе Министерства госбезопасности на Новом Порядке привлекли для развития растущего влияния на местные политические фигуры, чтобы использовать в качестве полномочных агентств в побочном проекте по разработке оружия, нарушающего причинно-следственные связи. Такие устройства могут представлять опасность не только потому, что Эсхатон вмешается, чтобы предотвратить их развертывание позже по временной линии, но и из-за их нестабильности…

— Позже *чего?* Эй, я думала, ты и *есть* Эсхатон! Тогда, что *есть* ты?

— Может ли лимфоцит в капилляре твоего мизинца претендовать быть тобой? Конечно, я — часть Эсхатона, но я так же не могу претендовать *быть* им. Эсхатон в основном черпает свою мощь, благодаря способности использовать

нарушения причинно-следственных связей. Действия подобных устройств, находящихся в чужих руках — неважно, созданных в виде оружия, машин времени или компьютеров, — могут угрожать временной линии самого Эсхатона. Поэтому существуют подобные мне посредники для отслеживания запросов оракула, чтобы приводить в действие защиту причинно-следственной целостности Эсхатона. В данном случае самое разумное объяснение, что руководство Москвы экспериментировало с оружием разрыва времени и в результате несчастного случая взорвало собственную звезду. Но объяснение, зачем им потребовалась разработка подобного оружия, в ущерб их собственным интересам, абсолютно нерационально. Вот почему доказательство причастности РеМастированных представляется наиболее интересным, особенно в связи с молчанием оракула.

Среда с минуту помолчала. Затем:

— Ты говоришь мне, что какая-то армейская задница уничтожила мой мир *случайно?* Или потому что РеМастированные попросили их?

— Нет, конечно. — Несколько секунд тишины. Эмоции Среды вскипели от ужаса и оскорбления. — При приобретении новой планеты

РеМастированные не отправляются туда и не отнимают все под дулом пистолета. Они провоцируют кризис и захватывают власть, его ликвидируя. Их основной инструмент — в продвинутости загрузочных и нервных интерфейсов. Прямой шантаж не применяется: они похищают чиновников среднего уровня — разрушают центральную нервную систему, копируют ее архитектуру, затем инсталлируют имплантат. Иногда личность сохраняют и просто вводят переключатель замещения, или стирают все и превращают в контролируемую на расстоянии куклу. Использование каузального канала для управления телом — это гарантия от обвинений в том, что данное существо является агентом РеМастированных, пока нет доступа к сканированию его мозга или марионетку не заставят совершить сверхсветовое путешествие. РеМастированные терпеливы; часто они прибывают в систему, обрабатывают пятьдесят-сто кандидатур на продвижение, потом двадцать-тридцать лет ждут, пока кто-нибудь из них не займет влиятельный пост. Процесс медленный и трудоемкий, но более дешевый и безопасный, чем попытка открытой межзвездной войны.

— Ты имеешь в виду, они делают это регуляр-

но?

— Не часто. Пока у них не более двадцати миров. Моделирование показывает, что они не станут главной угрозой по меньшей мере в течение двух столетий.

— О-о. Но никто из дипломатов не марионетка. Они совершают сверхсветовые перелеты для сообщения с посольствами, разве не очевидно? — заметила она.

— Очевидно вот что, — отметил Герман. — РеМастированные сосредоточились на тебе и предметах, которые ты обнаружила на «Старом Ньюфе» при эвакуации; предположительно, в течение нескольких лет станцию использовали в качестве входного пункта, но действия мятежной группы на Москве были небрежны.

Решимость РеМастированных уничтожить московских дипломатов сама по себе понятна, хотя я не убежден в мотивации. Появилась заинтересованность в том, чтобы заставить московский дипкорпус отправить код отзыва ядерной бомбардировки, но такой внезапный политический кризис на Новом Дрездене предполагает причастность кого-то еще. Здесь трудно быть уверенным.

— Но ведь ты, ты… — Среда с трудом подбирала

слова. — Ты же часть Эсхатона. Разве не можешь *остановить* их? Разве *не хочешь?*

— А зачем, по-твоему, я разговариваю с тобой? — Теперь его собственный голос, спокойный и симпатичный. — Я не могу аннулировать уничтожение Москвы, поскольку катастрофа не запустила временную иммунную реакцию Эсхатона Высшие посредники рассматривают возможность угрозы самому Эсхатону. Я пытаюсь помешать РеМастированным достигнуть цели — захвата Нового Дрездена. И также стремлюсь преградить им доступ к окончательным техническим отчетам по оружейному проекту Москвы. Стараюсь предупредить дипкорпус Москвы об угрозе. Это низкоуровневое реагирование по стандартам Эсхатона. Система верования РеМастированных требует уничтожения Эсхатона. Пока они и близко не приобрели такой способности и еще не запустили первичные защитные рефлексы Эсхатона, но если смогут… то тебе лучше не находиться в пределах тысячи световых лет отсюда.

— О, — вышел такой слабый писк, что Среде самой не понравилось. — А как же я? Мне-то что после всего этого делать? Моя семья…

Безмерное чувство утраты заставило ее умолк-

нуть. Она взглянула на спящую фигуру на кровати, и чувство потери поутихло, но лишь отчасти.

— Ты достаточно взрослая, чтобы самой позаботиться о своем будущем. А я не могу принять ответственность за события, о которых не был предупрежден или в которые не был вовлечен. Но гарантирую, ты не станешь нуждаться в деньгах, пока устраиваешь свою жизнь, если, конечно, уцелеешь в течение последующих нескольких дней.

— Если? — Среда подошла к стене-картине. — Что значит «если»?

— На борту звездолета группа РеМастированных. После первого прыжка я ожидаю от них радикальных действий. Возможно, предпримут попытку твоего захвата и превращения в марионетку, но здесь слишком много свидетелей, хорошо тебя знающих. Наиболее реальный подход — гарантия неприбытия в порт назначения. Тебе необходимо подготовиться. Изучи территории доступа экипажа и подробности, которые я загрузил в твои кольца. Далее: на борту трое дипломатов Объединенных Наций Земли. Можешь довериться им безоговорочно. Особенно Мартину Спрингфилду, который в прошлом работал на меня. Он способен защитить тебя. И еще одно.

Если получишь шанс заполучить документы свидетельств испытаний оружия РеМастированных в системе Москвы, передай их земным дипломатам. Это единственное, чем ты можешь нанести наибольший урон РеМастированным.

— Держу в памяти. — Голос Среды дрожал. — Но ты сказал, будто они намерены взломать дверь и выкрасть меня — и какие действия?

— Очевидные: отсутствовать в каюте, когда за тобой придут. — Герман сделал паузу. — Мы слишком долго говорим. Я загрузил в твои кольца некоторые схемы вспомогательных конструкций. Куртку постоянно держи при себе.

— Куртку?

— Да. Никогда не знаешь, когда она пригодится. — Голос Германа слабел. — Удачи, и пока. О да, если доберешься до Новой Праги, сообщи Рашели, прежде чем соберешься выйти на поверхность, иначе это может стать шоком…

Клик. Вызов завершен. Среда потихоньку выругалась и вдруг заметила изменения в комнате.

— О чем это? — спросил мрачно Фрэнк. — Кто-то затеял дискуссию?

Среда посмотрела на него, и сердце вдруг забилось, а во рту пересохло.

— Мой невидимый друг… — начала она. — Ко-

гда прыжок?

— По крайней мере не днем. Почему бы тебе не подойти и не рассказать мне? — Он подвинулся на кровати, давая ей место.

— Но я… — Ощущение ужаса отступило. — День? Старая привычка и укоренившееся недоверие говорили,

что упоминание о Германе способно доставить лишь неприятности. Однако логика и нечто необъяснимое подсказывали: утаивать это от Фрэнка — ошибка.

— Я не хотела рассказывать, — заявила она, — чтобы ты не принял меня за свихнувшуюся.

— Нет. — Он задумчиво глядел на нее. — Не думаю, чтобы у тебя съехала крыша. — У него был открытый и удивительно уязвимый вид. — Почему бы не начать с самого начала?

Среда забралась на кровать и прижалась к нему. Фрэнк обнял ее, и девушка глубоко вздохнула.

— В десять лет у меня появился невидимый друг, — призналась она. — Я узнала, что он работает на Эсхатона, после гибели моего родного мира.

Мартин наблюдал, как Рашель открывает дверь тесного, но прекрасно спланированного офиса. Его лицо усталое, со складками.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Лучше не бывает. — Рашель зевнула. — Черт, нужна порция бодрящего.

Она посмотрела на стол и сидевшую рядом с Мартином на вид молодую женщину со знаками отличия лейтенанта.

— Представишь меня?

— Да. Младший полетный лейтенант Стефания Грейс. Только что из увольнения. В ее отсутствие я работал с ее руководителем, полетным офицером Максом Фроммом. Штефи, моя жена — Рашель Мансур. Рашель — культурный атташе.

— Не то представление. — Рашель с юморком усмехнулась, показывая удостоверение. Ее лицо на фоне логотипа Объединенных Наций: три W на звездном фоне. — «Черная Камера». Полковник Мансур, Объединенный Оборонный Корпус, в командировке от Постоянного Комитета по Межзвездному разоружению при Объединенных Нациях. Исключительно с целью подтверждения ранга, понятно? Предпочитаю, чтобы пассажиры и экипаж, в том числе командное звено, пока не знали о моем присутствии. Мы понимаем друг друга?

Девочка — нет, ей уже, вероятно, за двадцать, — возможно уже во втором, а то и в третьем задании,

выглядела взволнованной.

— Могу поинтересоваться, что случилось? Если это связано с угрозой кораблю, капитана необходимо известить в первую очередь.

— Хм. — Рашель задумалась. — Прошло только шесть часов, полагаю, как мы ищем преступника — серийного убийцу, — который находится на вашем корабле и убивает кого-нибудь в каждом порту.

Лейтенант моргнула и посмотрела ей прямо в глаза.

— С трудом верится, что такое расследование ведется по ордеру «Черной Камеры», так ведь, полковник?

— Да, если жертвы не послы планетарного правительства в изгнании, запустившего ядерную бомбардировку другой планеты, — спокойно ответила Рашель. — Держите рот на замке, лейтенант: наш убийца пытается ускорить войну с применением оружия массового поражения. Я расскажу об этом вашему капитану сама, но если хоть слово об этом вернется ко мне по другим каналам…

— Понимаю. — Штефи казалась взволнованной. — Хорошо, так вот почему ваш муж, — она мельком глянула на Мартина, — копался в наших

транзитных списках за последние шесть месяцев. Но, похоже, есть что-то еще.

— Угу. Мотивация. Не считаю его маньяком-одиночкой; скорее всего мы столкнулись с профессионалом, работающим по политическому заказу, или целой группой из межзвездной державы. И они стремятся скрыть улики. Теперь им известно, что мы напали на их след, и они пытаются воспрепятствовать этому. Надеюсь, кораблю ничего не угрожает, но уверенности в этом нет. — Она неловко пожала плечами.

Штефи встревожилась.

— Тогда я настаиваю на немедленном оповещении капитана. Если существует хоть какой-либо намек на… э-э… возможные действия киллера на ее корабле, капитан должна быть готова к этому. Она и хозяин, и командир, и все такое прочее. И пока, — Штефи указала на открытые окна и диаграммы объект/соотношение на экране размером со стол, — мы далеко не продвинулись. На борту две тысячи пассажиров и семьсот членов экипажа. Мы производим свыше трех тысяч персональных перемещений при каждом причаливании, и, если честно, вдвоем мы не справимся. Если имеете что-то веское, сообщите шкиперу, тогда и мне станет вам легче помогать.

— Ладно, значит, пора навестить капитана. — Мартин встал. — Пойти с вами?

Рашель глубоко вздохнула.

— Полагаю, пока мы справимся и без тебя. Не думаю, что проинформировать ее займет много времени.

— Я останусь. — Мартин покачал головой. — Я еще работаю с пассажирами класса «турист». Думал, будет просто, но Штефи предположила: а что если человек высадился и отметился, сделал работу, потом взял билет под другим именем и в другой класс? Настоящая чехарда.

— Не совсем, — поправила его Штефи. — У нас в файле имеются кое-какие биометрические данные. Но мы не заводим сети в полицейском стиле в нашу таможенную базу, и вылавливание каждого гена для инспекции, естественно, требует разрешения от… — Она поглядела на потолок. — Поэтому давайте уже навестим шкипера.

У капитана Назмы Хусейн выдался неудачный день.

Во-первых, отправление отложили на шесть часов из-за Какой-то дурацкой суматохи — ждали пару пассажиров с бумажкой дипломатического ранга, достаточной для задержки всего корабля, хотя каждый час простоя стоит тысячи. Затем

возникла проблема с балансом массы в одной из четырех незаполненных цистерн, окольцовывающих нижнее полушарие корпуса лайнера, поток нестабильности предполагал повреждение стабилизирующего дефлектора при окончательном маневре в доке. Она смогла уйти с полетной палубы, оставив вместо себя Виктора при прямолинейном отлете, только для того, чтобы обнаружить очередь во главе с помощником старшего стюарда перед своим столом для распоряжений. А теперь…

— Повторите снова, — сказала Назма, надевая маску повседневной бдительности, которую тем не менее трудно сохранить после двадцатичетырехчасовой вахты. — Что, вы ожидаете, может случиться на моем корабле?

Дипломат и выглядела, и чувствовала себя одинаково усталой.

— Один, а может, и несколько пассажиров или кто-то из временно набранного персонала убивает людей на каждой планете порта прибытия, — снова объяснила она. — Мне приказано убедиться в невозможности повторения подобного. Вероятно, все кажется не очень тревожным, но у меня есть причина считать, что киллеры действуют по приказу и могут попытаться заме-

сти следы любыми средствами.

— Любыми? — Капитан Хусейн выгнула резко очерченную бровь. — Вы говорите об убийстве свидетелей или пассажиров? Или о действиях, ставящих под угрозу безопасность самого корабля?

Женщина — Рашель такая-то и такая-то (или как ее там?) — пожала плечами.

— Не знаю, — ответила она прямо. — Извините, не могу вас успокоить, но и не могу упустить подонков. Вчера я была на планете, где нам удалось предотвратить попытку убийства, но капкан не захлопнулся в основном из-за демонстрации ими готовности уничтожать невинных свидетелей. Все выглядит так, словно они пока решили сохранять сдержанную позицию, но для достижения своих целей они готовы зайти сколько угодно далеко, и я не гарантирую, что они не сделают какую-нибудь глупость.

— Замечательно. — Назма взглянула на развернутый экран состояния. Критические блоки мигали красным — несовместимые траектории элементов, перекрывающиеся зависимости, которые вносили беспорядок в равновесие при отлете. — Да вы хоть знаете, *кого* искать? И что делать мне, если вы их найдете?

Она смотрела мимо дипломата. Девчонка-стажер сделала лучшее из всего, что могла, — вжалась в стену с явной надеждой, что ее не казнят за такие скверные новости. *Хотя пусть пару минут подергается.* Назма одарила ее Жестким Взглядом третьей степени, потом переключилась на говорившую. Прошло не так уж много лет, чтобы забыть, какие чувства может испытывать стажер, но в нужное время не повредит придать себе вид мудрой, ответственной хозяйки и командира.

— Я действительно надеюсь на отсутствие предложения сменить пункт назначения.

— А, нет. — Женщина, к ее чести, смутилась.

«Держу пари, именно это она и хотела предложить», — сказала себе Назма.

— Безопасность вашего корабля имеет первостепенное значение. Моя задача состоит в их выявлении и дальнейшем безопасном аресте по прибытии в следующий порт — или раньше, если проявится любые признаки угрозы кому-нибудь.

Назма слегка расслабилась. *Так она вроде вполне адекватна.* Но дипломат испортила это предположение, продолжив:

— Трудность во множестве личных перемещений, из-за этого мы имеем около двухсот подозреваемых, которых надо успеть проверить за десять

дней. Это только количество побывавших на планетах, где совершались преступления, — если же мы ищем группу или кого-то еще, пул возрастает до четырехсот шестидесяти или около того. Вот я и подумала: нельзя ли привлечь нескольких сотрудников — скажем, из офиса обслуживания, — чтобы помочь вычислить их. — Натянутая улыбка Назме.

Дай мне бог терпения! Капитан Хусейн снова посмотрела на дисплей. Красные полосы не убавлялись, и каждый час задержки добавлял к критическому пути лишние шестнадцать тысяч, хотя лимит и без того был превышен. Но альтернатива…

— Лейтенант Грейс. — Назма наблюдала, как выпрямляется Штефи. — Пожалуйста, передайте мои поклоны командиру Льюис и сообщите ей, чтобы она обеспечила вас любым персоналом и ресурсами из ее дивизиона, какой вы сочтете необходимым отобрать для полковника…

— Мансур, — подсказала женщина.

— …полковника Мансур, проводящей расследование. Когда составите окончательный список подозреваемых, я хочу просмотреть его перед любой предпринимаемой акцией. Файл ежедневно обновляйте, согласуйте с Охраной и Безопасно-

стью — и на мой стол. Я, конечно, также должна быть в курсе, если вы *не* найдете убийцу на борту моего корабля. — Она кивнула дипломату. — Удовлетворены? Рашель выглядела удивленной.

— Более чем, — признала она, на сей раз с неподдельной улыбкой. — Благодарю.

— Не стоит, — отмахнулась Назма. — Я не смогу исполнять свою работу на должном уровне, если вы не возьмете убийц, свободно разгуливающих по моему кораблю. — Она носом втянула воздух. Ноздри раздулись, как от запашка жульничества. — Только не распространяйтесь об этом и не пугайте пассажиров. Теперь прошу вас меня извинить, но мне нужно управлять кораблем.

«Он похож на гориллу», — с опаской подумал Мартин, идя к военблогеру через полупустой салон. Журналист сутулился на диване, с улыбкой на лице обнимая рукой бледнокожую молодую женщину мрачного вида: черные волосы, черные ботинки и легинсы, черная куртка и большое светло-голубое украшение на левом виске. Она прижималась к нему в манере, выражающей больше, чем обычное чувство. «Не та конфетка», — цинично решил Мартин. Блогер был примерно двухметрового роста, но такого объемного телосложения, что смотрелся низким

и коренастым, правда, без дряблости. Густые черные с проседью волосы, большие старомодные информационные очки в роговой оправе, и много черной кожи. Женщина тихо разговаривала с ним, уткнувшись подбородком в плечо. Горилла был сам слух и время от времени бормотанием выражал согласие. Они были настолько заняты друг другом, что, казалось, не замечали Мартина. «Здесь согласованность», — отметил он и подошел.

— Привет, — спокойно произнес он. — Вы Фрэнк Джонсон из «Лондон Таймс»?

Горилла резко взглянул на него, изогнув бровь. Молодая женщина тоже подняла глаза. Мартин едва обратил на нее внимание — худосочная тревога и краска черных ногтей.

— Кто вы? — поинтересовался здоровяк.

Мартин уселся напротив, неэлегантно развалившись в мягком обхвате дивана.

— Зовут Спрингфилд. Я вместе с дипслужбой Объединенных Наций. — «Как странно, — сдержанно отметил он. Оба напряжены и сосредоточены. Что-то случилось?» — Вы Фрэнк Джонсон? Прежде чем продолжить… — Мартин вытащил свой диппаспорт, и громила с сомнением скосил взгляд на документ.

— Да, — прогремел он. — А это не протокольный визит, не так ли?

Он с задумчивым видом потер левую руку и поморщился, а Мартин уже кое-что для себя уяснил.

— Вы были вчера вечером на приеме в московском посольстве? — спросил он и посмотрел на женщину. — Кто-нибудь из вас?

Та прижалась к здоровяку и отвела взгляд, изображая скуку.

— Я вижу дипломатический паспорт, — сказал Фрэнк, бдительно разглядывая Мартина. — И вижу какого-то типа, задающего наводящие вопросы, и размышляю, может ли офис старшего стюарда подтвердить подлинность документа, если я их попрошу? Без обид, но ваш вопрос может рассматриваться как нарушение журналистской неприкосновенности.

Мартин откинулся назад и стал рассматривать блогера. *Не похож на дурака: просто большой и внимательный… Хм. Надо начинать откуда-то, верно? А он отнюдь не в верху списка.*

— Должно быть, вы правы, — задумчиво сказал он. — Но я не задаю вопросы просто так.

— Ладно. Говорите, что хотите знать и почему, а я, если смогу, отвечу.

— Ага. — Мартин сощурил глаза. Женщина любовалась Фрэнком, явно очарованная. — Если вы были в посольстве Москвы в Сараево, вы, вероятно, видели множество тел.

Журналист содрогнулся. *Ощутимый удар.*

— Скорее всего вы не знали, что подобные вещи случались и ранее. У нас есть основания полагать, что ответственная за них группа, — он помолчал, наблюдая, доходит ли до них смысл сказанного, — находится на борту этого корабля. Итак, я не могу заставить вас сотрудничать со мной, но если вам что-либо известно, а вы скрываете это, то содействуете взорвавшим всех тех людей.

Пробой ниже ватерлинии. Блогер слегка кивнул, непроизвольное согласие выразило его твердую преданность делу журналистской беспристрастности.

— Я пытаюсь составить картину вечернего происшествия, чтобы оказать помощь расследованию, и если вы хотите сделать заявление, то оно очень поможет. — Мартин чуть повел плечами. — Я не полицейский. Просто выбрали теплое тело, способное держать рекордер.

Фрэнк, нахмурившись, подался вперед.

— Позвольте проверить ваш паспорт, если не возражаете — попросил он, протягивая руку.

Мартин на миг задумался и с неохотой вручил белую карточку. Женщина тоже наклонилась посмотреть. Фрэнк изучил паспорт, затем щелкнул пальцами, вызывая приватный конус, и сказал что-то приглушенное пассажирской сети взаимосвязи с кораблем. Спустя несколько секунд он кивнул и снова щелкнул пальцами.

— Порядок, — произнес он, возвращая паспорт. — Я поговорю с вами.

Мартин кивнул, его начальные опасения утихли. Фрэнк проявлял разумность, а узнать точку зрения опытного журналиста — просто замечательно. Мартин вытащил небольшой голосовой рекордер и положил на разделяющий их столик.

— Это опросный рекордер, разовая запись. Запись ведет Мартин Спрингфилд…

— Погодите, ваше имя Мартин Спрингфилд? — Молодая женщина выпрямилась и уставилась на него.

— Среда… — начал здоровяк.

— Да, я Мартин Спрингфилд. Ну и?

— Вы друг Германа? — Она облизала губы.

Мартин моргнул. *Какого хрена?* Мгновенно всплыли и закружились водоворотом мириады воспоминаний. Глухой голос, нашептывающий глухой ночью через тайные контрабандные кау-

зальные каналы.

— Я работал на него, — ответил Мартин с упавшем сердцем. — Где вы слышали его имя?

— Я тоже работала на него. — Она снова облизала губы.

— Среда. — Фрэнк смотрел на Мартина. — Черт, не хотите ли поделиться со всеми…

— Ладно, — сказал Мартин и взял аппарат. — Рекордер. Отмена команды. Выполнить. — И отложил его. «Что здесь происходит? — У него засосало под ложечкой. — Такое не может быть простым совпадением, и если замешан Герман, значит, весь клубок гораздо туже».

— Корабль, можешь создать звуконепроницаемый конус вокруг стола? Ключ отмены — красная коаловая банкнота.

— Ключ зафиксирован. Конус создан.

Все звуки вне магического круга стали неотчетливыми и приглушенными.

— Зачем вы здесь? — напряженно спросила Среда. Мартин переводил взгляд с нее на Фрэнка и обратно. Он нахмурился; их мимика и жесты рассказывали собственную историю.

— Там, внизу… — Она сглотнула. — Они за мной?

— Вами? — Мартин моргнул. — С чего вы по-

считали себя объектом взрыва?

— Это не впервые, — предваряя слова суровым взглядом, прогремел Фрэнк. — Она беженка с Москвы, одна из спасшихся с периферийной станции. Она обосновалась на Септагоне. Кроме того, ее родителей убили явно за то, что она либо что-то взяла, либо, наоборот, оставила. Теперь ее преследуют здесь.

Мартин застыл, его внезапно пронзила молния тревоги.

— Вас направил сюда Герман? — без обиняков осведомился он.

— Да. — Она, словно защищаясь, скрестила на груди руки. — Я начинаю думать, что слушать его — плохая идея.

«Я тоже», — мысленно согласился Мартин.

— По моему опыту, Герман никогда ничего не делает случайно. Он назвал вам мое имя?

Она кивнула.

— Ну ладно. Похоже, Герман считает мою и вашу проблемы взаимосвязанными, и они часть интересующего его целого. — Он посмотрел на Фрэнка. — Для вас это не ново. Куда направляетесь?

Тот поскреб в затылке с устремленным вдаль взором.

— Хороший вопрос. Я разъездной корреспондент «Тайме». Это путешествие — в основном турне по тревожным точкам московско-дрезденского кризиса. А она просто объявилась и выложила свою историю прямо мне в руки. — Он искоса глянул на Среду.

— Герман попросил меня найти тебя, — шмыгнув носом, произнесла она. — Сказал, если дашь в эфир информацию о произошедшем, охотящиеся за мной, возможно, отстанут.

— Это правда, до определенного момента, — сообщил Мартин скорее себе, чем остальным. — Что еще?

Среда глубоко вздохнула.

— Я выросла на отдаленной московской станции. Непосредственно перед эвакуацией Герман попросил меня кое-что проверить. Я обнаружила… э-э… тело. В таможенной секции. Мертвое. Герман просил спрятать кое-какие документы неподалеку, материалы из капитанской каюты эвакуационного корабля. Я удрала с ними; никто не заметил маленькой пропажи. — Она пожала плечами, явно не испытывая счастья от случившегося. — Потом недели две назад кто-то убил мою семью и пытался убить меня. — Она вцепилась в Фрэнка, как утопающая в спасатель-

ный плот.

— Не верю в совпадения, — медленно проговорил Мартин, чувствуя на спине холодные капли пота. *Германвовлечен в это.* Крайняя уверенность, достаточно пугающая, чтобы ладони стали влажными. Герман, тайное имя посредника — человека или чего-то еще — использовалось Эсхатоном, когда тот давал Мартину выгодные поручения в прошлом. *Значит, за ней тянется действительно что-то серьезное. Надо поставить в известность Рашель! Она очень рассердится!* Он перехватил взгляд Среды.

— Послушайте, я бы хотел немедленно рассказать об этом жене. Вы, вероятно, видели ее на подиуме. В посольстве. — Он сглотнул. — Она эксперт по убийцам. Вместе мы можем обеспечить вашу безопасность. Тем не менее, может, у вас есть соображения по поводу того, кто охотится за вами? Поскольку, если мы сузим круг и подтвердим причастность той же самой группы, которая преследует московский дипкорпус, дело намного упростится.

— Уверена, да. — Среда кивнула. — Герман сообщил мне прошлой ночью. Это фракция РеМастированных. Их группа на корабле направляется на Новый Порядок. Герман считает, что они наме-

рены сделать нечто радикальное после первого прыжка. — Она скривилась. — Нам нужно попытаться определить способ действий.

СПЛОШНАЯ КЛОУНАДА

Франц оказался в западне.

Как-то давно он слышал историю о диких животных — уже забыл, каких именно, — которые, попав в капкан, отгрызают себе лапу, чтобы освободиться. Это был красивый миф, но явно фальшивый, ибо когда приходиться с подобным сталкиваться, когда зажат стальными челюстями дилеммы, учишься жить с тем, что получил.

Хойст вынырнула из глубин Директората как прожорливая *черная вдова*[27] и отняла Эрику, угрожая Францу отравленным кубком своего жадного желания. Его собственная жизнь стала подарком: *я не ждал такого.* Он сделал так, как она просила, и она не солгала — не откусила ему голову и со вкусом не обгрызла пульсирующий пенек шеи, удовлетворив свое желание. Хотя уколы его пойманной совести ощущались почти физически. Багаж Хойст содержал почти пятидесятиграммовый алмаз памяти, загруженный душами и геномами всех из сети U.Скотта, не прошедших чистку. Каждое утро Франц просыпался с бешено

---

27 Примечания: 27
Вид пауков.

стучащим сердцем, задыхаясь от понимания, что сам ходит по краю кипящего кратера. Знание, что смерть от рук Хойст может наступить в любой момент и он проснется со своей любимой и еще с неисчислимыми миллиардами в симуляционных пространствах будущего бога, не утешало. Создание будущего бога означало уничтожение Врага, но…

Любовь заменила религию. Франц и Эрика стали двумя сторонами одной монеты, которую они подбрасывали среди смертных несколько лет. И он потерял уверенность в том, во что прежде верил. Идея будущего бога отняла у него право на ошибку и сделала пресмыкающимся. Это служило предзнаменованием: когда РеМастированные наконец уничтожат Эсхатона и начнут исполнение своей монументальной задачи *переосуществления,* созданное ими в собственном образе божество вряд ли будет милосердным и великодушным. Возможно, лучше умереть необратимой смертью, чем встретить свою частицу в коллективном сознании в завершающей точке в конце времён. Но чем больше он обдумывал это, тем больше находил, что не готов предстать перед неприятным выбором: отгрызть лапу собственной совести и спастись или позволить

черной вдове наказать его самым отвратительным способом.

Как бы то ни было, вечером первого дня полета, за час до первого прыжка, он ползал на коленях по полу каюты «королевского» класса Поршии вместе с Марксом, помогая тому заряжать кассету портативного гранатомета с полным гашением отдачи, пока Самов и Матильда вооружались всякой всячиной. «Нам действительно нужно это делать? — терзался он сомнениями, глядя на приземистый контейнер. — Она реально намерена на это пойти?»

Идея дезориентировала. Франц в своих самых оптимистических мечтах представлял, как они с Эрикой сумели бы достичь цели: возможно, смогли бы оказаться вне стальной решимости расы РеМастированных, не творить историю, бежать, спрятаться и найти отдаленный мир, жить, работать и не отказывать себе в странном извращении, называемом любовью, умереть навечно и превратиться в прах и никогда не представать перед злобным взглядом всеведущего завершенного дитя. Но бегство — лишь жестокая иллюзия, такая же, как свобода или любовь. Жестокая иллюзия — все, кроме стальной закалки РеМастированных.

Франц вставил снаряд в коробчатый магазин, поднял другой и поместил его сверху. Заряд был размером с большой палец, носовая часть блестела сенсорами, из хвостовой торчали крошечные сопла твердотопливных ракет. *Один выстрел — одна смерть.* Всякий раз, запихивая патрон в магазин, он чувствовал, как внутри него что-то сжимается, и вспоминал Джамиля, втыкающего втулки в затылок Эрики, превращая ее в этакое мясо, чтобы возложить на алтарь будущего бога. *Убить всех, бог узнает каждого, нынешний бог умрет: мы должны стать новыми богами.*

— Полный, — сказал он, передавая магазин Марксу.

— Для этого достаточно. — Маркс осторожно отложил в сторону один из ручных пулеметов и пачку магазинов. — Хорошо, еще один. Поторопись, у нас всего час на подготовку.

— И так спешу. — Руки Франца летали. — Никто так и не сказал о моей роли во время акции.

— Может, босс еще не решила, нужен ли ты для этого живой.

Франц постарался никак не отреагировать на ядовитое замечание Маркса. Вполне возможно, это тест, и любой признак слабости определит исход.

— Я подчиняюсь и тружусь для будущего бога, — ответил он ровно, склонясь над ящиком с боеприпасами. — Хм. Заряд мощности на одном слабый. Наверное, давнишний.

Большие управляемые противопехотные снаряды требовали трехкратной силовой подпитки, пока хранились на стеллажах: огромнейшим недостатком этого мощного оружия было сохранение заряда.

— Староват. Тем не менее мы их используем. Очень скоро.

«Я готов их предать, — говорил Франц себе. — Нужно сообщить о происходящем капитану». Правда, ему неизвестно, кто еще в деле. Он знал только о команде Поршии и группе Матильды. Могут быть и другие. *Кроме того, в случае моей измены — Эрика умрет навсегда или будет обречена на воскрешение под враждебным испытующим взглядом сурового бога.* Даже если он запустит руку в мешок с душами, который Поршия везет Селекционерам, у него нет простого способа сохранить разум Эрики и позволить себе в одиночку вырастить ей новое тело. Это привилегированная технология Директората, жестко контролируемая Селекционерами для их собственных целей, очень дорогая и очень редкая

за пределами владений РеМастированных. *И если Хойст говорит правду — есть вещи похуже, чем быть рабом депсека. Много хуже.*

— А, Франц. — Мягкий голос за спиной.

Он заставил себя сосредоточиться на собственных руках: поднять — положить, поднять — положить. «Она ничего не имеет в виду», — подумал он.

— Пойдемте со мной. У меня есть для вас работенка.

Он осознал, что уже стоит на ногах, безо всяких эмоций, словно лунатик.

— Я готов.

— Вижу. — Хойст кивнула в сторону своей комнаты. — Туда.

Франц вошел, и Хойст открыла дверь того, что он принял за шкаф. Так и есть: несомненно, шкаф. Внутри — стул с ремнями у подлокотников и передних ножек.

— Что это? — спросил он. Сердце оборвалось.

— Простая работенка для вас. — Хойст улыбнулась. — Я изучаю ваш любовный феномен, а он имеет некоторые интересные приложения. — Улыбка погасла. — Как жаль, что мы не можем применить наш метод к пассажирам, пока не захватим девчонку, потом сделаем **ее** марионеткой,

и она будет нам подчиняться. — Она покачала головой. — Но кто бы за ней ни стоял, почти наверняка он принимает меры предосторожности. Поэтому нам придется прибегнуть к старомодному способу.

— Старо… — Франц замер. — Что вы имеете в виду? Хойст вынула блокнот и нажала клавишу. Завращалась видеопетля, пару секунд показывая цель, отводя прочих за пределы экрана.

— Его. Даю вам Маркса и Луну. Пока исполняется Компетентный План, вы отправитесь в его каюту и приведете мне. В целости и сохранности в пределах возможного. Хочу получить козырь.

— Хм. — Франц пожал плечами. — А не проще заставить ее силой?

— Это и есть сила определенного вида. — Хойст ухмыльнулась. — Разве вы не признаете такую? — Ухмылка исчезла. — Она обладает навыками ускользать от поимки, Франц, Кергелен был не совсем неаккуратен: он столкнулся с опытным соперником. Я читала полевые файлы U.Скотта, подготовленные черновые расшифровки, а не бодягу, которой он всех пичкал. От *меня* она не увернется.

— А какова моя задача? — робко поинтересовался Франц.

— Просто схватить его и притащить сюда, пока я занимаюсь остальным кораблем. Если он согласится сотрудничать, то и ему и девчонке — обоим — будет позволено жить. Это правда, а не выдумка. Хотя и их, и прочих пассажиров по прибытии на Новый Порядок передадут на РеМастирование.

— Усвоил. — Франц нахмурился. *Она намерена РеМаетироовать всех на корабле? Не планирует ли она его исчезновение?* — Что-нибудь еще?

— Да. — Хойст склонялась все ниже, пока он не почувствовал щекой ее дыхание. — Это твоя работа номер один. Организую другую, после стыковки со станцией одиннадцать. Это должно быть забавно! — Она похлопала Франца по спине. — Бодрее. Всего три недели — и мы дома. Потом, если станешь хорошо себя вести, подумаем о возвращении твоей игрушки.

Штефи с трудом подавила зевок, едва погрузившись в кресло в обеденном зале. Слишком длинная смена, проведенная вместе с Рашелью в сосредоточенном изучении персональных перемещений, оставила ей затуманенный взгляд и желание придушить некоторых наиболее настойчивых туристов. Десять минут, чтобы освежиться, затем сидеть во главе стола в течение

трех-четырех часов, чтобы умасливать разросшееся эго большинства бестолковых пассажиров из дорогих кают, было глазурью, которая не требовалась ее пирогу. «Но это лучше, чем оставаться вне расследования», — говорила она себе. Может, она нормально проведет время с Максом после; он сидел в другом конце зала, с высокомерным видом, но учтивый — любимый образ всякого старшего офицера. Ему тоже нужно было выпустить пар.

— Не возражаете, если присоединюсь к вам?

Она огляделась по сторонам. Это Мартин, правая рука дипломата-агента.

— Конечно. — Она слабо улыбнулась, соблюдая приличия. Сидевшая ближе всех японка средних лет ответила ей, очевидно приняв улыбку на свой счет и спровоцировав обмен вежливыми кивками. В то же время расположившийся слева Мартин лениво просматривал меню. Штефи оглядела стол. Места заняты наполовину. Беспокойная девица, видимо, ела у себя в номере. И эта неприятная группа студентов по культурному обмену с Тонто. «Уродское прикрытие, — подумала она. — Даже слепой идиот заметит в них больше. Разве что кроме банкирши».

— Как прошел сегодняшний день? — тихо поинтересовалась она, кода стюарды убрали пустые

суповые тарелки. — Видели вашу жену? Она все еще работает?

— Вероятно. — Мартин дернул плечом и коснулся пальцем переносицы. — Когда она кого-то разыскивает, то имеет склонность к излишнему усердию. Если во что-то вонзает зубы, то уже не выпускает. Говорил ей, отдохни немного, и станешь работать эффективней, но… Я же провел весь день, опрашивая туристов. Из-за чего заработал головную боль.

— С пользой?

— По большей части нет.

«Обманщик, — подумала она, напрягаясь. — Что ты скрываешь?»

Светильники, окаймляющие арочные ниши со скульптурами вдоль стен, насторожили ее помигиванием.

— Извините. — Штефи подняла левую руку и настойчиво завертела кольца интерфейса, настраиваясь на командный канал. Свет на корабле никогда не мигал без причины, особенно на таком шикарном лайнере с многократно дублированными силовыми цепями. Штефи не ощущала никакой вибрации, но это еще ничего не значило. У корабельных генераторов, сворачивающих пространство, хватало энергии для

устойчивого удержания ускорения в 30 g и поглощения любого импульса, если он недостаточно силен, чтобы стать причиной серьезного структурного повреждения.

— Мостик, ответь, вызывает Грейс. Мостик… — Она нахмурилась. — Странно.

Она посмотрела на Макса. Тот встал, разворачиваясь, чтобы сойти с приподнятой платформы, на которой стоял стол. Он перехватил ее взгляд, указал подбородком в сторону главного выхода и широкими шагами направился к нему. Штефи обратила внимание на стюардов, благоразумно прервавших исполнение своих обязанностей и исчезающих в направлении травмопунктов.

Она догнала Макса за два метра до выхода в холл.

— Мостик не отвечает.

— Знаю. — Макс открыл непомеченную боковую дверь. — Ближайший аварийный шкаф, а, вот он. — Он дернул за черно-желтую ручку, вытянул ящик и вручил Штефи сумку первой помощи — дыхательный шлем, перчатки, набор инструментов, робот первой помощи. — Не отзываются. — Он задумался. — Момент…

— Уже. — Штефи держала раскрытый планшет напротив стены и пыталась вывести схему

контроля повреждений корабля. — Черт, почему так *медленно?* — Она ткнула в локальный диагностический пульт. — Нет частот! Нарушение корабельной связи.

— У нас есть свет, воздух и гравитация. — Он смотрел задумчиво. — Но нет информации. Послушай, может, просто повреждение основной сети? Релятивисты не должны приступать к прыжку еще в течение получаса, поэтому, возможно, и неплохо, что все сидят тихо и на своих местах. Тебя это не касается, и я хочу, чтобы ты вернулась в обеденный зал и присматривала за пассажирами. Передавай любые распоряжения, которые услышишь, держи ухо востро и постарайся без необходимости не ввязываться в неприятности. Я возьму с собой нескольких стюардов и пойду выяснять, что случилось. Сперва на мостик, потом в машинное отделение, если мостик вышел из строя… Ты же скажешь пассажирам, что все под контролем, линейная группа разбирается, и в свое время будет объявление. Справишься?

— Сделаю все возможное.

Штефи направилась в пассажирский коридор, едва взглянув, как он подзывает рукой кого-то из команды, появившегося из сервисной зоны.

— Эй, вы! У меня для вас есть работенка…

На первый взгляд в обеденном зале все казалось под контролем. Пассажиры, занятые разговорами, не замечали ничего необычного. *Спасибочки…* На мгновение Штефи решила оставить их в неведении, но как только кто-нибудь из них попытается проверить свою электронную почту или связаться с приятелями, то сразу поймет: что-то происходит. Она ступила на платформу, поддерживающую ее высокий столик.

— Прошу прощения, леди и джентльмены, можно отвлечь ваше внимание?

На нее воззрились удивленные глаза.

— Кто-то из вас мог заметить небольшую техническую аномалию в последние несколько минут. Мне бы хотелось уверить вас, инженерная группа работает и нет ничего опасного…

Лампы на мгновение мигнули и погасли. Из углов зала выехали два скрытых экрана, и свет загорелся снова. Тут же раздался странный голос с холодной и сдержанной интонацией.

— Мы с сожалением сообщаем вам, что у нас возникла небольшая проблема с энергетическим и управляющими центрами. Причин для беспокойства нет. Все под контролем, но мы отклонимся от основного направления на Новую

Прагу к ближайшему порту. Линии «ВайтСтар» заявляют о своевременной компенсации за причиненное неудобство. Между тем мы будем признательны, если вы разойдетесь по своим каютам и останетесь там до особого объявления. Как только пассажирская сеть взаимосвязи будет восстановлена, вы сможете пообщаться с любым из членов нашей команды. Мы здесь, чтобы помочь вам.

Рашель разыскивала Среду в пустующих салонах палубы D, когда какое-то устройство шмыгнуло под мостик, который располагался на палубе E и был отделен от палубы D двумя герметичными переборками и электрогравитационным кольцом. В конструкцию была заложена даже защита от воздействия приливных волн, прямой взрыв не мог ей повредить.

Мартин связывался с Рашелью двумя часами раньше: полный визуальный контакт через офисную камеру.

— Это явно воняет протухшим сыром, — настаивал он. — Она из московских беженцев, и кто-то пытается то ли похитить, то ли убить ее. Присутствовала на посольском приеме, когда ты была… О да, кое-что еще.

Его щека дернулась. Он был так взволнован,

каким она его никогда не видела.

— Что за «кое-что еще»? — требовательно спросила она, раздражаясь на себя, что цепляется за такой очевидный крючок.

— У нее есть друг, Герман, она здесь из-за него. — Мартин умолк.

Она смотрела на него через волшебное зеркальце своего визуального поля.

— Шутишь.

— Нисколько. *Фрэнку* больше ничего не известно, но имей в виду, он долбанул меня этой информативной дубиной.

— О черт. — Рашель прислонилась к стене. — И что ж он ей сообщил?

У нее на мгновение закружилась голова. Все встало на свои места. *Герман* — псевдоним посредника Эсхатона, используемый для контакта с Мартином. Он оплачивал выполнение непонятных заданий — заданий, эффект от которых, проявляясь, сотрясал правительства дюжины миров. *Герман* реально интересовался людьми, которые пытались создать машину времени, нарушить причинно-следственную связь, экспериментировать с запрещенным оружием. *Москва* погибла, когда неожиданно ее звезда взорвалась. Чего *не должно было случиться,* не тот тип — G-

карлик в середине жизненного цикла.

— Может, это совпадение, но рядом с основным стыковочным отсеком, похоже, подложена большая свинья: видишь аварийные комплекты реакторной группы с обеих сторон? Герман сообщил, это как-то связано с группой РеМастированных на борту звездолета, и они намерены устроить что-то после первого прыжка. Сегодня вечером, иными словами. Рашель, меня это *не* радует.

— Стоп. Давай не пойдем туда прямо сейчас. — Она покачала головой. — Мне нужно найти девчонку до того, как кто-нибудь перехватит ее. Вышлешь мне о ней подробности?

— Конечно. — Мартин повертел кольца на левой руке, планшет Рашели запикал, и выскочила картинка — девушка, юная, черные волосы закручены водоворотом, глаза темнеют полуночью. — Трудно такую пропустить. Ты, вероятно, застанешь ее с Фрэнком, журналистом; они, похоже, увлечены друг другом. Ее внешность соответствует возрасту, поэтому будь с ней настороже.

Рашель задумчиво нахмурилась.

— Беспокойся не обо мне, а о ней. Иди поговори с капитаном: сообщи — мы ждем неприятностей

от некой группы пассажиров. Если потребуется, назовешь, от кого конкретно, но не проговорись, откуда поступило предупреждение. В команде не исключено слабое звено. Кроме того, если среагируем слишком резко, можем упустить шанс что-либо выяснить.

— Доброй охоты. — Мартин улыбался ей, пока Рашель не прервала связь.

Именно по этой причине Рашель рыскала по пустующим на девять десятых салонам, натыкаясь на случайных пассажиров, болтающих, выпивающих или сплетничающих в сверхперегруженной мебелью обстановке, что, похоже, было фирменным стилем «ВайтСтар». Казалось, Среда растворилась вместе со своим бойфрендом, и никто из них не носил локальных бэджей. *Черт бы побрал эти причуды приватности!* Она нигде не находила ни девушку в коже, с импозантной прической и явным недостатком шика, ни журналиста, похожего на сероспинную гориллу.

Спустя два часа Рашель уже обшарила палубы D и G, обойдя каждый круговой коридор и проверив каждое общественное помещение, и была расстроена. «Ну где их, на хрен, можно застать?» — спрашивала она себя. Оставить Среде голосовое послание не значило добиться чего-нибудь.

Она уже почти решила подключить Штефи, посмотреть, не сможет ли экипаж справиться с этим делом более эффективно: если только можно исключить всю команду из списка подозреваемых…

Люминесцентные потолочные плитки прерывисто замерцали, и мир наполнился многоцветными сполохами. В голове образовалась глухая тишина, Рашель поняла, что падает, и попыталась вытянуть руки. *Головокружение!* Она сильно ударилась о палубу и покатилась по дорожке. В глазах рябило. Сполохи медленно угасали, оставляя на сетчатке след паутины кровеносных сосудов. Рашель задержала дыхание, от испуга кружилась голова, и поняла: это не ее зрение — внутриглазные дисплеи после сбоя перезагружались. *Черт!* Рашель огляделась. Парень в коже, сидящий на дорогом диване, с хмурым видом вращал кольца, словно собирал пазл. Рашель крутила мастер-кольцо в прогонке диагностического меню, пока не нашла критическое состояние. «*Мощный импульс электромагнитного излучения*», — подсказал ей выходной логотип. Киловольты и микроамперы на метр: кто-то послал мощный импульс через стену. В воздухе чувствовался легкий запах озона. Быстроплавкие

предохранители в ее военных специмплантатах спасли их, но другие пассажиры…

«Дявол! — Рашель поднялась и, пьяно пошатываясь, вошла в коридор. — «Связь с Мартином». *Обслуживание недоступно.* «Проклятье! Никто не паникует. Почему нет сирен? — Она торопливо осмотрелась в поисках аварийного шкафчика: пусть они и искусно спрятаны на борту лайнера, но должны быть рядом. — Почему нет перегородок? Дверям аварийной безопасности следовало бы разделять отсеки в случае неприятностей. — Холодные когти страха сжали ее. — Черт, пора бы начать действовать…»

Из угла салона к ней подбежал маленький мальчик.

— Тетя? Моя игровая картинка осыпалась… Рашель одарила ребенка болезненной улыбкой.

— Не сейчас, — сказала он, потом отнеслась к его словам внимательней. — Почему бы тебе не пойти и не попросить своих родителей? Они тебе помогут.

Электромагнитный импульс/ поврежденные имплантаты и игротеки/ инкогнито путешествующий киллер/за девицей из Москвы охотятся/ вовлечен Эсхатон/ военные преступления — у Рашели возникло ощущение сильно жмуще-

го ботинка, чудовищного ботинка с каблуком, набитым плутонием, или спорами сибирской язвы, или еще чем-то в той же мере апокалиптичным; а она все воспонимала неправильно, как звук хлопка одной ладонью. *Что-то вроде того.* Она перешла на быстрый шаг, двигаясь к следующему радиусу. «Найти пульт контроля повреждений, — говорила она себе, — выяснить, что происходит…»

Рашель увернулась от двух растерянных пассажиров, явно искавших кого-то. Заметила безликую дверь в командный отсек и попыталась ее открыть. Та отказывалась опознавать ее, пока уставшая ждать Рашель не начала дергать за черно-желтую аварийную рукоятку: за дверью послышались далекие приглушенные сирены. Включилось аварийное освещение, и стены отразили мертвенно бледный бестеневой отблеск.

«Отправка Мартину, лучшей автономной аварийной сетевой рассылкой», — мысленно передала она персональному ассистенту и пробормотала кольцам:

— Мартин, если получишь это сообщение, мы в глубокой жопе. — Она завернула за угол, следуя по указателям к центру управления палубы G. — Валится что-то очень большое, а мы, похоже,

сидим в точке падения.

Дверь центра управления была распахнута настежь, в темноте виднелись чем-то занятые двое человек из команды. Один из них заметил Рашель и шагнул вперед.

Та замерла с широко раскрытыми глазами, когда заговорила общественная система вещания.

«Мы с сожалением сообщаем вам, что у нас возникла небольшая проблема с энергетическим и управляющими центрами».

Человек, перекрывший проход, ткнул в нее автоматической винтовкой. Рашель не шевелилась, пока ствол нацеливался на нее, лишь слегка шмыгнула носом, когда дуло уперлось ей прямо в лицо.

— Кто вы, и зачем здесь?

— Я… э-э… — запнулась она. Сердце бешено колотилось. — Искала стюарда. — Голос сорвался почти на писк.

Рашель начала отступать и снова замерла, едва мужчина напрягся. Кареглазый бледнокожнй блондин с телосложением и грацией танцора или бойца восточных единоборств — или *спецназовца.* Даже на поверхностный взгляд было видно, что если он решит выстрелить — у нее никаких шансов: оружие представляло собой

некий гибрид винтовки с гранатометом, возможно стреляющий за угол или сквозь стену.

— У меня отказали кольца… Как насчет помощи? — притворилась смущенной Рашель — для нее совсем не трудное дело.

— Случился небольшой инцидент, — очень спокойно ответил головорез, почти проглатывая слова. — Возвращайтесь в каюту. Все под контролем. — Он умолк и очень холодно посмотрел на нее.

— А, да, под контролем, вижу, — пробормотала, пятясь, Рашель. Он не сделал вслед за ней ни единого движения, просто стоял и смотрел через дверной проем, как она разворачивалась и уходила в пассажирскую зону. Ее кожа практически ощущала ствол, смотрящий ей в затылок и готовый разрядиться. Отойдя чуть дальше, Рашель поддалась импульсу бежать — пассажир и должен был оказаться испуган, — пока он не понял, насколько хорошее у нее ночное зрение. Достаточно неплохое, чтобы разглядеть за ним в темноте склонившуюся над рабочей станцией женщину и заметить другую, колдующую за спиной у первой над каким-то вызывающим беспокойство подобием мобильного нейрохирургического оборудования.

Под контролем.

— Дерьмо, — пробормотала она, нащупывая дверь, и впервые заметила, как трясутся руки.

Плохие парни в контрольном центре повреждений на палубе G. Инфооружие в пассажирской зоне. Что мне еще надо? Дверь за ней захлопнулась. Рашель покачала головой. *Космические угонщики…*

Она повернулась к центральному атриуму с мыслью, не воспользоваться ли старомодной лестницей, чтобы вернуться к себе и поискать Мартина. Она едва успела сделать первый шаг, как в нее влетела черноволосая девчонка.

В воздухе летной палубы воняло кровью, озоном и дерьмом. Разбросанные повсюду столы и стеллажи смотрелись так, будто их прогнали через пресс для металлолома; все, что не привинчено, — опрокинуто и изуродовано, включая офицеров, на свое несчастье оказавшихся на мостике в момент выстрела устройства. Тела в неестественных позах лежали за развороченными креслами, истекая кровью.

Поршия сморщила нос от отвращения.

— Здесь действительно нечего делать, — сказала она. — Наведите порядок, перед тем как разблокировать сеть взаимосвязи. Хочу, чтобы

выглядело так, будто мы приняли руководство, а не учинили резню.

— Босс. — Джамиль кивнул. Он смотрел на настенный экран, сорванный с переборки и брошенный на пол тонкой простыней. — Как насчет операционной мощности?

— Низкий приоритет. На очереди дублирующий мостик, и начнем отсюда — Она на секунду задумалась. — Поручи кому-нибудь утилизировать все, что можно использовать.

Она посмотрела на лежащего на полу офицера со свернутой шеей и раздавленным черепом.

— Явно не предназначен для тотальной загрузки.

— Тридцать «же» за сто миллисекунд равнозначно падению с пятнадцатого этажа, — сообщил Маркс.

— Поэтому у нее нет головы. — У Хойст дернулась щека. — Продолжай.

— Да, босс. — Он направился искать кого-нибудь с нервным стволом.

Когда он ушел, у Поршии зазвонил телефон. Она поднесла к голове архаичную каучуковую коробочку.

— Контроль, оперативная сводка. А… да, это хорошо. Он в порядке? Полностью запрограм-

мирован? Великолепно, поставьте его перед экраном, как только подключите пассажирскую линию взаимосвязи, нам нужно убедить людей, что здесь реальный руководящий офицер… Как выглядит структуральная выгрузка? Насколько высок хирургический?.. Хорошо. Я довольна услышанным. Да, скажите Марии, пусть задерживает любых членов команды, кто добрался до D-конуса на палубу G через палубу C… Да, именно это имею в виду. Мне немедленно нужны любые из выживших линейных офицеров, их следует опознать и отделить от всех. Спрячьте их для начала на палубе C в центре D-конуса и доложите, когда всех сосчитаете. Будьте осторожны и в случае сопротивления стреляйте первыми: будущий бог узнает своё… Да, тебе тоже. Отбой. — Она повернулась и кивнула Францу. — Правильно. Теперь твоя очередь. Полагаю, девчонки нет в каюте?

Франц вытянулся.

— Она исчезла. Ее персональный знак говорит, что она там, но, похоже, она всех ввела в заблуждение, а ее личные имплантаты не совместимы с этими проклятыми системами земных стандартов. Одна из младших офицеров тоже разыскивала ее. Думаю, она вышла на территорию. — Он произнес свою небольшую речь с

невозмутимым видом, хотя живот напрягся в ожидании ярости Хойст.

— Это хорошо, — к его удивлению мягко сказала она. — Что я тебе велела раньше? Просто присматривать за ней. Группа Матильды формирует пункты фильтрации пассажиров. Сработает ячеистое поле клеточного радара, и он через несколько часов возьмет весь корабль под наблюдение. А как насчет другого?

— Взят, согласно вашему приказу. По каким-то причинам он вернулся в свою каюту. Макс взял его без проблем, и мы посадили его в шкаф.

— Ладно, когда девчонка обнаружится, дайте ей знать, что ее приятель у нас и что с ним сделают в случае ее отказа сотрудничать с нами, — с задумчивым видом произнесла Поршия. — А ты пойдешь и уберешь клоуна, прямо сейчас.

— Клоуна, — повторил Франц. — *Клоуна?* С ним будет все в порядке. Здесь нет этической дилеммы и не о чем волноваться…

— Да, — кивнула она. Ее левая щека дернулась. — Принеси мне голову Свенгали, клоуна.

— У меня нет шприца…

— Не утилизировать, — твердо заявила она, чуть скривившись от отвращения. — Существуют некие вещи, от которых нужно оградить даже

будущего бога.

— Но это конец! Если его убить без утилизации, душа…

— Франц. — Пронзительный ледяной взгляд.

— Босс.

Она склонила голову набок.

— Я порой думаю, ты слишком мягок для такой работы. Не так ли?

— Босс! Нет. — Сердце ушло в пятки. — Я слишком медленно приспосабливаюсь к вашему стилю руководства. Но приспособлюсь.

Это верно, отгрызть собственную лапу.

— Вижу, — слегка кивнула она.

Он знал, когда его отпустят. *Принеси мне голову Свена, клоуна.* Если она хочет — он сделает. Но убить парня и не предложить ему последний ритуал — это… *мерзко?* Нет, куда хуже. Это финал, тотальное исчезновение. Босс сказала: «Существуют некие вещи, от которых нужно оградить даже будущего бога». Тем самым подразумевая: есть воспоминания, которые никогда не должны быть внесены в карту и заархивированы для потомства, чтобы механизмы небес не выявили махинации смертных, которые, выставляя напоказ критицизм, на самом деле занимались лишь карьерой. Это сточная канава, а будущий

бог должен родиться чистым, когда мерзкий негуманный Эсхатон будет уничтожен.

Франц задержался за дверью мостика и глубоко вдохнул отфильтрованный воздух, который не смердел бойней. Локальная импульсная бомба Самова выбросила массивную волну сквозь палубу с оборудованием под мостиком, через складское помещение со сверхпроводниковым электрогравитационным кольцом, временно оставившим незащищенным все выше него — до следующей палубы и следующего кольца, — полные тридцать «же» реального ускорения на долю секунды.

Тем временем Джамиль и одна из проверенных спецназовских групп взяли тренинговый зал, обслуживающий системы мостика и используемый в качестве дублирующего во время подготовки к первому прыжку корабля. Дежурный офицер даже не понял, что произошло; Курт проколол ему спинной мозг и превратил в марионетку — так он отобрал его биометрической жетон.

Теперь корабль отклонялся от курса на три световых года и готовился ко второму прыжку в серии из четырех, которую навигационная группа составила на борту «Хайдеггера». Они шли на рассчитанный риск — захват лайнера на ходу, —

но пока он оправдывался. Окно благоприятного исхода для пассажиров и команды захлопнулось, а когда Матильда завершила инсталляцию наблюдающего программного обеспечения в повсеместную пассажирскую сеть взаимосвязи, лайнер стал заперт надежней, чем сверхтюрьма.

В планах Поршии значилось размещение взвода спецназа еще до того, как она сама прибудет с командой специалистов. Их основная и единственная задача состояла в захвате мостика, инженерных площадей двигателя, двух центров контроля повреждений и главной системы жизнеобеспечения. Когда станет возможным через полы и стены отслеживать передвижение каждого человека и на расстоянии запирать двери или отключать воздухоснабжение, если не понравится увиденное, — корабль целиком окажется в их руках. Что ставило Франца перед дилеммой.

Хойст не позволит ему бежать никаким способом. На деле она скорее всего убьет его или отправит на утилизацию, как только обратит на него внимание по прибытии «Романова» на Новый Порядок. Глупо от нее ждать выращивания нового тела для Эрики: это редкая привилегия даже для чиновников директорского уровня. Если бы он сумел выкрасть кристалл памяти, хранив-

ший утилизированный статус-вектор Эрики и ее генетическую карту, то потом нашел бы способ добраться до государства, где клонирование и загрузка не являлись инструментом контролируемого технократией государства. Может, что и вышло… но насколько такое вероятно? «Эрика мертва, а меня поимели, — спокойно сказал он себе. — И все, на что могу надеяться, лишь постараться убедить Поршню в своей рабской преданности…»

Франц прошел по безлюдному радиальному коридору (группа Джордана, изменив допуск, перекрыла почти всей команде выходы к служебным тоннелям во время захвата корабля) и поднялся на командном спецлифте на палубу А к штабному номеру Хойст. Как только дверь открылась, один из парней группы Матильды направил на него ствол.

— Что нужно?

— Сделать работу для босса. — Франц вошел, и дверь за ним сразу захлопнулась. — Матильда здесь?

— Нет. — Охранник опустил оружие и вернулся на свой пост у двери. — Так что нужно?

— Использовать повсеместную подслушку, как только все инсталлируется. Еще оружие и

невральный шприц. Боос хочет увязать свободные концы.

— Угу. — Голос солдата звучал удивленно. — Феррис все уладит.

Гостиная была сама суета. Кто-то, присев на обломки когда-то дорого туалетного столика, ковырялся в полу, открывал лазы и подсоединял кучу кабелей к компактному сигнал-производящему компьютеру. Трое-четверо техников, склоняясь над различными разъемами, жестикулировали, заводя мобильные коды в пассажирскую сеть взаимосвязи с кораблем. Еще один солдат возилась с износоустойчивой коммуникационной консолью, очень низкотехнологичной, но полностью автономной корабельной системой. Она подняла глаза на Франца.

— Что вы хотите?

— Член команды, — он сверился со своим имплантатом, — 4362, Свенгали Кыо, фамилии нет, занятие — массовик-затейник, подтип — ювенильный. Мне необходимо знать, где он. И нужно получить пистолет.

— Член команды 4362, — она говорила, растягивая слова, — в настоящий момент закрыт в… — Она нахмурилась. — Нет. Он на палубе Н, четвертый радиальный, оранжевое кольцо, в

обеденном зале второго класса, занимается… Ее бровь изумленно взлетела. — Что такое «празднование дня рождения»?

— Понятия не имею. По расписанию ему там еще долго?

— Да, но другие пассажиры…

— Все хорошо. — Франц огляделся. — Теперь насчет пистолета.

— Там, в спальне босса. Ящик у спального подиума. О-о, входящий вызов. — И она вернулась к занятию с консолью, больше не обращая на него внимания.

В спальне Поршии был полный бардак. Коробки от оборудования разбросаны по полу, на подушках остывала в тарелках недоеденная еда. Франц отыскал ящик и копался в нем, пока не нашел упаковку с пистолетом и парой магазинов в фабричной упаковке. Он подержал пистолет у лба, пока крошечный мозг оружия не синхронизировался с его имплантатами, и загрузил в него запись новой баллистической характеристики и элементарную сеть нацеливания. Пистолет Франца не очень заботил; несмотря на то, что он знал, как с ним обращаться, использование его на службе обычно означало, что агент раскрыт, а его работа, если не жизнь, завершена. Франц по-

рылся еще и, несмотря на предписание Поршии, забрал невральный шприц. Никогда не знаешь…

Уже покидая комнату, он заметил еще кое-что. Ворох грязной одежды в открытом шкафу возле кровати. Похоже на вещи, которые босс надевала раньше. Он удивленно остановился. «А не могла ли она? — подумал он. — Стоит посмотреть. Ну да, это… возможно». Он глянул на полуприкрытую дверь. Никого не видно. Франц встал на колени и запустил руки в шкаф, нащупал выпуклость в боковом кармане куртки. Боясь поверить, он расстегнул молнию и вытащил маленькую коробочку. И мгновенно перестал проклинать свой оптимизм. «Ух ты», — выдохнул он. Отщелкнул крышку, снова закрыл, поднялся, спрятал коробочку в набедренный карман и вернулся в приемную. Пульс бился в осознании вины.

Коробочка содержала драгоценный камень размером с большой палец, установленный поверх керамического блока, усеянного оптическими портами — читающей/пишущей головкой. Это был кристалл памяти, атомы углерода 12 и 13, чередующиеся в решетке, — предпочитаемый формат хранения информации для немногих избранников будущего бога. Плотный и надежный: двадцати грамм хватало для тысячи нейронных

карт и сопровождающей их генной информации. Кладовая Поршии Хойст, где сведения о каждом уничтоженном ей по долгу службы содержались до тех пор, пока не будут заархивированы Селекционерами для того дня, когда будущего бога соберут и подведут к замороженным отпечаткам. Подобное небрежное сокрытие предмета, незаметного в багаже, имело умышленный характер: скорее всего Хойст посчитала корабельный сейф слишком очевидной мишенью. А это символ ее силы, ее власти над жизнью после смерти тех, кто ей служит. Не стоить ждать милосердия, если она узнает, что он завладел кристаллом. Но если извлечь из него лишь единственный хранимый разум, а потом вернуть камень на место, с Францем может ничего не случиться. От дальнейшей перспективы вспотевали ладони, а сердце билось от страха и надежды.

Никто не обратил внимания, что он вернулся в гостиную. — Иду подбивать свою цель, — сообщил он специалисту по связи. — Могу получить полевой телефон?

— Конечно. — Она бросила ему тяжелый мобильник. — Превращается обратно в тыкву при следующем прыжке. Вернете для перезагрузка.

«Должно быть, каузальный канал», — понял

он. Непрослушиваемые прямые квантовые устройства считались инструментом коммуникационной безопасности, по крайней мере между сверхсветовыми прыжками.

— Хорошо. — Франц засунул мобильник в карман. — Увидимся.

По обеденному залу прокатился гул. Штефи встала.

— Пожалуйста, — выкрикнула она. — Пожалуйста, успокойтесь. Ситуация под контролем.

Как и ожидалось, это не подействовало. Но Штефи продолжала стараться.

— Послушайте, сядьте, пожалуйста. Командир-лейтенант Фромм занимается проблемой. Уверяю, с вами ничего не случится, и если вы *сядете* и дадите нам время разобраться…

— На вашем месте я бы просто махнул на все рукой, — спокойно произнес Мартин.

Половина пассажиров уже устремилась к выходам, спеша вернутся в свои каюты. Остальные сбились в кучу стадом перепуганных овец, не решив, чьему примеру следовать.

— Здесь ничего не слышно. Какая чертовщина произошла?

— Я не… — Штефи спохватилась. *Черт! Разыгрывай дурочку, идиотка!* — Макс посмотрит. В

лучшем случае, какой-то придурок позабавился с линией взаимосвязи, в худшем… — Она пожала плечами.

— А кто делал объявление? — поинтересовался Мартин:

— Не знаю. — *Но могу догадываться.* Она нахмурилась. — И еще нет *направления,* куда шкипер мог бы отклониться от курса; по одной причине: Новая Прага на нашем маршруте — и есть ближайший порт. Другое — не имеет никакого смысла.

— Ничего не хочу говорить заранее, — медленно произнес Мартин, — но думаю, случилась нечто скверное. И связанное с расследованием.

В животе у Штефи похолодело. Подтверждались ее наихудшие опасения.

— Не имею представления. Мне надо идти дежурить… Она сделала двухсекундную паузу. — Что вы сделаете, если это ваш случай?

— Здесь либо настоящая авария — в таком случае контроль повреждений на высоте, или бы мы были уже покойниками, — либо… ну, сложите все вместе: выход из строя сети, незнакомец, объявляющий о каком-то непонятном инциденте и предлагающий пассажирам разойтись по каютам, плюс пара свободно действующих на борту

киллеров. Если честно, я действительно отправил бы всех восвояси. Пассажиры обеспечены аварийным запасом кислорода и фабрика-торами, гарантирующими основной рацион питания. Пусть разбредаются по норам, ведь если здесь случай пиратства, то это доставит бандитам головную боль. Мы тем временем выясняем, что происходит, и либо пытаемся оказать помощь, либо сами подыскиваем где-нибудь берлогу. — На его губах появилось некое подобие улыбки, мгновенно угасшей. — Серьезно. Людей надо отсюда уводить. Рассредоточение — самое верное.

— Черт! — Штефи встала и вновь повысила голос. — Если вы все направитесь в свои каюты и не станете выходить в коридоры до сообщения, что все в порядке, то в значительной степени поможете нам.

Тотчас же возникла толкотня, усугубленная рванувшими с мест пассажирами первого класса. В течение минуты зал почти опустел.

— Так. А теперь? — нетерпеливо спросила она. Будь с Максом все в порядке, он бы уже отправил посыльного. Раз такого не произошло — предположительно, дерьмо все же попало в вентилятор. Манипуляции кольцами не помогали, Штефи все еще была вне сети.

— А теперь пойдем куда-нибудь в неожиданное место. Кольца пока не действуют?

Она кивнула.

— Правильно. Отключите все.

— Но…

— Просто сделайте так. — Мартин залез в карман и вытащил потрепанного вида книжечку в твердом кожаном переплете. — Система всеобщего оповещения, глобальное периферийное отключение. Только голосовой режим. — Он слегка пожал плечами и покачал головой. — Знаю, выглядит странно, но…

Штефи неловко поежилась, потом пробежалась по меню колец, пока не нашла опцию максимального снижения расхода энергии в своей персональной сети.

— Вы уверены?

— Уверен? Кто в чем уверен? Но если кто-то захватил корабль, то они должны рассматривать локализацию линейных офицеров — даже практикантов — в качестве первоочередной задачи. Способ прост: сперва вырубается связь, потом люди исчезают один за другим.

Штефи моргнула и кивнула, потом отослала последнюю команду и посмотрела на часы, проецируемые в ее визуальном поле. Мартин встал.

— Пойдемте.

Они направились вслед за последним из обедавших в главный радиал, ведущий к центральному залу, но, не доходя ближайшего перекрестка, Мартин задержался у боковой двери.

— Можете открыть?

— Конечно. — Штефи взялась за ручку и повернула. Сенсоры опознали отпечаток ее ладони и разрешили войти. — Здесь немного мест, разве что офисы и…

— Во-первых, нужно скрыть форму. — Мартин был уже внутри. — Вы должны походить на стюарда или пассажира. Не думаю, что они еще ищут меня или Рашель. — Он толкнул следующую дверь и остановился, рассматривая головокружительную спираль ступенек со шлюзами через каждые шесть метров. — Пойдемте, нас ждет долгое восхождение.

Штефи напряглась от мысли, не сломает ли здесь шею.

— Зачем…

— Затем, что вы линейный офицер, зачем же еще? Если мы захвачены, вы знаете, как летает эта проклятая штуковина; по крайней мере вы звено в цепи управления. Я знаю достаточно о двигательной схеме этой жестянки, чтобы

ускорить вращение ядра, и если мы вернем себе инициативу, вы понадобитесь для удостоверения нас системам полета и идентификации меня в качестве полетного инженера. Если я ошибаюсь, мы услышим об этом, как только система общественной взаимосвязи заработает. Итак, полезли!

Штефи расслабилась.

— Ладно. Я лезу, лезу.

СЛИШКОМ МНОГО ДЕТЕЙ

— Вы... — Рашель пошатнулась. Девица, которая выглядела очень испуганной, тряхнула головой и пробормотала что-то невнятное. Рашель посмотрела поверх плеч девушки.

— Вы Виктория Строуджер? Среда повернула голову.

— А кто вы? — Она напряглась, явно готовясь к защите.

— Успокойтесь, — проговорила Рашель. — Я партнер Мартина. Послушайте, РеМастированные догонят нас за пару минут, если мы не свалим с общественных территорий. Я хочу всего лишь задать вам пару вопросов. Может, пройдем ко мне в каюту?

Среда оценивающе прищурила глаза.

— Ладно. Но что происходит? Рашель вздохнула.

— Похоже, корабль захвачен. Вы не знаете, где Фрэнк?

— Я? Нет. — Девица была потрясена. — Он собирался за чем-то зайти к себе, так он сказал.

— Ох, дорогая. — Рашель старалась сохранить

невозмутимый вид, девица казалась очень встревоженной. — Пойдемте. Поищем его позже.

— Но мне необходимо найти его! — В голосе появились панические нотки.

— Поверьте, сейчас он или в полной безопасности, или уже попался, и они используют его в качестве приманки для вас.

— Твою мать, — вырвалось у Среды.

— Пойдемте, — продолжала уговоры Рашель. — Вы же не хотите, чтобы схватили вас обоих.

Рашель внезапно испытала болезненное чувство: если Мартин прав, эту пару связывают романтические отношения. Она сжалась от беспокойных воспоминаний, как переживала, узнав, что Мартина взяли.

— Послушайте, мы найдем его позже. Сперва безопасность, в противном случае мы не сможем подготовиться. Дезактивируйте кольца, если не хотите, чтобы вас обнаружили. Знаю, вы не включены в систему корабля, но пока от них идет излучение, плохие парни сумеют их засечь.

Рашель развернулась к основному лестничному маршу. Он был забит галдящими ордами пассажиров, выбравшихся посмотреть, что происходит, или, наоборот, расходящихся по своим каютам. Толпы суетящихся стюардов сновали в

разных направлениях и терпеливо выслушивали вопросы, ответы на которые не знали.

— Вам известно, что происходит, да?

Рашель сосредоточила внимание на лестнице, стараясь не замечать дрожи в мышцах и забыть о побуждении разнести все вдребезги при воспоминании об увиденном в зале D-конуса. *Преодолеть шесть пролетов.*

— Ну так что все-таки?

— Заткнись и поднимайся. — Пять пролетов. — Черт!

Они почти у палубы D; толпа поредела — кают здесь было мало. И вот первый признак неприятностей: в центре площадки стоял мужчина и загораживал следующий лестничный пролет. Его лицо прикрывали низкотехнологичные оптические очки, напоминавшие о рассвете эпохи информационных войн, но крупнокалиберный пистолет в его руках смотрелся вполне функционально.

— Эй, вы. Стоять. Кто вы и куда направляетесь? Рашель остановилась. Она почувствовала, что девица у нее за спиной готова развернуться и дать деру, если быстро что-нибудь не предпринять.

— Я Рашель Мансур, а это моя дочь, Анита. Мы возвращаемся к себе в каюту. На палубу B. А

что-то случилось? — Она с опаской разглядывала пистолет, стараясь принять удивленный вид.

«Ох, это не большой! — Она раззадоривала себя, готовясь задействовать свои военные имплантаты. — Если он проверит пассажирскую декларацию и поймет…»

— Наряд судовой охраны. У нас есть основание считать, что на борту находятся особо опасные преступники. — Он смотрел так, словно запоминал их лица. — Возвращайтесь в свою каюту и оставайтесь там до объявления о безопасности.

Мужчина отступил вбок и махнул рукой. Рашель глубоко вздохнула и проскользнула мимо, поглядывая через плечо, чтобы убедиться: девчонка все еще здесь. После секундного колебания та последовала за ней. У девицы хватило соображения хранить молчание, пока они поднимались по спирали лестницы.

— Судовая охрана, мать их… Что еще за хрень?

— Сеть повреждена, — пробормотала Рашель. — Поименный список у них, вероятно, имеется, но кто я, им не известно, и я наврала и про вас тоже. Примерно пять миллисекунд — и корабельные системы заработают на них, но мы до этого чисты.

— Да, но кто такая Анита?

Рашель на мгновение остановилась перевести дыхание. *Осталось три пролета.*

— Анита мертва вот уж тридцать лет, — кратко ответила она.

— Ой, я не знала.

— Оставьте. — Рашель возобновила подъем, она чувствовала его икрами ног. Позади слышалось тяжелое дыхание девушки. — Привыкаешь и двигаешься дальше.

— Она была вашей дочкой?

— Спросите меня в другой раз.

Еще немного. Беречь дыхание. Рашель замедлила ход, когда они подошли к следующему пролету, над головой нависали герметичные аварийные двери, как ножи гильотины, так и ждущие порезать на сегменты винтовую лестницу, окруженную стеной блестящего металла. Но на этой площадке проверки не было. «Видно, людей не хватает, — с надеждой подумала она. — Попробуем выкрутиться».

— Мой люкс. Туда нельзя. Возвращаемся?

— Нет. — *Последний пролет.* — Почти пришли.

Рашель остановилась на верхней площадке. Среда запыхалась. Рашель прислонилась к стене, ощущая горячую стальную боль в икрах ног и жжение в легких. Даже усиленной по-военному

мускулатуре не по нраву непрерывный подъем на пятидесятиметровую высоту винтовой лестницы.

— Сюда. — Рашель толкнула дверь и взмахом руки пригласила девушку заходить. Та тревожно смотрела на нее. — Поговорим внутри.

Девица кивнула и вошла, Рашель следом за ней.

— Присаживайтесь. Нужно сварганить какие-нибудь шмотки.

— Шмотки?

Рашель уже склонилась над сундуком.

— Я хочу… хм. — Она подняла крышку и сунула палец в опознавательный слот, затем быстро прошлась по пунктам на встроенном жестком экране и посмотрела на Среду. — Подойдите сюда. Мне нужно знать размеры вашей одежды.

— Одежды? Земные номера? Или Септагона…

— Просто встаньте. Ваше имя Анита, вы не существуете, но вы внесены в список пассажиров. Поэтому нам необходимо убедить их, что вы не похожи на Викторию Строуджер, как только заработает пассажирская сеть взаимосвязи, хорошо?

— Что происходит?

Сундук начал подвывать, и Рашель со сканером в руке выпрямилась.

— Надеюсь, это *вы* сможете объяснить *мне.* Ваша куртка программируется, не так ли? Вы заставили их запаниковать, и они защелкнули капкан. Она может окрашиваться в другой цвет, кроме черного? Преждевременно, надеюсь. Быстрее, они могут объявиться в любую минуту. Почему бы вам не рассказать, как вы умудрились впутаться в эти неприятности?

* * *

В дверь не стучали. Она приоткрылась, и внутрь внезапно пролезли два пальца. Один поддел затвор, и пока Рашель приводила себя в порядок, тяжело дышащий Мартин с полуприкрытыми глазами уже прислонился к двери изнутри.

— Мартин. — Она с дрожью в коленях поднялась. — Я уж начала думать, тебя сцапали.

Они сошлись в центре комнаты, Рашель крепко обняла его, глядя через его плечо на другого входящего.

— Ага! Рада, что тебе это удалось. Мартин, какой, по-твоему, нужен план?

— План «Б», — ответил он. — Мы сумели внести в декларацию твою резервную идентификацию.

— Ого. — Рашель высвободилась из объятий, развернулась и посмотрела на открывающуюся

дверь ванной.

— Вы хотели именно такого? — тоскливо спросила Среда.

Рашель оглядела ее. Всего десять минут — и девушка превратилась в блондинку с вьющимися волосами. Абсолютно черная подводка глаз исчезла, а кожаную куртку с шипами на плечах сменило розовое платье с широкой нижней юбкой.

— В нем моя задница смотрится *здоровенной.* Чувствую себя полнейшей идиоткой. — Тут она заметила Штефи. — Ой, привет. Что вы здесь делаете? Надеюсь, не по поводу прошлой ночи, да?

Штефи присела на край кровати.

— Это что *вы* здесь делаете? — потребовала она ответа резким голосом.

— Гм. — Рашель пронзила Мартина стальным взглядом. — У нас небольшая проблемка. Интересно, могут ли здесь тусоваться две Аниты?

— Нет. — Мартин устало потер лоб. — Черт! Вот беда. Один фальшивый набор идентификационных маркеров, и две личности, чтобы им прикрываться. Похоже, у нас действительно проблема, девочки.

— Может, мне нахлобучить на голову цветочный горшок и притвориться деревом? Знаю, идея

в том, чтобы выглядеть по-другому, но это явно затруднительно.

— Не думаю, что нам долго удастся дурачить их. — Мартин поскреб щетину. — Штефи?

— Дайте подумать. — Она оперлась подбородком на кулак. — В данный момент я чувствую себя бесполезной. Мне действительно нужно связаться с мостиком или D-koh…

— Пожалуйста, внимание. Говорит ваш действующий капитан.

Все инстинктивно задрали головы, голос шел из аварийного коммуникационного устройства над дверью.

— На мостике произошел несчастный случай. Капитан Хусейн выбыла из строя. В ее отсутствие управляю звездолетом я, командир-лейтенант Фромм. Для вашего удобства и безопасности вам следует оставаться в каютах до дальнейших сообщений. Пассажирская сеть взаимосвязи вскоре будет восстановлена, и если вам что-нибудь потребуется, ваши запросы будут приняты во внимание. В виду кризиса, обращаюсь с просьбой о добровольной помощи. Мы с радостью принимаем поддержку группы с Тонто, и я зачислил этих людей в команду для обеспечения содействия в данный критический период. По-

жалуйста, выполняйте их инструкции. Я сделаю следующее объявление, когда ситуация полностью перейдет под контроль.

— Ого! — воскликнула Среда.

— Да у него крышу сорвало! — выпучив глаза, взорвалась Штефи. — Шкипер никогда… Это захват, да? Но почему Макс заодно?

— Не хотелось бы вас прерывать, — вежливо проговорил Мартин, — но вы слушали не командир-лейтенанта Фромма. Его голос — да, но не его самого.

— РеМастированные проводят особую оцифровку мозгографии, — бесстрастно сообщила Рашель. — Они умеют сохранять разум в автономном хранении и проводить последующую реинкарнацию — с огромными расходами, — встраивая его в новое тело. Но в основном данная технология применяется для превращения людей в марионеток. Зомби, с иллюзией самоосознания, однако. Так они захватывают планеты. Получают в свое распоряжение некоторых ключевых правительственных чиновников, дестабилизируют обстановку, используя местные политические трения, объявляют чрезвычайное положение — при помощи своих марионеток — и входят.

Штефи побелела лицом. *Черт! Срочно преду-*

предить Свена! Пора отсюда выбираться.

— Макс отправился на полетную палубу для выяснения происходящего! Я отпустила его…

— Не стоит себя винить. Захвачены: мостик, инженерные площади двигателя, контроль повреждений. На основных лестницах — часовые, пассажиры — под замком. Прекрасно спланированная операция.

Рашель посмотрела на Среду.

— Держу пари, сейчас ваш люкс переворачивают вверх дном. А вас… — Она снова обернулась к Штефи. — Они крупно ошиблись, упустив вас.

— Но я… — Штефи с испуганным видом умолкла.

— У нас есть время до глобальной проверки, — произнес Мартин, размышляя вслух. — До того, как они примутся за это, вам нужно хорошенько спрятаться. Вы, возможно, сейчас главный линейный офицер на звездолете. Нам потребуются опознавательные коды и отпечаток сетчатки глаза, если хотим получить шанс вернуть корабль под свой контроль. — Он посмотрел на буфет. — Вскоре мы прибудем на место. Хотелось бы оказаться там без пометки «разыскивается».

Приходилось слышать об апостольской норе?[28]

— О чем? — изумилась Штефи. — О чем вы? Я всего-навсего стажирующийся летный офицер! У меня нет допуска к полетам…

Мартин подошел к сундуку с армейским фабрикатором.

— А станете высшим линейным офицером звездолета, когда все закончится, — заявил он Штефи. — Рэйчи, можешь выбросить все отсюда? Мне понадобятся кое-какие инструменты, некоторая помощь и много отделочных панелей. Плюс определенные специальные игрушки, которые можно получить из фабрикатора менее чем за полчаса и которые не казались бы оружием или терагерцевым сканером. Готов спорить, они уже работают над повсеместной наблюдательной сетью. Нужна одежда для тебя и меня. Девочки, откройте базу данных иллюзий и мошенничества. Штефи, у вас есть регенерационная дыхательная маска? Еще: пара ведер, несколько подушек и что-нибудь накрыть одно из ведер с…

— Дыхательная маска?

— У нас в запасе примерно час, — нетерпеливо продолжил Мартин. Он обратился к Среде: — Вы

---

28 Примечания: 28
Тайное убежище (библейское).

будете Анитой, а вы… — Он указал на Штефи. — Анной. Анной Франк. Рашель, ознакомь девочку с анкетными данными Аниты, пока я загружаю наш тайничок. Штефи? Мы с вами соорудим фальшзадник гардероба, и я спрячу вас за ним, пока не разберемся, куда идти. Название данной фазы — игра в прятки, а цель — не попасть под арест. Как только разузнаем, откуда дует ветер, подумаем, как поставить паруса.

— Если слышите меня, моргните два раза. *Раз, два.*

— Хорошо. Вы Фрэнк, не так ли? Если да, один раз. *Раз.*

— Хорошо. Теперь слушайте внимательно. Вы здорово влипли. Вас выкрали. Те, кто вас держат, не собираются вас отпускать. Я один из них, но я другой. На некоторое время я верну вам контроль над голосовыми связками. Нас оставили наедине на пару минут, и снова поговорить нам не удастся, поэтому так важно, чтобы вы не закричали или не дали мне любой другой повод для беспокойства. Иначе мы оба такие же живые и здоровые, как покойники. Если поняли, моргните.

Раз.

— Так, скажите «привет».

— Пр-р…и…ве…ик.

— Наверно, болит горло. Вот, глотните… лучше?

— К-кто-о-о?

— Один из ваших похитителей. Но не слишком рад своему участию. Вы здесь потому, что очень важны для того, кем мы интересуемся. Девчонка Среда. Знаете ее?

Пауза.

— Говорите, *я* далеко не единственный, кого интересует содержимое ваших мозгов. — *Пауза.* — Хорошо. Позвольте объяснить: Среде известно… что-то. Не знаю, что конкретно. Она где-то на корабле, где — неизвестно, и некоторые похитители стараются разыскать ее до прихода в пункт назначения. Там вас используют в качестве заложника, чтобы разговорить ее и заставить сообщить обо всем, что знает. Беда в том, что как только из нее выудят информацию, она станет бесполезной. Вы, кстати, тоже. Вы оба — свидетели.

Итак, имеются следующие варианты. Вас пристрелят, но не считаю это наиболее вероятным. Скорее всего вы закончите в лагере по переработке. Или вас попросту превратят в живую куклу. Ни один из вариантов вам не подходит, не так ли?

— Нет, твою мать. — Фрэнк немного помолчал. — Что нужно *именно вам?*

— Мне не очень нравится соглашаться с остальными. Но если выяснятся мои истинные намерения, меня уничтожат. Я — изменник. И мне необходимо найти выход из сложившегося положения, не давая им того, что они хотят. Поэтому они не получат… э-э… иммиграционные записи. Или ходовые коды. Или доклады об испытаниях оружия. Фактически, я хочу оказаться за пределами их досягаемости. Хочу испариться, понимаете? И не желаю, чтобы меня когда-нибудь нашли. И, полагаю, вы сможете мне в этом помочь. Никто не знает, что я здесь и разговариваю с вами. Между нами, мы можем их одурачить. Корабль-то они угнали, но работу должным образом не исполнили. При вашем содействии мы сможем восстановить контроль над лайнером и передать его в руки уцелевшим офицерам. Я исчезну, а вы будете свободны.

— А Среда?

— Она тоже. *Пауза.*

— И что я должен сделать?

— Для начала присмотреть для меня за этим алмазом.

Клоун умер с ухмылкой на лице и пистолетом

в руке.

Франц добрался до палубы H, где сержант командос сообщил, что Свенгали работает на «праздновании дня рождения». С пистолетом в кармане Франц спускался по лестничному маршу, давая себе время на обдумывание наилучшего способа исполнения задания. Он не специализировался на убийствах, наоборот, на Септагоне на подобное шли лишь если случился провал и требовалась быстрая чистка. За подробностями операции никто не следил, но возрастание количества тел могло навалиться удушливой тучей. Франц слегка пожал плечами, прикидывая риски команды Хойст, и еще раз сверился со схемой, транслируемой на сетчатку. Радиал четыре, оранжевое кольцо, обеденный зал второго класса — четыре входа, два из пассажирской зоны. «Не очень хорошо», — прикинул он. Даже с кораблем под пятой РеМастированных преследование со стрельбой могло стать проблематичным. Недооценка клоуна — плохая идея. Скользкий тип.

На палубе D Франц наткнулся на контрольный пункт. Штрассер холодно наблюдал за тем, как он приближается.

— Что хотел?

— Проверка, — усмехнулся Франц. — Еще сво-

боден?

— Для чего?

— Работа. Позаботиться о свободном конце. Мне нужно, чтобы перекрыли три…

— Погоди. — Штрассер поднял большой мобильник. — Мария? Да, я. Послушай, у меня здесь U.Бергман. Говорит, у него поручение и требуется поддержка. Я… Да, хорошо, так и сделаю. — Он убрал мобильник и нахмурился. — Моя задача?

Франц рассказал.

— Ладно, думаю, сработает. — Штрассер принял задумчивый вид. — Мы сильно рассредоточены. Сможем справиться по-быстрому?

— Да, но потребуется еще пара помощников.

— По пути подхватим Колетту и Бирна. Я отправлю их прикрыть тыл, сам возьму на себя вход красного кольца. Как займем позиции, пришлю сообщение. Уверен в правильности своих действий?

Франц тяжело вздохнул.

— Не хочется его предупреждать. Если спугнем, он может взбрыкнуть, а что у него при себе, не узнать никаким способом. Этот парень чаще убивал, чем мы обедали.

— Сомневаюсь. Мы — на местах не раньше, чем через шесть минут, и не позже, чем через

пятнадцать. Если он ускользнет, хочешь, чтобы мы отменили план «Б» и взяли его в каюте?

— Верно. — Франц продолжил спуск по лестнице. — Забирай Колетту с Бирном, я проинструктирую их по дороге.

Спустя восемь минут он проходил через коридор оранжевого кольца вдоль плавно изгибающихся стен и дверей, открывавшихся в зоны отдыха и развлечений, общественные уборные и проходы, ведущие к раздельным спальням. Второй класс имел небогатую обстановку. Тонкий коврик едва гасил звуки шагов, никакой ручной резьбы и скульптур, так обильно представленных в первом и «сибарит»-классах.

— Приближаюсь ко входу, — пробормотал Франц, — По готовности подам сигнал.

Он дал отбой и взял мобильник в свободную левую руку. Впереди шум, еще один извилистый поворот, громкие *вопли.*

«Что там еще? Нечто вроде бунта?» — подумал он, подходя к двери.

Он завернул за угол и стал свидетелем сцены, которую даже не мог себе вообразить. Это и *был* бунт, но все бунтари были ростом едва ему по пояс и все, казалось, чрезвычайно радовались: либо так, либо они были страдающими душами, при-

говоренными к воплям и визгу. Происходящее отдаленно напоминало детские воспитательные ясли на дому. Без закалки трудно было выдержать хоть на мгновение подобную недисциплинированность. Примерно тридцать малышей носились по залу, кто-то совсем раздетый, кто-то в детально продуманных костюмах. Разнообразными цветовыми комбинациями вспыхивали огни, а на стенах сменяли друг друга фантастические пейзажи — огненные пещеры, песчаные пустыни, тропические леса. Над головой порхала стая серебристых шариков, отскакивающих при прикосновении пальцев и отлетавших в сторону со скоростью воздушного потока, создаваемого перегруженными моторами. Все действо сопровождалось довольно безвкусной музыкой — ритмически бухающий бас с бессмысленным голосовым рефреном.

Франц наклонился и ухватил ближайшую бунтарку за руку.

— Что здесь творится?

Маленькая девочка подняла на него широко распахнутые глаза, высвободила руку и убежала

— Черт, — выругался он, и тут же на него наткнулся маленький дикарь в набедренной повязке, смущенно попятившийся назад, пряча

руку за спину.

— Привет.

— Привет. *Хлоп!!!*

— Хи-хи-хи.

Франц едва сдержался, чтобы не наорать на поганца — это могло насторожить цель.

— Твою мать! — Франц тряхнул гудящей головой. *Чем это меня мальчишка? Дубинкой?*

— Привет. Кто вы?

— Я… — Он умолк. Подошедшая к нему девочка казалась повыше. Нет, не так — она выглядела *старше,* каким-то неподдающимся определению образом. Она была не больше, чем другие дети, но в ней чувствовалась какая-то уравновешенность и уверенность вопреки семилетнему телу и ссадинам на локтях и коленях. — Я Франц, а ты?

— А я Дженифер, — небрежно представилась девочка — Мы празднуем день рождения Барнабаса, знаете ли. Вам не следовало появляться здесь без приглашения. Люди станут обсуждать. У них появятся неверные мысли.

— Ну. — Франц задумался. — Я пришел сюда просто поговорить, поэтому никаких проблем. Клоун Свен здесь?

— Да, — ухмыльнулась она, даже не пытаясь помочь.

— Не скажешь, где он?

— Не-а.

Франц выпрямился, приняв угрожающую позу, но девочка не выказала никаких признаков робости.

— Сомневаюсь, что вы планируете действовать в соответствии с его интересами.

Действовать в соответствии. Вызывает сомнение. Что за чертова инфанта?

— Может быть, позволишь ему самому судить об этом? К его удивлению девочка серьезно обдумывала ответ.

— Пожалуй, — наконец признала она. — Если подождете, я его спрошу. — Она помолчала. — Эй, Свен! Что скажешь?

— Скажу, — прогремел голос прямо у уха, — он прав. Не шевелиться.

Франц замер, почувствовав сзади у шеи шило.

— Это верно. Звуковой экран поставлен. Джен, не будешь так добра присмотреть за праздником? Мне нужно прогуляться с дружком. Приятель, когда я закончу говорить, вы медленно развернетесь и пойдете. Иначе я отстрелю вам яйца Мне говорили, это больно.

Франц исполнил приказание. Клоун едва доставал ему до подбородка. Лицо представляло собой

причудливую пластмассовую маску: толстенные ухмыляющиеся губищи, нос картошкой, зеленые колючки волос. В розовой балетной пачке, замысловатых альпинистских ботинках, он держал в руке, будто пистолет, что-то напоминающее гримерную пудреницу.

— Что там?

— Пошел. — Клоун кивнул в сторону двери.

— Если я так сделаю, вы покойник, — спокойно проговорил Франц.

— Я ли? Скорее таким будете вы. — Лицо за пластиковой ухмылкой не улыбалось, а компакт-пудра в руке не шелохнулась. Возможно, это был мелкокалиберный пистолет. — Кто вас послал?

— Ваш работодатель. — Франц прислонился к стене и переплел пальцы, чтобы унять дрожь рук.

— А не могли бы вы описать эту таинственную личность?

— Вы общались на Земле с человеком, называвшим себя Гордоном Блейком. Он связался с вами обычным способом и предложил гонорар в двадцать тысяч плюс расходы за каждое удачное покушение, ноль за провал. Блейк примерно моего веса, темные волосы, пользуется прикрытием агента по экспорту из…

— Хорош. Все верно. Что вы *хотите?* Полагаю, раз меня разыскали таким путем, сделка расторгнута?

— Точно. — Франц пытался расслабиться, представив, что имеет дело с очередным информатором, таким же идиотом, как и те, с какими он имел дело на «Центрис Магна».

Это было нелегко среди кучи пронзительной ребятни, снующей вокруг их конуса тишины, и с пушкой, приставленной к кишкам. Франц изучил файл Свенгали; U.Скотт не скупился на расходы, когда приходилось подчищать собственные ошибки.

— Западня в Сараево предполагает отсутствие у договоренности будущего. Кто-то идентифицировал последовательность.

— Да, но этого бы не произошло, если бы ваши прислушались к моему совету о смене корабля на Турку, — огрызнулся Свенгали. — Трафик-анализ всегда проблема. Это не повод работодателю разорвать связи и уклониться от соглашения. Вы думаете, я работал один?

— Нет, — спокойно сказал Франц. — Но мой босс может иметь некие убеждения. «Принеси мне голову Свенгали, клоуна», приказала она. Думаю, вы согласитесь, это офигенно глупо, что вопреки

всему я творчески интерпретировал ее приказ и сперва решил с вами немного поговорить. Тогда, может, сами принесете свою голову, чтобы увидеться с боссом, пока голова еще прикреплена к вашему туловищу?

— Хм. — Свенгали выглядел задумчивым, в такой степени, в какой Франц мог разглядеть хоть какое-нибудь выражение лица под слоями псевдоплоти. — Да, пожалуй, я приму ваше предложение и благодарен за него. Чем скорее все уладится, тем лучше.

— Рад вашему согласию. — Франц выпрямился. — Мы выйдем отсюда вместе, после того как я дам сигнал своему подстраховщику. А ваш дублер, думаю, тоже на борту?

— Думайте, что хотите. — Свен пожал плечами. — Отсылайте свой сигнал, милый юноша.

— Конечно. — Франц поднял мобильник и нажал кнопку быстрого вызова. «Идиот», — подумал он с отвращением. Свенгали допустил грубый промах, проявил фатальную самонадеянность, посчитав, что иметь на борту наблюдающего со стороны партнера достаточно. Он не учел, что они способны избавиться от любой чертовой улики даже через довольно долгое время, если целый корабль исчезает. Или что РеМастирован-

ные просто не захотят, чтобы профессиональный убийца крутился рядом, когда они пытаются все уладить.

— После вас? — указал на дверь Франц.

— Сперва вы.

— Ладно. — Франц вышел в коридор и с любопытством спросил: — А кто та девочка?

— Джен? О, просто Лолита из детской охраны. Помогает с праздником.

— Праздником? На какой идеологической основе? — поинтересовался озадаченный Франц.

— Ни на какой. Обычный день рождения. Разве у вас нет такого понятия…

На секунду клоун оказался на два шага позади Франца, с маленькой коробочкой в правой руке. В следующее мгновение он приник к стене и со сжатыми от ненависти губами наставил на Франца пистолет. Затем Свенгали сильно дернулся — судорожная волна пробежала по всему его телу — и рухнул, словно брошенная перчаточная кукла. Франц медленно повернулся.

— Отнял твое время, — извинился он.

— Нет, конечно. Мне нужно было занять позицию, не насторожив его. — Штрассер склонился к клоуну и отложил в сторону оружие. Помоги убрать его, прежде чем он кровью перемажет

ковер.

Вдвоем они подняли тело. Глаза Свенгали стали кроваво рубиновыми от разрыва кровеносных сосудов. Он был похож на теплый мешок мяса.

— Затащим в лифт, — предложил Франц. — Босс хочет видеть его голову. Думаю, нам следует оказать ей такую услугу.

Мартин еще дополнял внутреннее устройство шкафа свежеиспеченной стенкой, когда снова ожила пассажирская сеть взаимосвязи. Ее присутствие обнаружилось несколькими способами — потоком широкополосного излучения, пронзительным звонком и голосовым сообщением по вещательной сети корабля.

— Прошу вашего внимания. Пассажирская сеть взаимосвязи полностью восстановлена и доступна для запросов. Я, командир-лейтенант Макс Фромм, в настоящее время капитан. Приношу извинения за перерыв в обслуживании. Два часа назад в результате аварии в цепи контроля двигателя находящийся на летной палубе и других инженерных площадях персонал подвергся кратковременной гравитационной перегрузке. Некоторые члены экипажа выбыли из строя. Как старший линейный офицер, я принял управление на вспомогательном мостике, и мы меняем

курс на ближайшую станцию для ремонта оборудования. Прибытие на место через тридцать два часа. Возможно, в дальнейшем мы возобновим полет согласно расписанию. Ремонт займет приблизительно два часа.

К сожалению, должен вам сообщить, что имеются основания считать инцидент не случайным. Согласно полученному мною докладу, в нашей пассажирской декларации числятся два человека, принадлежащие к террористической группе московских реваншистских националистов. Команда и представители молодежной группы РеМастированных, находящейся на борту, по моему распоряжению прочесывают корабль, и мы надеемся вскоре арестовать террористов. На это время блокировки, обеспечивающие вашу приватность на линиях «ВайтСтар», временно отменяются для облегчения поиска.

Пожалуйста, по мере возможности оставайтесь в своих каютах и разблокируйте коммуникационные узлы. Перед тем как покинуть каюту, свяжитесь, пожалуйста, с нами по пассажирской сети взаимосвязи и сообщите, с какой целью. В соответствующее время я дам полное разъяснение. Ваше содействие будет оценено, пока сохраняется чрезвычайное положение.

— Некрофилы? — Среда вскочила и, как беспокойная кошка, зашагала к главной двери. — Что они…

— Анита. — Предупреждающий оклик Рашель.

— Да, мам? — вздохнула Среда.

Мартин спрятал наконец большой сундук дипломатического фабрикатора за панель и обернулся. «Она прекрасно справилась с юношеской раздражительностью», — одобрительно отметил он. Она сумела полностью изменить свою внешность. Волосы — куча блондинистых завитушек. Женская одежда, шуршащая при ходьбе, заняла место черной куртки и легинсов. Бантики в волосах делали ее лет на пять моложе, но пухлые губы остались, хотя Рашель поработала над ее щеками и отпечатками пальцев. «Будем надеяться, что они достаточно сильно изменили систему взаимосвязи, чтобы та не обращала внимания на биометрические маркеры, — невесело подумал он. — А не то…»

— Присядь, девочка. У меня от тебя кружится голова.

— Ах, мам! — Среда скорчила гримасу. Рашель ответила тем же.

— Мы должны смотреться семьей, — получасом ранее особо подчеркивала она, пока Мартин

прятал за фальшстенкой Штефи с трехдневным запасом необходимого. — Немного семейного злословия, чуть побольше согласованности. Нам хочется, чтобы ты всем своим видом разительно отличалась от Виктории Строуджер, за которой они охотятся. Среда носит черное и экстремально колкое. Следовательно, нужно надевать розовое и быть пушистой и с оборочками. По крайней мере на время.

— Три долбаных дня? — выразила недовольство Среда.

— Сеть взаимосвязи повреждена, — подчеркнула Рашель, — и повреждена серьезно. В этом наше единственное преимущество, потому что после восстановления ее можно будет сконфигурировать как селдар: каждый широкочастотный узел в коридорах и каютах звездолета может действовать как терагерцевый радиолокационный передатчик. С правильно настроенным программным обеспечением, загруженным в коммуникационные узлы, они получат возможность видеть в темноте, через одежду и отслеживать любое движение, вплоть до миллиметра. С момента подключения сети нам нужно действовать так, словно мы под непрерывным наблюдением, поскольку, если они имеют хоть

какую-то квалификацию — а они, несомненно, ее имеют, раз сумели неожиданно захватить корабль, — это обеспечит им тотальный контроль над всеми.

— Исключая того, кто прячется в шкафу в клетке Фарадея, — пробормотал Мартин, вставляя на место следующую панель, вынутую из бункера армейского фабрикатора и все еще пахнущую горячим пластиком.

— …Да, мам. — Среда вернулась к креслу и погрузилась в море кружев. — Вы думаете, они…

Дверь выдала мелодичный аккорд и без паузы открылась.

— Извините, сэр и леди. — Вошли, не дожидаясь приглашения, трое членов команды в униформе и фуражках службы главного стюарда, возглавляемые мужчиной с опрятно подстриженной бородой и мертвыми глазами. — Я командир-лейтенант Фромм, прошу прощения за визит без предупреждения. Вы Рашель Мансур? И Мартин Спрингфилд?

Он говорил как автомат, лишенным интонации голосом, и Мартин заметил кровоподтек на его левом виске, почти скрытый фуражкой.

— И наша дочь, Анита, — спокойно добавила Рашель. Среда нахмурилась и отвернулась от

офицера, чиркая
каблуком по полу.

— Анита Мансур-Спрингфилд?

Фромм на мгновение принял озадаченный вид, но один из стоявших за ним сверился с записью в планшете.

— Здесь так говорится, сэр.

— О. — Фромм, сохраняя все такой же безучастный вид, холодно осведомился: — Вам знакома Виктория Строуджер?

— Кто? — с вежливо-озадаченным видом переспросила Рашель. — Не та ли разыскиваемая террористка?

— Терр-ор-истка, — так же холодно кивнул Фромм. — Если встретите, пожалуйста, доложите немедленно.

Глаза Фромма были красными, налитыми кровью. Мартин пристально вглядывался в него. «Он же не моргает», — понял Спрингфилд.

— Мне нужно переподтвердить ваши дипломатические мандаты. Ваши паспорта, пожалуйста.

— Мартин, — обратилась к мужу Рашель, — ты не мог бы принести командиру Фромму наши документы.

Она осталась в шезлонге — картина апатии.

— Хорошо. — Он подошел к шкафу, настежь

распахнул дверцы и, не включая внутреннего освещения, вынул паспорта из стоявшего на фабрикаторе портфеля. *Позволим им мельком глянуть на забитый шкаф, где невозможно кого-то спрятать…*

— Нам бы хотелось, чтобы вы сняли наблюдение с нашей каюты, — добавил он, передавая паспорта. — И как только капитан Хусейн оправится, мне бы хотелось передать ей наши пожелания скорейшего выздоровления и счастливого красного кода. Нет ли возможности с ней встретиться, когда она выберет время?

— Уверен, капитан Хусейн примет вас, — медленно произнес Фромм и передал паспорта для проверки одному из офицеров.

«Капитан Хусейн почти наверняка мертва, — догадался Мартин, и холодная рука страха стиснула его внутренности. — А вам бы следовало знать, что означает на дипломатическом языке красный код». Он выдавил улыбку.

— Бумаги в порядке?

— Да, — кратко ответил стоявший сзади офицер. — Нам нужно идти.

Фромм, не произнеся ни слова, развернулся и вышел строевым шагом. Двое офицеров последовали за ним. Проверявший паспорта задержался

в дверях.

— Если что-то узнаете, пожалуйста, сообщите, — сказал он. — Мы, раса РеМастированных, здесь, чтобы помочь вам.

Дверь захлопнулась. Среда мгновенно вскочила с кресла.

— Вы ублюдки! Я оторву ваши башки и выверну шеи! Я…

— *Анита!* — Рашель тоже оказалась на ногах. Она поспешно схватила девицу за плечо. — Остынь.

Мартин подошел к ней и вытащил древний бумажный блокнот и огрызок карандаша.

«ДЕТЕКТОР ПОКАЗЫВАЕТ СИГНАЛ ТЕРАГЕРЦЕВОГО СЕЛДАРА, — написал он мелкими буквами. — КОЛЕБАНИЯ ВОЗДУХА ТОЖЕ БУДУТ УЛОВЛЕНЫ. ВСЛУХ НЕ ЧИТАЙ. ТОЛЬКО ЖЕСТЫ. ТВЕРДЫЕ ПРЕДМЕТЫ В КАРМАНЕ — ПИСТОЛЕТЫ».

— Что… — изумилась Среда. Потом положила голову на плечо Рашели. Та обняла ее. Девушка всхлипнула. Рашель медленно погладила ее по шее.

«КАПИТАН МЕРТВА. ФРОММ ЗОМБИРОВАН РЕМАСТИРОВАННЫМИ».

— Не уверена, что хочу этому верить, — тихо

сказала Рашель. — Ужасно, правда?

Среда молча кивнула, у нее потекли слезы.

— Похоже, они не сохранили всех функций сети взаимосвязи, — заметил Мартин, отводя взгляд. *Кто компенсирует девушке потерю ее семьи?* Ему хотелось бы иметь возможность открыто сказать, что подонок, сделавший это, не уйдет. При этом Мартин думал, насколько может быть правдиво подобное утешение. — Светлая сторона вопроса — они переподтвердили наши паспорта.

Включая один на имя Аниты с лицом и биометрическими параметрами Среды.

— Связь, — произнес он, повышая голос, — что это за станция, куда мы идем на ремонт?

Сеть взаимосвязи слегка помедлила. Голос прозвучал менее выразительно, чем днем ранее.

— Наше местоназначение для ремонта — «Старый Ньюфаундленд», портальная станция одиннадцать. Выход на станцию запрещен. Требуется еще какая помощь?

— Достаточно, — глухим голосом ответил Мартин.

— «Старый Ньюф»? — недоверчиво спросила Среда, отнимая заплаканное лицо от плеча Рашели. — Вы слышали? Мы направляемся на «Старый Ньюф».

Тридцать два часа спустя

Согласно распоряжению, они оставались в каюте, проводя время в пустой болтовне для создания впечатления семейной клаустрофобии. Среда эксплуатировала свою роль изо всех сил — ее инфантильное фиглярство проявляло острую грань горечи, что порой давало повод Мартину в фантазиях удавить девицу или по крайней мере разрушить типаж настолько, чтобы задать ей хорошую трепку. Но этого не позволял расклад. Персональный карманный помощник Мартина, загруженный нестандартным программным обеспечением, выдал несколько любопытных образцов внешних широкополосных сигналов с волнующими отметками чередующихся последовательностей.

— Мне надоело, — капризно заявила Среда. — Могу выйти?

— Ты ведь слышала, что сказал офицер, дорогая, — уже в четвертый раз отвечала Рашель, придавая лицу выражение усталого терпения. — Мы отклонились от курса для ремонта, и они хотят оставить общественные территории свободными.

Среда бешено нацарапала в бумажном блокноте Мартина: «СТАРЫЙ НЬЮФ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧ.

НАРУШЕНО СИЛЬНОЙ РАДИАЦ.»

Рашель моргнула.

— Почему бы тебе не посмотреть какие-нибудь старые фильмы или не заняться чем-нибудь еще?

«БЕСПОКОЮСЬ О ФРЭНКЕ».

Мартин поднял глаза от своей карманной системы оповещения.

— Не о чем волноваться, Анита, — пробормотал он. — Они полностью владеют ситуацией, и мы ничем не можем помочь.

— Не хочу смотреть кино.

— Иногда все, что можно сделать, — лишь набраться терпения и ждать, — философски заметила Рашель. — Когда события выходят из-под контроля, попытка форсировать их самостоятельно — весьма непродуктивный путь.

— Для меня это звучит белибердой, мам, — сощурилась Среда.

— Да-а? — Рашель почти не удивилась. — Позволь привести пример, рассказать о моей… м-м… приятельнице, специалистке по обезвреживанию бомб. Ее однажды отозвали со встречи, поскольку местная полиция, вызванная заниматься причинявшим беспокойство художником…

Среда театрально вздохнула и устроилась по-

удобней, готовясь слушать. Она казалась слегка удивленной, словно считала, что Рашель по ниточке вытягивает свои истории из целого полотна, окрашивая их на ходу. «Если б ты только знала» — подумал Мартин. До сих пор Рашель разыгрывала хорошую пьесу, особенно в таких напряженных обстоятельствах. Он был знаком с немногими людьми, которые смогли бы так исполнить свою роль, зная, что корабль захвачен пиратами, а они сами являются целью операции. Если только…

Мартин прервал размышления и использовал свою систему оповещения, второпях нацарапав пометку и оставив там, где ее можно заметить, когда Рашель закончит. «ПОЧЕМУ СТАРЫЙ НЬЮФ?»

— …если бы моя приятельница попыталась броситься на психа, то сработал бы защитный периметр бомбы. Вместо этого женщина просто разобралась, как найти подход к психу. Тот помог ей сам. Именно это я и подразумевала, говоря ждать, а не форсировать. Ты все еще хочешь за дверь? Что ты собираешься там делать?

— Мне нужно просто размять ноги, — прозвучал неискренний ответ, словно девушка не расхаживала взад-вперед по каюте каждые полчаса. — Может, схожу на мостик, если меня,

конечно, пустят, или просто поглазею вокруг. Я, кажется, где-то оставила кое-что из своих вещей, попробую найти и забрать.

Среда поймала взгляд Мартина, муж кивнул ей. «ОСТАВИЛА НА СТАРОМ НЬЮФЕ?»

— Что же ты потеряла?

— Да свой портфельчик, знаете, кожаный такой, с ярлычком. И кое-какие бумаги, которые я написала от руки. Думаю, он где-то рядом с… м-м… офисом главного стюарда. А еще в нем книжка.

— Мы посмотрим попозже, как его вернуть. — Рашель оторвала взгляд от планшета. — А ты уверена, что не забыла его в туалете? — спросила она.

— Совершенно верно, мам, — натянуто ответила Среда. «В-БЛОК ТУАЛЕТ ПОЛИЦЕЙСКОГО УЧАСТКА — ПРАВИТЕЛЬСТВН. КОПИЯ ДИСКА»

Мартин едва не выпрыгнул из штанов.

— Помню, он ведь очень дорогой, — приподнял он бровь.

— Типа того, — яростно захлопала глазами Среда. — Хочу побыстрее получить его назад, пока не нашел кто-нибудь другой. — Она постаралась привнести интонацию обиженного избалованного ребенка.

Желание Мартина выяснить, что же девица

спрятала рядом с полицейским участком на «Старом Ньюфе», было очень сильным, но он не мог спросить об этом открыто, пока они находились под наблюдением. Комбинация ультрачастотных приемопередатчиков, перепрограммированных коммуникационных узлов сети взаимосвязи и речевое опознание превратили корабль в закупоренную тюрьму, где неверные слова могли ввергнуть пассажира в мир боли. У Мартина от размышлений об этом заболела голова, но в результате у него появилась идея, как общаться так, чтобы с наименьшими сложностями задавать вопросы и получать ответы на них, и Рашель переняла от него способ.

Они совершенствовались в этом во время бессонной ночи (Среда отгородила себе маленькое местечко в углу каюты) и скучнейшего завтрака, приготовленного фабрикатором. Все чуть отдавало пластиком. Среди ночи каюта несколько раз включала собственные независимые системы воздухоснабжения и жизнеобеспечения, что вызывало тревогу у Мартина.

Среда монополизировала ванную, пытаясь добиться чего-то большего, чем тоненькая струйка из вспомогательной системы водоочистки. Тут пол слегка вздрогнул, и линия взаимосвязи пода-

ла сигнал об объявлении. Мартин инстинктивно посмотрел вверх.

— Прошу вашего внимания, уважаемые пассажиры. Прибытие на ремонтную стоянку состоится через час. В связи с техническими обстоятельствами, выходящими за рамки нашего контроля, возникла необходимость, чтобы все пассажиры собрались в обозначенных эвакуационных зонах до стыковки. Это мера предосторожности, и вам будет позволено вернуться в каюты по прибытии на станцию. Пожалуйста, будьте готовы через пятнадцать минут.

Дверь ванной открылась, выпустив наружу струйку пара и мокрую девушку.

— Эй, что там еще? — с беспокойством осведомилась Среда.

— Может, и ничего. — Рашель смотрела на нее, часто моргая, — шифр, который они разработали для обозначения согласия или отрицания. — Похоже, им требуется место, где можно присматривать за всеми нами.

— О, значит, почти приехали, — отметила Среда. — Вы считаете, нам следует послушаться?

— Считаю, нам всем следует играть свои роли, Анита, — заявила Рашель. — Неплохо бы тебе одеться. Нас могут вывести из корабля. — Она под-

мигнула два раза. — И нам надо подготовиться.

— Здорово. — Среда выдавила улыбку. — Можно замерзнуть! Надену куртку и брюки. — И она снова исчезла в ванной.

— Думаешь, с ней все будет в порядке? — спросил Мартин.

Рашель согласно кивнула и торопливо написала в блокноте: «КОММУНИКАЦ. ЦЕНТР? КАУЗАЛЬНЫЕ
КАНАЛЫ? ЯДЕРНАЯ БОМБАРДИРОВКА?»

— Нам следует прогуляться и посмотреть, не так ли? — заметил он. — Позволь, я обуюсь.

ДУБЛЕРЫ

— Знаете, это даже забавно. Многие годы меня преследовал один и тот же повторяющийся сон, этот кошмар. Я стараюсь устраивать свою жизнь похожей на нормальную, и вдруг объявляются они. На заднем фоне — просто текущие дела. Обычный бизнес, такой, как всегда. А я обосрался — отправился в порт и приобрел билеты на… ну, в общем, в определенное место. И вот я на корабле. Но и они тут же, и весь экипаж состоит из *них.* И я лечу туда, куда бы ни направлялся корабль. А они, они все окружают меня…

Небольшой монолог Фрэнка дрогнул и оборвался. Он сделал все, что сумел, когда РеМастированный парень с жуткими глазами сказал ему, что именно ему требуется, и потом вернул Фрэнку блокнот. Горло и небо не ощущались, чувствовался лишь язык, огромный и вялый. Из-за множества жестких ручных и ножных захватов его конечности затекли и болели. Если бы ему не случилось видеть худшее в лагерях, ужас парализовал бы его. Но при сложившихся обстоятельствах более сильным чувствами были

невероятное смирение и раскаяние.

Среда, я должен знать, что ты уберешься с корабля как можно быстрее. Сможешь забыть меня? Он вернулся к ошибкам, допущенным в отношении ее преследователей. Даже после взрыва бомбы в посольстве он убедил себя, что она будет в безопасности на корабле под нейтральным флагом. Ему же просто хотелось оставаться с ней.

Девушка понравилась ему — она стала дуновением свежего ветерка в его жизни, которая в последнее время превратилась в череду пропитанных демагогией репортажей. Когда Среда попросила заглянуть его к себе и тряхнуть стариной, едва захлопнулась дверь, он бы мог вежливо отказаться, если бы хотел. Вместо этого они дали друг другу темы для размышления и непреднамеренно подписали друг другу смертный приговор.

РеМастированные.

Фрэнк не имел иллюзий по этому поводу: незнакомый голос объявляет на борту аварийную ситуацию, затем выбивают дверь каюты и тыкают пушкой в лицо. Его пронзили мглой ледяной тьмы, и он пришел в себя в глухом отсеке, привязанный к креслу. Все тело болело, а его лишили способности говорить. Ужасный момент паники прошел; хотя Фрэнк даже думал, что сердце не

выдержит. Потом безумная ситуация с алмазом величиной с перепелиное яйцо, заставившая проглотить в сухомятку жуткое количество воспоминаний и боли.

Есть ли у нее шансы? Фрэнк пытался думать о чем-то ином, а не о собственном малоприятном положении: все могло кончиться либо дружеской улыбкой, либо, в худшем случае, уколом шприца в подкорку мозга с последующим педантичным насилием над его свободой воли и самоосознанием. Мысли Фрэнка сосредоточились на Среде. *Если она с Мартином или его партнершей, то они спрячут ее. Или сама спрячется. Уж это она умеет.* Она бывала скрытной. Он выяснил, насколько Среда одинока в данной игре, лишь когда она уткнулась подбородком в его шею и прорыдала минут десять. Фрэнк ощутил себя дерьмом, поняв, что, неправильно истолковав ее намерения, манипулировал ею в постели, когда она, трогая его член, шептала на ухо извинения за такое долгое ожидание. В конце концов, кто он сам такой, чтобы отвергать ее желания?

Он сожалел не о себе — свое он уже пережил годы назад, когда РеМастированные выжали его по полной и пустили в плавание по космосу для новой жизни в другом месте. За себя он

не боялся: был уже в такой ситуации — это не сюрприз, просто надолго отсроченный ужас. Но он ощущал закипающую злобу и горечь, зная, через что рано или поздно придется пройти Среде во тьме импровизированной камеры осужденных, единственным выходом из которой станет включившийся свет и появление палача с приготовленными инструментами.

Хойст стояла на аварийном мостике позади Джамиля и Фридриха И следила за двумя оболочками ставших марионетками офицеров, подводящих «Романова» к темной заброшенной станции. Похожее происходило в центре управления ядром, где Матильда лично руководила инженерной командой, отобранной РеМастированными для обслуживания. Но оттуда нельзя было наблюдать вид, открывавшийся с дублирующей полетной палубы — гигантские соединенные колеса «Старого Ньюфа», вращавшиеся в царственном великолепии, ставшие глазницей вечности с покрасневшими веками, опустошенной в межзвездной пустоте взрывом Москвы-главной шесть лет назад.

— Впечатляет, не правда ли? — спросила она у Франца.

— Да, босс. — Он стоял сзади, сцепив за спиной

руки, чтобы не проявлять нервозности.

— Они сделали это сами, — медленно, почти недоверчиво покачала она головой. — Едва ли с подстрекательством U.Скотта.

— Как там с радиоактивностью? — нервно спросил Франц.

— Не слишком плохо. — Фридрих перегнулся через плечо одного из зомбированных посмотреть на дисплей консоли. — Примерно десять сантигрей[29] в час. Поблюете пару часов, если выйдете в костюме, но по допускам корабельной защиты нормально. Причальный пандус, похоже, в порядке.

Одна марионетка что-то пробормотала другой, склонившейся над консолью для проведения установок маневровым двигателям. Джамиль отредактировал параметры марионеток так, чтобы те считали, будто на мостике кроме них никого нет. И они полностью сконцентрировались на стыковке.

— Самое красивое из всего, что я видела, — проговорила Поршия, глядя на фиолетово-красные кольца, расходящиеся от места гибели звезды. — И самое уродливое. — Ее руки вцепились в

---

29 Примечания: 29
Единица облучения.

спинку кресла пилота. С трудом она взяла себя в руки и оглянулась на Франца. — Заложник готов? Как ты? Тебе понятны твои действия?

— Да, босс, — стараясь не проявлять эмоций, кивнул Франц.

Хойст улыбнулась ему с некоторым дружелюбием, чуть обнажив зубы.

Франц разрывался: одна его половина хотела дать ей в морду, бить и рвать, пока она не замрет на веки, другую тянуло броситься к ее ногам и умолять о пощаде.

— Мы запрем пассажиров в эвакуационных пунктах станции и откачаем воздух в коридорах до вакуума. Затем я представлюсь девчонке и приведу ее к вам. Могу поинтересоваться, как мы эвакуируемся?

— Можешь. — Поршия пристально смотрела на экран, наблюдая, как марионетки обсуждали друг с другом корректировку курса, чтобы подтолкнуть мультимегатонную массу лайнера к стыковочной ветви хаба громадной станции, на другом конце оси которой дрейфовали баки с окисью углерода, замороженной после прохождения ударной волны годами ранее.

— Босс? — нервозно спросил Франц.

— «Хайдеггер» прибудет через полтора дня. Мы

просто заменим марионеток и выведем из строя сеть управления лайнером перед тем, как его покинем. На борту пищи достаточно — включая ресурсы станции, — им хватит на пару месяцев, а к тому времени мы вышлем группу зачистки, способную всех обработать. В случае отказа от сотрудничества, можно использовать станцию в качестве тренажера — никто десятилетиями не узнает, что здесь было. Когда все закончим, отправим пассажиров на «Романове» на один из коренных миров для дальнейшей переработки. Местечко здесь неплохое — подержать их пока.

— Но записи! Если их кто-то найдет…

— Расслабься: считай, их не существует. Никто не станет здесь что-то искать: слишком неэкономично лететь сюда специально, к тому же станция находится слишком далеко от путей сообщения, чтобы представлять ценность для восстановления. Все, что нам нужно, — это разыскать похищенные записи, выслать сигнал через станционный канал и надолго сделать из «Романова» арестанта.

— А если… — Франц замер.

— Думаешь о пропавшем офицере с мостика? — поддела его Хойст. — Она стажер и точно не сможет управлять кораблем, где бы сейчас ни

пряталась. Будешь здесь руководить после отлета «Хайдеггера», чтобы они не наделали каких-нибудь глупостей. Если сможешь предложить что-нибудь новенькое по поводу ее поимки после стыковки, будет хорошо.

Франц взглянул на экран и едва удержался, чтобы не вытереть руки об штаны.

— Хотите оставить меня здесь, с арестантами?

— Не только: хочу, чтобы ты следил за их переделкой. — Хойст мимолетно посмотрела ему прямо в лицо. — Если справишься, я восприму это как признак твоей ценности для дальнейшего существования. На меня произвело впечатление, как ты разобрался с клоуном, Франц. Не разочаруй меня — и будешь вознагражден. — Ее улыбка увяла — признак дурных мыслей. — Теперь, думаю, пришло твое время выудить девчонку.

Эвакуационный сборный пункт находился почти с краю палубы В, куда выходил радиальный коридор из аварийного шлюза корпуса корабля. Там собирались встревоженные пассажиры, некоторые захватили самое необходимое, некоторые пришли без всего. Среди них сновали немногие стюарды. Среда, чуть поотстав, плелась за Рашелью.

— Что, по-твоему, происходит, мама? — спро-

сила она. «Мама? Кого ты пытаешься надуть?» — с иронией спрашивала она себя. Всякий раз при употреблении данного слова она чувствовала мелкий укол предательства, пусть это по отношению к Рашели и было несправедливым; женщина с Земли сделала для нее много больше, чем следовало ожидать.

— Понятия не имею. — Рашель выглядела взволнованной. — Возможно, суета по поводу системной неисправности на корабле, поскольку в результате инцидента пострадала команда мостика… — *Два мигания подряд.*

Среда кивнула и, театрально вздохнув, состроила недовольную мину. *У меня еще скучающий вид?* Она поглядела по сторонам. Не так уж и много пассажиров, в основном из первого класса, богатые бизнесмены и аристократы из миров, где таковые еще имеются. «Где же Фрэнк? — думала она, отчаянно высматривая его и в то же время стараясь не показывать этого. — Если сумею разыскать его в таком…»

— Прошу прощения, куда мы идем? — дернул Рашель за руку взволнованный мужчина. — Нам никто ничего не сказал…

— Не беспокойтесь. — Рашель удалось выдавить улыбку. — Просто переходим на заброшенную

станцию. Всего лишь мера предосторожности, вовсе не означающая намерений выпроводить нас.

— Вот и хорошо. — Все еще взволнованный пассажир ринулся вперед, оставив их на острове тишины.

— Нервничаешь? — тихо спросил Мартин, заставив Среду вздрогнуть.

— Нервничаю? — Сердитый взгляд в его сторону. — Если они только посмеют…

Они прошли по дуге коридора и добрались до запятнанных красным разбитых дверей в стенной нише, блокирующих доступ к шлюзовому каналу. Эвакуационная зона представляла собой круглое открытое пространство примерно восьми метров диаметром, такое же переполненное и нервозное, как дипломатический коктейль — прием, где посол только что заявил о своей отставке. Здесь были билеты только на стоячие места, и пара напряженного вида стюардов перегораживала выход к шлюзу, на всякий случай, если кому-то из самых пугливых пассажиров вздумается по какой-то причине туда прорваться.

— Прошу вашего внимания, — обратился ко всем высокий блондин с ввалившимися глазами, стоявший у стены. — Будьте добры, потеснитесь и освободите побольше места.

О черт! Среда напряглась, запустила большой палец правой руки под петельку, изменяющую объем куртки, и превратила ее в бирюзовый фрак, более жесткий и длинный, но, естественно, более тонкий и уязвимый — растянутый до предела и бесполезный в случае аварийной разгерметизации. Идея топать в шлюз, когда нехорошие ребята захватили корабль, казалась вершиной идиотизма, пусть на Среде и были надеты герметичные ботинки и легинсы под белые кружевные шальвары…

Люди подались вперед, двери в коридор медленно опустились и отрезали путь назад, к каютам.

— Что… — начала Среда, но Мартин сжал ее руку.

— Жди, — твердо сказал он.

— У нас есть для вас сообщение, — заявил блондин. — Пожалуйста, чем будет тише, тем лучше. Мы примерно в пятнадцати минутах от ремонтной станции. После стыковки вас могут в организованном порядке попросить пройти в порт. Полной уверенности, есть ли в этом необходимость или вы сможете вернуться в каюты, — нет. Если придется эвакуироваться, постарайтесь поступить следующим образом: не толкайтесь, не затрудняйте движение, не останавливайтесь

при выходе в стыковочный узел, пока не дойдете до обозначенного сборного пункта. Помните, это не критическая эвакуация при разгерметизации. Никакого риска оказаться в вакууме, поэтому не нужно бежать. — Блондин оглядел помещение. Тихие бормочущие комментарии, но без несогласий. — Теперь следующее, — объявил он. — У меня особое сообщение для Виктории Строуджер, которая, как я *уверен,* сейчас среди вас.

Среда невольно дернулась, почувствовав, как пальцы Мартина впились ей в запястье.

— Ваш друг Фрэнк на палубе F. Шлет вам привет. Мы будем держать всех вместе на эвакуационном пункте, но если вам захочется повидаться, сделайте шаг вперед, и я отведу вас к нему. — Его улыбка стала шире. — Боюсь, это ваш единственный шанс. После стыковки такой возможности не будет.

Взгляд Среды дико метался между Мартином и Рашелью. Ей хотелось закричать: «Что мне делать?» Мартин казался растерянным, а на лице Рашели был написан ужас. Человек впереди все еще говорил что-то о процедуре эвакуации. Сообщение было сделано так ловко, что Среда засомневалась, а слышала ли она его.

— Действуй, — прошептала Рашель и быстро

начертала в блокноте: «ПОЛУЧАЕШЬ ЦЕННОСТЬ — ВЫИГРЫВАЙ ВРЕМЯ».

— Но… — Среда снова посмотрела на Мартина, уже явно встревоженного. *Фрэнк у них!* Она боялась выйти, понимая, что это ловушка, но не понимала какая.

Рашель приписала: «СТАР. НЬЮФ… ТВОЯ РОДН. ТЕРРИТОРИЯ».

Поняв смысл, Среда кивнула, ощущая подкатывающуюся тошноту.

— Хорошо, — сказала она и, чтобы не передумать, принялась протискиваться сквозь толпу к шантажисту.

— Что там еще за хрен с горы выискался? — с вызовом спросила Среда. — Какого хера нужно?

Атаманша разбойников снисходительно улыбнулась.

— Можешь называть меня Поршией, дорогуша. А нужно мне — всего лишь малость поговорить.

Среда с подозрением оценивала ее. Блондинчик стоял у женщины за спиной и перекрывал выход. При ней было еще двое охранников — один находился у коммуникационной консоли, другой поглядывал на девушку из-за спины лидерши, но ни один не шевельнулся ни обыскать Среду, ни урезонить ее. Эта женщина, Поршия, оказалась

совсем не такой, какой можно было ожидать. Она не была ни агрессивной, ни предвзято настроенной, ничего подобного. Не носила, как прочие, цельный комбинезон с герметичными спаями и в целом производила впечатление дружелюбной и терпимой. «Я тоже буду терпимой, если все пойдет так, как я хочу», — настраивала себя Среда.

— Ну, так что нужно? — повторила она. — И где Фрэнк?

— Твоего дружочка здесь нет, — поморщила нос Поршия. — Он в каюте на палубе В, что не означает… э-э… его эвакуацию. — Она сверкнула улыбкой, обнажив превосходные зубы. — Хочешь с ним пообщаться? Просто чтобы убедиться в его нормальном состоянии. Я, кстати, вполне искренне предлагаю с ним повидаться. Скажу больше: если посотрудничаешь с нами по полной — наше с тобой дело закончится и ты получишь своего дружка обратно не кастрированным.

— Ври больше! С чего вдруг? — Среда уже сожалела о своих словах еще до того, как они вырвались изо рта. *Дура набитая, сама же раздражаю ее, хотя у нее все карты на руках.*

Но Поршия не истолковала сказанное дурно.

— За многие годы я поняла, что репутация человека, держащего слово, — ценный инструмент:

становится много легче вести переговоры. Ты пока этого не знаешь, но если не желаешь…

— Ладно, уговорили. — У Среды свело живот. *Черт! Если он в норме…* Ледяным холодом встрял внутренний голос… *Чтобы добиться цели, наблюдать будут за обоими. Не ошибись, она для тебя не сделает этого.*

— Подайте изображение задержанного на терминал, — приказала Поршия охраннику у консоли.

Среда села в предложенное кресло. Видеокамера-глаз определенно показывала Фрэнка. У девушки перехватило дыхание: он выглядел плохо — кожа землистая, пересохшая. Фрэнк посмотрел в камеру туманным взглядом и хрипло спросил:

— Это ты, Среда?

— Я. — Сжатые кулаки спрятаны за спину, чтобы не показывать нервозность. — Ты в порядке?

Фрэнк склонил голову набок, словно пытаясь что-то разглядеть за камерой, и мгновение спустя отозвался:

— Нет, я связан, — покачав головой, он добавил: — Тебя тоже взяли. Из-за меня?

— Нет, — соврала она, догадываясь, что с ним может сделать правда. Она заметила немного на-

тянутую улыбку Поршии. *Сука.* Надо проверить подлинность. — Чем последним я занималась до… э-э… аварии? — осведомилась Среда в отчаянной надежде, что он ответит неправильно, что это просто механическая кукла, а настоящий Фрэнк остается на свободе.

— Звонила по телефону. — Он закрыл глаза. — Слишком долгая блокировка горла. Больно говорить.

— Достаточно, — сказала Поршия, и специалист по связи разорвал соединение еще до протеста Среды. — Удовлетворена?

— Хм. — Среда сердито нахмурила брови. — Ну, вы нас получили. Чего вам все-таки нужно?

Блондинчик, улыбчивый шантажист из дальнего конца эвакуационного отсека, прочистил горло.

— Босс?

— Сообщи ей, Франц, — кивнула Поршия, но Среда отметила, что при обращении к солдатам ее улыбка исчезала, и в глазах появлялся холод.

— Вы не положили на место кое-что принадлежащее… э-э… нашим предшественникам. — Чувствовалось, Франц с трудом формулирует. — Мы знаем, вы спрятали это на станции. Вернете, мы выполним пару заданий, затем отбудем. — Он

выгнул бровь. — Босс?

— В общем так, — произнесла Поршия. — Ты отводишь нас к оставленным вещичкам. Мы приводим тебе дружочка Франка, и тех пронырливых дипломатов, укрывавших тебя, чтобы ты могла их видеть. Нет, паспорта нас не одурачили. Думаешь, мы придурки? Было бы куда проще оставить тебя прятаться в их каюте, но этот способ сковать твои действия сохранял нам проблемы. Но я отвлеклась… Отдаешь нам требуемое и остаешься на станции после нашего отправления: сюда скоро прибудет наш собственный корабль. Вернувшись, мы вышлем за лайнером спасательную экспедицию. Несмотря на твою убежденность, мы не заинтересованы в уничтожении людей — ни оптом, ни в розницу. Здесь имеет место смена менеджмента верхушки, и наша работа — подчистить за ними.

— Подчистить? — скептически заметила Среда. — Подчистить *что?*

Поршия вздохнула.

— Мой предшественник имел некие довольно глупые планы по… м-м… созданию собственной империи. — Она снова сверкнула идеальной улыбкой. — Я не собираюсь приносить никаких извинений. Все равно ты им не поверишь. Короче

говоря, он преуспел в захвате неких ключевых членов стратегического управленческого штата московского правительства. Его амбиции превысили его обычную значимость — ему захотелось ускорить долговременный проект всего РеМастирования разработкой устройства, в основном известного как оружие, нарушающее причинно-следственные связи. Для себя он хотел добиться максимального личного превосходства — межзвездной империи. Действительно, совершенно дерзкий план. Нам повезло, что он не уделял достаточного внимания деталям. *К несчастью,* лаборатория оружейных испытаний на Москве явно не годилась для поспешных проверок. Что-то пошло не так, с очень сильным побочным эффектом скверного характера.

— Вы пытаетесь объяснить мне истоки катастрофы? — спросила Среда.

— Ни в коей мере. — Казалось, Поршии на мгновение стало неловко. — А идиот-ответственный, идиот-предатель, я подчеркиваю, уже мертв. Это прямое следствие событий. Таким образом, моя работа заключается в том, чтобы подчистить за ним, связать свободные концы и так далее. Что включает в себя остановку ядерной бомбардировки — полагаю, ты наслышана

об этом? — посылкой кодов отмены. Эти коды находились в портфеле, взятом тобой из стола станционного администратора, вкупе с другими записями, совершенно не нужными тебе, но интересующими меня, поскольку они помогут мне выкорчевать последних агентов несостоявшегося императора.

— О-о. — Среда задумалась. — Вы хотите подчистить все. Сделать все лучше, чем было.

— Да, — одарила ее очередной блистающей улыбкой Поршия. — Не хочешь нам помочь? Подчеркиваю, все иное равносильно соучастию в геноциде.

Среда выпрямилась.

— Наверное, да, — пробормотала она с едва скрываемым недоверием. — Если вы пообещаете, что это положит конец всему и никто не пострадает.

— Даю слово. — Поршия с усилием кивнула. — Сделаем? Позади нее некто называемый Францем раскрыл дверь.

* * *

Тьма, смрад и слабое жужжание. В течение двух дней мир Штефи сужался с кошмарной скоростью. Теперь он представлял собой парал-

лелепипед двух метров длиной, двух высотой и метра шириной. Она делила его с полной емкостью экскрементов, пакетом сухарей и большой бутылью воды. В основном она держала освещение выключенным, чтобы беречь энергию. Какое-то время она проводила в попытках чтения, какое-то — осторожно занимаясь гимнастикой, стараясь при этом не опрокинуть посудину, но основное — в восстанавливающем сне. Но скука надвигалась, и, когда девушка услышала сквозь стены своей камеры объявление о подготовке к эвакуации, это стало облегчением. Если захватчики высаживали пассажиров, это означало, что никто не встанет на ее пути, когда она сделает, что должна.

Такой большой лайнер, как «Романов», не трясет, он не издает лишних шумов и не дает акустической отдачи при стыковке со станцией. Таким образом, любой звук или вибрация, несомненно, весьма плохие признаки: ударную волну, перегружающую звукопоглотители; толчки, превышающие предел уровня электрогравитации, потерю устойчивости опор и складывающиеся перегородки. Мартин встроил в шкаф фальшстенку, отделив секцию, примыкающую к коридору, но после приглушенных звуков хлопающей две-

ри Штефи слышала шаги, а потом больше ничего. Тишина, растянувшаяся на целую вечность, выводила из себя больше, чем самый громкий шум, когда-либо слышанный Штефи.

Я доберусь до вас. Вы отняли мой корабль, арестовали моих приятелей-офицеров и… Вторгся отзвук прежней жизни: *ублюдки, предательски ударившие в спину.* Она подумала о Максе: он, вероятно, стал марионеткой, и бандиты полагают использовать его против нее. Позаботились ли они узнать, кто она и на что способна. *Хороший шанс.* Штефи была совершенно уверена, что о ней никто не знает правды — никто, кроме Свена. Но если солист их дуэта проговорился, они разнесут корабль на части, чтобы только добраться до нее. Свенгали знал кое-какие вещи о Штефи — а она о нем, — которые могли бы позволить судебным системам десятка планет обеспечить любому из них поездку в один конец, если другой сдаст его по какой-либо причине. Но Штефи целиком доверяла Свенгали. Они десятилетие работали вместе, занимаясь убийствами на своем пути через галактику, достигнув вершины в этом безумно амбициозном турне: два оперативника, политических борца со всем правительством в изгнании. Обещанного вознаграждения хватало,

чтобы видеть себя в комфортной отставке, *если* бы подонки, платящие за «большой шлем», не запаниковали и не захватили корабль, нанеся там самым удар в спину. Из-за рухнувших планов и весьма вероятной потери Свенгали Штефи пришла в ярость.

Все тщательно проверив, она включила фонарик и прижалась ухом к стене. Ничего. «Ну вот», — сказала она себе, поднимая резак, оставленный ей Мартином. Плитки, изготовленные фабрикатором, оказались очень крепкими. Сразу разрезать армированную прекрасной медной проволокой клетку Фарадея не удалось. Штефи отделила лезвием край и начала загибать его вниз.

Пыхтя от усердия, она донизу распорола стену и продолжила трудиться у пола. Наконец она, присев на корточки, потянула угол на себя и в полумраке нашарила выход, заблокированный чем-то твердым. Штефи запаниковала: словно внезапно вонючая тьма, казалось, приближается к ее голове как кулак. Задыхаясь, девушка толкала изо всех сил, и препятствие сдвинулось.

Спустя минуту она отыскала в шкафу выключатель. «Ну это сделано, — подумала она, сердце колотилось, а желудок сводило от нервного ожи-

дания. — Если они ушли отсюда…»

Штефи открыла дверь. В каюте никого. *Фу!* Она сделала три шага, получая удовольствие от возможности двигаться, глубоко вдыхая свежий воздух и внезапно осознавая, какой же была вонь, в которой она провела более суток. Штефи осмотрелась и обратила внимание на стол. На нем лежал исписанный блокнот. Она нахмурилась и при свете фонарика принялась читать.

«ВСЕ ПАССАЖИРЫ НАПРАВЛЯЮТСЯ НА ЭВАКУАЦИОННЫЙ ПУНКТ. ПРИБЫТИЕ НА «СТАРЫЙ НЬЮФ», СТАНЦИЮ НА ПЕРИФЕРИИ МОСКОВСКОЙ СИСТЕМЫ, ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА. ВОЗМОЖНА ПОЛНАЯ ЭВАКУАЦИЯ СУДНА».

«НЕ
ДОВЕРЯЙТЕ
К.-Л. ФРОММУ. РЕМАСТИРОВАННЫЕ УМЕЮТ УПРАВЛЯТЬ ЛЮДЬМИ. ФРОММ — МАРИОНЕТКА. ОБЩЕСТВЕННАЯ СЕТЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕПЕРЬ СЕТЬ НАБЛЮДЕНИЯ. ВОПРОС: РАБОТАЕТ ЛИ ОФИЦЕРСКИЙ ОБХОДНОЙ ПУТЬ?»

«ФАБРИКАТОР В СУНДУКЕ В ВАШЕМ ПОЛНОМ РАСПОРЯЖЕНИИ. ОН ДЕЛАЕТ СЛАВНЫЕ ИГРУШКИ. ВЫ ИМЕЕТЕ РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОЛНЫЙ РЕСУРСНЫЙ ДОПУСК».

Штефи почувствовала, как слабеют колени.

Штуковина в шкафу оказалась фабрикатором многоцелевого назначения — рогом изобилия. Она заставила себя на мгновение присесть и закрыть глаза. *Охренеть.* Возможностей было бесконечно. Потом глубоко вздохнула. *Вопрос: работает ли офицерский обходной путь?* Если захватчики все еще остаются на борту, а сеть пассажирской взаимосвязи превращена в наблюдательную, о нем уже могут знать. Но если корабль эвакуируют, у нее еще есть шанс, *особенно* если не тронули линейную командную систему опознания.

Штефи засунула левую руку в карман и вытащила кольца управления. Одно за другим нанизав их на пальцы, она, беззвучно шевеля губами, отдавала мысленные команды для запуска интерфейса. *Если ведется наблюдение, они окажутся здесь сей момент.* Однако ничего не произошло: таймер в ее визуальном поле начал отсчет, и поворот кольца подсказал о поступившем сообщении, но в дверь не стучали.

У нее появился повод довольно улыбнуться, пока она пролистывала корабельные отчеты. В доке эвакуационная система сбоит, системы двигателя — тоже, управление мостиком вырублено, система жизнеобеспечения на гомеостатическом

дубляже.

Думаете, связали все свободные концы, не так ли? Посмотрим!

Она обернулась к шкафу и склонилась над панелью фабрикатора.

— Индекс, — резко сказала она оборудованию. — Показать оружие. Все, поддающееся изготовлению сейчас…

ПОСЛАННИКИ

Базовая система «Старого Ньюфа» продолжала функционировать, пока радиационный фронт проносился через станцию. Люди погибли бы, система жизнеобеспечения пришла в негодность: водорослевые фонды уничтожены, макроскопические растения убиты, даже тараканы зажарились радиационным импульсом в килогрей, но мультимегатонные колеса продолжали вращение в холодной пустоте в неопределенном ожидании.

Выдыхаемый воздух был виден во тьме стыковочного хаба. Один из подручных Поршии обеспечил напольное освещение вдоль стыковочной трубы лайнера, и тени перерезали серый пол в направлении вращения колес. Смутные силуэты медленно проплывали раз в минуту между полом и потолком высотой с кафедральный собор.

— Можно побыстрее? — крикнула в мобильник Поршия. — Нам нужно здесь все хорошенько рассмотреть.

— Момент. Пока еще ищем главный щиток. —

Джамиль и один из головорезов в защитных очках и дыхательных масках на случай попадания в газовый капкан вошли на станцию в поисках энергоресурсов. Запустить основной реактор в экстремальных условиях — это недели изнурительной работы: проверка реакторных обмоток, потом выверенная до сантиметра начальная загрузка термоядерного цикла. Но если найдется резервный запас топлива и удастся осветить стыковочный хаб, появится возможность присоединить кабель от «Романова» к пультовым щиткам хаба и наладить энергетическое, тепловое и воздушное обеспечение административных секторов.

В свое время «Старый Ньюф» поддерживал жизни тысяч обитателей. С источником энергии можно было делать это снова неделями и месяцами, даже не засеивая заново фермы.

— Ну и где же вы спрятали запасной картридж? — как бы невзначай спросил у Среды Франц.

Среда нахмурилась.

— Где-то на полицейском участке. Это случилось несколько лет назад, знаете ли. — Девушка пристально вглядывалась в него. Что-то в блондине было не так. Он казался излишне напря-

женным. — Вам надо оживить лифты, чтобы отыскать его.

— Не время для игр, — ответил он, поглядев на Хойст, прислушивающуюся к коммуникатору. — Хотите разозлить ее?

— Я? — Среда посмотрела вверх, на осевые подъемники, конструкция порталов напоминала голые ветви деревьев в темной выси. — И не думала.

Поршия кивнула и отстранилась от коммуникатора.

— Есть, — сказала она с ноткой удовлетворения в голосе.

Чуть позже от стыковочного хаба донеслось громкое клацанье. Потоки аварийного освещения пробежали над головами, проливая на пол слабое зеленоватое мерцание.

— Через несколько минут нам потребуются вентиляция и тепло, — добавила она. Кивок в сторону одного из подручных, женщине с волосами цвета соломы. — Начинай заниматься пассажирами, Матильда. Хочу, чтоб ты управилась за десять минут.

— Эвакуация? — заинтересовалась Среда.

— Да. Мы обнаружили отсутствие младшего полетного лейтенанта. Не хочу, чтобы у нее воз-

никли глупые мысли насчет отлета, пока мы здесь, на борту станции, — улыбнулась Поршия сжатыми губами. — Допускаю — если ей удается скрываться от повсеместной селдар-сети и ускользать от охраны — шанс у нее есть, но в общем-то сомневаюсь.

— Ну-ну, — поморщилась Среда. Она ощутила вибрацию колец и увидела выскочившую пометку в левом глазу: *поступление новой почты.* Она попыталась не выразить удивления. *Почта? Здесь?* Неожиданно для самой себя Среда спросила: — Зачем вы убили наших послов?

— Я? — У Хойст взлетели брови. — Так вот почему ты пряталась у шпионской парочки с Земли?

Среда с возмущением потрясла головой.

— Они просто согласились помочь при *захвате вами* корабля…

Поршия выглядела изумленной.

— Не каждому будешь помогать, — произнесла она, поднося коммуникатор ко рту. — Ты. С кем говорю… Джордан? Да, именно я. Два дипломата-землянина. И сраный журналист. Мы направляемся к офису станционной администрации чуть в обход основного пути. Прихвати-ка дипломатов и писаку.

Возьми сменщика и встречай нас **в** офисе стан-

ции через полчаса. Отправь Цурша и Андерса на узел связи с ключом, и ждите меня там. Приду после того, как закончу с прочими делами. Понял? Точно. Там встретимся. — Она посмотрела на Среду и тяжело вздохнула. — Все очень просто. Я здесь, чтобы смыть огромную кучу дерьма, оставленную моим предшественником. Не смою — пострадает много людей, начиная с упомянутых мной субъектов. Если моя миссия закончится неудачей — погибну я и множество *моего народа,* а уничтожение твоих друзей — легчайший способ убедить тебя в серьезности ситуации, и меня это страшно злит. Сама я действительно не хочу умирать но, главное, еще меньше хочется убивать кого-нибудь, и если я говорю тебе об этом, будь уверена, это не игры. — Она склонилась к Среде с напряженным лицом. — Ясна картина?

— Я… — отозвалась Среда и сглотнула. — Да.

— Вот и славно. — Из Хойст словно что-то вышло, оставив ее опустошенной и усталой. — Все считают, что поступают правильно, детка. Всегда. Вот тебе и объяснение, почему такое говно эта вселенная. — На ее лице появилось подобие улыбки. — *Никто* не злодей в собственных глазах, не правда ли? Мы *все* уверены в правильности наших поступков, поэтому и имеем данную за-

варуху. Так почему бы тебе не показать, где тот самый полицейский пост, и мы не прочешем его вместе?

— Э-э… я…

«Меня трясет, — осознала Среда. — Трясет от ярости. Ты, гадина, убила моих родителей! И ты, сука, хочешь от меня помощи?» Но это была беспомощная ярость: конфронтация с подобными Поршии не улучшит ситуацию, и нет ни единого признака каким-либо способом выпутаться, не исполняя желаний РеМастированных. *Никто не злодей в собственных глазах.*

— Туда, — указала Среда.

«Сообщение», — мелькнуло в ее визуальном поле, когда она шла по покрытому инеем металлу дока к пустым теням лифтовых шахт. Почти инстинктивно она переплела пальцы для получения сигнала.

Привет, Среда. Герман. Если читаешь это сообщение, значит, снова находишься в коммуникационной сети «Старого Ныофа», которая не отключалась после эвакуации станции. Пожалуйста, ответь.

— Вы в порядке? — поинтересовался некто называемый Францем, поддержавший ее за локоть,

когда Среда споткнулась.

— Скользко. Лед, — пробормотала она, не вынимая рук из карманов, чтобы скрыть вращение колец на пальцах.

Здесь. А ты?

Ответ пришел, пока они ждали, как Джамиль тестером проверяет лифтовый мотор. На станции стояла ледяная стужа: выдохи искрились в холодном воздухе, сверкая искорками при сумеречными свете.

Я здесь был всегда. Мой каузальный канал все еще привязан к местной сети. Внешние коммуникационные сети до сих пор в рабочем состоянии, включая дипломатический канал U.Хойст, который она намерена использовать для посылки «стоп»-кодов московским ядерным бомбам. Хойст получила один из «стоп»-кодов от своего предшественника U.Скотта. Здесь, на станции, есть еще один код в сейфе в центральном административном офисе. Свенгали и его партнер успешно создали панику в среде московского дипкорпуса. Самый вероятный сценарий: Хойст предполагает взять под контроль московские ядерные бомбардировщики и обезвредить их, затем использовать собственные корабли, чтобы

убедить обоих московских дипломатов и дрезденских значимых лиц, что бомбардировщики получили код неотменяемой атаки. Это станет основанием для захвата Дрездена РеМастированными. Члены нынешней хунты сбегут, обеспечив зеленую улицу РеМастированным при возрастании массовых беспорядков в преддверии атаки, которая никогда не случится.

Лифтовые моторы заскрипели и зажужжали, в кабине замигал свет.

— Похоже, работает, — сообщил Джамиль, указав на панель управления. — Он на автономном питании от маховика, который я запускаю прямо сейчас. Все внутрь. На каком уровне ищем? — спросил он у Среды.

— Четвертом, — пробормотала она.

Не жди пощады от РеМастированных. Они будут давать любые формальные обещания, но смысловые неоднозначности сделают их ничего не стоящими.

Важное замечание: U.Франц Бергман — оппозиционер. Перед прибытием Хойст на Септагон он и его партнерша были готовы к измене. Хойст удерживает его при помощи загрузочной информации его партнерши. Предложение биологического

восстановления совместно с загрузочной записью является рычагом воздействия.

Твой старый имплантат приспособлен к московской спецификации системы, и потому ты получила это сообщение. К сожалению, по причине несовместимости протоколов я не могу контактировать напрямую с остальными. Пожалуйста, скопируй и передай это сообщение Мартину Спрингфилду, Рашели Мансур и Фрэнку Джонсону через твой септагоновский интерфейс.

Лифт с визгом затормозил.

— Теперь куда? — потребовала ответа Поршия.

— Куда?

Двери открылись в темноту. Воздух был холодным, туманным и зловонным из-за давно мумифицированных в этом месте тел.

— А можно немного света?

Сзади вспыхнул яркий свет фонарика, разбросав длинные тени по стенкам извилистого прохода. Среда осторожно вышла из лифта, выдыхая пар в морозный воздух.

— Сюда.

Попытка воссоздания пути, которым она проходила много лет назад, давалась с трудом. Среда двигалась медленно, бешено вращая кольца пальцами, копируя и передавая названным адре-

сатам сообщение Германа. Трудно сказать, когда оно будет принято, но с помощью рассылочных алгоритмов, используемых имплантатами в развитых мирах, можно было направить почту в рамках персональной сети любому, чье оборудование было совместимо с ними, — не исключено, даже кому-то из РеМастированных, если они имели системы, приспособленные для работы в примитивных мирах.

Замерзшее ковровое покрытие трескалось под ногами. Пульс участился, и Среда обернулась, почти ожидая услышать скрежет когтей. Поршия, Джамиль и Франц — невероятный триптих коварного зла — следовали за ней. Они уже почти дошли до туалета.

— Здесь, — произнесла Среда упавшим голосом.

— Вам не следует идти туда. — Франц остановился.

— С чего вдруг? — поинтересовалась Поршия.

— Там тело, думаю, — сглотнула Среда.

— Джамиль, проверь!

Джамиль с фонариком протиснулся вперед. Поршия включила свой, немногим больше карандаша. Около минуты слышались глухие удары, потом голос:

— Девчонка права. Вижу… э-э… замороженного мертвеца… и больше ничего.

— Объясни. — Поршия уставилась на Среду.

— Он… я… — Среда непроизвольно вздрогнула. — Упомянутые бумаги я оставила двумя палубами ниже, через три сегмента.

— Джамиль, идем, — позвала Поршия. — А тебе бы лучше не тратить попусту наше время, — сурово обратилась она к Среде.

Девушка повела их обратно к лифту, который стонал и ныл, опуская их на два уровня ниже, к нутру станции. Гравитация здесь была повыше, но не такой, как ей помнилось: возможно, из-за какого-то нарушения переходов между различными секциями противовращения, даже сверхпроводящие магнитные подшипники оказались не способны воспрепятствовать атмосферной турбуленции при длительной потери энергии.

«Новое сообщение», — прочла Среда, когда лифт затормозил.

Сообщение получено. Мы поняли. Посылаешь информацию через коммуникаторы хаба? Используй любые средства. Мартин.

Дверная брешь с темными очертаниями. Вне-

запно в голове Среды проросло непрошеное семя плана действий.

— Кажется, я спрятала их в одном из шкафов. Дадите фонарик? — попросила она.

— Держи. — Поршия передала ей свой световой карандаш.

— Давайте посмотрим, вспомню ли где… — Среда шагнула в комнату, сердце бешено забилось, ладони вспотели. У нее есть лишь единственный шанс.

Поворачиваясь, она водила лучом фонарика по опрокинутым столам и распахнутым шкафам. *Здесь.* Она нагнулась, подняла с пола патрон «антитеррор» и засунула его в карман, пошарила еще пару секунд и выпрямилась.

— Ошиблась, — крикнула она. *Где же портфель?* Оглядевшись, заметила отблеск цвета спекшейся крови — кожа! *Ага!* Потянула к себе и вытащила портфель.

— Нашла, — сообщила Среда, выходя обратно в коридор.

— Давай. — Поршия протянула руку.

— А нельзя подождать до возвращения в хаб? — храбрясь, поинтересовалась Среда.

Кожаный портфель с дипломатической печатью московского правительства с одной стороны

оттопыривался спрятанным информационным картриджем.

— *Сейчас!* — потребовала Поршия.

— Вы же давали слово. — Среда еще сильнее сжала портфель и посмотрела Поршии прямо в глаза. — Собираетесь нарушить собственное обещание?

— Нисколько. — Хойст моргнула и расслабилась. — Я — нет. — Она выглядела как женщина, пробудившаяся от беспокойного сна. — Хочешь держать при себе, пока не увидишься с друзьями? Идешь напролом? Полагаю, это именно тот портфель? И ты забрала информационный картридж?

— Да, — защищаясь, ответила Среда, еще сильнее прижимая портфель. Патрон «антитеррор» с тремя зарядами, применяемый при беспорядках, казался огромным и явно был заметен в набедренном кармане. Хотя пистолет был на виду только у Джамиля, чутье подсказывало Среде, что остальные тоже вооружены. По крайней мере пистолетами, если не чем-нибудь посерьезней. *Есть такая древняя шутка: не бери тазер на артиллерийскую дуэль.*

— Ну, пойдем, навестим центр управления. — Поршия улыбнулась. — Конечно, если ты попусту

тратишь мое время, то заставляешь меня убить одного из твоих друзей, но ведь ты этого не хочешь, не правда ли?

* * *

— Не бери тазер на артиллерийскую дуэль, — пробормотала Штефи, выбирая между компактным автоматическим пистолетом (с терминалом наведения для стабилизационных пуль, позволяющих стрелку вести прицельный огонь через тонкие стены, дополненным терагерцевым радарным прицелом) и полупроводниковым мультиспектральным лазерным автоматом (с самоуравновешивающейся турельной платформой и ранцевым квантовым генератором, способным испарить литр воды за десять секунд). С сожалением выбрала автоматический пистолет: лазерный ранец был слишком неуклюж для узких коридоров звездолета Но ничто не мешает добавить каких-нибудь других, менее тяжеловесных, игрушек, не так ли? И, наконец, никто из зрителей особого показа военной моды одинокой женщиной впоследствии не напишет обзора.

Спустя полчаса Штефи решила, что полностью готова. Дверная консоль сообщила о нормальном давлении снаружи. «С их стороны беспечность, —

подумала она, через дверь сканируя пистолетом коридор: через прицел он выглядел пустым, призрачно серым, но окрашенным искусственно в цвета. — Правильно, пошли».

Она бросилась в направлении ближайшего коридора, ведущего к командному отделению, и остановилась просканировать каюты с обеих сторон. «Нужна центральная консоль постоянного тока», — подумала она. В гнетущей тишине витала угроза. Захватчики хотели изолировать корабль и могли разгерметизировать его, но это не означало, что они не вернутся обратно. Ей надлежит уничтожить любую оставленную ими охрану, стать невидимой для их системы наблюдения и восстановить контроль над лайнером.

«Ну, и где они? — задавала себе вопрос Штефи, начиная нервничать, подходя к лестнице ядра и лифту вспомогательных каналов палубы. — Они не глупцы, где-то должны быть боевики. Они раскинули сеть слежения, поэтому наверняка знают, что я направляюсь сюда. Итак, где засада?» Умная охрана не станет рисковать, преследуя ее в лабиринте переходов и кают, которые она знает намного лучше, а просто перекроет лестничные двери между отдельными герметичными зонами и пришпилит ее, как только она сама закроет

себя в узкой движущейся коробке.

Ладно. Штефи направилась в узкий боковой проход командного коридора и оказалась перед дверьми лифтовой шахты. Она приготовилась, нажала кнопку вызова и, пригнувшись с поднятым пистолетом, сканировала. Существовали две возможности: либо кабина лифта содержит неприятный сюрприз, либо она пуста — в любом случае Штефи могут поджидать везде, где бы она ни объявилась.

Еще до прибытия кабины оружие выявило, что внутри никого нет. Штефи тотчас вошла и вставила ключевое кольцо в аварийный щиток на панели управления. Она прищелкивала языком, приказывая лифту снизить скорость и открыть люк. На крыше герметичной кабины оставалось место шириной в полтора метра и высотой метр среди кабелей и контроллеров двигателя, подсоединенных к первичным моторам на каждом углу коробки. Штефи вскарабкалась наверх и нажала кнопку палубы тренировочного мостика. Что произойдет дальше, зависело от количества охранников. Если их хватало для тотального наблюдения за кораблем и ей приготовлена засада, то Штефи уже погибла, но она надеялась, что пока еще не раскрыта. Если Свенгали ничего не

сказал, у нее оставался шанс, ибо лишь параноик мог принять такие же меры для нейтрализации младшего полетного лейтенанта, как и для профессионального убийцы…

Лифт, казалось, погружался в вечность, спускаясь вниз, в шахту. Штефи съежилась в середине крыши, сжимая свое оружие. Видоискатель показывал призрачные тени в сером прямоугольнике — пустое тело лифта, спускающегося в трубу тьмы, слишком глубокую для диаметра прицела, чтобы что-нибудь разглядеть. Четыре палубы, три, две — лифт снизил скорость. Штефи сменила угол прицела в сторону открывающихся в коридор дверей.

Три цели в пределах пяти метров, групповые выстрелы, пистолет в автоматическом режиме. Раздалась очередь, и запястье ощутило сильную отдачу: струи горячего газа вылетали из каналов обратного действия, окружавших ствол, по четыре выстрела по центру каждой цели. В целом все заняло около секунды. Штефи обвела все по кругу, ловя любое движение. Ничего: лишь три неясных серых кома на фоне треугольников.

Она нажала кнопку «ВНИЗ», затем открыла двери лифта и без интереса посмотрела на тела, сморщив лоб. Везде кровь, вытекающая из двоих

типов радость-через-силу, в которых узнала соседей по обеденному столу, и…

— Макс? — громко произнесла она, сдерживая в себе тихое рычание ярости. *Долбанный клоун, спланировавший это, должен заплатить, с процентами.* Она проверила показатели на оружии: никакого движения, ни вверх, ни вниз по коридору.

Она протиснулась через проход, маневрируя в узком коридоре, ведущем к аварийному помещению. Инстинктивно остановилась перед поворотом, опустилась на одно колено и подняла пистолет. «Компания? — подумала она. Не двигаясь, попыталась получить вразумительную картинку из-за угла, легонько простукивая пальцами по стене. — Да? Нет?» Здесь что-то присутствовало, и оно двигалось…

Выстрелы прозвучали одновременно. Штефи услышала свист пули рядом с головой, когда ее собственный пистолет непроизвольно дернулся, выплюнув остаток магазина сквозь стену градом патронов. Из-за угла послышался сперва приглушенный звук, затем громкий стук. Штефи автоматически перезарядила оружие, произвела окончательную проверку и вышла в коридор перед аварийным мостиком, перешагнув через

тело охранника.

— Системы мостика, отвечайте, — скомандовала она. — Слышите?

— Идентификация. Добро пожаловать, лейтенант Грейс. — Дверь мостика сдвинулась: пустые кресла, атмосфера обманчивого спокойствия.

— Диалоговый режим, пожалуйста. — Штефи закрыла дверь, опустилась в кресло пилота и с пистолетом наготове повернулась к двери. — Идентификация остального персонала на борту, их личности и местоположение. Если на этой палубе есть какое-либо движение — дай знать. Следующее, вывести на экран внесистемные апгрейды пассажирской сети взаимосвязи с предыдущего отправления. Список местопребывания всех пассажиров, путешествующих от Тонто до Нового Порядка.

Экран стал заполняться информацией.

— Выгрузить подробности в мой тайник. — Штефи довольно улыбнулась. — Все офицеры аутентифицированы сканированием сетчатки? Хорошо. Кто санкционировал последнюю PLN-перезагрузку? Хорошо. Теперь начинай запись новой рабочей последовательности.

Среда опрокинула стол перед эвакуационным сборным пунктом, словно у нее не было других

забот. Рашель с растущим опасением наблюдала, как она что-то тихо сказала белокурому парню, и они вместе вышли через боковой выход на командную территорию.

Мартин придвинулся ближе.

— Надеюсь, она справится.

Спустя полчаса РеМастированные вернулись. Среди пассажиров возрастало беспокойство — тихое жужжание разговоров нервного предчувствия, — когда вошла женщина.

— Рашель Мансур? Мартин Спрингфилд? Пожалуйста, выйдите вперед!

Рашель схватила за руку Мартина и сжала, передавая личным кодом, полузабытым от долгого неупотребления: *«Опасно».*

«Знаю. Идем?»

«Да».

Она подтолкнула его вперед, протискиваясь между болтающей семейной группой и самоуверенным парнем в рубашке от умбрийского[30] торговца.

— Вы хотите поговорить? — спросил Мартин у женщины.

— Нет, хочу, чтобы вы оба пошли со мной, —

---

30 Примечания: 30
Итальянская провинция.

небрежно произнесла она. — С вами хочет поговорить кое-кто другой.

— Будем счастливы подчиниться, — выдавила улыбку Рашель. *Это ли не заблаговременное указание?* На мгновение ей захотелось снова очутиться в клаустрофобной квартирке на Пляс дю Молар, в ожидании группы для борьбы с терроризмом. Она старалась не обращать внимания на очевидную нервозность Мартина. — И куда вы желаете, чтоб мы пошли?

— За мной. — Женщина сдвинула дверь и выпустила их. С другой стороны ее ожидал напарник, крупный парень, не скрывавший оружия и наблюдающий за ними без всякого любопытства. — Сюда.

Женщина повела их наверх по короткой лестнице в широкий грузовой тоннель. По мере движения воздух становился все холоднее. Рашель поежилась. Ее одежда не годилась для путешествия по холодильнику.

— Куда мы?

— Оставьте этот вопрос для босса.

— Как скажете. — Рашель старалась, чтобы ее голос звучал непринужденно, будто это была просто экскурсия, устроенная командой, чтобы не давать скучать пассажирам.

Они свернули за угол, в широкий стыковочный тоннель, затем направились вверх по пандусу, который уводил в безбрежное сумеречное пространство. Высоко вверху разливалось сияние, там, где гравитация резко снижалась, падая почти до десятой доли от нормальной на расстоянии нескольких метров. *«Мы вне корабля»,* — подала она сигнал Мартину, сжав ему руку. Тот кивнул. Не впервые ей хотелось использовать свои имплантаты для передачи текста, но риск перехвата в отсутствие скрытых квантовых каналов был слишком велик. *Если б только знать, как скомплектовано их наблюдательное оборудование. Если бы.* Она поежилась и посмотрела на поток пара от дыхания перед лицом.

— Далеко еще?

Блондинка подтолкнула ее к дверному проему на дальней стороне стыковочного хаба. Из него струился теплый свет.

— Черт, ну и холодрыга, — проворчал Мартин.

Они поспешили вперед без всяких понуканий охранников.

— Стоп. — Человек с пистолетом поднял руку вверх, когда они оказались рядом с дверью. — Матильда?

— Да. — Блондинка вытащила громоздкий ком-

мутатор и сказала в него: — Это Матильда Здесь оба дипломата. Внешний контроль. Я отправляю их внутрь. — Она обернулась, окинула взглядом Рашель и Мартина и махнула рукой в сторону двери. — Сюда.

— Куда дальше? — Рашель осмотрелась, заходя в комнату. Яркий свет. Жалобный скулеж над головой предполагал, что местная система кондиционирования мужественно проигрывала битву с холодом. Человек с пистолетом вошел за ними, и в тот тошнотворный момент, когда Рашель увидела огромную пустую комнату, она подумала, не означает ли это — убить их и оставить тела здесь. Затем дверь в противоположной стороне скользнула в сторону.

— Заходите. — Человек-ружье махнул рукой. — Это лифт.

— Хорошо. Иду, иду. — Рашель не заставила себя упрашивать. За ней устремился Мартин, а за ним, хвостом, человек-ружье. Дверь закрылась, лифт пришел в движение, направляясь к уровням станции с высокой силой тяжести. Кабина скрипела, длительное время не используемые колеса протестовали, цепляясь за зубчатые рельсы, еще не разогревшиеся до рабочих температур. Опускались молча. Рашель прижалась к Мартину

в углу грузового лифта, подальше от охранника. Тот постоянно держал оружие наготове, видимо, чтобы не отвлекаться.

Лифт дополз до остановки, и двери открылись в хорошо освещенный коридор. Тут было больше вентиляторов, жужжащих и скрипящих от перегрузки. Холод менее экстремальный: когда охранник указал им на распахнутую дверь в конце прохода, Рашель не заметила пара от своего дыхания.

— Ну, и где мы? — поинтересовалась она.

— Дождитесь босса. Идите прямо. — Человек-ружье казался раздраженным и скучающим, но не склонным к прямому насилию. Рашель напряглась, но кивнула и пошла. Рашель прочла табличку на двери: «КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА».

«Вот так сюрприз, — подумала она устало, мысленно давая себе пинка за то, что не заметила поступившего сообщения. — Но тогда мои имплантаты включились». Она едва не пропустила начало и стала быстро моргать. *Новое сообщение? Здесь? Но как?..*

Она читала быстро, почти гипнотически, — едва замечая и глубокий ворсистый ковер, и увядшие коричневые деревья в кадках с обеих сторон большого стола, и дверь, ведущую во внут-

ренний офис. Затем поступила *дополнительная* почта — на этот раз от Мартина. Рашель мельком взглянула на него и обернулась посмотреть на человека-ружье.

Головорез заполнил собой весь дверной проем.

— И кто ваш босс? — спросила Рашель. — Ждать долго?

— Пока не придет.

Вентилятор в офисе слегка поскрипывал, нагоняя тепловатый воздух и разбавляя холод. Тонкий слой пыли покрывал стол, кресла посетителей и пустой кулер.

— Не против, если присяду? — спросил Мартин.

— Будьте моим гостем. — Человек-ружье иронично приподнял бровь, и Мартин поскорее устроился в кресле, пока тот не передумал. Рашель подошла к мужу, и Мартин обнял ее за талию под жакетом.

— Может, расскажете нам что-нибудь? — тихо спросила Рашель, пока Мартин засовывал ей что-то за пояс. — Ну, например, что все это значит?

— Нет.

— Ладно, как хотите, — вздохнула Рашель.

Она села в кресло справа от Мартина и прижалась к нему, обняв за плечи. «Итак, они еще

не контролируют станционные протоколы трафика, — думала она. — Иначе не пропустили бы сообщение Среды». Рашель опустила руку Мартину на спину, тем самым повернув кольцо на запястье, и вращала сегмент в своем браслете до тех пор, пока тот не поднял рукав жакета, чтобы соединиться со своей составной частью.

Клик. Рашель скорее почувствовала, чем услышала звук. Устройство подключилось к ее имплантатам, и в поле зрения появился таймер обратного отсчета: количество секунд для зарядки камеры горючего гель-фазы. Устройство начало самосборку. В своей жизни Рашель редко чувствовала себя столь беззащитной. Если поверхностно-пронизывающий радар наблюдательной сети корабля добивает до этой комнаты, семь оттенков тревоги погаснут мгновенно, а охранник пустит ей пулю в лоб еще до того, как устройство будет готово. Или же…

Скрипучий визг из коридора объявил о прибытии другого лифта. Через несколько секунд появилась Матильда, на этот раз с Фрэнком. Тот плохо выглядел: кожа пепельного цвета, руки связаны спереди. Он невыразительным взглядом посмотрел по сторонам. На нем была та же одежда, как в тот момент, когда его опрашивал

Мартин. Но более мятая.

— Садитесь, — сказала ему Матильда, указав на место рядом с Рашелью, и достала ножницы. — Вытяните руки. У нас ваша девчонка. Расстроишь нас — и больше ее не увидишь.

— Понял, — прохрипел Фрэнк. Нахмурившись, потер запястья и возмущенно посмотрел на нее. — Что дальше?

— Ждать. — Матильда отступила на шаг, к охраннику.

— Выстроили в ряд все ваши мишени, да? Матильда одарила Мартина мерзким взглядом.

— Ждать босса. Она не задержится.

— Вы Фрэнк, да? Что случилось? — шепотом спросила Рашель.

Фрэнк нахмурился и снова потер запястья.

— Взяли меня. В моей каюте. Вы его напарница? — Он дернул подбородком в сторону Мартина. — Сперва думал, я только один. А где мы?

— На «Старом Ньюфе». Станция Среды. Послушайте, мы спрятали ее, но они… у них были вы. И Среда пошла с РеМастированными.

— Вот дерьмо! — Он встретился с ней взглядом, выражающим ужасную покорность. — Знаете, что это означает?

Рашель слегка кивнула в сторону охранников.

— Не говорите этого.

— Можете говорить все что заблагорассудится, — отозвалась, злобно ухмыльнувшись, Матильда. — У нас полная свобода слова. Все что хотите — мы тоже послушаем.

— Пошла ты!.. — Фрэнк посмотрел на нее.

— Заткнись! — Человек-ружье навел пистолет на Фрэнка. В напряженный момент Рашель была уверена, что тот ответит. Но секунды устремились в бесконечность, пока Фрэнк и охранник смотрели друг на друга. Потом Фрэнк снова откинулся в кресле.

— Ладно. Успокойтесь. — Фрэнк взглянул на Рашель и зевнул, щелкнув челюстью. — Меня используют — и использовали. — Он потер ладони друг о друга круговым движением.

Рашель постаралась не выказать никаких признаков понимания его вполне определенного жеста. «Кто-то получил бэклог электронной почты, — предположила она, — или это просто зуд в пальцах».

Они просидели в тишине еще нескольких минут, затем жестяной звук снаружи возвестил о предстоящем прибытии еще одного самодвижущегося подъемника. Рашель машинально обернулась.

Двери открылись. Многочисленные шаги по направлению к офису в удивительно неслаженном ритме при незначительной силе тяжести. Первым вошел худощавый, нервного вида мужчина, за ним женщина не первой молодости, с холодными глазами и выражением удовлетворения на лице. За ними Среда, идущая впереди парня с длинными волосами, собранными в хвост, с оружием для городского боя. Он помрачнел, когда увидел Фрэнка, выглядевшего как утром после запоя.

— Рашель Мансур из Объединенных Наций, полагаю? — Женщина зашла за стол станционного руководителя, развернула кресло и села. — Рада встрече. — Она улыбнулась, достала из кармана и положила на стол компактный пистолет, направив дуло на Рашель. — Вижу, вы уже встречались с нашей юной беглянкой. Это многое упростит. Скоро подойдет еще кое-кто, и, думаю, начнем.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

Ему развязали руки; откинувшись в кресле и игнорируя охранника, Фрэнк вращал свои кольца, настраивая оптические имплантаты и слуховые адаптеры, чтобы записывать все подряд. Ничего нельзя пропускать, даже собственную экзекуцию.

БИП. Он даже немного подпрыгнул, когда выскочил флажок почты; что-то от Среды. Но охранник не заметил. Никто из них не заметил. Типичные пехотинцы РеМастированных, послушные и беспощадные. Фрэнк прочел сообщение и почувствовал, как влажнеют ладони. Он был рад, что сидит. *Итак, теперь невидимый друг Среды посыпает мне электронную почту? Но ему приходится использовать ее как посредника, поскольку только она одна обладает установками, совместимыми с сетью этой станции? Черт.*

Фрэнк мрачно задумался. *Есть ли какой-нибудь способ сообщить о случившемся? При любых обстоятельствах мы должны… мы все не можем просто исчезнуть, не так ли?* Но правда была какой угодно, только не утешительной. Лайнеры

время от времени пропадают, и если это захват, что очевидно — налицо все прямые признаки тайных операций РеМастированных, подрывные действия по сокрытию последствий аварии, — тогда нет способа передать даже слово.

БИП. Еще почта от Среды, передававшей ему, Рашели и Мартину — что? Коды подсоединения, новый протокол интерфейса для его имплантатов, чтобы говорить по станционному радио. Он постарался сохранить безразличное выражение лица, пока переплетал пальцы и загружал едва ли пригодящуюся информацию.

Появились вновь прибывшие. Фрэнк посмотрел на них, и в его мир внезапно вторглись панические воспоминания о прошлых десятилетиях. Он все понял: мрачная Среда с кожаным портфелем в руках между двумя боевиками, перед ними улыбается женщина. Он до сих пор не забыл яркий солнечный свет на крыше отеля «Демосфен», кислотный запах газовых печей и привкус собачьего дерьма в бризе даунтауна Самары, Алису, повернувшуюся к парапету с камерой-дроном в руках. И снова та женщина. Белокурая смерть в день дождя пуль, день, когда все переменилось.

Фрэнк уставился на нее.

— О, твою мать, *ты*…

— В этот раз пополнится моя свинья-копилка. — Ее улыбка стала шире, постепенно превращаясь в оскал. — Не следует ли нам прекратить пинать друг друга подобным образом, а?

— Вот же дерьмо… — Фрэнк почувствовал тошноту. Он чуял запах горячей крови Алисы, слышал рев и крики толпы, когда пули начали чмокать. — Ты была в Самаре. На Новом Порядке. Кто ты?

Он едва заметил ошеломление Среды, когда выкрикнул это в лицо женщине.

— Я U.Поршия Хойст, департаментсекретарь, дивизион четыре Департамента контроля внешнего окружения, планетарный доминион Новый Порядок. «U» — сокращение от ubermensch или ubermadchen,[31] на ваш выбор. — Ее улыбка стала еще шире, оскал становился акульим. — На сей раз я предполагаю со злорадством посвятить вас в свои дьявольские планы, перед тем как убить. Затем, если вы верите в кино, герою со стальной челюстью надлежит прорваться сквозь стены и указать мне на ошибки моих способов экстремального убеждения. — Она презрительно фыркнула. — Правда, здесь нет героя со стальной

---

31 Примечания: 31
Сверхчеловек, сверхженщина (нем.).

челюстью в радиусе шестнадцати световых лет отсюда. — Намек веселья в глазах. — Нет даже того третьего лейтенанта, спрятанного вами про запас, по крайней мере на сей раз охрана разберется с ней.

Фрэнк почувствовал, как ногти впиваются в ладони; на несколько секунд его зрение посерело и распалось на пиксели. Сердце забилось, прежде чем он понял, что это след микропрограмм, которые Среда загрузила в его виртуальный имплантатный механизм, в соединении с первобытной яростью.

— Зачем вы нам это говорите? — тихо поинтересовалась Рашель.

— Да люблю я долбаную публику! — Хойст встала. — И тем не менее все случится скоро. — Улыбка угасла. — Да, позвольте объяснить вам кое-что, прежде чем убить: я не собираюсь вас убивать. Вам, может, и хотелось бы, мне — нет. Как только я переведу станцию на собственные резервные источники энергии и восстановлю поврежденные внешние коммуникации — все пассажиры и команда будут высажены на нее. Это не очень забавно, но вы сможете продержаться пару месяцев, пока до вас не доберется спасательный корабль. Даже ты, Фрэнк. — Миг

улыбки. — Здесь нет лагерей перевоспитания. Получишь VIP-обслуживание.

Фрэнк оставался спокоен, но внутренне напрягся. «Твою мать, мы еще в сети!» — понял он.

Станционные каузальные каналы еще работали. Этот пакет от Германа, кем бы тот ни был, являлся преобразователем протокола — переполненный недоверием Фрэнк понял, что теперь он больше не отрезан от общения и может рассылать почту. Или даже переправить необработанную информацию прямо Эрику домой, где он сможет что-либо сделать с посмертной буферной записью. Фрэнк сложил руки вместе, будто от холода, и никто не заметил, как он вращает кольца, направляя поток информации в свой инбокс на Землю. *Я сам стану видеокамерой.*

* * *

Штефи повторно просматривала запись экзекуции Свенгали на зернистом монохроме, отследив ее в лабиринте системы наблюдения. Нужный файл обнаружился в буфере корабельной памяти. Вокруг жужжали системы мостика, восстанавливая программное обеспечение корабля на момент до лоботомирования его РеМастированными.

Она сердилась, когда лживые клиенты пыта-

лись их убить; злилась, когда пришлось провести долгие часы в согнутом положении во тьме замкнутого пространства, слушая шарканье мягкой обуви охранников за дверью. Но это были не те чувства. Никакого сравнения с ее нынешним ощущением. Побагровевшая от ярости Штефи едва ли смогла бы описать свое состояние.

Она проработала со Свеном долгие десять лет. Во многом они стали ближе, чем супружеская пара. Она — хорошенькое личико на виду, он — умелец на заднем плане. Идеальная смазка шестерней и катушек при работе по контракту. Он нашел ее, когда она была десятилетним панком, направляющимся для реабилитации по дороге в один конец в какую-то из отдаленных колоний, разглядел через ржавчину и грим, что прячется за тяжелым металлом, и отполировал до блеска. В юности она обожала его, до того момента, когда повзрослела настолько, чтобы разглядеть его истинную сущность. Это были не сексуальные отношения (за исключением раннего неудачного опыта), это было партнерство, основанное на необходимости, обоюдном уважении и крови. И вот теперь, когда они достигли вершины их величайшей удачи…

— Я хотела найти тебя, а ты решил пожелать

себе идейного суицида, — сказала Штефи лицу, застывшему на экране. Она нахмурила брови. — Я намерена…

Намерена сделать что?

Штефи откинулась на спинку кресла, загоняя тугой желвак ярости обратно во впадины скул — прочь, пока он снова не понадобится. *Когда мне остановиться?* Она имела доступ к их банковским счетам, если ей это понадобится. И у нее была пара *ключей,* найденных в разных местах. Она побывала и в офисе в Турку, и на придорожной стоянке в Мире Эйгера, и в доме на Земле тоже — все за последние шесть месяцев. Свен провел серьезную домашнюю подготовку: прежде чем взяться за работу, он объяснил, к чему может привести успех их миссии, и рассказал о значимости ключей. На этой обочине не было контрольно-пропускного пункта, и у Штефи имелись в кармане два ключа, ключа от врат ада. Кое для чего это имело значение, не так ли? И если тупые дипломаты из Объединенных Наций не знали, кто она такая, — значит, оставались лишь РеМастированные.

«Если мне удастся убрать их фигуры с доски, то я смогу остаться лейтенантом Штефи Грейс, и никто ничего не заметит, — решила она. — Или

могу попытаться достать третий ключ и получить допуск к московскому дипломатическому каналу». Она улыбнулась, обнажив зубы в оскале, близком к звериному. *Посмотрим, как им понравится, когда я разрушу их планы.* Она склонилась к консоли пилота; «Системы мостика, дайте мне полную топографию данного порта. Выведите на четвертое окно схему дока. Допуск к внешним отсекам имеется? К станционной коммуникационной сети? Отлично. Запись новой рабочей последовательности, активация ключа *розовый бутон.*

— Вы намерены бросить нас здесь, — без выражения произнесла Среда. Она шагнула к столу, но движение ствола пистолета резко остановило ее. Она обернулась посмотреть на Фрэнка, сжав вместе ладони.

Фрэнк выгнул бровь. «Что я могу сделать? — подумал он, желудок выворачивало. — Зачем ты только раскрылась?»

— Я не собираюсь оставлять вас надолго в одиночестве, — дернула плечом Хойст. — Мой корабль отправляется домой с сообщением слишком секретным, чтобы доверять вполне возможно контролируемым каналам. Пока он будет занят, мне потребуется «Романов» для небольшого за-

дания. Я подчищаю за моим предшественником — неким U.Ванневаром Скоттом, — который пытался урвать слишком большой кусок для своего рта. — Та же сияющая улыбка. Фрэнк понял, что, не желая того, смотрит на Среду. Она выглядела столь же напуганной, каким он сам себя ощущал. Лицо побледневшее, но решительное — осужденная перед эшафотом. Он заставил себя снова переключиться на Хойст. Мигающий статус-дисплей в левом глазу рассказывал собственную историю: каждое слово, бьющее по ушам, расщеплялось до составляющих его байтов, которые переплетались с кубитом интерфейса где-то в магической причудливости каузального канала, направляющего информацию прямо в инбокс Эрика. «Поглядим, насколько подробно мы сможем осветить это событие, — думал Фрэнк, рассматривая Хойст и чувствуя, как страх медленно преобразуется в теплый поток триумфа. — Я обвинитель!»

— Скотт решил создать свой небольшой Директорат, — продолжила Хойст, явно обращаясь ко всей своей потенциальной публике. — Но ему был необходим рычаг. И таким рычагом должно было стать деревенское болото, называемое Москвой. Он получил допуск к действиям

на Москве, предложив Директорату новый способ разработки оружия, запрещенного Врагом — вы называете его Эсхатоном, — нечто, позволяющее «отрезать» того во времени. Москва стала испытательным полигоном нового оружия: никто не ожидал применения устройств, нарушающих причинно-следственные связи, в болоте. *В действительности же* Скотту хотелось стать диктатором целой группы планет, и Москве надлежало стать как инструментом начала завоевания, так и страховкой от гнева Высокого Директората. Но он проявил небрежность. Он превратил в марионеток половину высшего военного командования Москвы — на административный планктон планеты никто не обращал особого внимания — и окончательно развратил межзвездную группу сдерживания. А потом решил ускорить испытание оружия, которое обещал провести Директорату, но использовал это в своих целях вместо действий по оригинальному плану симуляции грубой ядерной бомбы.

Среда уставилась на Хойст.

— То есть, вы говорите, что возникновение новой стало результатом долбанных испытаний оружия?

— Ну конечно. На деле, это была самая настоящая *несанкционированная* хрень. — Хойст с грустным видом вытащила из кармана маленький ключ и осторожно положила его на середину стола. — Мы все ошибаемся, но в случае со Скоттом это стало его последней ошибкой: мой босс поручил мне убрать его и выправить ситуацию. Это произошло еще до того, как мы выкачали его и обнаружили некоторые неприятные факты, касающиеся его измены. *Этот картридж,* — она протянула руку в сторону Среды, — один из утерянных концов. Иммиграционные данные агентов Скотта, совершающих перемещения в Москву и обратно. И подробности оружейного проекта с планом-графиком испытаний. Любую подобную информацию не хотелось бы оставлять без присмотра. Могли возникнуть серьезные политические затруднения.

— Здесь кроется нечто большее, не так ли? — увлекаясь, спросил Фрэнк.

— Черт возьми! — Хойст с любопытством взглянула на него, удивленная, почему абстрактные проблемы интересуют его больше, чем забота о собственной шкуре. — Тут также есть записи о полете четырех ядерных бомбардировщиков. — Она нахмурилась. — Секретные материалы о

нацеливании на Новый Дрезден. Так считают московские дипломаты.

— А что…

— Заткнись, наконец! — Хойст постучала по ключу пальцем. — Предполагается, что корабли запущены на Новый Дрезден. Таков официальный план, что находился в файле, не так ли? При движении эти корабли почти невидимы. За исключением того, что наш гаденыш Ubermensch Ванневар Скотт был довольно сообразителен. Когда он сделал марионетками все Минобороны Москвы, *первой* задействованной им группой стал оперативный состав подразделения сдерживания, включая летный экипаж одного из бомбардировщиков — тот, который не реагировал на послания. Скотт планировал свое отступничество по меньшей мере за десять лет до оправки Москвой кораблей для нанесения ответного удара, и один из этих долбаных бомбардировщиков идет на Новый Порядок, нашу новую региональную столицу, находящуюся примерно на том же расстоянии от Москвы, как и Новый Дрезден. Немногим РеМастированным известно об этом, — добавила она сухо, — и мой босс хочет сохранить такое положение вещей.

— Так значит, дело с Новым Дрезденом, по-

слами…

— Я не убирала иностранных послов. — Она резко мотнула головой. — Это входило в план Скотта. Я уже говорила вам о его небрежности, не так ли? Когда дела пошли плохо, когда Москва-Главная взорвалась, он предпринял действия по заметанию грязи под ковер. Он нанял киллеров высочайшей квалификации, один из которых вам известен под именем Свенгали. — На мгновение она показалась очень усталой. — Это, предположительно, и привело вас на борт «Романова», — пробормотала она, глядя в сторону Рашели. Та смотрела на нее с безразличным выражением лица. — Должна добавить, Свенгали больше не составляет для нас проблемы.

— Вам хочется заставить меня поверить в то, что все это действия *одного* негодяя? — спросила Рашель низким, не выражающим эмоций голосом.

— В значительной степени. — Хойст вдруг показалась ужасно старой. — Не стоит недооценивать его: U.Скотт — один из чиновников высшего ранга Внешней Государственной Безопасности. Служба внешней разведки, другими словами. И он планировал государственный переворот. Намеревался захватить Москву и использовать ядерную бом-

бардировку для сдерживания Директората. Он уже задействовал Москву для дестабилизации ситуации на Новом Дрездене посредством торговой войны. Он уже проник в МИД Нового Дрездена — без санкции. И если бы преуспел в этом, то имел бы уже две планеты — основу его карманной межзвездной империи. — Она встретилась взглядом с Фрэнком. — Знаю, что вы думаете о нас. Независимо от того, какого вы мнения о нашей идеологии, мы не сумасшедшие и не самоубийцы. Директорат РеМастированных и в мыслях не держит активизацию межзвездных конфликтов, не говоря уже об их провоцировании. Даже Скотт так работал.

«Она словно пытается убедить саму себя», — понял Фрэнк, совладав с эмоциями. Вовсе не это он жаждал услышать. Он ожидал триумфального самолюбования или, возможно, злорадных признаний. *Но отнюдь не оправданий! Если Эрик решится выпустить такое, это станет публикацией, о какой РеМастированные могли лишь мечтать!* Горшок золота на конце звездной радуги обернулся горшком с дерьмом. И, несмотря на свои высказывания о журналистике как об очковтирательстве, Фрэнк не мог заметить никаких очевидных дыр в ее аргументах. Даже

высвобождение заключенных душ из украденного у Хойст алмаза памяти — каким бы затратным процесс ни был, — вероятно, не дало бы большего эффекта.

Хойст глубоко вздохнула и продолжила свои откровения:

— К счастью, Скотт толкал слишком сильно — так, что отвалились колеса. На Новом Порядке пара тысяч Ubers, не считая обычных людей, которые, видимо, представляют для вас некоторый интерес. Наши популяции в иных мирах очень малочисленны, и если эвакуируем планету, то лишимся результатов полувекового труда. И для нас нет иного пути, кроме как убедить всех московских послов согласиться отменить ядерную бомбардировку. Надеюсь, они узнают правду… Разве для вас это не имеет значения?

Фрэнк, смущенный, кивнул. Он огляделся и ощутил шокирующую всех экспрессию, отразившуюся на солдатах РеМастированных. Беглый взгляд на блондина у стены рядом со Средой сказал ему все. Хойст вывесила перед ними наряд диктатора, но изношенный и потертый: они были явно шокированы ее откровениями. Призрак революции на Новом Порядке много лет тому назад, серый кардинал в центре паутины

межзвездных интриг и убийств обернулись *наладчиком,* который отчаянно пытается *спасти* планету от наследия мегаломаньяка, склонного к геноциду…

— Нужно два кода отмены, чтобы остановить бомбардировщики. У меня есть один, прямо здесь. — Она снова постучала пальцем по ключу. — На станции есть каузальный канал с сетью атаки «Талигент». Ее законсервировали при эвакуации, но связь сохранилась. Я отправила Цурша и Андерса забрать ключ начальника станции — и вот он. Идентификация оборудования, как видите, и все, что нужно, — жетоны. Связь каузальным каналом не разорвать без веской причины, слишком дорога установка.

Вы не представляете, чего нам стоило заполучить код отмены. Нам удалось добыть его у посла на Новом Порядке. Не стоит интересоваться как. Ключ станционного руководителя достался куда проще — этот придурок оставил его в сейфе офиса. — Она повела плечами. — Дипломатический канал находится здесь, в коммуникационном центре. И имеет связь с военной сетью «Талигент».

БИП. Новая почта. «Не сейчас», раздраженно подумал Фрэнк, прежде чем она, мигая, открылась.

От: Среда. Действую. Прости. Он в недоумении посмотрел на нее.

— Что…

— Вам потребуется тот картридж, полагаю? — проговорила с мрачным выражением лица Среда. — А что случится потом?

— Я уничтожу его прямо на ваших глазах. — Хойст кивнула на Фрэнка. — Ты здесь, чтобы засвидетельствовать это. Так же как и в прошлый раз. — Намек на усмешку. — Но без неприятных последствий, которые не были моим выбором, должна добавить. — Следующего взгляда удостоилась Рашель. — Затем я отошлю коды отмены ядерной бомбардировки с консоли руководителя станции, заберу «Романов» с командой и отбуду. Вам придется побыть здесь на станции в холоде и попытаться сохранить всех живыми, пока не прибудет спасательный корабль с Тонто. После того… — Она покачала головой. — Это будет уже не мой департамент.

— Дипломатическая неприкосновенность, — сухим, как кость, голосом произнесла Рашель.

— Вы намерены покапризничать? Даже если в результате погибнет пара сотен миллионов невинных людей? — Хойст смотрела на Рашель сузившимися глазами. — Думаю, нет.

— Можно взглянуть на ключ? — Среда подошла к столу.

— Конечно. — Хойст подняла его и медленно повертела между большим и указательным пальцами, явно наслаждаясь жестом. — Теперь Среда, детка, не будешь ли так добра передать мне картридж…

Освещение замигало. Хойст замерла.

— Матильда, — задумчиво произнесла она, — сдается мне, что мы давно ничего не слышали ни от Джоанны, ни от Степана с Романом. Бери с собой любого из тех, кто есть, — нет, не тебя Франц, ты останешься здесь, — и займись этим пропавшим третьим лейтенантом. Потом разберись, что там с Джоанной и ее ребятами. Похоже, ничего хорошего.

— Есть, босс. — Матильда с недовольным видом направилась к двери, по пути бросив охраннику: — Пойдем, время охоты.

Свет мигнул снова.

— Что, вы полагаете, она делает? — задал вопрос Фрэнк.

* * *

Штефи, насвистывая, поспешно шла к стыковочному тоннелю. Таймер в левом глазу

отсчитывал: *восемьдесят два, восемьдесят один, восемьдесят…* Она перешла на рысь, когда индикатор начал отсчет последней минуты.

Большие пассажирские звездолеты не предназначены для отстыковки от крупных космических станций в случае аварии и уж тем более для отправления без наблюдения портового руководства и экипажа корабля. Надежные зажимы, сохраняющие атмосферу на борту, удерживали стыковочный узел «Романова» вровень с корпусом «Старого Ньюфа», мощь, которая могла быть высвобождена только управляемой разгерметизацией скрепляющих колец. Но «Старый Ньюф» после Инцидента Ноль был переконфигурирован для расстыковки без портовых управленческих команд перед окончательной эвакуацией, а Штефи взяла под контроль жизненный цикл «Романова», как последний офицер, оставшийся на борту. Она задала системам мостика программу к исполнению. Штефи не хотела находиться там, когда контрольный таймер обнулится и начнутся действия.

Основной пандус был уже виден, тоннель уходил вверх к загрузочной палубе станции, огромные герметизирующие двери были еле-еле заметны. Штефи вошла в боковую дверь и быстро

зашагала по главному пути пандуса, серые стены сближались по обе стороны от нее. *Сорок семь, сорок шесть*... Она оказалась рядом с аварийным шлюзом, выпуклая дверь в жесткой переборке около основного тоннеля. Штефи покрутила колесо затвора и вступила в камеру, повернула ее — ручное управление предусматривалось на случай энергетического сбоя — и оказалась в тени больших станционных дверей.

«Слишком близко», — решила она, ослабляя зрительное восприятие. Сумеречный док представлял собой лабиринт жутковато излучающих тепловых дорожек. Огромный золотистый вектор яркости вел из тоннеля к двери главного таможенного поста — возможно, тепловые потери пассажиров, выведенных РеМастированными на борт станции. Но никого не было видно. «Небрежность», — подумала Штефи и шагнула из шлюза к вздымающейся стене одной из станционных спиц, готовясь к исполнению второй стадии своего плана.

Что-то ударило ее в левую руку — очень похоже на толчок небрежного прохожего. Одновременно с появлением сигнала на индикаторе угрозы, глаза Штефи обвели контур открытой двери. Девушка инстинктивно отреагировала, ее авто-

матический пистолет защелкал сам по себе. Из-за силы Кориолиса следы пуль извивались причудливой спиралью по направлению к цели. Оружие обладало функцией сверхкорректировки для компенсации эффекта центрифуги. Следующая пуля просвистела там, где секундой раньше была голова Штефи, потом атаковавший упал. Штефи помчалась вперед изо всех сил, но что-то было не так. Она чувствовала себя сильно потяжелевшей и, когда потянулась за новым магазином, поняла, что левая рука обвисла и потеряла функциональность.

— Черт. — Штефи присела в дверном проеме, сердце колотилось, в морозном воздухе вырисовывался пар от дыхания. Накатывая волнам, пришла боль, от которой девушка слабела. По левой руке стекало что-то липкое. Штефи положила пистолет и правой рукой вскрыла пакет травматического геля, специально полученного из рога изобилия.

— Главное, кость не задета, — успокаивала она себя сквозь сжатые зубы. — Всего лишь мясо…

Гель начал действовать, и на мгновение все стало серым и зернистым. Потом боль несколько стихла, не доводя ее до бессознательного состояния, возвращая способность действовать. Штефи

прислонилась к стене и часто задышала, потом подняла пистолет. «Если останусь здесь, они отследят мой тепловой след, — решила она. — А кроме того…»

Два, один, ноль: отсчет завершен. Раздалось шипение настолько громкое, будто миллион котлов одновременно закипели у стыковочных дверей. Штефи вздрогнула, получив удар по барабанным перепонкам. Со страшным скрежещущим грохотом двери открылись, и «Романов» поплыл в пространстве.

«Получите, ублюдки! — подумала Штефи, хотя изнеможение и боль уменьшили удовольствие от случившегося. — Теперь поглядим, насколько точен этот поэтажный план станции».

* * *

На лице Хойст промелькнуло удивление, когда по палубе прошла небольшая вибрация.

— Все пассажиры в таможенном зале, — сказала она, обращаясь к Францу. — Почему бы тебе не сходить… Сбитый с толку Фрэнк искоса глянул на Среду и выпрямился.

— Что ты…

Среда вытащила из кармана пластиковый цилиндр и протянула его Хойст.

— Владейте и радуйтесь. — В ее голосе промелькнула не только нотка злости, но и нечто триумфальное, что заставило Фрэнка нырнуть на пол и прикрыть глаза, когда девушка передавала цилиндр через стол…

Громкий хлопок сопровождала яркая вспышка.

Среда уже была на полпути к двери, когда горячая влажная волна пронеслась над головой Фрэнка, Пена аэрогеля затвердела почти мгновенно, превратившись в густую мутную смесь с острыми, как ножи, краями. Кто-то под пеленой тумана кашлял и булькал горлом. Оставшийся охранник нырнул в месиво и отчаянно пытался пробиться к Хойст, сдавленную пористой массой, созданной патроном «антитеррор».

Фрэнк перекатился на спину, и перед ним развернулась калейдоскопическая картина: кто-то промелькнул мимо в невероятном прыжке. В поле зрения поднялись и опали огромные тени. Резко оборвался чей-то крик, послышались хрипы. Раздался громкий хлопок еще одного заряда, на этот раз в дверном проеме, и в комнату влетела большая масса пены, заблокировавшая вход и застывающая липкими шипастыми комьями.

Фрэнк ловил ртом воздух. «Я еще жив?» — тупо

подумал он.

— Среда! — позвал он.

— Сохрани это. — Голос Мартина. Стоны шли откуда-то с пола.

— Вы. Фрэнк. Помогите мне. — Голос Рашели, задыхающейся.

«Что не так?» — Фрэнк сел, раздосадованный, что не видел борьбы, и ожидая в любой момент солдатской винтовки в лицо.

— Нам нужно убираться отсюда! — Рашель, полупогруженная в пену, рубила ее пластиковым лезвием, которое она соорудила из жестких лацканов куртки, созданной посредством какой-то разновидности портновской черной магии. Если не установлено таяние, можно было задохнуться.

Охранник РеМастированных лежал на полу, скошенный компактным торнадо ультрафиолетового оптического тазера. Последний, отступник, сидел очень тихо и с тревогой наблюдал за происходящим. По непонятной причине он казался очень спокойным.

— Вы, — с трудом дыша, проговорил Фрэнк. — Помогите.

— Нет. — Тот склонил голову набок, глаза сияли, руки скрещены. — Пусть Поршия задохнется.

— Почему? Не понимаю…

Фрэнк склонился над охранником, обшарил его пояс на предмет ножа или чего-нибудь, чтобы помочь Рашели. Мартин, казавшийся оглушенным, тряс головой, как боксер в нокдауне. «Он в полубессознательном состоянии», — понял Фрэнк, подергав того за ногу. Он сделал двойной захват и перевернул охранника.

— У кого-нибудь есть скотч?

— У меня. — Человек, отдавший Фрэнку кристалл, с трудом ворочал языком. Он медленно поднялся, подождал, пока Рашель осмотрит его, потом так же медленно вытащил из кармана рулон технической ленты, дернул охранника за руки и за спиной перемотал запястья, затем то же самое проделал с коленями. — Я действительно стану счастливее, если вы оставите Поршию умирать, — добавил он неторопливо, повышая голос и глядя, как Рашель, с трудом дыша, откалывает большие куски голубоватой остекленевшей пены, освобождая рот Хойст. — Она прикончила больше людей, чем вы котлет.

— Но если я послушаюсь вас, что это даст *мне?* — Рашель собиралась с силами перед очередной попыткой помочь РеМастированной.

— Она… — Фрэнк замолк, когда Рашель выпря-

милась и покачала головой. Он смотрел мимо нее; Рашель пробилась почти до стены, достаточно, чтобы заметить, как голубоватая пена краснеет.

— Ну и что нам теперь делать?

— Нам… — Блондин оборвал себя на полуслове. — Поршия врет. Врет инстинктивно. Не знаю, правду ли она сказала или нет, но девочка убежала с… с доказательствами. Не знаю, понимает ли она, что делает, но если доберется до коммуникационного центра, где размещен секретный терминал горячей линии с ядерными бомбардировщиками, то сможет разрушить планету. У нее есть ключ. На сей момент мы имеем проблему в виде двенадцати других солдат РеМастированных, в основном охраняющих пассажиров, но по меньшей мере двое из них должны находиться на запасном мостике «Романова». Разве лишь Поршия была права, и тот пропавший офицер…

— Ну так что? — склонился к нему Фрэнк. — Не тяните, черт возьми!

— Поршия отправила другой код в коммуникационный центр. Среда движется туда — она не дура, у нее что-то на уме, — Поршия фактически сказала ей, что отдала приказ убить ее семью. — На какой-то момент блондин обрел такой вид, будто кто-то наступил на его могилу. — Так что

же она собирается делать сейчас?

— О черт. — Мартин покачивался, словно пьяный. — Нам тоже нужно туда. Франц, вы можете подсказать нам, как обойти охрану?

— Попробую. — Блондин посмотрел на него. — Могу я надеяться на поддержку моей петиции о политическом убежище, если сделаю это? И оказать помощь в приобретении тела для одного из насильственно загруженных в кристалл памяти, находящийся у него? — Он кивнул на Фрэнка.

— Вы хотите… *ладно,* да. Полагаю, сумею раздобыть вам убежище. На Земле можете не волноваться о РеМастированных. Они еще очень долго не станут искать дорогу туда. — Рашель встала с красным лицом и все еще тяжело дыша, словно только что пробежала марафон. — Военные усиливающие имплантаты. — Она сумела улыбнуться смотрящему на нее Фрэнку. — Надеюсь, системы коммуникационного центра пока еще выключены…

— Принудительно? — прервал ее Фрэнк. — А могут они засвидетельствовать… э-э… эксцессы, совершенные *ею?*

— Думаю, да. Коммуникационный центр должен работать, хотя бы для эвакуации.

Фрэнк изучал груду голубой пены, которой

Среда заблокировала выход.

— Между прочим, телеметрия, оставшаяся от последней расстыковки, пригодна для визитов кораблей в будущем — вроде «Романова», — таково положение вещей.

— А нам известно, где лайнер? — спросил Фрэнк.

— Насколько я знаю, наш единственный эксперт по планировке данной станции в настоящий момент от нас сбежал с одним из двух кодов, что может уничтожить всех на Новом Порядке. — Франц осторожно положил руку на верхушку пенного сталагмита и потянул, потом пожал плечами: ладонь была красной, когда он разжал ее. — Полагаю, мы попытаемся найти дорогу туда.

— Отослать ей сообщение, — предложил Фрэнк.

Рашель задумалась.

— Не стоит пока. Но она загрузила нам множество местных коммуникационных протоколов…

Фрэнк покрутил кольца.

— Да, карта в режиме он-лайн. Двинули по дороге из желтого кирпича.[32] — Он выглядел взволнованным. — Надеюсь, с девочкой все в

---

32 Примечания: 32

Намек на Ф. Л. Баума «Волшебник страны Оз».

порядке.

Коммуникационный центр представлял собой просторное полукруглое помещение двумя палубами ниже офиса начальника станции. Два подковообразных стола обеспечивали рабочую площадь для трех кресел; полстены занимала диаграмма, описывающая частотные носители, которые составляли сеть каузальных каналов Москвы. «Интерсистема» была малой ее частью — «Старый Ньюф» и некоторые другие станции находились **в** световых годах от Облака Орта. Сеть же показывала те межзвездные каналы, которые проходили через бездну парсеков до соседних миров.

Коммуникационный центр вряд ли мог считаться ядром системы управления, большинство реальных действий производилось в опечатанном серверном помещении этажом ниже, забитом стеллажами с безмолвным оборудованием. Но человеческий менеджмент требовал иерархического контроля, и из этого нервного узла поступали команды мгновенных передач через пространство, запросы домашнему миру и даже директивы к оборонной сети «Талигент».

Плоская стена напротив дугообразной системной карты представляла собой плиту из

армированного алмазного стекла, тройной слой защиты от вакуума. Взгляд сквозь одну из стен спицы уходил в бесконечность. Вокруг одна пустота, мрачное красно-фиолетовое кольцо покрывало полнеба.

Даже после эвакуации помещение оставалось в хорошем состоянии. Но темно, как ночью в пустыне, и холодно, как в морозильнике. Осевшая тонким слоем пыль на рабочей станции и производственных папках. Проходили годы, вращающееся кольцо становилось больше и все приближалось к окну. Затем вернулись люди. Сперва пришли двое солдат, тихие и подавленные перед лицом кричащей пустоты, потом — маленькая смерть, безжалостная и быстрая.

Вытянувшись в канале над комнатой и посматривая вниз через решетку воздушного рециркулятора, Среда на ощупь изучала свой третий и последний заряд. Он несколько отличался от двух предыдущих, и это беспокоило. Внизу кто-то находился, кто-то смутно знакомый. Трудно разглядеть через решетку…

Сволочи! Убийцы. Среда вспомнила Джерма, насмехавшегося над ней, взволнованного отца — у него хватало для этого причин, — Индику, суровую и слегка отрешенную от реальности

мать. Любовь и ярость, печаль и чувство утраты. Среда рассматривала женщину, сидящую спиной к ближайшей подкове. РеМастированные. Девушка достаточно наслушалась о них от Фрэнка, чтобы понимать, кто они такие. Поршия со своей издевательской улыбкой. Среда стиснула зубы от отвращения, из глаз потекли горячие слезы ярости. *О, вы еще пожалеете об этом!*

Она рискнула украдкой глянуть при свете колец на рифленую оболочку заряда. Кнопка активации имела циферблат, но отсутствовал полуоткрытый торец. *Взрывчатка?* Это казалась невероятным: гранаты на космической станции — идея безумная, но исключать ничего нельзя. Среда подрегулировала свою куртку до максимального облегания, натянула на лицо капюшон и запечатала куртку под легинсы, надетые под брюками. *Электронная почта: Герман, что это за хрень?*

Прилагаю изображение. Пальцы дрожали от холода. *Давай ответь…*

БИП. Это импульсно-плавильная граната, тип 20. Радиус поражения — пять метров. Радиус уничтожения — два метра. Электромагнитный импульс минимизирован, тканевая ампутация максимальна. Приложение: инструкция по экс-

плуатации. Что намерена с ней делать?

Электронная почта: Герман, собираюсь расплатиться с ними за маму, папу и Джерма.

Женщина посмотрела на нее, и Среда замерла.

— Лучше спустись вниз, — позвала ее Штефи. Дуло пистолета глядело черным зрачком прямо в лицо. — Не дури.

— Черт, — пробормотала Среда, сдерживая дыхание. И громче: — Это вы, Штефи?

— Твою мать. Привет, вундеркинд. — Дуло не сдвинулось. — Спускайся немедленно. Это приказ.

— Иду. — Что-то подсказывало ей: граната не поможет. Среда обеими ногами дважды сильно ударила по решетке. Та вылетела. Девушка проскользнула в отверстие; при низкой силе тяжести падение казалось вечным. — А если бы я отказалась, вы пристрелили бы меня?

— Да, — ответила Штефи. Ее глаза запали. Сама же она выглядела так, словно не спала несколько дней. Голос звучал удивительно плоско, отсутствовали всякие признаки эмоций.

Среда неловко дернула плечом и протянула руку.

— Смотрите, — сказала она, — я принесла ключ.

— Ключ. — Штефи подтолкнула ее к свободному креслу. — Какая удача, — пробормотала она. — А вам известно, какой это ключ?

— Да, — горько усмехнулась Среда. — Ключ к коммуникационный сети обороны Москвы.

БИП. Почта от Германа: Опасность. Выслушай Рашель.

Среда метнула взгляд на ближайшую консоль. В ней находился ряд идентификационных слотов для ключей, и она смотрелась примитивнее и грубее, чем остальные.

— Думаю, нужна вот эта.

— Хорошее предположение. — Штефи не отводила оружия. — Вставь ключ в слот.

— А?

— Я сказала, вставь ключ в слот. Или я сделаю это за тебя, через твой труп.

— Ладно, ладно, ни к чему так сердиться. — Среда повернулась и вставила ключ, который стянула со стола Хойст. Ее трясло. — Извините, — произнесла она, полностью застегнула молнию на куртке и натянула перчатки. — Холодно, правда?

— Как ты думаешь, для чего кодовый ключ? — мягко спросила Штефи.

— А? Для ввода в бой бомбардировщиков или

отмены атаки. — Среда покачала головой. — Мы говорили обо всем этом. Женщина, начальник РеМастированных… — Она замолчала, испугавшись и резко изменившись в лице: а не работают ли они вместе?

— Продолжай, — устало проговорила Штефи, и Среда, посмотрев на нее, наконец заметила следы травматического геля на левой руке.

— Они врали, — категорически заявила Среда. — Про все. Ядерные бомбардировщики не все нацелены на Новый Дрезден, некоторые — на Новый Порядок. РеМастированные, захватившие корабль, старались остановить их.

— Как интересно. — По лицу Штефи пробежала гримаса боли, когда она протянула левую руку и раскрыла ладонь, показывая два ключа. — Возьми и заполни слоты четыре и восемь.

— Что? — Среда с недоверием уставилась на нее.

— Делай! — рявкнула Штефи. Ствол раздраженно дернулся.

— Делаю, делаю. — Среда поднялась и, осторожно склонившись над Штефи, двигаясь медленно, чтобы не потревожить ее, взяла первый ключ. Вставила его в один из названных слотов. Вслед за этим сразу же загорелся светодиод, и экран под

ключами внезапно замигал. — Твою мать!

— Разрешаю повторить эти слова. — Тень улыбки мелькнула на губах Штефи. — Тебе нравятся РеМастированные, Среда?

— Твою мать! — Среда отвернулась и шлепнула ладонью по ледяной деке. — Вы же прекрасно знаете!

БИП. Почта от Рашели: Среда, что происходит?

— Вот и славно. Повтори ту же операцию с другим ключом.

— Хорошо. — Среда, с бешено стучащим от напряжения сердцем, воткнула ключ в другой из названных свободный слот. Она смотрела на него долгое мгновение. Перед ней внезапно открылись невероятные возможности, беспредельные перспективы. Горизонты силы. Среда так долго была беспомощна, что это стало почти естественным состоянием ее существования. Она взглянула на Штефи, усталую и постаревшую. Даже оружие теперь казалось не слишком значительным. — Не хотите рассказать о ваших намерениях?

— А ты что думаешь? — спросила Штефи. — Они убили Свена, девочка. А Свен был моим партнером. — Ее лицо исказила вспышка гнева. — Я не собираюсь отпускать их просто так.

Корабль отстыкован, чтобы не дать им уйти. Охрана, вставшая на моем пути, перебита. — Она посмотрела на консоль, и ее взгляд задержался на ключах и их светящихся идентификационных индикаторах. — Так что теперь сядь и заткнись.

Среда села и уставилась на Штефи, которая не отводила от нее ствол. Девушку начали терзать сомнения. *Чего же она хочет? Ведь достаточно трех ключей для отправки безотзывных кодов, не так ли?*

— И что дальше? — поинтересовалась Среда.

— На что это похоже? — Штефи аккуратно положила оружие на стол перед собой, рядом с каким-то ящичком. Она приподняла его.

— Не знаю, — осторожно произнесла Среда. — Так что вы хотите?

— Мести. Аудитории. — У Штефи по щекам гуляли желваки. — Чего-нибудь легкомысленного, вроде этого.

— Не понимаю, — покачала головой Среда.

— Ну, можешь получить ответ на свой вопрос. — Штефи держала ящичек перед собой, и Среда увидела, что это какой-то карманный информационный планшет с виртуальными кнопками на поверхности. — Как вы попали сюда? Вас прислали *они?* Посчитали, что передать

мне дополнительный ключ — хорошая мысль?

— Не понимаю, что вы имеете в виду. — Среда неотрывно смотрела на нее. — Я сбежала. Женщина-босс, Херст, или как там ее, захватила меня, Фрэнка и обоих дипломатов в главном офисе станции, когда случилось что-то. Она отправнла половину своей охраны на ваши поиски, а я, я… — У нее участилось дыхание, но она попыталась продолжить.

В глазу вспыхнул световой сигнал.

БИП. Почта от…

Среда прервала работу пересылочного интерфейса.

— Ей нужны были бумаги. Но они находились в полицейском участке станции, а в последний раз, когда я там была, то обшарила оружейный шкафчик и приметила там антитеррористические заряды. Когда же босс РеМастированных стала требовать отдать ей информационный картридж, я схватила ключ и запустила в нее пеной, — на выдохе закончила Среда, глядя Штефи прямо в глаза.

— Прекрасно! — усмехнулась та. — Именно поэтому ты оказалась здесь с ключом оборонной сети?

— Да, — просто ответила Среда.

— А один из бомбардировщиков направлен на мир РеМастированных? — Штефи покачала головой. — Идиоты, — пробормотала она.

С консоли прозвучал музыкальный аккорд.

— Как вовремя. — Штефи повысила голос, нажав на кнопку подключения связи. — Да. С кем я говорю?

— Это Рашель, — сказала Среда.

— Штефи, это вы, — одновременно с ней произнесла Рашель в режиме конференции.

— Да, я. — Штефи прикрыла глаза, не отпуская устройство.

— Вы избавились от корабля? Зачем?

— Хуже от этого не стало. Его планировали использовать РеМастированные, а расстыковка — простейший способ остановить их. Здесь есть частоты — можно запросить помощь. За вами и остальными пассажирами прилетят — и всех заберут.

— У нее ключи! — выкрикнула Среда, побуждаемая как чувством вины, так и злобой. — Они уже в консоли.

— Ах ты маленькая… — Штефи замолчала, взглянула на девушку и сказала в переговорное устройство. — Да, у меня три ключа. И все введены в терминал «Талигент». Слышите?

— Да, — напряженно ответила Рашель.

— Прекрасно. Значит, мы понимаем друг друга.

— Как Среда? — поинтересовалась Рашель. Штефи кивком подала знак.

— В порядке, — отозвалась та. — Просто немного… э-э… смущена. А вы говорите от имени этой некрофилки?

— Она мертва, Среда. В пене невозможно дышать. Вы же запустили ей струю прямо в лицо, — устало произнесла Рашель.

На миг торжество загасило все прочие эмоции Среды. Секундой позже она подумала: «Что со мной происходит?»

— Очень хорошо, — одобрительно заметила Штефи.

— Она это заслужила, — пробормотала Среда.

— Да, думаю, да, — согласилась Рашель. Микрофон отчетливо передал все ее чувства. — Поэтому я вас и вызываю. Похоже, мы победили. РеМастированные не получат корабль, Хойст мертва, половина их группы уничтожена, остальные подчиняются U. Францу, а он намерен перейти на нашу сторону. У вас ключи, *Фрэнк* прямо сейчас составляет эксклюзивный доклад, разоблачающий операции РеМастированных на Москве и

Новом Дрездене. Все закончилось. — Она сделала паузу. — Так почему вы закрылись?

Среда с удивлением посмотрела на Штефи.

— Потому, что вы должны точно выполнять все мои распоряжения, — заявила Штефи самым будничным тоном. Ее лицо побледнело, она держала в правой руке на весу коробочку. — Я контролирую системы наблюдения по всем открытым площадкам. Терминал «Талигент» активирован, и вот этот планшете связан с ним субсетью. Среда может подтвердить, я не блефую. — Она сглотнула. — Забавные вещи можно проделывать с помощью планшета. Если я *уберу* палец с этого экранчика, то выдам сообщение на консоль. Полагаю, вы догадываетесь, что это значит.

— Отправится безотзывный ходовой код? — Среда продолжала пристально смотреть на нее. — Как вы узнали об этом?

Штефи вздохнула.

— Надо было спросить: как я раздобыла ключи? — Она покачала головой. — Тебе не стоило ходить на тот прием в посольстве, детка. Тебя могло поранить.

— Хойст была уверена, что наемник Свенгали. — Рашель прочистила горло. — И у нее есть записи его разговоров с заказчиком.

— С чего вы решили, что Свен одиночка? — Штефи подмигнула Среде, ужасно знакомый взгляд заставил девушку сжаться в кресле. Она почувствовала себя обгаженной.

— Это вы установили бомбу…

— Нет, там был кто-то еще, — задумчиво произнесла Штефи. — Это один из маленьких сюрпризов Хойст. Думаю, ей хотелось убрать меня. Лично я замочила пару других в уюте их собственных дипломатических резиденций. И забрала кое-что из содержимого их персональных сейфов в качестве страховки. — Она приподняла планшет. — Которую мне обеспечивает эта вещь. — Штефи взглянула на Среду. — Можешь ли ты назвать мне хотя бы одну причину *не* передавать безотзывный код?

Среда облизнула губы.

— РеМастированные убили моих родителей и брата, уничтожили мой дом, на случай, если вы не обратили внимания. Они сделали *кое-что* Фрэнку. И вы хотите, чтобы я попросила вас не уничтожать их?

Штефи изумилась.

— Устами младенца, — сказала она в микрофон. — Теперь *ваше* предложение, Рашель.

— Позвольте мне вернуться к разговору че-

рез минуту. — Рашель была взволнована. — Вы не вмешивайтесь, Среда. Помните, лишь один ядерный бомбардировщик направлен на мир РеМастированных. Остальные идут на Новый Дрезден. Подумайте, прежде чем снова откроете рот.

— Даю пять минут на переговоры с начальством, — объявила Штефи. — Можете обсудить и мои финансовые мотивы заодно. — Она дернула выключатель на консоли и выгнула бровь. — Ты *действительно* хочешь, чтобы я уничтожила обе планеты?

— Не уверена. — Среда задумчиво смотрела на картину за окном.

Огромный виток красно-фиолетового газа, через который пробегали радиальные голубые пики, медленно перемещался на черно-бархатном фоне с немигающими иглами миллионов звезд. *Фрэнк жив, а Хойст нет. Можно ли меня в чем-то обвинить? Могу просто объяснить самозащитой от пиратов.* Небесное кольцо медленно вращалось, светящийся кладбищенский маркер протяженностью в миллион лет и больше. *И Фрэнк тоже ненавидит их.* Но потом Среда подумала о Новом Дрездене и людях, которые пережили уничтожение собственной планеты,

превратившись в призраков. Суетящиеся детишки в обычном мире. Голубые небеса и высокие строения.

— Полагаю, я слишком малозначительна для принятия такого решения, — заявила она. — И не знаю, кто имеет право решать. Я рада смерти убийц. Но винить всех стоящих за ними, всю их цивилизацию…

Среда умолкла, заметив тень недовольства, пробежавшую по лицу Штефи, и заставила себя пожать плечами. *Главное — не показаться ей опасной.* Ее сердце забилось сильнее, а ладони вспотели. Она медленно поднялась и, не услышав возражений Штефи, подошла к окну. Дождавшись, когда солнечная туманность исчезнет из виду, ничего не оставив, кроме россыпи звезд в черноте, девушка активировала в кармане панель управления одеждой. Куртка обтянула тело, пояс наглухо обжал легинсы под шелковыми брюками. «Черное на черном фоне», — подумала Среда, делая глубокий вдох. Запустив руку в волосы, она тайком отвела перемычку, удерживающую капюшон, спрятанный внутри воротника куртки, и развернулась лицом к Штефи.

— А чего хотите вы? — спросила она настолько спокойным голосом, насколько смогла.

Штефи хохотнула глубоким неприятным смешком.

— Я *хочу*... э-э... пятьдесят миллионов в облигациях на предъявителя, яхту со способностью независимого прыжка и несколько заложников, которых я отпущу только перед тем, как исчезнуть, о, и голову этой сучки на подносе в качестве приза, вместе с головами парней, убивших Свена. *Его* уже не вернуть. Ты что же думаешь, дитя, мы участвовали в этом во благо наших душ? — Она выпрямилась в кресле. — Вы еще слушаете, Рашель?

Отозвался Мартин.

— Она пытается разыскать, с кем можно поговорить на Земле, — неуверенно сказал он. — Они требуют идентификации, прежде чем она сможет доложить о ситуации.

— Чушь! — фыркнула Штефи. — Даю час, не больше. По окончании срока, если не услышу нужных слов — можете на прощание поцеловать и Дрезден, и Новый Порядок. Если ответ «да» — сообщу, как передать мне облигации, и мы обсудим следующий шаг, а именно, транспорт. Терминал «Талигент» остается при мне — это каузальный канал, вы знаете, он рассогласуется сразу после прыжка, но потом вам станет извест-

но, где я. — Вид у нее был задумчивый. — Как первый шаг, думаю, можете принести мне голову Хойст и убившего Свена подонка. Отдельно от тел. Знаю, это не соответствует вашим представлениям о юморе, но лично я хочу быть уверенной в их смерти.

Среда с отвращением наблюдала за ней. «Возможно, это традиция? — думала она. — Но когда подобное становится обыденным, можно превратиться в чудовище. — Она нервно посмотрела в окно. — Похоже, я знаю тебя. — Перевела взгляд выше и вбок. — Коммутаторы, реактивация», — приказала она имплантатам.

БИП. Среда, пожалуйста, ответь. Это была Рашель.

Я слушаю. Кто такая Штефи? Реально.

Ответ занял несколько секунд. Среда прислонилась к стене около окна, экспериментируя с управлением текстурой на спине куртки, определяя, насколько липкой она может стать, не теряя структурной целостности. Нашлась некая установка, называемая «лапа геккона», оказавшаяся довольно интересной».

Что могу сказать, другое ее имя — Миранда Хачатурян. Гражданка Нового Курдистана, последний раз ее видели одиннадцать лет назад.

Длиннющий список преступлений. Разыскивалась в связи с обвинением о вооруженном разбое, потом исчезла.

— Штефи, — нерешительно спросила Среда, — зачем вы делаете это?

БИП. Среда, ты в порядке? Нужна помощь? Фрэнк.

— Зачем? — На мгновение Штефи приняла озадаченный вид. — Это все деньги, детка.

«Люблю», — ответила Среда Фрэнку, одновременно просмотрев следующее сообщение.

— И вы отправите безотзывные коды бомбардировщикам, если не получите требуемое?

— Ты сама знаешь, — усмехнулась Штефи.

Среда кивнула, поспешно формируя следующую реплику.

— А вам не приходит в голову, что в этом есть что-то *неправильное?*

— Почему? — Штефи посмотрела на нее. — Вселенная не обязана меня содержать, а кушать хочется, детка. Придет и твое время вырасти и начать собственную историю.

«Сундучок закрыт», — послала сообщение Среда.

— Полагаю, вы правы, — произнесла она, изо всех сил прижимаясь к стене и устанавливая

липкость на максимум, затем выбросила вперед правую руку и исподтишка швырнула Штефи гранату. — Эй, лови!

Левой рукой Среда сильно дернула воротник, натянув капюшон на голову и запустив у куртки режим «проколотой шины». И стала ждать смерти.

Грохот был настолько силен, что ощущался как удар в живот. Хлопок по ушам оставил в голове звон. Долей секунды позже грохот раздался вновь, потом — грандиозное *пш-ш-ш,* словно чихание огромного динозавра. Гигантскими щупальцами левиафан пытался отодрать Среду от стены; она чувствовала руки и ноги болтающимися в смерче.

Что-то сильно ударило девушку, пронзив раскаленным добела гвоздем боли правую лодыжку. Среда пыталась закричать. Уши были переполнены глубокой тупой болью, от которой хотелось воткнуть в них лезвия ножей и выковырнуть источник боли. Шум стал стихать, станционные системы перекрывали экраном разрыв. Специальная оболочка изолировала капюшон, в него начал поступать воздух из полостей куртки. Зрение прояснялось.

Среда с трудом вдохнула и попыталась сдви-

нуться. Затем вспомнила, что нужно отклеиться. В помещении — полнейший беспорядок, но никаких признаков присутствия Штефи, равно как и обоих кресел у консоли и половины стеллажей, загромождавших отсек. Снежный буран: здесь хранились важные инструкции в бумажных подшивках, а взрыв и последующая декомпрессия разорвали их в клочья и разбросали повсюду. Но окно…

Среда выглянула через острые стеклянные ножи в бездну сорока триллионов километров, в бездну воспоминаний и холода. В ответ из-под немигающих век на нее пристально смотрел красно-зеленый зрачок, кладбище разрушенной звезды. Она едва оторвалась от этого зрелища и стала аккуратно пробираться через обломки к терминалу «Талигент», валявшемуся на боку и еще связанному с декой переплетением крысиных хвостов кабелей. Среда наклонилась над ним и осторожно вытащила ключи. Потом подошла к окну и обдуманно выбросила один из них в бездну. Остальные спрятала в карман — в конце концов, они могут пригодиться дипломатам с Земли.

Когда убрала последний ключ, высветилось послание Рашели.

Срочно! Среда, пожалуйста, ответь! Ты ранена? Помощь нужна?

Среда, проигнорировав его, принялась искать аварийное шлюзовое снаряжение. На ответ просто не было времени: скорее всего запаса кислорода хватало лишь на то, чтобы добраться до шлюзового снаряжения, позволяющего вернуться на жилую территорию за герметичной переборкой. Следует соблюдать очередность приоритетов, на что указал ей много лет назад Герман в одиноком холоде тьмы вдали от звезд.

С другой стороны стены ее ждали друзья: Мартин, помогавший ей прятаться, Рашель, научившая, как поступать в трудной ситуации, и Фрэнк, значивший для нее больше, чем она осознавала. Они были там, чтобы помочь ей в последний раз попрощаться с домом. И она повернулась спиной к железному восходу.

ЭПИЛОГ
ДОМАШНИЙ ФРОНТ

Дом: они словно оказались в незнакомом месте, вроде номера отеля на отдаленной планете. Рашель вошла в холл и сбросила рюкзак, устало моргая: было еще три утра по бортовому времени «Глорианы», пусть и два пополудни здесь, в Женеве. Резкий переход от стокилосекундных дипломатических часов обратно к территориальной временной зоне создал серьезное нарушение суточного ритма. Сзади громко зевнул Мартин.

— Ну и как тебе? — поинтересовался он.

— Все на месте. — Она устало провела пальцем по буфету.

В соседней комнате что-то зажужжало: или домашний пылеуловитель требовал смены фильтра, или робот-уборщик шевелил поврежденным коленным шарниром.

«Пожалуйста, не сжигайте все дотла во время нашего отсутствия».

Рашель посмотрела на настенную панель, расцвеченную красным, что сигнализировало о просроченных платежах.

— Действительно, надо бы раздобыть приличного агента, которому при трехмесячном отъезде достаточно краткого уведомления. В прошлый раз, когда я надолго уезжала, они выслали полицейский наряд, чтобы выбить дверь, на случай, если я умерла или нечто в этом роде.

— Ты не умерла. — Мартин снова зевнул и позволил передней двери закрыться. — Я не умер, но чувствую, что уже в пути…

За три месяца накопилась чудовищная задолженность в решении обыденных текущих задач, но Рашель не имела сил предстать перед ними сразу.

— Слушай, я иду в душ, потом спать, — заявила она. — Хочешь, не ложись и закажи что-нибудь поесть, будь моим гостем. Или проверь счета. Но это может подождать и до завтра. Верно?

— В яблочко. — Мартин пожал плечами и прислонил большой чемодан к стене, рядом с ужасной деревянной статуей пророка Иосифа Смита, которую Рашель приобрела в какой-то марокканской касыбе несколько лет назад. — Мне нужно отправить сообщение Среде, узнать, как у них с Фрэнком дела, но первое — кровать.

— Да. — Рашель пошлепала к мезонину, на ходу сбрасывая сандалии и одежду, с благодарностью

отмечая, что домашняя автоматика сменила белье и освежила удобства. *Дом, милый дом, безопасный. Наконец.*

После напряженных недель противодействия параноидальным устремлениям РеМастированных, это казалась слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Рашель возвращалась в сознание медленно, ощущая пульсирующую головную боль и тошноту. В сочетании с ноющими мышцами ног, сбитым постельным бельем и огромным раздражающим чувством истощения, наполнявшим тело, будто его накачали наркотой, это отнюдь не бодрило. «Порой разрабатывают лекарства, восстанавливающие сбитый временной режим, которые действительно помогают, — подумала она, прежде чем пришла какая-либо иная мысль. — А где Мартин?»

— О-о, — простонала она, приоткрывая глаза. Мартин сидел на кровати и сосредоточенно наблюдал за ней.

— Проснулась? Я проверяю почту, и у нас проблема.

— Дерьмо! — Рашель тотчас пришла в себя, измотанная, но болезненно осознающая, что ее задело. — Что еще?

— Насчет встречи, которая, по твоему мнению, должна состояться сегодня позднее. Я едва не упустил это — в домашнем распорядке она помечена как малозначимая. Что это? — Мартин прищурился на экран, глядя на двери гардеробной. — Что-то связанное с финансовым надзором за «Досугом и культурными связями»? — спросил он с недоуменным видом.

— Дерьмо в квадрате! — Рашель охватило отвратительное чувство *дежа ею,* когда она попыталась сесть. — Который час?

— Два пополудни. — Мартин зевнул. — Позволь передать тебе это.

Рашель быстро прочла.

— Департаментский аудит, — кратко сообщила она. — Мне нужно срочно в главный офис.

— Я думал, ты разобралась с этой белибердой.

— Я? Меня здесь не было. Думаю, ты и сам мог это заметить. — Она нахмурилась. — Поставь лисицу руководить курятником, так кажется? Интересно, выяснили мои источники что-нибудь о ней… — Изнуренная, с туманным взором Рашель вызвала пару поисковых агентов, обрабатывающих ее почту — оба общественных адреса и пару очень анонимных приватных. — Похоже, эта задница погнала волну на «Досуг». С той поры, как я

пропустила какое-то аудиторское расследование шесть недель тому назад, она умудрилась выдвинуть против меня обвинение за невыполнение обязательств. Она узнала, что я уже появилась в городе, и дала ход обвинению в уголовном преступлении за растрату, или злоупотребление фондом, или что-то равноценно незаконное. Она проводит совет по расследованию уже сейчас, и если меня там не окажется…

— Я вызову тебе гондолу. — Мартин уже вскочил с кровати. — Есть идея, что она может иметь против тебя?

— Не знаю. — Рашель замерла. Поиск прекратился, на первый план выдвинулось нечто новое и тревожащее. — Оп-па! Наехали на главный офис.

— Главный офис?

— «Черную Камеру». Не «Досуг и культурные связи». Им не нравятся ее копания. — Рашель начала улыбаться. — «Остановите ее», говорят они. Но не говорят, как.

На лице Мартина промелькнуло выражение беспокойства.

— Ты ведь не собираешься слишком резко реагировать?

— Резко реагировать? — Рашель выгнула

бровь. — Эта сучара возжелала вышвырнуть мою задницу, пыталась помешать особой операции и состряпает мне уголовное дело, и я же еще слишком резко реагирую? — Она остановилась перед гардеробом. — Нет, я клянусь резко реагировать… но без кровищи на ковре.

Мартин уставился на нее.

— Я не ослышался? Ты намерена ее уничтожить?

— Естественно. Хотя не думаю, что мне придется применять силу. Но и хитрость не мой метод. Я поклялась не в этом тридцать секунд назад. — Рашель передвинула трансдермальный пластырь на внутреннюю сторону левого локтя. Ее взгляд обратился к большому ящику у двери ванной, набитом вещами, привезенными из круиза на «Романове». Постепенно она начала улыбаться. — Мне нужно сделать пару звонков. Это будет забавно.

Территория штаб-квартиры Объединенных Наций за время отсутствия Рашели внешне не изменилась — тот же самый неоклассический небоскреб из стекла и стали, грозно нависающий над каменными артериями и причудливыми куполами Женевы, те же большие статуи основателей, Отто фон Бисмарка и Тима Бернса-Ли,

установленные на площади. Рашель, напряженно оглядываясь, вошла в вестибюль. За богато украшенным приемным подиумом стоял охранник и приветствовал входящих. Рашель кивнула ему и уверенно прошла к антикварной лифтовой площадке. «Удивительно, как Джордж с этим справляется? — спрашивала она себя, когда раздвинулись двери. — Разгребать последствия инцидента с Новой Москвой — та еще головная боль».

Досье на Мадам Председательшу, загруженное в почтовой ящик, — согласно информации, поступившей за время отсутствия Рашели, — было само по себе более чем интересным, но обладало к тому же волнующим подтекстом. Восходящая звезда, возникшая из ниоткуда, быстро продвигалась по служебной лестнице: конкуренты публично отрекались от должности, или с позором уходили в отставку, или с ними происходили несчастья. Все это было слишком плотоядно для обычно сдержанных Объединенных Наций. Иметь начальника-монстра — вроде как самому стремиться к поднятым ей неприятным вопросам всех видов. Особенно если начинаешь задумываться, откуда она взяла деньги на приобретение большого дома на берегу озера…

Досье — не единственная вещь, которую Рашель обнаружила в своем почтовом ящике, когда проводила поиск. Формальное извещение о совете по расследованию, доставленное этим утром с расписанием послеполуденных слушаний, было совсем не тем, что ожидаешь найти среди счетов — нет, его должны были передать ей по телефону с пометкой «приоритетное». Рашель задержалась у входа в зал, где заседала комиссия, примеряя на лице осторожную улыбку, потом открыла дверь.

— …не показала признаков согласия в соответствии с определенными административными распоряжениями, несмотря на предупреждения, сделанные четыре месяца, три месяца и самое недавнее два дня назад. — Докладчик прервался. — Да?

Рашель улыбнулась.

— Привет, Гильда.

Мадам Председательша сидя выпрямилась и уставилась на нее. Двое мужчин-подпевал по обе стороны от нее, секретарь-стенографист, серые личности, приглашенные свидетельствовать, последовали ее примеру.

— Извините за опоздание, но если бы вы действительно хотели меня вызвать, то могли бы отправить мне повестку напрямую, а не маски-

ровать ее под счет из прачечной.

— Здравствуйте, *Рашель.* — Мадам Председательша холодно улыбнулась. — Мы обсуждали вашу пренебрежительную позицию к ведомственным процедурам. Замечательно, что вы продемонстрировали нам пример этого.

— Правда? — Рашель осторожно прикрыла за собой дверь и обернулась лицом к залу.

— Вы Мансур, да? — начал аудитор. — Мы проводим слушания по вашему делу уже несколько недель. — Он напыщенно постучал пальцем по своему планшету. — Ничего хорошего это вам не сулит. А что вы можете сказать?

— Я? О, немногое. — Рашель усмехнулась. — Но *она* хорошо знает, что мне оправдываться не в чем.

— Я так не думаю… — Мадам Председательша — само раздражение с поджатыми губами. — Мы собираемся принять решение о вашем временном отстранении до полного расследования нарушений вашей отчетности…

Рашель вытянула руку.

— Нарушение отчетности — это палка о двух концах, — небрежно произнесла она.

— Я… — Спокойствие покинуло Мадам Председательшу. — Это что, какая-то шутка? — требова-

тельно спросила она.

Рашель покачала головой.

— Никаких шуток. — Она окинула взглядом подпевал. — Вам ведь не хочется быть втянутыми в это грязное дело?

— Не уверен, что понимаю. — Взгляд одной из серых личностей метался между Рашелью и Мадам Председательшей. — О чем вы говорите?

Рашель ткнула в него пальцем и подняла телефон.

— А, доктор Пульман. Мои извинения. Я понимаю, что она не сообщила вам, чем я занимаюсь.

— Чем вы… — Серая личность, Пульман, на мгновение смутился. — Что вы имеете в виду?

— Я «Черная Камера». На балансе «Досуга» исключительно для прикрытия дипломатических расходов. Возникает вопрос: зачем Гильде вынюхивать мои рабочие ассигнования, словно она за них отвечает?

— А-а. — Пульман задумчиво кивнул. *Хорошее бесстрастие.*

Пульман скрестил руки на груди.

— Интересно.

Подпевалы начали беспокойно ерзать.

— Послушайте, я не думаю, что это имеет отношение к делу вашего табельного учета, — начал

один из них.

— Имеет, — спокойно ответила Рашель. Она посмотрела на Мадам Председательшу. — Поскольку вас не предполагалось информировать о внутренних фондовых договоренностях «Черной Камеры», боюсь, я должна вас арестовать.

— Что? — напряглась Мадам Председательша. — Вы не можете этого сделать. Вы не относитесь ни к одной известной тайной службе.

— Но это так. — Улыбка Рашели стала шире. Она подняла руку и проверила телефон. — Кстати, знаете что? Вам не следовало так упорствовать. Это не очень умно, Гильда. Кое-кто задался вопросом о вашей добросовестности: ведь вы не единственная, кто может выискивать недостатки в расходах. Я убеждена, что ваших коллег очень заинтересует, откуда вы взяли деньги на покупку особняка под Севастополем. Забавно, куда ведет след. Привилегий, согласно вашему контракту по найму, не обнаружилось. Но чего мы действительно не ожидали, так это что вы уведете средства из фонда на непредвиденные обстоятельства, предназначенные для «Черной Камеры», в свой карман.

— Что за чушь? — Явно выведенная из равновесия Гильда вскочила на ноги. — Вы пытаетесь

отвлечь внимание от собственных преступлений. Это откровенный шантаж…

Рашель повернула одно из колец. Дверь сзади открылась, и из вестибюля появилась женщина-полицейский.

— Вот она, — указала Рашель на Мадам Председательшу. — Она полностью в вашей власти.

— Вы не смеете! — Гильда отступила к окну. — У вас нет оснований!

— Есть. — Полицейская щелкнула снизу по козырьку фуражки и устало посмотрела на нее. — Вы Гильда Морген-штерн? Я инспектор Роза Макдугл. Четвертого февраля сего года здесь состоялось заседание с участием Рашели Мансур. Вы препятствовали ее уходу, не так ли? Хотя ее вызвали на спецоперацию? Разве вам не пришло в голову, что это наказуемое по закону правонарушение? Как можно противодействовать офицеру по обезвреживанию бомб во время дежурства?

Миньон Номер Два смотрел на своего босса со скрытым ужасом.

— Гильда, это действительно…

— Заберите ее и посадите, — сказала, качая головой, Рашель. — Я займусь другими материалами позже. — Она взглянула на аудитора, Пульмана. — Вам не захочется впутываться в

это.

— Сука! — Мадам Председательша обошла свой стол, вся шуршащая шелком и шипящая купоросом. — Я тебя…

— Сейчас же прекратите, — предупредила Макдугл.

Рашель бросила взгляд на инспектора, едва отметив обозленную Гильду, поднимающую руку, и протестующие жесты подпевалы слева, как у нее мелькнула неожиданная мысль. *Наживаться за счет фондов «Черной Камеры», собирать информацию в области нашего поля деятельности, приобрести особняк рядом с Севастополем, работать в «Досуге и культурных связях» — здесь нечто большее, чем просто хищение.*

Рашель напряглась, когда Мадам Председательша указала на нее трясущимся пальцем.

— Мошенница! — резко выкрикнула она. — Знаю я ваш тип! Присосалась к фондам дипкорпуса для поддержки собственных коррупционных схем, а потом объявляет, какая она защитница общественных интересов. Вы просто еще одна пешка Эсхатона! И я могу доказать…

О черт! Рашель очень *быстро,* рассекая воздух, как патоку, схватила Розу и резко оттолкнула ее от Гильды. Зрение обострилось — имплантаты

внесли свою долю. *Я знаю, где слышала подобное, причем недавно…*

— Эй! — запротестовала инспектор Макдугл, отступая назад. С другой стороны стола с выражением удивления начал подниматься из кресла Пульман, когда Гильда с искаженным от ярости лицом вытянула вперед руку с металлическим цилиндриком, зажатым в пальцах. Она бросилась к Рашели, держа устройство перед собой.

Теряя равновесие, Рашель попыталась увернуться, но даже при усиленных имплантатами рефлексах существовал предел ее возможностям. Она задела край стола, падая на пол, и увидела, как Мадам Председательша, Гильда, одержимая бюрократка, нацелила орудие РеМастированных прямо на нее.

Первый выстрел удивил Рашель, равно как и нападавшую. Гильда дернулась назад с широко раскрытыми от удивления глазами, когда из ее спины вылетели красные брызги. Второй выстрел — и Рашель, рухнув, успела вовремя перевернуться, чтобы увидеть направленный на женщину пистолет Макдугл.

«Это очень скверно, — поняла Рашель, ощущая внутри пронзительные колики ужаса, но тут время вернулось назад, в фокус, и она больно

ударилась о ножки стола. — Если *они* здесь…»

— Боже мой, — с пепельным лицом произнес Пульман. — Это было действительно необходимо?

— Да. — Макдугл изысканно выругалась и опустила пистолет. — Послушайте, вы. В этом помещении есть камера, не так ли? Я хочу немедленно отправить запись на контроль как улику. — Она глянула вниз, на рекордер ствола ее пистолета, и глубоко вздохнула. — Вместе со снятой отсюда информацией.

— Вы ее убили! — Миньон Номер Один, охваченный ужасом, сидел прямой как стрела. — Она не смогла… — Он умолк.

— Загрузите их всех, будущий бог узнает свое сам, — мрачно сказала Рашель, вставая на ноги. — Слышали когда-нибудь от нее такое?

— Нет… — Миньон Номер Один посмотрел на Миньона Номер Два, не шевельнувшегося с тех пор, как Гильда встала из-за стола. Из угла его рта свисала нитка слюны. — Что случилось? Что вы сделали с Алексом?

— Ау! В чем дело? — спросила Роза. — Это еще что за фигня? — Она указала на невральный шприц, наполовину выкатившийся из-под стола. Рашель сначала посмотрела на него, потом на

инспектора. Макдугл сохраняла нормальное выражение лица, но руки ее тряслись, а сама она напряглась.

— Кое-что из дерьма, с которым я работала, последовало за мной домой. — Рашель сжала пальцы и торопливо начала подстройку колец. Нахмурившись, взглянула сперва на Розу, потом на других членов комиссии. — Мы все вляпались. Давайте надеяться, что она была изолированным больным.

— Больным *чем?* — осведомилась Макдугл.

— Вам необходимо проверить ее генетическую карту на предмет убийства Морин Девис из дипкорпуса примерно шесть месяцев назад. — Рашель осознала, что тяжело дышит. — А также всякого, кто посещал ее дом в течение года. Коллег, друзей, всех. Ее группа обладает полномочиями.

— Какая еще группа? — Роза прищурила глаза.

— РеМастированные. — Рашель повернула кольца. — Джордж? Хорошо, сообщение. — Она дождалась окончания заставки голосовой почты. — Обнаружен подозреваемый в убийстве Морин Девис из московского посольства. — Рашель сделала паузу. — Они здесь. Ячейка. Проникли к нам. — Она нахмурила лоб. — Возможно,

уклонистская фракция. — Рашель обратилась к Макдугл. — Вы сможете выяснить, содействовала ли она продвижению женщины по имени Штефи Грейс, известной так же как Миранда Хачатурян? В последний год или около того.

— Вы говорите, это имеет отношение к убийству? — спросила Макдугл, открывая дверь охране здания, и жужжащий рой интереса ворвался в помещение.

— Более чем к одному, — угрюмо произнесла Рашель. — И они до сих пор происходят.

«Что с нами станет?» — подумала она безрадостно и на мгновение страстно пожелала ясно-очерченной уверенности безумца с домашней ядерной самоделкой. Но что-то говорило ей, что это не остановить жалом полицейской осы — это лишь начало.

А снаружи — за сотни световых лет отсюда — продолжал разгораться Железный Рассвет, в своей тиши и смертельном великолепии устремляясь к Земле, окутанной уютной тьмой.